

НАУКА – ШКОЛЕ: ЧЕРЕЗ БИБЛИОТЕКИ – В БУДУЩЕЕ!

А.В. Соколов

БИБЛИОСФЕРА И ИНФОСФЕРА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Профессионально-мировоззренческое
пособие

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ШКОЛЬНОГО БИБЛИОТЕКАРЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
«ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»
В помощь педагогу-библиотекарю

Серия 1
Выпуск 6

ББК 78.0(2Рос)
С59

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

Соколов А.В. Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России. Профессионально-мировоззренческое пособие / Аркадий Васильевич Соколов. – М.: Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА), 2016. – 384 с. – (Профессиональная библиотека школьного библиотекаря : Приложение к журналу «Школьная библиотека» : Серия 1 ; вып. 6). – В помощь педагогу-библиотекарю. – ISBN 978-5-91540-131-9.

Главное противоречие техногенной цивилизации заключается в стремительном возрастании технической мощи и духовном обнищании культуры информационного общества. Для того чтобы научно-техническое могущество служило во благо, а не во вред России, нужно востребовать знания и мудрость российской интеллигенции, сосредоточенные в библиотечно-информационных ресурсах библиосферы. Ключевая роль здесь принадлежит профессионалам книжного, библиотечного, библиографического дела.

Однако учебные планы библиотечных и редакционно-издательских учебных заведений приоритетно ориентированы на овладение технологическими компетенциями, а не на формирование профессионального мировоззрения. Поэтому молодые специалисты не представляют эволюцию российской библиосферы и направления развития инфосферы, не могут оценить поучительный опыт их взаимодействия в культурном пространстве.

Они не в состоянии судить о перспективах книжности, библиотек, библиографии в постиндустриальном обществе, где им предстоит жить и трудиться.

Особенность данного пособия заключается в интегрировании родственной проблематики библиотековедения, библиографоведения, информатики, книговедения, культурологии и некоторых других научных дисциплин для обеспечения целостности и многосторонности профессионального мировоззрения. Оно адресовано не только педагогам и учащимся библиотечно-информационных и книжных учебных заведений, но и практикам книжного и библиотечно-библиографического дела, озабоченным будущим своей профессии. Учебное пособие профессионально-мировоззренческой направленности и интегрально-межотраслевого жанра создается впервые в нашей стране.

На 1-й обложке использована работа художника Олега Высоцкого www.artstudio.ee «Древо Мировое» из цикла «Дыхание космоса»

© ООО «ИД Луч», 2016
© РШБА, 2016
© А.В. Соколов, 2016

А.В. Соколов

**БИБЛИОСФЕРА
И ИНФОСФЕРА
В КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИИ**

**Профессионально-мировоззренческое
пособие**

*Посвящается
Русской школьной
библиотечной ассоциации.*

Автор

Москва, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление. Времена великих перемен / 9

1. Проявления кризиса библиосферы / 10
2. Причины кризиса библиосферы / 18

Глава 1. Понятие о культурном пространстве / 21

- 1.1. Культурное пространство в контексте концепций культуры / 23
 - 1.1.1. Социоатрибутивная концепция / 24
 - 1.1.2. Духовно-смысловая концепция / 25
 - 1.1.3. Коммуникационно-семиотическая концепция / 26
 - 1.1.4. Гуманистическая концепция / 27
 - 1.1.5. Трансцендентная концепция / 28
- 1.2. Исчисление коммуникационных ситуаций / 30
 - 1.2.1. Микрокоммуникация / 36
 - 1.2.2. Мидикоммуникация / 39
 - 1.2.3. Макрокоммуникация / 44

Глава 2. Русская интеллигенция и книжная культура / 47

- 2.1. Понятие об интеллигенции / 51
 - 2.1.1. Лексикография русской интеллигенции / 51
 - 2.1.2. Формулы интеллигентности и интеллектуальности / 58
 - 2.1.3. Сказание об академике Д.С. Лихачеве / 66
- 2.2. Сущность и магия Книги / 76
 - 2.2.1. Сущность Книги / 76
 - 2.2.2. Магия Книги / 82
- 2.3. Библиотечная интеллигенция / 86

Глава 3. Культурно-исторические эпохи русской книжности / 93

- 3.1. Поколения библиотечной интеллигенции / 96
 - 3.1.1. Демографические и социально-культурные поколения / 96
 - 3.1.2. Хронология поколений библиотечной интеллигенции / 99
- 3.2. От Древней Руси до Серебряного века / 102
 - 3.2.1. Эпоха рукописной книжности / 102
 - 3.2.2. Эпоха мануфактурной книжности / 107
 - 3.2.3. Эпоха досоветской индустриальной книжности / 127
- 3.3. Библиосфера в железных объятиях тоталитаризма / 162
 - 3.3.1. Основы тоталитаризма / 163
 - 3.3.2. Практика тоталитаризма / 166
 - 3.3.3. Героическое поколение советской интеллигенции / 170

Глава 4. Теоретические проблемы библиосферы / 185

- 4.1. Синкретическая наука о книге / 187
 - 4.1.1. Европейское Просвещение и книгоцентризм / 187
 - 4.1.2. Зарождение науки о книге в России / 191
 - 4.1.3. Раздвоение библиографического кредо / 194
 - 4.1.4. Дезинтеграция синкретической науки о книге / 198
- 4.2. Понятие и структура библиосферы / 204
 - 4.2.1. Системность библиосферы / 204
 - 4.2.2. Научная дефиниция понятия «библиосфера» / 207
- 4.3. Функции библиосферы / 209
 - 4.3.1. Функция как общенаучная категория / 210
 - 4.3.2. Функциональный подход в библиотековедении / 212
 - 4.3.3. Функциональный подход в библиографоведении / 216
 - 4.3.4. Функциональный подход в книговедении / 219
 - 4.3.5. Сущностные функции библиосферы / 222
 - 4.3.6. Прикладные функции библиосферы / 224
- 4.4. Приоритеты библиосферы / 226
 - 4.4.1. Ленинский принцип партийности / 227
 - 4.4.2. Социалистическое библиотековедение / 228
 - 4.4.3. От принципа партийности к принципу самоуправления / 236
 - 4.4.4. Политические приоритеты XXI века / 241

Глава 5. Формирование отечественной инфосферы / 245

- 5.1. Зарождение российской инфосферы / 248
 - 5.1.1. Информационный кризис и кибернетика / 249
 - 5.1.2. Информация как метафора / 254
 - 5.1.3. Интерпретации понятия «инфосфера» / 264
- 5.2. Исторические этапы развития инфосферы / 269
 - 5.2.1. Механистический этап / 269
 - 5.2.2. Логико-лингвистический этап / 271
 - 5.2.3. Системный этап / 275
 - 5.2.4. Государственный сетевой этап / 278
- 5.3. Библиотека и информация / 279
 - 5.3.1. Раздвоение советской библиосферы / 279
 - 5.3.2. Информатизация библиотек / 282
 - 5.3.3. Концепции соотношения библиосферы и инфосферы / 285
 - 5.3.4. Система информационных наук и библиотековедение / 287
- 5.4. От инфосферы – к информационному обществу / 295

Глава 6. Интернетосфера как культурное пространство / 299

- 6.1. Понятие об интернетосфере / 301
- 6.2. Интернет как универсальный социально-культурный канал / 305

- 6.2.1. Интернет – канал микрокоммуникации / 307
- 6.2.2. Интернет – канал мидикоммуникации / 313
- 6.2.3. Интернет – канал макрокоммуникации / 316
- 6.3. Интернет как призыв гуманизма и вызов мирового зла / 322
- 6.3.1. Микрокоммуникация / 323
- 6.3.2. Мидикоммуникация / 326
- 6.3.3. Макрокоммуникация / 329

Глава 7. Вызовы информационного общества / 333

- 7.1. Глобализация и идентичность нации / 335
- 7.1.1. Глобализация как предмет исследования / 336
- 7.1.2. Противоречия глобализации / 340
- 7.1.3. Мозаика российской идентичности / 344
- 7.1.4. Русская идея / 347
- 7.1.5. Идентичности библиотек разного типа / 349
- 7.2. Рост инфосферы и научно-технический прогресс / 351
- 7.2.1. Информационная перегрузка / 351
- 7.2.2. Интеллектуализация вычислительной техники / 352
- 7.2.3. Конвергентные технологии / 353
- 7.2.4. Прогноз «Россия 2045» / 355
- 7.2.5. Прогнозы Рея Курцвейла / 359
- 7.3. Закат литературоцентризма / 362
- 7.3.1. Понятие о литературоцентризме / 362
- 7.3.2. Четыре кризиса литературоцентризма / 364
- 7.3.3. Сумерки литературы / 368
- 7.4. Технократическая правда и неправда / 372
- 7.4.1. Технократическая правда / 374
- 7.4.2. Технократическая неправда / 376

**Заключение. Библиосфера в культурном пространстве
информационного общества / 379**

ВСТУПЛЕНИЕ

ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

Мы – современники не просто больших или значительных, а *великих перемен*, охватывающих геополитический ландшафт, повседневный образ жизни, может быть, даже психогенетические устои рода человеческого. Футурологи с гибельным восторгом напоминают, что «сегодня мы переживаем удивительный и уникальный момент нашей истории, который по многим признакам можно считать преддверием резкого качественного скачка в развитии народов. Главная задача современного человечества – задача самосохранения и выживания в условиях исторически небывалых до нынешнего момента рисков и угроз самоуничтожения человечества как вида и Земли как планеты, способной породить жизнь»¹.

Не будем малодушно утешаться иллюзией, что «на наш век хватит». Великие перемены не могут обойти стороной библиотеки и библиотечную профессию, перед которыми возникает *жизненно важный вопрос* о праве на существование в наступающем неведомом будущем. Быть или не быть? Будущее библиотечного института зависит от профессионального сознания библиотечной интеллигенции, от тех целей, знаний, убеждений, которыми станет руководствоваться авангард профессии. Задача настоящего профессионально-мировоззренческого пособия – подготовить библиотечное сообщество к встрече с вызовами великих перемен. Для этого мы намерены обсудить три фундаментальные проблемы, чрезвычайно актуальные в нынешнюю динамичную эпоху:

1. *В чем сущность Книги и библиосферы* как мира книжности, в котором функционируют социальные институты книгоиздания, книжной торговли, библиотечного дела, библиографии? Метафорический ответ на этот вопрос можно сформулировать так:

Библиотечный мир реальности и грёз!
Он мал и фантастически велик.
В нем океаны слов и водопады слёз,
И островки надежд, затерянные в них.

¹ Безгодов А.В. Планетарный проект: от устойчивого развития к управляемой гармонии. СПб : Питер, 2016. С. 8–9.

2. *В чем сущность информации и инфосферы как социально-коммуникационной среды постиндустриального информационного общества? Здесь больше вопросов, чем ответов:*

О Информация, случайный псевдоним
Чего-то, что уму непостижимо!
В чем суть твоя? Ты пламя или дым?
А может быть, всего лишь тень от дыма?

3. *В чем сущность культуры и культурного пространства, в котором взаимодействуют библиосфера и информационная сфера? Поскольку в культурологии нет ответа на данный вопрос, мы вынуждены довольствоваться своими гипотетическими соображениями и констатировать:*

Культурное пространство – область странная,
Его предназначенье неизвестно.
Оно романтику – земля обетованная,
А обывателю – простое «третье место».

Переходя от профессионально-фольклорных метафор к серьезному курсу, признаемся, что стимулом, заставившим задуматься над перечисленными фундаментальными проблемами, является не абстрактная научная любознательность, а кризисные явления в библиосфере и двойственность государственной культурной политики в библиотечно-информационной сфере. Остановимся для начала на двух вопросах: проявления кризиса российской библиосферы и его причины.

1. Проявления кризиса библиосферы

1. *Дисфункция книжного чтения.* Термин «дисфункция» означает нарушение, расстройство функции какого-либо органа или системы. Дисфункция книжного чтения – показатель недостаточного использования гуманистических ресурсов книжности. Чтение – самосотворение личности, человек читающий – homo legens – качественно отличается в духовном развитии от нечитающего человека. Уже хрестоматийной истиной стали выводы, сформулированные советским социологом С.Н. Плотниковым в конце прошлого века: «Читатели, в отличие от нечитателей, способны мыслить в категориях проблем, схватывать целое и выявлять противоречивые взаимосвязи явлений; более адекватно оценивать ситуацию и быстрее находить правильные решения; имеют больший объем памяти и активное творческое воображение; лучше владеют речью: она выразительнее, строже по мысли и богаче по запасу слов; точнее формулируют и свободнее пишут; легче вступают в контакты и приятны в общении; обладают большей потребностью в независимости и внутренней свободе, более критичны, самостоятельны в суждениях и

поведении. Словом, чтение формирует качества наиболее развитого и социально ценного человека»².

Исследования С.Н. Плотникова показали, что в 1991 г. «совсем не читающих книг» было 21% жителей России, а в 1992 г. их количество увеличилось до 26%³. В 2010 году социологи чтения установили, что 20% россиян, будущих граждан информационного общества, не имеют дома книг, а доля «нечитателей», никогда или «очень редко» берущих в руки книги, составляет 35%. Однако судить о дисфункции чтения только по данным массовых социологических опросов – очень поверхностно. Важно учитывать тип чтения. Ю.П. Мелентьева различает семейное, учебное, профессиональное, развлекательное (досуговое), экзистенциальное чтение. Отмечая широкое распространение развлекательного чтения, она отдает предпочтение *экзистенциальному чтению*, представляющему собой «вид высокодуховной коммуникации, цель которой – самоопределение человека в мире, понимание своего бытия, раскрытие своей личности, постижение себя (своего Я) через другого»⁴. К сожалению, книжный рынок всегда ориентировался на массового потребителя, жаждущего легкого чтива, а не на книголюба, проявляющего «рудиментарные интеллигентские читательские навыки».

2. *Сокращение книгоиздания и деформация книжного рынка.* Коммерциализация книгоиздания привела к тому, что хронический советский дефицит на книги повышенного спроса (детективы, приключения, фантастика) был быстро удовлетворен. Уже в 1995 году остросюжетные детективы, sentimentальные романы, фантастика, приключения заняли 40% рыночных изданий, зато значительно сократилось издание отечественной и зарубежной классики, современных писателей России, переводов зарубежных писателей и ученых, на долю которых осталось всего 8,1%⁵. Статистика продаж показывает, что самыми популярными авторами из года в год являются Донцова, Маринина, Акунин, Шилова, Устинова, далекие от идеалов просвещения.

Ежегодные отраслевые доклады Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям нельзя назвать оптимистическими. Падение продаж в книжной рознице, сокращение числа книжных магазинов, постоянно растущие цены на книги – зримые приметы болезненного состояния российского книжного дела. Зато выпуск электронных изданий и букридеров находится на подъеме, и, по оценкам экспертов, в ближайшем будущем может занять

² Плотников Н.С. Читательская культура в России // Homo legens. Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995). – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 47.

³ Там же. С. 50.

⁴ Мелентьева Ю.П. Многослойность чтения // Кризис чтения: энергия преодоления: сборник научно-практических материалов / ред. В.Я. Аскарова. – М.: Мцбс, 2013. С. 8–23.

⁵ Морозовский М. Комментарий к итогам 1995 // Книготорговый бюллетень. 1996. № 5/6. 8 февраля.

четверть книжного рынка. Ожидалось, что в постсоветской державе благодаря отмене государственной монополии на издательскую деятельность быстро возрастет количество издательств, а рыночная конкуренция будет стимулировать повышение количества и качества выпускаемой ими печатной продукции. Эти ожидания не оправдались. Происходит непрерывный спад производства газетно-журнальной и особенно книжной продукции. По сравнению с 1990 г., когда доля книг в структуре выпуска отечественной полиграфической промышленности составляла 20%, в 2015 г. эта доля упала до 9%, причем более половины из выпускаемых изданий печатается тиражом менее 1000 экземпляров. В 2010 году продажи книг упали на 9%, в 2011 году – на 7%, а в 2015 г. эксперты книжного рынка были вынуждены признать, что «динамика изменения основных показателей книгоиздания удручает: выпуск книг и брошюр и по количеству изданных наименований, и по совокупному тиражу стал худшим в сравнении со всеми предшествующими полугодиями последних восьми лет... Сегодня в России на душу населения издаются 2,66 экземпляра книг и брошюр»⁶. В натуральном выражении производство книг и брошюр в 2015 г. составило 112 647 названий и выросло, по сравнению с предыдущим годом, на 0,5%; совокупный тираж отпечатанных изданий составил 459,4 млн экз. и, по сравнению с 2014 годом, снизился на 5,4%⁷. При этом рост цены книги за последние 15 лет составлял 13–15% ежегодно; учебник для общеобразовательных школ подорожал в 17 раз – до 350 рублей, а ежедневная газета стала дороже в 7 раз⁸.

Деформация книжного бизнеса заключается в образовании крупных производственно-коммерческих монополий, контролирующих различные сегменты книжного рынка – например, сегмент учебной литературы или сегмент общедоступной книжной розницы. Монополизация ведет к росту цен и свертыванию выпуска интеллектуальных изданий. Вероятно, сохранятся в ближайшие годы несколько десятков издательств, относящихся к уровню среднего бизнеса и занимающих ниши книжного рынка, еще не захваченные монополиями, а также многочисленная россыпь малого бизнеса и издательских подразделений различных учреждений, предприятий, вузов и т. д. Но нет гарантий, что будут присутствовать на российском рынке независимые издатели, руководствующиеся не корыстными расчетами, а просветительскими и гуманистическими идеалами. Напрашивается сочетание рынка с государственным регулированием. Рынок успешно удовлетворяет платежеспособный спрос на произведения массовой культуры, но он не в состоянии

⁶ Воропаев В.Н. Российское книгоиздание в первом полугодии 2015 года: назад, к 100 тысячам // Университетская книга. – 2015. Сентябрь. С. 27.

⁷ Книжный рынок России. Состояние, тенденции, перспективы развития. Отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – М., 2016. С. 7.

⁸ Университетская книга. – 2016. Июнь. С. 6.

способствовать гуманизации общества и возвышению духовных потребностей личности. Здесь «нерентабельное» книгопроизводство нуждается во внерыночной государственной поддержке. Однако наше государство не спешит поддержать интеллигента-книжника. Исполнительный директор Ассоциации интернет-издателей Владимир Харитонов, задавшись вопросом, «какими словами можно сказать о том, что происходит с российской книжной индустрией», предложил на выбор два диагноза: *катастрофа* или *системный кризис*⁹. Хочется надеяться, что российская библиосфера переживает кризис, пусть даже системный. Ведь кризис, как известно, ассоциируется с тяжелым переходным состоянием, ведущим к улучшению или ухудшению состояния больного, а катастрофа – это летальный исход.

3. *Глобальное бремя знания*. Интернет уже сегодня обеспечивает библиографический поиск и электронную доставку релевантных запросам документов более полно и оперативно, чем традиционные библиотечно-библиографические учреждения. «Автоматические библиографы» способны обеспечить в массовом масштабе и со сравнительно небольшими экономическими затратами индивидуализированное (дифференцированное) распределение новых информационных поступлений (сигнальное информирование) между тысячами абонентов. Беда в том, что количественный рост информационных потоков не уменьшает, а увеличивает информационную нагрузку на отдельного человека, которая давно превысила гигиенические нормы.

Получается парадоксальная ситуация: автоматизация информационного поиска не облегчает, а напротив, усугубляет кризис текущего информирования. Как разрешить этот парадокс? Единственный выход: вновь обратиться к компьютерной технике, способной, как известно, решать такие задачи, которые не под силу человеческому интеллекту. Д.И. Блюменау справедливо заметил: «Одна из важнейших задач, которая ждет своего решения, заключается в том, чтобы передать компьютеру процедуру автоматического свертывания входного потока документов с целью формирования пакетов самостоятельных фрагментов, упорядоченных по тематике и их аспектной принадлежности. Образовавшаяся в результате такого свертывания база знаний будет информационной основой для формирования различных синтезируемых документов типа дайджестов, квазиобзоров, квазиконспектов и квазихрестоматий»¹⁰. Допустим, алгоритмически синтезированные «квазивторичные документы» избавят референтов от трудоемкой работы по реферированию и аннотированию первоисточников, но как избавить реципиентов от чтения «многопудовой квазиинформации»?

⁹ Харитонов В. Катастрофа или системный кризис? // Университетская книга. – 2015. Октябрь. С. 72-73.

¹⁰ Блюменау Д.И. Информационный анализ / синтез для формирования вторичных документов: учебно-методическое пособие. – СПб : Профессия, 2002. С. 186.

Гораздо сложнее преодолеть кризис ретроспективного поиска, заключающийся в том, что «мы не знаем, что мы знаем». В принципе, можно обеспечить контроль содержания оцифрованных фондов библиотек и архивов. Интеллектуальный робот-библиограф на основе информационно-поисковых тезаурусов сможет обнаружить все концепции (гипотезы, теории, законы), относящиеся к данной тематической области. Но исключить волнующую ученых ситуацию, когда «гениальные открытия сделаны, опубликованы и похоронены в фондах библиотек», таким путем не удастся, поскольку о степени гениальности открытия могут судить только люди, а никак не интеллектуальные компьютеры. Учитывая чрезвычайную сложность автоматизации семантических процессов, следует признать, что суть дела заключается не в имитации информационными технологиями продуктов человеческого интеллекта, а в разумном сочетании человеческих возможностей и возможностей техники. Конечной истиной развития аналитико-синтетической переработки информации является человеческое творчество, обслуживать которое призвана мощь компьютерной техники. При этом гордое человечество вынуждено согласиться с невозможностью разрешить кризис информации без использования потенциала интеллектуальной робототехники.

Удручают поистине необозримые пространства оцифрованной информации. Самые приблизительные подсчеты указывают ориентировочную цифру – более чем 2500 эксабайтов данных, расположенных на серверах по всему миру (1 эксабайт = 10^{18} байт). Подсчеты специалистов показывают, что если перевести эти данные в книжный формат, то можно покрыть территорию США или Китая 100 слоями книг. Где хранить эти массивы? Как в них ориентироваться? Неизвестно. Львиную долю этих «книг» образуют аудиовизуальные записи, метеорологические и космические данные, курсы акций, прочая бизнес-информация, и нужно каким-то образом их упорядочить, ибо в постиндустриальном обществе информационный коллапс будет равнозначен социальной катастрофе. Непосильное бремя информации, которое стремительно увеличивается, становится глобальной проблемой современности, наряду с проблемами разоружения и предотвращения ядерной войны, угрозами терроризма и наркомании. Теперь в этот роковой ряд приходится включать и глобальный информационный кризис. Каким способом можно его разрешить? Невозможно сократить производство информации и знаний, нельзя последовать совету грибоедовского Фамусова: «уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь». Единственный разумный выход – разработать новые эффективные средства и методы аналитико-синтетической переработки информации, в полной мере использующие мощь информационной техники. Здесь нужны нетривиальные творческие решения, и вполне вероятно, что многовековой опыт библиотечных классификационистов и трудолюбивых библиографов найдет

применение при разработке глобальных информационных систем, избавляющих человечество от непосильного бремени знания.

4. *Свертывание библиосферы.* Без официального афиширования, но достаточно последовательно в стране осуществляется политика *свертывания библиотечных сетей*. Испарились сети партийных и профсоюзных библиотек, серьезно пострадали отраслевые и территориальные системы научно-технических библиотек, продолжается демонтаж централизованных библиотечных систем. Единственным крупным вкладом в библиотечное строительство стало открытие в мае 2009 года Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина. Необходимой инфраструктурой библиосферы является *книжная торговля*, служащая посредником между издательством и потребителями книжной продукции, включая библиотечную сеть, информационные службы и читательскую массу. Товарная продукция, поставляемая издательствами на книжный рынок, должна пользоваться платежеспособным спросом, в противном случае книгоиздательский институт лишается средств к существованию. Книготорговый социальный институт не только коммерческий посредник, но и один из индикаторов общей культуры общества. Об этом свидетельствуют факты: если в Советском Союзе во времена перестройки насчитывалось более 60 тысяч книжных магазинов и киосков, то в современной России существует меньше одной тысячи книготорговых учреждений на 146 миллионов населения. В то же время во Франции один книжный магазин приходится на 18 тысяч жителей, в Германии – на 17 тысяч.

Детальные данные относительно динамики изменения сети общедоступных библиотек в 2012–2015 гг., собранные сотрудниками РНБ, выглядят следующим образом¹¹. На 1 января 2016 г. насчитывалось 43,3 тыс. библиотек, из них 256 центральных библиотек субъектов федерации, 36,6 тыс. муниципальных библиотек и 6,5 тыс. библиотек – структурных подразделений культурно-досуговых учреждения (КДУ) и других организаций. В сельской местности числятся 34,3 тыс. библиотек, что составляет 79% от общего количества библиотек Министерства культуры. В течение последних трех лет темпы закрытия общедоступных библиотек нарастают. Из общего числа потерь за три года (1902), на 2015 год приходится 1113 библиотек, в том числе около 700 сельских, которые ликвидируются по причинам недостатка финансирования и малочисленности сельского населения. Во многих регионах ухудшение библиотечного обслуживания происходит из-за передачи библиотек в состав КДУ, где они превращаются в пункты выдачи литературы и утрачивают библиотечные кадры. Отмечается следующая закономерность: сначала сельская библиотека преобразуется в пункт выдачи, а затем этот пункт

¹¹ Аврамова М.Б. Библиотечная сеть: куда идем? // Библиополе. – 2015. № 9. С. 2–5; Она же. Муниципальная сеть: реструктуризация реальная и иллюзорная // Библиотека. – 2015. № 11. С. 2–6; Она же. Региональная политика: библиотечные полномочия и сетевые трансформации // Информационный бюллетень РБА. – 2015. № 75. С. 7–11.

закрывается. Правда, параллельно идет процесс возвращения некоторых библиотек из клубной сети в библиотечную сеть. Реорганизация и сокращение общедоступной сети происходит и в городах. Так, в Москве библиотеки-филиалы ЦБС преобразованы в отделы, и вместо 453 библиотек их стало 278. Отмечается также устойчивая тенденция сокращения числа центральных библиотек, занимающихся библиотечно-информационным обслуживанием особых групп пользователей – детского и юношеского возраста, слепых и слабовидящих.

Разрушительные тенденции затронули не только общедоступную сеть Министерства культуры, но и сети отраслевых специальных библиотек. Несмотря на ежегодное удвоение мирового объема научной информации¹², практически распалась ГСНТИ, созданная в советское время для библиотечно-информационного обеспечения научно-технического прогресса в стране. Исчезли отраслевые институты и бюро научно-технической информации, ликвидированы территориальные центры НТИ вместе с их библиотечно-библиографическими подразделениями. Оказались невостребованными сотни научно-технических библиотек, работавших на предприятиях, в КБ и в НИИ страны. К счастью сохранилась головная организация сети НТБ – ГПНТБ России, которая является государственным депозитарием научно-технической литературы, держателем сводного каталога по научно-технической литературе, методическим центром для научно-технических библиотек.

Свертывание и реструктуризация библиотечных сетей, по-видимому, будут продолжаться, и наивно рассчитывать на возрождение единой государственной системы, насчитывающей сотни тысяч библиотек. Всероссийский опрос, проведенный в мае 2015 года фондом «Общественное мнение» (ФОМ), показал, что только 12% россиян посещали библиотеку менее 6 месяцев назад, а остальные объяснили пренебрежение библиотечными услугами нехваткой свободного времени (33%), скачиванием литературы из Интернета (23%), покупкой литературы в магазинах (20%), наличием обширной домашней библиотеки (18%). При этом 30% провинциальных респондентов полагают, что через 10 – 15 лет библиотеки с печатными книгами должны исчезнуть, а в Москве и Санкт-Петербурге «могильщиками библиотек» являются более 40% населения¹³. Вывод получается такой: в обозримом будущем сети общедоступных и специальных библиотек в России станут *значительно меньше*, но спрос на библиотечно-информационные услуги *значительно возрастет*. Поэтому современная библиотека в информационном обществе XXI века должна быть *иной*, чем нынешняя библиотека. Какой – вот в чем вопрос.

5. *Кризис библиографии*. Инфраструктурное назначение библиографического института заключается в создании и поиске библиографической

¹² Биктимиров М. Сетевые информационные ресурсы // Университетская книга. – 2016. Июль-август. С. 70–71.

¹³ Университетская книга. – 2015. Июль-август. С. 11.

информации, необходимой для книгоиздателей, книготорговцев, библиотечных работников, читателей-книголюбов и прочих субъектов документальных коммуникаций. Здесь библиография выступает как вторичная документальная система, выполняющая в библиосфере поисковую сущностную функцию. Отсюда следует, что *библиография суть поисковая инфраструктура библиосферы*. Головным учреждением библиографической отрасли является Российская книжная палата (РКП), которая успешно обеспечивает издание текущих «летописей» отечественных книг, газетных и журнальных статей, нот, изданий, картографии, ведет статистику печати, хранит национальный Архив печати («книжную память нации», включающую в себя сегодня около 90 млн единиц хранения), осуществляет научные исследования в области библиографоведения и книговедения. Поэтому указ В.В. Путина в декабре 2013 г. о лишении РКП статуса самостоятельного учреждения и преобразования её в филиал ИТАР-ТАСС выглядит неоправданной антикнижной акцией.

6. *Депопуляция библиотечной профессии*. Министерство культуры РФ в ежегодном Государственном докладе 2015 года констатировало, что численность библиотечных работников, составлявшая в 2014 г. 147 тысяч человек, в 2015 уменьшилась до 141,2 тыс. человек, причем количество работников с библиотечным образованием сократилось на 2,5 тысячи. 26 сентября 2016 г. на совещании в Министерстве культуры сообщалось, что во всех вузах, осуществляющих обучение по специальности «Библиотечно-информационная деятельность» (восемь вузов Минобрнауки и тринадцать вузов Минкультуры России) наблюдается отток студентов. В 2015 году по данной специальности в вузах Минкультуры обучалось 3590 студентов, было принято на обучение 873 человека, выпуск составил 566 специалистов; в 2016 году принято 504 обучающихся, а на 2017 год с учетом потребности регионов в библиотечных кадрах установлено 437 бюджетных мест. Для сравнения: в 2005 году обучалось всего 7086 студентов, было принято на обучение 1457 человек, выпуск составил 1161 человек. Таким образом, количество обучающихся по библиотечной специальности за последние 10 лет сократилось на 3496 человек (50,6%), количество принятых на обучение сократилось на 584 человека (59,9%), а выпуск специалистов сократился на 595 человек (48,7%).

Библиотечная профессия всегда была уделом бесребренников и нестяжателей, способных, как отметил один интеллеktуал, «долго существовать при безденежье и не жаловаться на плохие условия труда». Справедливая оценка труда библиотечного работника никогда не рассматривалась как серьезная социально-экономическая проблема. Библиотечно-профессиологическое исследование, проведенное нами в начале XXI века, выявило немало энтузиастов-книжников предпенсионного возраста и катастрофический дефицит молодежи. Хуже всего, что только 4 % выпускников высшей библиотечной школы планируют связать свою биографию с библиотечным делом, а 68 % предпочитают частное предпринимательство вне библиотечно-информаци-

онной сферы. Вырисовывается кошмар «разбиблиотеченных» библиотек, то есть учреждений без книг, без читателей, без библиотекарей, но с вывеской «библиотека».

2. Причины кризиса библиосферы делятся на объективные, не зависящие от воли государственной власти, и субъективные, обусловленные дурным управлением отечественной культурой и пассивностью библиотечного сообщества.

а) Объективный характер имеет *всемирно-историческая тенденция глобализации*. Глобализацию сопровождает информатизация, которая способствует вытеснению полиграфической коммуникации электронной цифровой коммуникацией. Глобальная сеть Интернет предлагает мировому сообществу в бесплатном круглосуточном доступе гигантские, непрерывно пополняемые и корректируемые массивы мультимедийной информации на любой вкус. Формируется новый антропологический тип – homo informaticus, оснащенный индивидуальными устройствами для мобильного доступа ко всему разнообразию цифровых информационных ресурсов и чуждый книжному чтению.

б) *Дегуманизация населения России*. Главным этическим противоречием техногенной цивилизации является диспропорция между стремительно растущей технологической мощью и упадком культурно-этических норм. Россия давно уже находится в зоне риска и риска, надо признать, весьма опасного. В конце прошлого века философ Мераб Мамардашвили написал, выражая общую обеспокоенность российской интеллигенции: «Я боюсь, что современная Россия становится зоной антропологической катастрофы, ибо слишком явственно проступают в её лике симптомы дегуманизации»¹⁴. Российским недугам посвящен необозримый массив официальных, публицистических, политических, научных, философских, футурологических и прочих публикаций, которые пестрят терминами «депопуляция», «деградация», «обнищание», «деиндустриализация», «дискредитация идей свободы и демократии», «криминализация», «коррупция», «беззащитность», «дестабилизация», «бездуховность», «обман, предательство, бесстыдство» и другими, сравнительно недавно не отличавшимися высокой частотностью в русском языке.

Растет социальное расслоение и ужесточается межэтническая вражда. У нас очень мало социально ориентированных предпринимателей, умных и деловитых чиновников, нет цивилизованного гражданского общества и авторитетной власти, пользующейся доверием населения. Имитация демократии и либерализма оборачивается апатией, аморальностью, беззаконием, социальной дезинтеграцией. Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интел-

¹⁴ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. – СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. С. 25.

лигентность старомодны и неактуальны. Мы живем в дегуманизирующемся обществе. Дегуманизация, то есть утрата облика человеческого, не только отвратительна, но и опасна. Дегуманизованная, одичавшая техногенная цивилизация нежизнеспособна, поэтому риск дегуманизации представляет собой прямую угрозу национальной безопасности страны.

в) Противоречие между динамичными социально-экономическими процессами глобализации и *консервативной этно-культурной идентичностью наций*. В глобальном информационном обществе, насаждающем вестернизованную цифровую массовую культуру, неизбежны беспощадные «столкновения цивилизаций», обусловленные демографическими диспропорциями и стремлением национальных государств сохранить свой суверенитет в экономическом и в политическом отношении¹⁵. Гарантом жизнеспособности нации является национальная культура. Народы, утратившие культурное наследие, теряют национальную идентичность (самосознание) и, следовательно, прекращают свое существование в истории человечества. Поскольку книжность является ядром национальной культуры, заботливое сбережение таких институтов национальной памяти, как библиотеки, архивы, музеи, необходимо для обеспечения суверенитета российской культуры в условиях глобального однообразия.

г) Субъективную мотивацию имеет *свертывание муниципальных библиотечных сетей*, осуществляющееся местными властями. Более чем двадцатилетний опыт показал, что мощный и дорогостоящий библиотечно-библиографический социальный институт, выращенный советским тоталитаризмом, не требуется постсоветской государственной власти. В советской стране библиотеки всех типов и видов были бойцами идеологического фронта, они были мобилизованы для выполнения идейно-воспитательных функций, и в этом заключались гарантии их существования. Находясь во враждебном окружении, советская власть содержала библиотеки, дворцы культуры, школы, как она содержала боеспособную армию и военно-промышленный комплекс. Когда победили Бурбулис и Чубайс, оказалось, что им требуются банки и биржи, а не массовые библиотеки. Псевдодемократическому государству не нужны никакие «опорные базы», кроме избирательных штабов и команд политтехнологов.

д) Еще одна субъективно обусловленная причина кризиса библиосферы – *пассивность и конформизм библиотечного сообщества*. Безошибочным индикатором низкой культуры нации является социальное положение работников культуры и, в частности, нищенская заработная плата библиотекарей, с которой они давно примирились. Следует признать, что никто не позаботится о библиотекарях, если они сами о себе не заявят. Каким образом? До сих пор библиотеки позиционировали себя как беспартийные учреждения, гостепри-

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд-во АСТ, 2003. 603 с.

имно принимающие все партии. Такая позиция привела к тому, что в выборных структурах власти, от муниципалитетов до Государственной Думы, очень редко появлялись представители библиотечного сообщества, которые отстаивали бы интересы библиотек. Поэтому библиотекари всегда были в роли просителей, которые досаждают властям своими жалобами. Здравый смысл подсказывает, что нужно добиваться участия в управленческих структурах и делегировать во все органы власти энергичных интеллигентов-книжников, которые сумеют объяснить Правительству и Президенту, что выбор состоит в том, что строить – библиотеки или тюрьмы, что процветающие силовые структуры – это свидетельство уродства техногенной цивилизации, что гуманизм – необходимое условие жизнеспособности глобального информационного общества.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы определить перспективы преодоления кризиса и гарантии сохранения библиотек в эпоху великих перемен. С этой целью с позиции библиотечной интеллигенции рассмотрим культурно-историческую эволюцию отечественной библиосферы, её взаимодействие с динамично развивающейся информационной сферой, социальную миссию библиотечного института в информационном обществе. Подобное исследование предпринимается впервые, оно носит постановочный характер и рассчитано на дальнейшее развитие, дополнение и уточнение.

ГЛАВА 1

**ПОНЯТИЕ
О КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

1.1. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИЙ КУЛЬТУРЫ

«Культурное пространство» – одно из популярных понятий в современной культурологии, но понимается оно разными авторами неоднозначно. Все согласны с тем, что культурное пространство – это вмещилище, среда обитания культуры, расхождения же обусловлены тем, что категория культуры трактуется по-разному, в зависимости от концепции, которой придерживается тот или иной культуролог. Под *концепцией* в данном случае понимается логически обоснованная или интуитивно ясная идея, могущая служить отправной точкой для развития теории или принятия управленческих решений. Чтобы упорядочить терминологию, в «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятые 9 октября 1992 года и действующие до сих пор, была включена «основополагающая законодательная» формулировка: «*Культурная деятельность* – деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей». Однако добиться однозначности не удалось, потому что понятие «культурная ценность» определено крайне широко и расплывчато, от «идеалов и норм» до «зданий и технологий». В результате во всех концепциях культуры говорится о культурной деятельности, но «субъекты культурной деятельности» и «пространство обитания культуры» понимаются по-разному.

Сбивает с толку ведомственно-отраслевая трактовка, в которой культура фигурирует как область деятельности культурно-просветительных и культурно-досуговых учреждений (библиотеки, дворцы и дома культуры, парки, музеи, театры и т. д.), находящихся под эгидой Министерства культуры. Культура отграничивается от образования, массовой коммуникации, науки, искусства, которые относятся к другим, «некультурным» ведомствам. С позиции этой трактовки словосочетания «культура и искусство», «культура и образование» не выглядят логически несоразмерными. Выходит, что учреждения Министерства культуры создают и распространяют культурные ценности, а другие социальные институты к этим ценностям отношения не имеют. Подобное понимание культуры выглядит произвольным и необидительным. Ведь при изменении области, подведомственной Министерству культуры (такие случаи известны – достаточно вспомнить Наркомпрос, который ведал одновременно школами и внешкольными учреждениями, позже ставшими «учреждениями культуры»), приходится пересматривать ранее принятую концепцию культуры.

В научной литературе по теории культуры можно обнаружить, по крайней мере, пять «отправных точек», соответствующих пяти различным кон-

цепциям культуры и интерпретациям понятия «культурное пространство». Обратимся к известным нам концепциям для того, чтобы выбрать ту из них, которая наиболее полно соответствует сущности библиосферы и инфосферы.

1.1.1. Социоатрибутивная концепция, именуемая также функциональной, технологической или деятельностной, получила распространение в культурологии, социологии и социальной философии. Здесь культура понимается как неотъемлемый, искусственно созданный атрибут человеческого социума, соответствующий метафоре «вторая природа». Культура не наследуется биологически, а приобретаетсся каждым новым поколением в результате освоения культурных ценностей предыдущего поколения (процесс социализации). Основоположник социокультурного подхода Э.С. Маркарян (1929–2011) предлагал следующую аналогию: «Культура – это та сила, которая сплавливает человеческих индивидов в людское сообщество, подобно тому, как сила гравитации создает из отдельных атомов физические тела. Поэтому культура неотделима от общества, как тяготение неотделимо от материальной массы. Поле культуры заполняет и насыщает все социальное пространство, образуемое кооперированной человеческой деятельностью, оказывается как бы размытым по всему телу социального организма и проникающим во все его поры»¹.

«Тело социального организма» образуют общественно организованные секторы материального и духовного производства, сектор государственно-политического управления, семейно-бытовой сектор, обеспечивающий биологическое воспроизводство общества и непрофессиональное духовное творчество. Эти секторы взаимодействуют друг с другом посредством коммуникационных институтов. Поскольку все социальные секторы и институты занимаются созданием, сохранением, распространением и освоением культурных ценностей, их можно считать субъектами культурной деятельности, а «тело социального организма», то есть социальное пространство, правомерно интерпретировать как культурное пространство. Смущает то обстоятельство, что «некультурных» участков социальной жизни не обнаруживается; социальная деятельность совпадает с культурной деятельностью, а социум растворяется в культуре (или наоборот). Культурной в этом случае можно считать любую человеческую деятельность, включая физиологические процессы сна, питания и т. п., которые приобретают «культурные формы». К. Маркс справедливо заметил: голод есть голод, но голод, который утоляется при помощи ножа и вилки, совсем не тот голод, который утоляется зубами и когтями, рвущими сырое мясо.

Авторитетный российский культуролог А.Я. Флиер в заключении своей монографии, посвященной исторической динамике культуры, сформулиро-

¹ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. М. : Мысль , 1983. С. 44.

вал следующий мировоззренческий вывод: «Все социальное культурно, а все культурное социально. Культура – это совокупность наиболее устойчивых форм коллективной (социальной) жизнедеятельности людей. Другой культуры просто не бывает. Поэтому понятия “культурное” и “социальное” – это лишь два разных ракурса взгляда на одно явление – исторически установившиеся порядки человеческих взаимодействий и взаимоотношений»². Из этого вывода вытекает, что социальное пространство равносильно культурному пространству, а коммуникация социальных смыслов в социуме равносильна движению смыслов в культуре. Таким образом, социоатрибутивная концепция подтверждает очевидную истину, что библиосфера и инфосфера являются субъектами социального пространства.

1.1.2. Духовно-смысловая концепция исходит из постулата, что человека от животного отличает одухотворенность (осмысленность, целенаправленность) его действий. Говоря кратко, *культура – мир человеческих смыслов*. Более развернуто: «Культура предстает перед человеком как смысловой мир, который вдохновляет людей и спланирует их в некоторое сообщество (нацию, религиозную или профессиональную группу и т. д.). Этот смысловой мир передается из поколения в поколение и определяет способ бытия и мироощущения людей»³. С точки зрения философских категорий материального и идеального, смысл – это человеческое идеальное, представляющее собой знания, эмоции, волевые побуждения. Сущность культуры в данном случае состоит в *духовном творчестве*, заключающемся в генерации (создании) и коммуникации (трансляции) смыслов во времени и пространстве.

Сотворенные смыслы могут овеществляться в создаваемых людьми материальных ценностях, а могут существовать в неовещественной форме. Овеществленные смыслы, окружающие нас в городах и на селе, можно трактовать как *овеществленное культурное пространство* (материализованное культурное наследие) и как памятник культуры. В настоящее время в понятие культурного наследия включены не только уникальные архитектурные и историко-культурные объекты, но и ансамбли, исторические ландшафты, а также традиционные технологии и памятники духовной культуры (язык, традиции, фольклор)⁴. Комплектование, описание, хранение, охрана, осмысление и использование культурного наследия осуществляется музеями, выполняющими мемориальную функцию в качестве института социальной памяти. Библиосфера и инфосфера также выполняют мемориальную функцию, но объектами их деятельности являются не музеефицированное

² Флиер А.Я. Избранные работы по теории культуры. – М.: ООО Изд-во «Согласие»; изд-во «Артём», 2014. С. 302.

³ Культурология: учеб. пособие для вузов / Сост. и отв. ред. А.А. Радугин. – М., 1996. С. 16.

⁴ Полякова М.А. Культурное наследие России. История охраны и современное состояние: учебное пособие. – М.: РГГУ, 2015. 388 с.

культурное или естественно-природное пространство, а специально созданные документы – носители смыслов в знаковой форме.

1.1.3. Коммуникационно-семиотическая концепция, именуемая также «информационно-семиотической концепцией», превосходно представлена в творчестве выдающегося отечественного филолога, культуролога и семиотика Ю.М. Лотмана (1922–1993), первооткрывателя идеи семиосферы. Вот максимально свернутая формулировка этой идеи: «Культура организует себя в форме определенного «пространства – времени» и вне такой организации существовать не может. Эта организация реализуется как семиосфера и одновременно с помощью семиосферы. Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации, становится содержанием семиотического текста»⁵. Подчеркивая «важность изучения семиотики культуры», Юрий Михайлович постоянно повторял, что «культура оказывается неразложимо единой семиотической структурой», выполняющей следующие коммуникативные и творческие функции:

1. Передача имеющейся информации (текстов).

2. Создание новой информации, то есть создание текстов, не выводимых однозначно по заданным алгоритмам из уже имеющихся, а обладающих определенной степенью непредсказуемости.

3. Память: способность хранить и воспроизводить информацию (тексты)⁶.

Таким образом, концепция семиосферы отождествляет культурные ценности с текстами, выраженными теми или иными знаками (не обязательно в виде естественного языка), а культурную деятельность – с социально-культурной коммуникацией. Акцент делается на коммуникационной стороне культуры (трансляция, обработка, сохранение, освоение культурных ценностей в виде знаковых сообщений).

Взгляды Ю.М. Лотмана были одобрительно восприняты как в нашей стране, так и за рубежом. Одним из идеологов коммуникационно-семиотической концепции в современной культурологии является А.Я. Флиер, который уверен, что «культура всегда текст», «культура – система социальной коммуникации». Он аргументирует свою позицию следующим образом: «Культура состоит из множества разнородных явлений (материальных, интеллектуальных, социальных, художественных), которые при рассмотрении в определенном ракурсе являются её текстами. Именно культурными текстами обмениваются участники культурных коммуникаций и именно культурные тексты они воспринимают в качестве носителей передаваемой информации... Культурная коммуникация является одной из первостепенных социальных функций культуры, в существенной мере обеспечивая сам факт её существования. Культура вне коммуникации в принципе невозможна. Один человек

⁵ Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб: «Искусство – СПб», 2000. С. 259

⁶ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. С. 2–3.

не может создать никакой культуры. Вне коммуникации, вне обмена «культурными текстами», вне взаимопонимания и взаимодействия между людьми не может быть никакой культуры».⁷

Сказано эмоционально и убедительно, но все же воздержимся от отождествления культуры с коммуникацией, а культурного пространства – с пространством социальным. Дело в том, что культурная деятельность, помимо коммуникации в виде обмена культурными текстами, включает в себя создание новых текстов (творчество), о чем упоминал Ю.М. Лотман. Творчество в культуре имеет столь же существенное значение, как и коммуникация между людьми или долговременное хранение культурного наследия. Мало того, культуре свойственна функция инкультурации, то есть приобщения человека к культурным ценностям, которая отчетливо выражена в гуманистической концепции.

1.1.4. Гуманистическая концепция, которую правомерно назвать также антропоцентристской или этической, акцентирует роль культуры в формировании личности, рассматривая культуру как способ и меру «производства человека», а не вещественных изделий. В отличие от социоатрибутивной концепции, здесь содержание культуры видится не в машинах, сооружениях, орудиях труда и даже не в овеществленных или неовещественных продуктах духовного производства, а в этических нормах, эстетических вкусах, мировоззренческих убеждениях, которые «делают человека человеком». Эта концепция исповедует гуманистический идеал всесторонне развитой личности. В отличие от прочих концепций, она отказывается признать продуктами культуры оружие массового уничтожения, ложь и клевету, считая их акультурными явлениями, проявлениями «мирового зла».

Всесторонне развитая личность – гармоничный результат двух противоположно направленных психопедагогических процессов: социализации и индивидуализации. Социализация, то есть освоение культурного наследия данного общества, есть чисто коммуникационный процесс, где социализирующийся индивид находится в роли реципиента. Индивидуализация нацелена на реализацию творческого потенциала (талантов, способностей, задатков) данного человека и готовит его к выполнению роли не реципиента, а творца – коммуниканта, создающего новые культурные ценности и вводящего в коммуникационные каналы культурные тексты. Понимая это, «гуманистические» культурологи заявляют: культурная деятельность «по самой своей природе есть не что иное, как коммуникативная (!) деятельность, как обмен сущностными силами между людьми»⁸. Получается вывод, уже известный нам из коммуникационно-семиотической концепции: культурная деятельность по существу своему есть деятельность коммуникационная – значит,

⁷ Флиер А.Я. Избранные работы по теории культуры. М.: ООО Изд-во «Согласие»; изд-во «Артём», 2014. С. 223, 232.

⁸ Культурная деятельность: опыт социологического исследования. – М., 1981. С. 54.

область культуры совпадает с областью социальной коммуникации. Точнее, эти области пересекаются друг с другом, поскольку личностная физическая культура не имеет отношения к коммуникации, а бессознательно (интуитивно) осуществляемые коммуникационные контакты – например, интуитивное понимание – лежат вне культуры.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что коммуникационно-семиотическая и гуманистическая концепции существенно различаются по содержанию. Они рассматривают один и тот же объект – социальную коммуникацию – с разных сторон, то есть выделяют разные предметы изучения в данном объекте. Одна концепция рассматривает социальную коммуникацию как идейно нейтральный информационно-семиотический процесс, а другая – как процесс психолого-педагогический. Вследствие этого даются разные ответы на вопрос, что такое культурное пространство, и развиваются разные представления о его содержании. Культурологи и филологи, разделяющие коммуникационно-семиотический подход, толкуют о вращающихся в социуме текстах, символах, языках и знаках культуры, а гуманистически ориентированные педагоги, философы и работники учреждений культуры занимаются воспитанием, просвещением, «инкультурацией» общающихся друг с другом людей. Ясно, что эти методологические подходы не отрицают, а дополняют друг друга, и оба заслуживают внимания. Мы вернемся к гуманистическим проблемам в главе 2, посвященной русской интеллигенции и книжной культуре.

1.1.5. Трансцендентная концепция отличается от предыдущих тем, кто выводит культуру за пределы общества. Если социоатрибутивные или коммуникационно-семиотические теории, при всей их широте, связывают культурное пространство с реальными человеческими сообществами, и в связи с этим остаются *материалистическими*, то трансцендентные теории склонны рассматривать смыслы культуры независимо от тех или иных социально-исторических условий, и поэтому их можно назвать *идеалистическими*. Отсюда название «трансцендентный», что значит «запределный».

Трансцендентное понимание сущности культуры можно сформулировать следующим образом: культура – не способ делания чего-то и не совокупность каких-либо материальных или духовных ценностей, а относительно свободный творческий Дух, субъект человеческой Истории, воплощающийся в глубинных смыслах Культуры. Примером трансцендентного смысла является *смысл истории*, понимаемый как ответ на вопрос, в чем *цель* существования человечества. Религии объясняют смысл истории «божественным замыслом» (провиденциализм), философы-рационалисты заявляют, что история не имеет смысла, поскольку отсутствуют «универсальные исторические законы» (К. Поппер, теоретик «антиисторицизма»), либеральные политологи рассуждают о «конце истории» (Ф. Фукуяма), но большинство социальных философов, философов истории и культуры, предпочитает заниматься поисками смысла существования человечества, чтобы постичь его будущее.

Эти поиски обогащают культурологию открытием фактов и тенденций, объясняющих современное состояние культурного пространства и причины наблюдаемых явлений. Так, Н.А. Бердяев зимой 1919–1920 гг., в разгар гражданской войны, прочитал в Москве слушателям Вольной академии духовной культуры курс лекций о взаимосвязях священной небесной истории и земной секулярной истории, который послужил основой для его книги «Смысл истории». Особенно большой популярностью до сих пор пользуется монография Карла Ясперса (1883–1969) «Смысл и назначение истории», впервые опубликованная в 1949 году. В этой книге немецкий философ ввел понятие «ось мировой истории», которую, по его словам, следует отнести к духовным процессам, происходившим в период между 800 и 200 гг. до н.э., названный им «осевым временем». В это время произошел резкий поворот в истории. Появился человек такого духовно-интеллектуального типа, какой сохранился и по сей день, чему способствовали необычайные события, произошедшие почти синхронно и независимо друг от друга в разных частях света.

В Китае жили тогда Конфуций и Лао-Цзы, образовались многочисленные направления китайской философии. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в Индии, как и в Китае, были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, материализма, софистики и нигилизма. В Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки Илия, Исая, Иеремия; в Греции это время Гомера и Софокла, философов Парменида, Гераклита, Пифагора, Сократа. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, и заложены основы мировых религий. Ясперс пришел к выводу: «Во всех направлениях совершался переход к универсальности, выявлялось то, что, невзирая на все различия в вере, свойственно всему человечеству. Одно дело видеть единство истории и верить в него, руководствуясь только своим внутренним убеждением, и совсем иное – мыслить единство истории в коммуникации со всеми другими людьми, соотнося свою веру с сокровенной глубиной всех людей, объединяя собственное сознание с чужим. В этом смысле о веках между 800 и 200 гг. до н. э. можно сказать: они составляют эмпирически очевидную для всех людей ось мировой истории»⁹.

В современной культурологии в русле трансцендентного направления находится оригинальная *смыслогенетическая* концепция, разрабатываемая А.А. Пелипенко¹⁰ и его последователями¹¹. В этой концепции развивается новый взгляд на осевое время мировой истории, объединяющий философию культуры с исторической антропологией. Обобщая, можно сказать, что транс-

⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. С. 32–48.

¹⁰ Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 384 с.

¹¹ Костяев А.И. Смысловое пространство культуры. Теория, методология, практика исследования. – М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 240 с.

цендентные концепции культуры рассматривают в качестве культурного пространства всю Вселенную, антропогенез и эволюцию человечества.

Для целей нашего исследования трансцендентный подход представляется избыточным, а социоатрибутивная концепция – слишком прагматичной. При рассмотрении библиосферы и инфосферы наиболее приемлемо культурное пространство семиосферы, соответствующее коммуникационно-семиотической концепции культуры. В пространстве семиосферы различаются три рода коммуникационной культуры и, соответственно, три способа коммуникационной деятельности: *словесная культура* – устная коммуникация; *книжная культура* – книжная коммуникация; *мультимедийная культура* – электронная коммуникация. Книжная культура, в свою очередь, делится на три технологические формы: рукописание, мануфактурное книгопечатание, индустриальная полиграфия, которые концентрируются в библиосфере, образуя культурное пространство книжности. Мультимедийная электронная коммуникация реализуется в информационной сфере (инфосфере), являющейся пространством *информационной культуры*. Следовательно, библиосфера и инфосфера в качестве элементов культурного пространства занимают определенное место в структуре реальной социальной коммуникации. Эта структура многомерна. Помимо культурологического деления по способу реализации на словесность, книжность, мультимедийность, она дифференцируется по видам социальных субъектов, уровням и формам взаимодействия между ними, которые нуждаются в особом рассмотрении.

1.2. ИСЧИСЛЕНИЕ КОММУНИКАЦИОННЫХ СИТУАЦИЙ

Исходя из общего определения – *смысловая социальная коммуникация есть движение воплощенных в знаковой форме смыслов от коммуниканта к реципиенту в социальном пространстве и социальном времени*, – можно сформулировать два основополагающих понятия теории коммуникации, а именно:

коммуникационная деятельность есть движение воплощенных в знаковой форме смыслов в *социальном пространстве*;

социальная память есть движение воплощенных в знаковой форме смыслов в *социальном времени*.

Достоинство этих дефиниций в том, что они демонстрируют диалектическую взаимосвязь (единство противоположностей) коммуникационной деятельности и социальной памяти. В качестве коммуникантов и реципиентов выступают три субъекта, относящиеся к разным уровням социальной структуры: индивидуальная социализированная личность (И), социальная группа (Г), массовая совокупность (М). Коммуникация играет в жизни перечисленных субъектов весьма важную, хотя и различную роль.

Люди, как известно, рождаются не личностями, а индивидом биологического рода *homo sapiens*. Личности формируются в процессе социализации. Различаются первичная социализация в детском возрасте в кругу семьи и ближайшего (знакомого) окружения и вторичная социализация, продолжающаяся практически всю последующую жизнь. Главной целью *первичной социализации* является овладение навыком межличностного общения, где в качестве коммуникабельных знаков используется *естественный язык*. Этот навык представляет собой неотъемлемую коммуникационную способность формирующейся личности и служит предпосылкой для последующей вторичной социализации. Благодаря первичной социализации, ребенок становится *коммуникабельным существом*. Цель *вторичной социализации* состоит в том, чтобы коммуникабельный индивид стал полноценным членом общества в экономическом и социально-культурном отношении. Важнейшими составными частями вторичной социализации являются: а) формирование самосознания, личного Я, то есть осознание своего человеческого достоинства; б) профессионализация, то есть приобщение к определенной профессиональной группе, образовавшейся в результате общественного разделения труда.

Формирование личности предполагает овладение мировоззрением и социально-психологическими установками, ценностными ориентациями, этическими нормами и эстетическими предпочтениями, свойственными данному обществу. Здесь недостаточно контактов с привычным ближайшим окружением, возникает потребность в ознакомлении с культурным наследием своего народа и других народов. Для этого требуется обращение к массовой коммуникации. Содержанием *массовой коммуникации* являются социальные смыслы, знать и понимать которые необходимо, полезно, интересно всем членам общества. Социальными институтами массовой коммуникации в наши дни являются: 1) общее образование, школа, 2) искусство, художественная литература, фольклор, 3) религия, 4) средства массовой информации, в том числе Интернет, 5) учреждения культуры, включая публичные и универсальные библиотеки, 6) службы маркетинговой коммуникации (реклама, связи с общественностью и т. п.), 7) книгоиздательские и книготорговые фирмы.

Чтобы стать профессионалом, необходимо овладеть специальными знаниями, умениями, навыками соответствующей практической деятельности, а также профессиональной терминологией и приемами профессиональной коммуникации, принятыми в группе. Помимо естественного языка, профессионалы используют терминологию и знаковые средства, искусственно созданные ими для общения в своей профессиональной группе и непонятные другим членам общества. Можно дать следующее определение: *профессиональная коммуникация* – специальная смысловая коммуникация, служащая для передачи профессиональных знаний и умений посредством искусственных знаковых систем. Основными институтами специальной коммуникации являются: 1) высшие и средние учреждения специального образования,

2) научная коммуникация, включающая в себя службы научной и технической информации, 3) специальные отраслевые библиотеки, 4) органы служебной информации, оперирующие сообщениями «для служебного пользования» или грифом секретности. Главное различие в деятельности массовых и специальных коммуникаций заключается в том, что первые ориентированы на массовые совокупности, вплоть до общества в целом, а вторые – на определенные профессиональные группы. Заметим, что функционирование массовой и специальной коммуникации обеспечивается профессиональными группами информационно-коммуникационных работников, среди которых важное место принадлежит специалистам библиотечно-информационной деятельности.

Итак, социализация личности предполагает последовательное включение индивида в три разновидности коммуникационной деятельности: во-первых, в первичную детскую коммуникацию, нацеленную на овладение родным естественным языком («мутер шпрахе», как говорят немцы) и навыками поведения в ближайшем окружении; во-вторых, в массовую коммуникацию, распространяющую смыслы, ориентирующие в жизни общества; в-третьих, в профессиональную коммуникацию, необходимую для профессионализации члена общества. Благодаря коммуникации происходит формирование личности, способной функционировать в пространствах современной культуры в качестве полноценного члена общества и сотрудника той или иной профессиональной группы.

Помимо социализированных личностей (И), в качестве субъектов социальной коммуникации выступают *коммуникабельные социальные группы* (Г). Специфические особенности этих групп обусловлены, во-первых, использованием собственной терминологии и знаковых систем; во-вторых, хранением документированной групповой памяти (субкультурного наследия группы); в-третьих, осознанием коммуникационных (информационных) потребностей; в-четвертых, формированием библиотечно-информационных служб, хранящих групповую память и удовлетворяющих коммуникационные потребности группы. Какие социальные группы можно считать коммуникабельными?

В социологии различаются малые и большие социальные группы. Малые группы, члены которых находятся в постоянном личном контакте, не нуждаются в информационном обслуживании, а их групповая память представляет собой сумму воспоминаний членов группы. Следовательно, семья, школьный класс и т. п. к коммуникабельным группам не относятся. Среди больших групп некоммуникабельными являются многочисленные и рассредоточенные социально-демографические группы (молодежь, женщины, пенсионеры, инвалиды и пр.), а также группы с общим имущественным цензом (богатые, малоимущие, нищие) и сословно-классовой принадлежностью. Дело в том, что эти группы не имеют общих социальных смыслов (знаний,

умений, эмоций, стимулов), которые требовали бы передачи во времени и информационного обеспечения. Коммуникабельными являются профессиональные группы и общественные объединения (конфессии, политические партии, добровольные общества и союзы), которые можно назвать *целевыми социальными группами*. Целевые социальные группы берут на себя выполнение определенных общественных функций, что требует консолидации группы, фиксирования положительного опыта, сохранения и передачи его между членами группы. Ради этого целевыми группами создаются специальные информационно-коммуникационные системы. Наиболее сложной структурой обладает система научной коммуникации.

Наконец, обратимся к третьему социальному субъекту коммуникации – массовым совокупностям (М), представляющим собой множество людей, случайно оказавшихся вместе здесь и теперь. Для массовых совокупностей свойство коммуникабельности не характерно, но есть одно исключение, которое заслуживает особого внимания. Будем обозначать индексом М массовую совокупность, представляющую собой *множество современников, проживающих в пределах государственных границ*. Это множество людей образует *общество* данной страны в данный исторический период. Общество (социум) характеризуется не только общностью территории и экономических отношений, но и общностью психического склада и общественного сознания. Оно является носителем живого национального языка, национального культурного наследия и национальной памяти, обеспечивающей культурную преемственность поколений. В процессе международного общения государственно-организованное общество выступает в качестве *коммуникабельной массовой совокупности* и именуется *нацией*¹².

Субъекты коммуникационной деятельности взаимодействуют друг с другом, образуя, абстрактно говоря, шесть сочетаний, а именно: И – И, И – Г, И – М, Г – Г, Г – М, М – М. *Видами коммуникационной деятельности* будем считать сочетания, где в качестве активного, целенаправленного субъекта выступает И, либо Г, либо М. Назовем их, соответственно, *микрокоммуникацией, мидикоммуникацией, макрокоммуникацией*. Те сочетания, где И, либо Г, либо М выступают в роли объекта воздействия, назовем, соответственно, *межличностной, групповой и массовой коммуникацией*, понимая под ними *уровни коммуникационной деятельности*. В формулах сочетаний левый член обозначает активного участника коммуникации, а правый член – пассивного участника. Сочетания Г – И, М – И, М – Г исключены, так как группа не может активно действовать на межличностном уровне, так же как массовые совокупности не могут проявлять активность на межличностном и групповом

¹² В современной политологии под **нацией** понимается «тип этноса, исторически возникшая социально-экономическая и духовная общность людей с определенной психологией и самосознанием» (Политология. Энциклопедический словарь. – М.: МКУ, 1993. С. 212).

уровнях. Классификацию видов и уровней коммуникационной деятельности наглядности ради можно представить в виде следующего перечня классов (перечневой классификации):

I. Микрокоммуникация

I А. Межличностная коммуникация

I Б. Микрокоммуникация на групповом уровне

I В. Микрокоммуникация на массовом уровне

II. Мидикоммуникация

II А. Межгрупповая коммуникация

II Б. Мидикоммуникация на массовом уровне

III. Макрокоммуникация = Массовая коммуникация¹³

На практике коммуникационная деятельность активных субъектов, в зависимости от поставленной ими цели, осуществляется в одной из форм – *познание, диалог, управление (услуга)*. Под *коммуникационной ситуацией* будем понимать микрокоммуникацию (мидикоммуникацию, макрокоммуникацию), которая происходит без смены взаимодействующих субъектов и формы их взаимодействия. Оказывается, количество коммуникационных ситуаций конечно, и его можно представить в виде *исчисления*, то есть исчерпывающего перечисления всех возможных случаев коммуникационных взаимодействий с учетом вида, уровня, формы коммуникационной деятельности. Примерами аналогичных исчислений могут служить таблица умножения или таблица химических элементов Д.И. Менделеева. При перечислении коммуникационных ситуаций будем иметь в виду три обстоятельства. Во-первых, согласно требованию равноправия участников диалога, диалог возможен только между *одноименными* социальными субъектами, т. е. допустимы только сочетания И – И, Г – Г, М – М, а остальные сочетания запрещены. Во-вторых, при познании активным субъектом является реципиент, а не коммуникант, хотя именно последний служит источником передаваемых смыслов. В-третьих, нет четкой границы между управлением и обслужи-

¹³ В литературе имеет хождение следующее определение: «*Массовая коммуникация* – систематическое распространение сообщений (через печать, радио, телевидение, кино, звукозапись, видеозапись) среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей» (Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 348). В этом определении отнесены к массовой коммуникации микрокоммуникация на массовом уровне и мидикоммуникация на массовом уровне. Мы считаем массовой коммуникацией только М – М – например, диалог культур.

ванием (сервисом), ибо и в том, и в другом случае активен коммуникант, пассивен обслуживаемый (управляемый) субъект. Например, обучение – это одновременно и услуга, и управление.

Исчисление коммуникационных ситуаций представлено в таблице 1.1. В формулах приняты следующие условные обозначения: И – индивидуальная личность, Г – социальная группа, М – массовая совокупность; п – познание, д – диалог, у – управление (услуга). Поскольку не всякая социальная группа или массовая совокупность способны выступать в качестве активных субъектов коммуникации, индексом Г обозначены *коммуникабельные* целевые социальные группы (профессиональные группы и общественные объединения), а индекс М обозначает общество (нацию) в качестве *коммуникабельной* массовой совокупности. В формулах левый элемент представляет активного участника коммуникации, выполняющего в процессе познания роль реципиента, а в процессе управления (обслуживания) – роль коммуниканта. В процессе диалога происходит попеременная смена коммуникационных ролей.

Таблица 1.1 показывает, что теоретически возможны 15 коммуникационных ситуаций, которые распределены между тремя видами коммуникационной деятельности: микрокоммуникация (I), мидикоммуникация (II), макрокоммуникация (III). Эти виды деятельности происходят в различных социальных условиях: микрокоммуникация осуществляется в *обыденном* социальном пространстве и времени малых социальных групп; мидикоммуникация – в *общественно-организованном* пространстве и времени коммуникабельных групп, образующих социально-культурные институты или общественные объединения; макрокоммуникация реализуется в *международном* пространстве и *историческом* времени.

Таблица 1.1

Исчисление коммуникационных ситуаций

№№ п/п	Классы коммуникационной деятельности	Формула	Наименование коммуникационной ситуации
1.	I А. Межличностная коммуникация	И п И	познание человека или идеи
2.	I А. Межличностная коммуникация	И д И	беседа, обмен смыслами
3.	I А. Межличностная коммуникация	И у И	обучение, обслуживание
4.	I Б. Микро на групповом уровне	И п Г	познание социальной группы
5.	I Б. Микро на групповом уровне	И у Г	руководство коллективом
6.	I В. Микро на массовом уровне	И п М	социализация, познание среды

7.	I В. Микро на массовом уровне	И у М	публичное самоутверждение
8.	II А. Межгрупповая коммуникация	Г п Г	познание социальной структуры
9.	II А. Межгрупповая коммуникация	Г д Г	деловые переговоры, дискуссии
10.	II А. Межгрупповая коммуникация	Г у Г	маркетинг и менеджмент
11.	II Б. Миди на массовом уровне	Г п М	коллективное познание мира
12.	II Б. Миди на массовом уровне	Г у М	сервис, руководство обществом
13.	III. Макро (массовая) коммуникация	М п М	создание универсума знания
14.	III. Макро (массовая) коммуникация	М д М	глобальная коммуникация
15.	III. Макро (массовая) коммуникация	М у М	информационная война и мир

Рассмотрим более подробно особенности различных видов коммуникационной деятельности.

1.2.1. Микрокоммуникация. В таблице 1.1 представлены 7 ситуаций микрокоммуникационной деятельности, где индивидуальная личность выступает в качестве активного реципиента (познание, подражание) или активного коммуниканта (диалог, управление); в качестве же коммуникационных партнеров могут быть либо другой индивид, либо социальная группа, либо массовая совокупность, включая общество в целом. Содержание микрокоммуникации достаточно очевидно: на *межличностном* уровне это либо усвоение форм поведения, умений, внешних атрибутов коммуниканта, выбранного в качестве эталонного образца, либо понимание идеи – *познание человека или идеи*, либо обмен идеями, доводами, предложениями между собеседниками – дружеская или деловая *беседа, обмен смыслами*, либо руководство поведением другого человека – *обучение, обслуживание*. На *групповом* уровне возможны либо познание, но не отдельного человека, а *референтной группы*, с которой индивид желает себя идентифицировать¹⁴ (отметим, что встречается отрицательная установка, когда человек сознательно избегает признаков отвергаемой им группы), либо *руководство коллективом* – менеджмент, лидерство в группе. Наконец, на *массовом* уровне микрокоммуникационная деятельность служит для *социализации, по-*

¹⁴ Под **референтной группой** понимается группа, в которую индивид не включен реально, но которая выбрана им в качестве эталона для своего поведения, например, подражание купца дворянскому сословию или «нового русского» – аристократам духа.

знания среды – освоения формирующимся человеком принятых в данном обществе норм, верований, ценностей, языка и правил поведения, чтобы «быть как все», и *публичного самоутверждения*, т. е. завоевания оратором доверия и одобрения массовой аудитории посредством искусства красноречия.

Возникает практически важный вопрос: можно ли овладеть технологией успешной микрокоммуникации? Этот вопрос чрезвычайно значим для педагогов, деловых людей (бизнесменов), менеджеров, политиков, которые, по сути дела, являются *профессионалами микрокоммуникационной деятельности*. Интересует этот вопрос и людей, желающих иметь успех в обществе, достигать эффектного самовыражения и неформального авторитета в коллективе. Весьма важен он для библиотечных работников, непосредственно контактирующих с читателями. Наконец, умение непринужденно беседовать с незнакомыми людьми и поддерживать атмосферу доброжелательности в своей малой группе – гарантия делового успеха и семейного счастья. Однако знакомство с потоками учебной, научной и практической литературы приводит к однозначному выводу: микрокоммуникационную деятельность нельзя «выучить» по книжкам, здесь нет готовых рецептов, потому что она представляет собой *искусство*, т. е. творчески-продуктивную, игровую, а не репродуктивно-ритуальную деятельность. Успех всякого устного выступления или письменного сообщения зависит, прежде всего, от личностного обаяния, способностей и дарований (харизмы) их авторов. Допустим, можно вызубрить «Письма к сыну» английского аристократа Филиппа Честерфилда (1694–1773)¹⁵, но это не гарантирует приобретения великосветского шарма.

Социальные психологи представляют межличностное общение как социально-психологическое «осуществляемое с помощью средств речевого и неречевого воздействия взаимодействие между несколькими людьми, в результате которого возникают психологический контакт и определенные отношения между участниками общения»¹⁶. Это определение описывает внешние атрибуты микрокоммуникации, но не раскрывает её сущностную функцию. Надо признать, что в обширной учебной, популярной, методической литературе, посвященной различным микрокоммуникационным ситуациям, главное внимание уделяется описанию различных фактов и технологическим рекомендациям, а сущностные проблемы затрагиваются редко. Исключением является фундаментальная по содержанию и популярно написанная монография коллектива авторов во главе с О.И. Матьяш¹⁷, в которой

¹⁵ Честерфилд Ф. Письма к сыну. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – 400 с. (Великие мыслители).

¹⁶ Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. – СПб: Питер, 2001. С. 12.

¹⁷ Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С.А. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. – СПб: Речь, 2011. – 560 с.

обобщен российско-американский опыт изучения сущности межличностного общения людей.

В современной науке считается бесспорной истиной, что всякая личность (социализированный индивид) представляет собой *социальный конструкт*. Это означает, что человек формируется, живет и действует в социальном мире, проявляя себя посредством отношений с другими людьми, прежде всего, посредством межличностной коммуникации с ближайшим окружением (в детстве – родительская семья и школа, затем – социально-культурная среда, прежде всего, социально-культурные институты). Межличностная коммуникация оказывается необходимым фактором в процессе социального конструирования личности. Конструирование личности является реализацией *сущностной функции* микрокоммуникации, которую назовем *антропогенной (человекотворческой)* функцией.

Антропогенная функция реализуется в виде гуманистической и в виде технократической микрокоммуникационной деятельности. *Гуманистическая* направленность присуща диалогу – активному субъект-субъектному взаимодействию равных в каком-то существенном отношении личностей. Это равенство обуславливает возможность выразить их взаимодействие формулой Я – Ты¹⁸. Эта формула является гуманистической, потому что она предполагает понимание Ты как «другого Я», которое не может быть бездуховным Оно. Формула Я – Ты соответствует основному принципу (императиву) гуманизма, сформулированному Иммануилом Кантом (1724–1804): «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹⁹. Императив Канта выражает гуманистическую идею равноправия всех людей и призывает каждого относиться к другому по формуле Я – Ты.

Однако в социальной реальности далеко не всегда торжествует гуманизм, и поэтому наряду с гуманистическим диалогом микрокоммуникация может осуществляться в соответствии с формулой Я – Оно, которая выражает *технократическую направленность*. «Технократия» (от греч. *techné* – искусство, ремесло, мастерство, и *kratos* – власть) понимается как «власть техники» или «техника (технология) властвования». Микрокоммуникация в форме управления (приказ, внушение, убеждение) целенаправленно используется коммуникантом в качестве средства подчинения реципиента своей воле. Но управленческие технологии можно обнаружить и в подражании, и в негативных диалогах-конфликтах, и в дискуссиях оппонентов. Эти технологии красочно представлены в рекомендациях Дейла Карнеги (1888–1955), прославленного мастера управления людьми, произведение которого «Как завоевывать дру-

¹⁸ Здесь Я понимается как автономное эго, самость, противопоставляющая себя «другому» в одушевленной и неодушевленной форме.

¹⁹ Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 270.

зей и оказывать влияние на людей»²⁰ в 2002 году было названо бизнес-книгой номер один XX столетия.

В заключение сделаем три вывода. 1) Микрокоммуникационная деятельность необходима в жизни каждого человека, потому что она выполняет сущностную антропогенную (человекотворческую) функцию. 2) Антропогенная функция реализуется в виде двух противоположно направленных действий: гуманистического конструктивного диалога и технократической деструктивной манипуляции. Гуманистическая микрокоммуникация есть творческое взаимопонимание в процессе сотрудничества равноправных людей по формуле Я – Ты. Технократическая микрокоммуникация есть средство конкурентной борьбы и манипуляции деловых людей по формуле Я – Оно. 3) Микрокоммуникация осуществляется не только в условиях устной коммуникации, когда налицо непосредственный контакт между коммуникантом и реципиентом, но и в условиях книжной (документальной) коммуникации, когда реципиент (читатель) общается с миром книг, а не с их живыми авторами. Чтение – это процесс микрокоммуникации между автором и читателем, опосредованный книгой. Отдельная книга может служить либо гуманистической, либо технократической цели, оказывая соответствующее воздействие на сознание читателя. Задача разумного человека заключается в отборе тех книг, которые конструктивно обогащают его личность, и в отказе от манипулятивных изданий. В этом отношении может послужить образцом читательская деятельность философа-гуманиста Мишеля Монтеня (1533–1592), о которой он поведал в своих знаменитых «Опытах»:

«Книги сопровождают меня на протяжении всего моего жизненного пути, и я общаюсь с ними всегда и везде. Они утешают меня в мои старые годы и в моем уединенном существовании. Они снимают с меня бремя докучной праздности и в любой час дают мне возможность избавляться от неприятного общества. Они смягчают приступы физической боли, если она не достигает крайних пределов и не подчиняет себе все остальное. Чтобы стряхнуть с себя назойливые и несносные мысли, мне достаточно взяться за чтение; оно легко завладевает моим вниманием и прогоняет их прочь. К тому же книги неизменно повинуются мне и всегда встречают меня с той же приветливостью»²¹.

1.2.2. Мидикоммуникация представляет собой коммуникационную деятельность, где в качестве активного субъекта выступает коммуникабельная социальная группа. Пять ситуаций мидикоммуникации, как показывает таблица 1.1, включают в себя *познание социальной структуры* (Г п Г) – основанная на

²⁰ Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. В.П. Зинченко и Ю.М. Жукова. – М.: Прогресс, 1989. 544 с.

²¹ Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах: пер. с фр. Т. 3. – М.: Голос, 1993. С. 50.

подражании передача в социальном пространстве вещественных форм, языковых норм, стереотипов поведения и идей, эмоционально привлекательных для социальных групп (типичное явление – мода); *деловые переговоры, дискуссии* (Г д Г) – обычный способ кооперации, разрешения конфликтов и достижения соглашений между социальными группами; *маркетинг и менеджмент* (Г у Г) практикуется не только в коммерческой сфере (фирма-производитель – целевая группа потребителей товаров и услуг), но и в иерархических структурах (управленцы – исполнители), где контакты между группами четко регламентированы; *коллективное познание мира* (Г п М) превращается в коммуникационную проблему для национальных (этнических), религиозных, языковых меньшинств; *сервис, руководство обществом* (Г у М) осуществляется со стороны профессиональных групп, распространяющих смыслы, определяющие духовную и материальную жизнь общества.

Сущностная функция мидикоммуникации предопределена тем фактом, что без коммуникационного взаимодействия между социальными группами невозможно формирование социальной структуры, обеспечивающей целостность и качественную определенность социума. Никакие социальные системы, социальные институты и организации не могут развиваться в условиях изоляции от внешнего мира. Распространение творческих новаций в обществе – важнейший фактор социального прогресса. Поэтому сущностную функцию мидикоммуникации назовем *социогенной*, по аналогии с сущностной функцией микрокоммуникации, названной нами «антропогенной». Ключевое значение коммуникации в социогенезе²² признавалось многими авторитетными обществоведами, которые акцентировали различные формы и виды коммуникационной деятельности. Габриель Тард (1843–1904) был первым классиком социологии, громко и отчетливо заявившим о необходимости научного изучения коммуникационных процессов и посвятившим себя этому изучению. В книге «Законы подражания» (1893) Тард доказывал, что главным фактором социогенеза является социально-коммуникационная деятельность в форме *подражания*²³. Язык, религия, ремесло, государство изначально были продуктами творчества индивидов-новаторов; затем другие люди стали подражать этим новаторам, и таким образом утвердились названные социальные институты. «Изобретение и подражание – таков основной элементарный общественный процесс», – делает вывод Тард. По его словам, «Общество – это подражание, а подражание – своего рода гипнотизм»; в обществе подражательность имеет такое же значение, как наследственность в биологии и молекулярное движение в физике. Глубокое исследование сущности социальной коммуникации осуществил немецкий социальный

²² В социологии и социальной антропологии под **социогенезом** понимается эволюционный процесс происхождения и развития человеческого общества (социума).

²³ Тард Г. Законы подражания. – М.: Академический проект, 2011. – 304 с.

философ Никлас Луман (1927–1998). Выдвинув гипотезу о «невероятности коммуникации» вследствие невероятности адекватного понимания коммуниканта реципиентом (вспомним тютчевское «мысль изреченная есть ложь»), он опровергает её выводом о том, что без коммуникации «мы не смогли бы выжить». Луман показал, что самовоспроизведение социальных систем, именуемое в социологии *аутопоиезис* (autopoiesis), происходит благодаря межгрупповой коммуникации – движению во времени их элементов.

Таким образом, социогенная сущностная функция мидикоммуникации признается многими авторитетными социологами и культурологами. Отметим также, что, как и в случае межличностной коммуникации, мидикоммуникация имеет гуманистическую (конструктивную) и технократическую (манипулятивную) направленность. Гуманистическую направленность выражает формула Мы – Вы, а технократическую – формула Мы – Они. Формула Мы – Вы свойственна социальному подражанию и деловым переговорам; формула Мы – Они соответствует маркетингу, менеджменту и руководству обществом. Типичным явлением социального подражания является мода. Мода претендует в индустриальных странах на роль одного из детерминантов социального поведения широких народных масс. Моде следуют те люди, которые желают выглядеть (не обязательно «быть») принадлежащими к передовой (современной) когорте, обладающими престижными ценностями, интеллектуально развитыми (оригинальность), эффектными внешне (элегантность). Для выражения смыслов моды служит один из языков культуры – *язык моды*. Язык моды состоит из знаков-образов (стандартов или объектов моды), которые подразделяются на *симптомы* (знаки-индексы) – наблюдаемые явления, свидетельствующие о наличии других, непосредственно не наблюдаемых явлений (например, прическа, макияж, татуировка) и *модели* – материальные предметы в виде фасона одежды, архитектурного стиля или манеры поведения, копирующие модные образцы. Материальные модели обладают документальным качеством, что позволяет считать их документами (экспонатами) определенной культурной эпохи.

Привлекательными мотивами участия в модной коммуникации могут быть ощущение повышения социального престижа за счет хотя бы внешнего приобщения к референтной группе; достижение психологического комфорта за счет обладания модными предметами; обогащение личного мира новыми знаниями, чувствами предпочтениями, развитие художественного вкуса. Следуя моде, современный человек утверждает себя в собственных глазах и демонстрирует обществу свое «идеальное Я». Первооткрывателем библиотекведческого исследования читательской моды в нашей стране является В.Я. Аскарлова, которая в 1984 году защитила диссертацию «Изучение читательской моды как средство совершенствования руководством чтением художественной литературы». Ею выработано понимание читательской моды как

«динамической формы стандартизированного поведения читателей, проявляющейся в демонстративно избирательном отношении к произведениям печати в соответствии с культурными нормами референтной группы»²⁴.

Маркетинговая коммуникация представляет собой мидикоммуникацию на массовом уровне, соответствующую формуле Г у Г. В качестве управляющего субъекта выступает группа маркетологов, олицетворяющая компанию-производителя, а управляемым объектом является целевая аудитория – социальная группа (сегмент рынка), состоящая из потребителей продуктов и услуг данной компании. Простейшее определение маркетинговой коммуникации звучит так: *адресная передача сообщений о товарах или услугах целевой аудитории*. Потребность в коммуникационной деятельности такого рода обнаружилась во второй половине XX века в связи с изменением идеологии рынка: господствовавший ранее «рынок производителя», для которого характерно превышение спроса над предложением, стал вытесняться «рынком потребителя», где предложение превышает спрос. В новых условиях конкурирующие производители начали заботиться не только о повышении качества товаров и снижении их себестоимости, но и о формировании круга потребителей, предпочитающих продукцию данной фирмы. В наши дни маркетинговые технологии осваиваются некоммерческими организациями (НКО) социально-культурного профиля. Основными инструментами маркетинговой коммуникации являются реклама – оплаченное рекламодателем обращение к покупателю посредством СМИ, почтовой рассылки, рекламных щитов, плакатов и т. д.; связи с общественностью (public relations – PR) – коммуникационная деятельность, направленная на формирование внешней социальной среды, благоприятной и доброжелательной по отношению к данной организации; брендинг – создание и позиционирование уникального символа компании, ее продуктов и услуг в виде запоминающегося и внушающего доверие целевой аудиторией бренда (brand image – заводское клеймо).

В настоящее время практикуется гуманистический маскарад маркетинговой коммуникации, который трактуется как наступление эпохи *необрендинга*, присущей информационному обществу. Если в индустриальном обществе маркетологи рассматривали бренд как торговую марку, привлекающую взыскательных покупателей, то новый брендинг ориентируется не на формальные рыночные отношения, а на неформальную психологическую связь с каждым из клиентов. С этой целью следует не практиковать прямую рекламу фирменных товаров, а постараться ненавязчиво создать положительный имидж компании в социальных сетях и в блогосфере. Спрос на фирменную

²⁴ Аскарова В.Я. Психология чтения и проблемы типологии читателей. – Л.: ЛГИК, 1987. С. 37. См. также: Аскарова В.Я. Развитие взглядов на моду в чтении: от эстетико-педагогического подхода к междисциплинарному // Вестник ЧГАКИ. – 2012. № 2. С. 74–82.

продукцию будет гарантирован тогда, когда сами клиенты, общаясь между собой, будут рекомендовать её друг другу.

Один из глубоких исследователей маркетинговой коммуникации, современный культуролог А.П. Марков пишет в своей книге: «Маркетинг предельно эгоистичен и «топеу-центричен». Запуская в мир свои коммуникативные щупальца (в СМИ, Интернет, массовую культуру), он всю свою колоссальную энергию направляет на достижение производственной эффективности, максимизацию прибыли, игнорируя при этом принцип разумности человеческих потребностей. Во имя повышения потребительского спроса в маркетинговых коммуникациях эксплуатируются главные *человечные* ценности – семья, здоровье, дети, любовь. Маркетинг руководствуется представлением о человеке как предмете манипуляций. Он исповедует и утверждает модель человека как существа одномерного, примитивного, поведение которого детерминировано стремлением удовлетворить элементарные потребности в удовольствиях, впечатлениях, развлечениях. Более того, маркетинговые технологии существенно расширили список разрешенных потребностей – сегодня производитель предлагает товары и услуги, удовлетворяющие и активизирующие самые низменные человеческие инстинкты и страсти»²⁵.

Критическая характеристика А.П. Маркова в полной мере относится к коммерческому маркетингу, действующему по формуле Мы – Они. Однако не исключается реализация не маскарадной, а подлинной гуманистической направленности согласно формуле Мы – Вы. В этом случае имеет место *социальный маркетинг*, который определяется как коммуникация, использующая маркетинговые технологии не для извлечения прибыли, а для того чтобы принести пользу обществу и отдельным личностям. Идеология социального маркетинга соответствует целям и задачам некоммерческих (нонпрофитных) организаций (НКО) социально-культурной сферы, к числу которых относятся библиотеки.

С начала 1990-х годов, когда российские библиотеки стали активно выступать в качестве хозяйствующих субъектов, возникла идея использовать маркетинг в системе управления библиотекой. Практический (прикладной) библиотечный маркетинг нашел отражение в учебных пособиях В.К. Клюева, Е.М. Ястребовой, И.М. Сусловой²⁶. Затем последовали другие учебные пособия, научные статьи и даже диссертации. Был сделан вывод, что социальная направленность и неприбыльный характер работы библиотеки ука-

²⁵ Марков А.П. Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность. – СПб : СПбГУП, 2005. С. 333–334.

²⁶ Клюев В.К., Ястребова Е.М. Маркетинговая ориентация библиотечно-информационной деятельности (Маркетинг в системе управления библиотекой): учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: МГУКИ, 1999. – 99 с.; Сулова И.М. Практический маркетинг в библиотеках: учебно-методическое пособие. – М.: Либеря, 2004. 146 с.

зывают на необходимость широкого применения в этой сфере принципов социально-этического маркетинга, что открывает возможности для решения общественно значимых проблем. Сущность *библиотечного маркетинга* видится в управлении библиотекой, нацеленном на стимулирование спроса на библиотечно-информационные услуги и адаптацию к современным социально-экономическим условиям путем использования инструментов маркетинговой коммуникации. В крупных библиотеках организованы отделы (центры, сектора, группы) библиотечного маркетинга (маркетинга и инноваций, маркетинга и рекламы и др.), которые можно назвать центрами маркетинговой коммуникации, поскольку их задача сводится к обеспечению коммуникационных взаимосвязей «библиотека – читатель», «библиотека – общество», «библиотека – партнеры». Наиболее популярным инструментом библиотечного маркетинга является библиотечная реклама. Поскольку библиотечный маркетинг является разновидностью социального маркетинга, библиотечную маркетинговую коммуникацию можно признать гуманистической коммуникацией.

1.2.3. Макрокоммуникация, как показывает таблица 1.1, реализуется путем создания глобального *универсума знания* (М п М), *глобальной коммуникации* (М д М) и *информационных войн и мирного сотрудничества* (М у М). Если обратиться к истории России, легко обнаружить многочисленные факты макрокоммуникационных событий, начиная с Крещения Руси и заканчивая «холодными войнами» XX и XXI веков. Спор между западниками и славянофилами – это борьба *двух макрокоммуникационных идеологий*. Славянофилы утверждали право России на равноправный диалог с Западом и видели миссию России не в том, чтобы завоевывать Европу грубой жандармской силой, а в том, чтобы сообщить ей новые смыслы (православная этика, соборность, альтруизм), которые излечат дряхлеющую и загнивающую Европу от немощи (коммуникационная формула М у М). Западники подчеркивали принадлежность России к западной культуре и призывали воздерживаться от высокомерного духовного сепаратизма и по-прежнему охотно воспринимать достижения европейского прогресса, особенно в части науки, техники, демократии, эстетики (коммуникационная формула М п М). Либерализм, конституционная демократия, социал-демократия, марксизм – все это не российские, а импортные плоды. Пожалуй, только анархизм, украшенный именами М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, – отечественное произведение. Поучительным примером разрушительной мощи информационных технологий является «холодная война» между США и СССР (1948–1991), которая получила название «третьей мировой информационной войны»²⁷. Холодная война закончилась поражением СССР – поражением не на полях

²⁷ Третья мировая (информационно-психологическая) война. – М.: Эксмо, 2003. 448 с.;

сражений, а в виртуальном пространстве информационных войн. Политологи утверждают, что в наступившем столетии информационные войны станут основным средством мировой политики, главным способом достижения экономической и политической власти. В плане подготовки к будущим сражениям разрабатывается теория и методология информационных войн, где изучаются такие проблемы, как эффективность правды и лжи в информационном противоборстве, методология обмана и психического воздействия на противника и т. п.

Упомянутые ситуации международного и межкультурного взаимодействия являются проявлениями *сущностной функции макрокоммуникации*. Областью реализации этой функции является *глобальный хронотоп*, представляющий собой единство международного пространства и исторического времени. В результате макрокоммуникационных взаимодействий происходят глобальные, всемирно-исторические изменения, поэтому логично назвать сущностную функцию макрокоммуникации *глобогенной (миротворческой)*. Напомню, что сущностную функцию микрокоммуникации мы назвали антропогенной, потому что она является конструктивным фактором формирования личности; сущностную функцию мидикоммуникации мы назвали социогенной, учитывая, что она является конструктивным фактором формирования социума. Теперь рассмотрим влияние сущностной функции макрокоммуникации на процесс глобализации, которое оправдывает её наименование – глобогенной функции.

Глобализация – новое слово в современном научном и политическом лексиконе, но по сути дела за ним скрываются давно известные явления и, что особенно интересно для нас, явления коммуникационные. Первоначальное, наиболее грубое проявление глобализации – военная экспансия, стремящаяся к построению мировой империи. История знает немало примеров силовой глобализации, начиная с Римской империи и кончая Британским содружеством наций. Здесь преобладает *материальная коммуникация* – целенаправленное перемещение людей и материальных ценностей в глобальных масштабах. В эпоху Великих географических открытий (XV–XVII вв.) транспортная коммуникация приобрела всемирный масштаб, телеграфно-телефонная связь в XIX веке еще больше сблизила континенты, а радиорелейные каналы привели к образованию глобальной телекоммуникации в конце XX столетия. Таким образом, глобализация материальной коммуникации – состоявшийся факт.

Мировые религии и светские идеологии, претендующие на управление человеческим сознанием и бытием, всегда стремились к глобальному господству, используя для этой цели *социальные коммуникации*. Но их экспансия до сих пор не доходила до глобальных масштабов. Однако в настоящее время появились условия для *интегральной глобализации*, охватывающей все виды материальной и социальной коммуникации и претендующей

на *коммуникационное всеединство*. Авторитетный политолог А.И. Уткин предложил следующее развернутое определение: «Глобализация – доминирующая после окончания холодной войны единая общемировая система, основанная на беспрепятственном перемещении капитала, на информационной открытости мира, на быстром технологическом обновлении, на понижении тарифных барьеров и либерализации движения товаров и капитала, на коммуникационном сближении, планетарной научной революции, межнациональных социальных движениях, новых видах транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернациональном образовании»²⁸. С коммуникационной точки зрения, современная глобализация представляет собой формирование всемирной макрокоммуникационной сети, основанной на высокопроизводительной компьютерной и телекоммуникационной технике.

Подводя итоги рассмотрения проблем макрокоммуникации, можно сделать следующие выводы. Макрокоммуникация в виде заимствования культурных достижений и межкультурного диалога может стать предпосылкой формирования глобального сообщества, основанного на общности экономических, политических и культурных устоев, то есть стать инструментом утверждения глобального гуманизма. Однако в настоящее время реализация гуманистического потенциала глобализации затруднена вследствие корыстной политики частного капитала, нацеленной на извлечение максимальной прибыли из экономической и политической интеграции человечества.

Макрокоммуникация, связанная с решением глобальных политических и экономических задач, не свойственна библиосфере, поскольку последняя не выходит за национальные и государственные границы. В библиосфере в качестве субъектов коммуникационной деятельности выступают: а) читатели, б) профессионалы книжного дела; в) библиосферные институты. Эти субъекты осуществляют два вида деятельности: микрокоммуникацию (прерогатива читателей и профессионалов), которая реализуется посредством чтения и межличностного общения, и мидикоммуникацию (прерогатива институтов), осуществляемую в соответствии с профессиональными целями, нормами и методами. Сущностные антропогенные и социогенные функции, свойственные микрокоммуникации и мидикоммуникации, в значительной степени зависят от интеллигентности коммуникантов и реципиентов, участвующих в коммуникационных процессах библиосферы и инфосферы. Поэтому обратимся к проблеме русской интеллигенции и книжной культуре.

²⁸ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001. С. 9.

ГЛАВА 2

**РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА**

В соответствии с коммуникационно-семиотической концепцией культуры, которой мы решили придерживаться в нашем исследовании, в пространстве семиосферы различаются три рода коммуникационной культуры и, соответственно, три способа коммуникационной деятельности: *словесная культура* – устная коммуникация; *книжная культура* – книжная коммуникация; *мультимедийная культура* – электронная коммуникация. Книжная культура, в свою очередь, делится на три формы: рукописание, мануфактурное книгопечатание, индустриальная полиграфия, которые концентрируются в библиосфере, образуя культурное пространство книжности. Всякая культура создается людьми и для людей. Кто создавал книжную культуру в российском сословно-классовом обществе? Мы полагаем, что это были образованные и просвещенные люди, которых в Древней Руси называли книжниками, а в новое время – интеллигенцией. Однако А.П. Чехов и П.Б. Струве с нами не согласны. А.П. Чехов в одном из частных писем написал: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо её притеснители выходят из её же недр»¹. В 1909 году «легальный марксист» П.Б. Струве в знаменитом сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи» написал: «Великие русские писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика» и «Толстой стоит вне русской интеллигенции»². Получается абсурдный вывод: русскую культуру создавали неинтеллигентные люди.

Вместе с тем в конце XIX века писатель-народник Глеб Успенский (1843–1902) патетически восклицал, что интеллигенция – «всегда свет, и только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентское дело, интеллигентскую задачу»³. Один из единомышленников Г.И. Успенского конкретизировал его эмоциональную метафору: «Кардинальный признак в понятии интеллигентности лежит в её общественном характере, не в одной сумме знаний, не в каких-либо формальных, классовых, шуртучных и других внешних признаках, а в её духовной сущности. ... Тот врач, для которого медицина – ремесло, который является слесарем от медицины, не понимает привходящих в неё элементов общественной миссии, – не интеллигенция»⁴.

¹ Чехов А.П. Собр. сочинений: В 12 т. Т. 12. Письма 1893–1904. – М., 1964. С. 273.

² Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990. С. 138.

³ Успенский Г.И. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. – М., 1956. С. 237.

⁴ Елпатьевский С.Я. Из разговоров об интеллигенции // Русское богатство. – 1904. № 1. С.68.

В наши дни противоречия между интеллигентофобами и интеллигентофилами обострились еще больше.

Социологи и писатели-постмодернисты всерьез рассуждают о «конце русской интеллигенции». Один из лидеров нашей социологии Н.Е. Покровский в статье, многозначительно озаглавленной «Прощай, интеллигенция!», проследив драматическую биографию русской интеллигенции, провозглашает: «Волею исторического случая мы оказались свидетелями и участниками окончательного разрушения интеллигенции и ухода её с исторической арены. Вместе с интеллигенцией уходит и мир её идеалов. Ему нет места в новой климатической ситуации»⁵. Почти банальным стало утверждение: «Цикл существования интеллигенции закончился. Она выполнила свои задачи настолько блестяще, что самоликвидировалась за ненадобностью»⁶. Петербургский книгоиздатель-просветитель Дмитрий Буланин недавно опубликовал книгу «Эпилог к истории русской интеллигенции», где сетует, что «в тех сумерках цивилизации, куда погрузилась Россия, для интеллигенции нет места»⁷. Предсказывается, что на смену незадачливым отечественным интеллигентам придут предприимчивые и здравомыслящие *интеллектуалы западного образца*. Окончательно сбивает с толку академик А.В. Петровский, который уверяет, что интеллигенция в качестве реальной социально-психологической группы *вообще никогда на Руси не существовала*, что интеллигенция – это фантом, миф, результат недоразумения. Поэтому разговоры о конце русской интеллигенции беспредметны, так как хоронить-то некого⁸.

Конечно, не все умные люди жаждут расстаться с интеллигенцией. Так, писатель М.Н. Кураев одно из своих выступлений закончил патетически: «Вопрос «Нужна ли России в XXI веке интеллигенция?» равносителен вопросу «Нужна ли нам совесть?»»⁹. По мнению философа В.И. Толстых, «незачем и опасно подменять интеллигентность интеллектуальностью, что, увы, начинает входить в моду. Подмена опасная, потому что интеллектуал свободен от ответственности, он профессионал, и не более того, а интеллигент как раз с ответственности перед обществом и за общество начинается»¹⁰. Известный организатор отечественной науки Н.В. Карлов категорично заявил: «Ин-

⁵ Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция! // На перепутье (Новые вехи): Сб. статей. – М., 1999. С. 50.

⁶ Ерофеев В. Энциклопедия русской души. – М., 2005. С. 246.

⁷ Буланин Д.М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. – СПб, 2005. С. 14.

⁸ Петровский А.В. Интеллигенция при наличии отсутствия // Литературная газета. 2005. 19–25 октября.

⁹ Кураев М.Н. Нужна ли России интеллигенция в XXI веке? Петербург. Интеллигент, Филистер // Феномен Петербурга: Труды 2-й международной конференции. – СПб, 2001. С. 154.

¹⁰ Перестройка. Десять лет спустя. – М., 1995. С. 111–112.

телигенция будет существовать до тех пор, пока существует человечество. И для того, чтобы не перестать принадлежать человечеству, Россия должна развивать свою интеллигенцию, а интеллигенция – Россию»¹¹. В нынешней научной литературе можно встретиться с панегириками типа «Подлинная интеллигенция – сгусток знания, квинтэссенция народной совести, катализатор перемен, ведущих народ, нацию, страну к свободе и справедливости, к высотам духовной культуры»¹². Иногда эти панегирики приобретают метагалактические масштабы: «Представителем ноосферы на Земле является интеллигенция – носитель разума, интеллекта, прогресса, культуры и других ценностных категорий»¹³.

Создается впечатление, что интеллигентофобы и интеллигентофилы имеют в виду разные социальные группы, которые по недоразумению именуются одинаково – «интеллигенция». Различие этих групп определяется не уровнем образования и творческой активности (представители обеих групп образованны и творчески активны), а присущим им *этическим самосознанием (этосом)*. Именно этическое самоопределение служит критерием размежевания интеллигентов и интеллектуалов. Отличительным признаком интеллигентных людей служат совестливость, толерантность, отказ от насилия, а расчетливые интеллектуалы действуют по принципу «Цель оправдывает средства». Задача настоящей главы заключается в том, чтобы уточнить положение интеллигентов и интеллектуалов в культурном пространстве вообще и в библиосфере в частности.

2.1. ПОНЯТИЕ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

2.1.1. Лексикография русской интеллигенции. Лексикографический экскурс, посвященный слову «интеллигенция», естественно начать с истории его появления в русском языке, обзора значений этого слова и производных от него в различных контекстах. К счастью, эта кропотливая и трудоемкая работа уже выполнена несколькими авторитетными филологами, в числе которых академики Ю.С. Степанов и М.Л. Гаспаров. Ю.С. Степанов в своем фундаментальном лингво-культурологическом исследовании «Константы. Словарь русской культуры» посвятил концепту «Интеллигенция» довольно обширную статью¹⁴. Используя широкий круг философской, художественной, исторической литературы, он рассматривает дальнюю историю терми-

¹¹ Карлов Н.В. Интеллигентна ли интеллигенция... // Вопросы философии. – 1998. № 3. С. 10.

¹² Интеллигенция и власть: Сб. статей. Вып. 4. – М., 1992. С.6.

¹³ Ворова Т. Роль и место интеллигенции конца XX века в социуме // Интеллигенция России: традиции и новации. – Иваново, 1997. С. 197–198.

¹⁴ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. С. 610–633.

на и концепта «интеллигенция», использование его в общественной жизни XIX и XX столетий, а также семантически связанные с ним концепты «мещанство», «диссиденты» и др. М.Л. Гаспаров посвятил свое эмоциональное по форме и глубокое по содержанию выступление актуальной историко-философской проблеме «Интеллигенция и революция»¹⁵. Он высказывает свои соображения по поводу роли интеллигенции в русской истории, интеллигентности творцов русской культуры, влиянии русской классики на общественное самосознание, сопровождая их многоаспектными примечаниями – филологическим, историческим, философским и др. Изменения значения слова «интеллигенция» в русском языке XVIII–XIX вв. проследили С.О. Шмидт¹⁶ и Г.Н. Скляревская¹⁷. Не повторяя суждения названных авторов, но отталкиваясь от них, попытаемся воспроизвести лексикографическую историю понятия «интеллигенция» с учетом задач, поставленных в нашей книге.

Начнем издавала, с самого начала. Об интеллигенции знали древние римляне. Боэций (480–524), известный как «последний римлянин», в своем предсмертном «Утешении философией» называет интеллигенцией (*intelligentia*) «божественный разум», «высший способ познания»¹⁸. К термину «интеллигенция» обращалась немецкая классическая философия (Ф. Шеллинг, Г. Гегель), в смысле «самосознание народа», «дух народа» использовали его и русские философы. В «Опыте философского словаря», составленного А.И. Галичем, среди 217 научных терминов есть «*интеллигенция, разумный дух*»¹⁹. Таким образом, вырисовывается первоначальное, ныне почти позабытое, философско-теологическое значение слова «интеллигенция»²⁰.

В пореформенной России понятие интеллигенции профанировалось и приобрело содержание, зафиксированное во 2-м издании «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1881): «*Разумная, образованная, умственно развитая часть жителей*». Поскольку обладающая стабильными социальными свойствами «часть жителей» есть социальная группа, определение В.И. Даля можно назвать социологическим. Эта трактовка с принципиальными редакционными вариациями воспроизводилась другими

¹⁵ Гаспаров М.Л. Записки и выписки. – М., 2000. С. 84–112.

¹⁶ Шмидт С.О. Этапы «биографии» слова «интеллигенция» // Судьба российской интеллигенции: Материалы научной дискуссии. – СПб, 1996. С. 45–56.

¹⁷ Скляревская Г.Н. Еще раз о русском слове «интеллигенция» // Русистика и современность. Материалы VII международной конференции. Т. 1. – СПб, 2005. С. 39–47.

¹⁸ Боэций. «Утешение Философией» и другие трактаты. – М., 1990. С. 282.

¹⁹ Галич А.И. Опыт философского словаря // Галич А.И. Опыт философских систем. Кн. 2. СПб, 1819. С.321.

²⁰ Теологической «интеллигенции» можно уподобить понимание интеллигенции как «виртуальной референтной группы», то есть идеального эталона, с которым люди охотно самоидентифицируются (Кустарёв А. Нервные люди. Очерки об интеллигенции. – М. 1999. С. 240).

дореволюционными словарями и энциклопедиями. Например: «Интеллигенция – слой общества, превосходящий другие умственной культурой» (Энциклопедический словарь: В 3 т. / Сост. М.М. Филиппов. – СПб, 1901); «интеллигент – более или менее образованный и умственно развитой человек; интеллигенция – умственно развитая часть общества или народа» (Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. – СПб, 1905) и др. Обратим внимание на то, что здесь отсутствуют какие-либо профессиональные или сословные ограничения: подразумевается, что любой образованный дворянин, разночинец, священник, чиновник или земский служащий может именоваться интеллигентом. Не учитывается и моральное достоинство: бессовестный, но просвещенный деспот, карьерист или мошенник с университетским дипломом признавался интеллигентом. Так или иначе, но произошло «опредмечивание» бестелесного интеллигентского духа в виде вполне осязаемого и наблюдаемого социального явления, также именуемого «интеллигенция».

Одновременно стало формироваться еще одно понимание интеллигенции, которое впоследствии закрепилось за разночинной молодежью, руководившей позитивистской этикой «разумного эгоизма» и критически настроенной по отношению к самодержавно-православной российской империи. В кружках интеллигентов-разночинцев образовалась своеобразная *субкультура*, то есть система норм и ценностей, резко отличавшая её последователей от прочей, умеренно либеральной «образованной публики». И.А. Бунин следующим образом описывал субкультурную интеллигентскую среду своего времени: «Жили они, в общем, очень обособленно от прочих русских людей, даже как бы и за людей не считая всяких практических деятелей, купцов, землевладельцев, врачей и педагогов (чуждых политике), чиновников, духовных, военных и особенно полицейских и жандармов, малейшее общение с которыми считалось не только позорным, но даже преступным, и имели все свое, особое и непоколебимое: свои дела, свои интересы, свои события, своих знаменитостей, свою нравственность, свои любовные, семейные и дружеские обычаи и свое собственное отношение к России: отрицание её прошлого и настоящего и мечту о её будущем, веру в это будущее, за которое и нужно было бороться»²¹.

Описание интеллигентских кружков конца XIX века, сделанное наблюдательным писателем, хорошо согласуется с характеристикой субкультурных сообществ, принятой в социологии. Отличительными признаками этих сообществ являются обособление и откровенная оппозиционность по отношению к культуре господствующего общества (истеблишмента); наличие собственных харизматических лидеров (пророков, вождей), своего языка (жаргона), стиля поведения, обрядов; разделяемые членами группы общие ценности, идеалы, жизненные цели; присутствие игровой компоненты,

²¹ Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Соч. Т. 3. – М., 1994. С. 660.

придающей эмоционально-эстетическую привлекательность субкультуре. Именно субкультурный образ жизни провоцировал С.Л. Франка, Ф.А. Степуна, Н.А. Бердяева на сравнение субкультурной интеллигенции с религиозным орденом или со старообрядчеством, отличавшимся развитым этическим самоопределением. В зависимости от идейных ориентаций, различаются этико-политическая и этико-просветительная субкультуры.

Стало быть, в начале XX века обозначились две одновременно существовавших трактовки русской интеллигенции: *социологическая и субкультурная* (этико-политическая и этико-просветительная), что обусловило полисемию термина «интеллигенция», к сожалению, ни одним лексиконом того времени не зафиксированную.

В советские времена как социологические определения в духе В.И. Даля, так и субкультурные трактовки были отвергнуты, и общепринятой стала *социально-экономическая* трактовка: «Интеллигенция – социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом (ученые, инженеры, преподаватели, писатели, художники, врачи, агрономы, большая часть служащих)»²². Или: «Интеллигенция – общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры»²³. Предполагалось, что эти люди являются специалистами в своем ремесле, владеют соответствующими знаниями, умениями, навыками и никакими особыми морально-этическими качествами от прочего советского народа не отличаются. Принадлежность к интеллигенции обуславливалась родом занятий работника. Если кого-то *назначали на должность* учителя, инженера, писателя, то этот человек автоматически становился интеллигентом; если его освобождали от занимаемой должности, он выбывал из рядов советской интеллигенции.

Главные отличия официального понимания советской интеллигенции от социологических трактовок в дореволюционное время заключались, во-первых, в том, что первая мыслится как совокупность профессионалов, выполняющих определенные трудовые функции, а вторая – как совокупность «разумных и образованных» людей, независимо от их профессиональной занятости; во-вторых, в акцентировании экономической специфики интеллигенции – работники не физического, а умственного труда. Поэтому советскую трактовку рабоче-крестьянской интеллигенции мы назвали *социально-экономической*.

Важно отметить, что социально-экономическая трактовка неправомерно отождествляет понятия «интеллигент» и «специалист». Специалист умственного труда – это человек, удовлетворяющий духовные потребности общества путем создания, хранения и распространения духовных продуктов, пользующихся общественным спросом. В общем случае специалист работает по найму, он

²² Большая советская энциклопедия: 2-е изд. Т. 18. 1953.

²³ Большая советская энциклопедия: 3-е изд. Т. 10. 1972.

выполняет в пределах своей компетенции любые заказы, за которые ему платят. Интеллигент же осуществляет не любую хорошо оплаченную работу, а только ту, которая не противоречит его совести и убеждениям. Интеллигент, будучи образованным и творчески активным человеком, как правило, является специалистом; специалист же, в зависимости от этического самоопределения, может быть интеллигентом, а может быть интеллектуалом. Таким образом, объем понятия «специалист» включает в себя объем понятия «интеллигент».

В монолитном корпусе советских тружеников умственного труда можно распознать, по крайней мере, три субкультуры с разной этической ориентацией. Во-первых, *кастовая* субкультура партийной номенклатуры со своими этическими нормами, авторитетами, образом жизни²⁴. Эта субкультура единственная в своем роде, она не дает оснований для обобщения, поэтому исключим её из рассмотрения. Во-вторых, *этико-просветительная* субкультура, сохранившая, несмотря ни на что, альтруистические традиции интеллигенции Серебряного века. В-третьих, в конце 60-х годов в недрах советской интеллигенции возникла диссидентская *этико-политическая* субкультура, оппозиционная могущественному тоталитаризму. Эта интеллигентская субкультура – близкий аналог разночинной этико-политической субкультуры, сложившейся в пореформенной России XIX века, но с иными идеалами и ценностными ориентациями.

В постсоветское время интеллигентские субкультуры, исчерпав себя, самоликвидировались. Произошла дифференциация бывшей советской интеллигенции на две части: а) этически нейтральные специалисты, продолжающие, вопреки всему, заниматься своим привычным делом; б) рационалисты-прагматики, российские интеллектуалы, руководствующиеся нравственностью либерального предпринимательства в погоне за утилитарными ценностями и личным успехом. Кроме того, обнаружилась *этико-культурологическая* группа преимущественно гуманитарной элиты, активно исповедующая интеллектуальную свободу и высокие нравственные нормы – прежде всего, обостренную совестливость, – отвергающая мещанский эгоизм и утверждающая благоговейное отношение к национальной и общечеловеческой культуре.

Для группы специалистов, следующих общепринятым этическим нормам, сохраняет силу социально-экономическое определение интеллигенции, принятое в советское время. Для интеллектуалов-рационалистов, естественно, годятся трактовки, принятые за рубежом, например, в словаре Уэбстера читаем: *интеллектуал* (intellectual) – «человек, обладающий превосходным интеллектом и полагающийся на свой интеллект больше, чем на чувства и эмоции»²⁵. Строго говоря, для выявления значения термина «интеллектуал» следовало

²⁴ Эта субкультура прекрасно представлена в книге: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия, 1991. 624 с.

²⁵ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – N.Y. 1989. P. 738

бы провести такой же лексикографический анализ, который был проделан для слова «интеллигент», поскольку в зарубежных лексиконах существуют разные трактовки интеллектуалов. Вот одна из них: «Человек, который (1) получил академическое или подобное ему образование, (2) никак не связан с хозяйственной жизнью и, прежде всего, не является рабочим, (3) выступает публично и стремится стать авторитетом в вопросах морали, политики, философии и мировоззрения»²⁶. Далее выясняется, что чаще всего интеллектуалами являются журналисты, литераторы, художники, публично выступающие профессора университетов. Другая трактовка принадлежит классику американской социологии Роберту Мертону, который называет интеллектуалами лиц, посвятивших себя культивированию и формулированию нового знания, имеющих доступ к пополняемому ими общему фонду культуры и осуществляющих все это в свободное или в основное рабочее время²⁷. Мертон не упоминает о морально-нравственных качествах интеллектуалов, но зато акцентирует их креативность и эрудированность. В рамках нашего исследования нет необходимости углубляться в зарубежную лексикографию, поэтому будем руководствоваться процитированной дефиницией авторитетного словаря Уэбстера, которая лежит в русле отечественных дискуссий об интеллигенции.

Этико-культурологическое понимание русской интеллигенции представляет собой гуманистическую реакцию на экспансию утилитаризма и технократизма. В качестве образца для подражания постсоветской молодежи предлагается не удачливый бизнесмен, «берущий от жизни все», а идеал «подлинного русского интеллигента», представляющий собой апологетический *этико-культурологический миф*. Сущность этого мифа в афористической форме выразил М.С. Каган: «Интеллигент – образованный человек с большой совестью»²⁸. Живым воплощением идеала интеллигентности в 80-е–90-е годы стал академик Д.С. Лихачев. Возможно, в современной России обнаружится еще десяток или даже несколько десятков идеальных русских интеллигентов, но говорить о формировании этико-культурологической субкультуры мы не можем. Вместе с тем игнорировать эту интеллигентскую трактовку никак нельзя. Хотя в социальных структурах «образованным людям с большой совестью» принадлежит то же место, что и интеллигенции в философско-теологическом понимании, они вписали яркую страницу в интеллигентскую мифологию, очень полезную в педагогическом процессе.

В таблице 2.1 систематизированы в хронологическом порядке трактовки понятия «интеллигенция», имевшие хождение в России в XIX–XX веках.

²⁶ Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков. – М., 1993. С. 66.

²⁷ Цит. по: Покровский Н.Е. Горячее дыхание власти // На перепутье (Новые веки). Сб. статей. – М., 1999. С. 57.

²⁸ Каган М.С. Образованные люди с большой совестью // Судьба российской интеллигенции. – СПб, 1996. С. 57–60.

Таблица 2.1

Трактовки понятия «интеллигенция» в XIX–XX веках

	Общекультурные	Субкультурные	
XIX век	<i>Социологическая:</i> «Разумная, образованная умственно развитая часть жителей» (В.И. Даль)	<i>Разночинная этико-политическая:</i> нигилисты, народники, боевики-террористы	<i>Разночинная этико-просветительная:</i> народные учителя, врачи, ветеринары и т. п.
Советский период	<i>Социально-экономическая:</i> «Социальная прослойка, состоящая из людей, профессионально занимающихся умственным трудом» (БСЭ: 2-е изд. Т. 18. 1953).	<i>Диссидентская</i> – аналог разночинной, но с иной идеологией	<i>Этико-просветительная,</i> продолжающая традиции разночинцев
Постсоветская Россия	<i>Интеллектуально-рационалистическая:</i> «Человек, обладающий прекрасным интеллектом, и полагающийся на свой интеллект больше, чем на чувства и эмоции» (Webster Dictionary)	<i>Специалисты:</i> Люди, профессионально занятые умственным трудом, с обыденным этическим самосознанием	<i>Этико-культурологическая:</i> «образованный человек с большой совестью» (М.С. Каган)

Итак, «интеллигенция» – слово многозначное, имеющее, по меньшей мере, семь разных трактовок, приведенных выше: 1) исходная фило-софско-теологическая, 2) социологическая в смысле словаря В.И. Даля, 3) этико-политическая, относящаяся к разночинным субкультурам XIX века и советскому диссидентству; 4) народническая этико-просветительная субкультура, в слабо выраженной форме сохранившаяся до наших дней; 5) советская социально-экономическая, распространенная на постсоветских специалистов умственного труда; 6) интеллектуально-рационалистическая, заимствованная за рубежом и подменяющая интеллигента интеллектуалом, 7) этико-культурологическая, развиваемая гуманитарной элитой постсоветской России. Предположим, что все трактовки, представленные в таблице 2.1, имеют какой-то общий корень и по существу своему не противоречивы, а совместимы друг с другом. Тогда возникает задача: выработать такие обобщающие формулы, которые учитывали бы исторически сложившуюся многозначность понимания русской интеллигенции. Назовем их формулами интеллигентности и интеллектуальности.

2.1.2. Формулы интеллигентности и интеллектуальности. Почему «интеллигентности», а не «интеллигенции» или «интеллигента»? Потому что «интеллигентность» есть исходное ключевое понятие, так сказать, главный семантический множитель, посредством которого можно выразить другие понятия. Интеллигент – это человек, обладающий качеством интеллигентности, а интеллигенция – множество (социальная группа) интеллигентов. Понятие «интеллектуальность» также является ключевым в своей терминологической группе. Раскрыв смыслы интеллигентности и интеллектуальности, мы определим сущность интеллигента и интеллектуала. Правда, сделать это непросто, потому что интеллигентность иногда понимается как «духовно-душевная одаренность, талант», который можно интуитивно почувствовать на уровне «субсенсорных проявлений, по микроэкспрессиям, неуловимым интонациям, жестам, взглядам» при помощи особого «нюха», шестого чувства и т. п.

Мы не будем апеллировать к мистическому «шестому чувству», а используем реальные лексикографические пособия. Обратимся вновь к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля. Формулировка этого словаря – «Интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» – была общепринятой в XIX веке, недаром она воспроизводилась всеми дореволюционными энциклопедическими изданиями. Непременными признаками интеллигентности признавались во-первых, *образованность*, во-вторых, разумность, умственное развитие, то есть способность к духовному творчеству, или, говоря современным языком, *креативность*. Разумеется, понятие «образованность» исторически относительно. Во второй половине XIX века образованность предполагала начитанность, приобщенность к журнально-книжному миру, ориентированность в литературных течениях, короче говоря, книжную культурность, а в наши дни индикатором образованности стала *информационная культура*, включающая в себя не только библиотечно-библиографическую грамотность и культуру чтения, но и владение информационными технологиями, открывающими доступ к электронной коммуникации. Информационная культура, точнее, информационная культурность как свойство личности стала в последнее десятилетие проблемой, активно обсуждаемой в отечественной библиотечно-библиографической литературе²⁹. Хотя в этих обсуждениях не затрагивался вопрос о соотношении интеллигентности и информационной культурности, напрашивается, тем не менее, вывод, что, поскольку необходимым компонентом современной образованности стало владение информационной культурой, информационная

²⁹ См., например: Гендина Н.И. Информационная культура личности в контексте формирования общества знаний // Библиотекосведение. 2006. № 4. С. 15-17; Зиновьева Н.Б. Информационная культура личности: Введение в курс: Учебное пособие. Краснодар, 1996. 136 с.; Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докл. междунар. научной конференции. – Краснодар, 1996. 490 с.; Справочник библиотекаря. – СПб, 2000. С. 169–176.

культурность является отличительной чертой именно постсоветского поколения русской интеллигенции вообще, и, надо думать, библиотечной интеллигенции в частности.

Креативностью (творческими способностями) обладают все нормальные люди, но для индивидов с развитым интеллектом (интеллигентов и интеллектуалов в равной мере) характерна склонность к теоретическому обобщению, они думают не только о том, что есть, но и о том, что должно быть, интересуются далекими от ежедневного бытия вещами – например, «конечными ценностями», началами природы и общества, происхождением Вселенной. Они вырабатывают национальный литературный язык и специальные терминосистемы, выделяющие его представителей из простонародной массы. Надо заметить, что теоретическое мышление, культура речи, книжная культурность способствуют развитию не только чувства собственного достоинства и самодостаточности, но иногда – самомнения, снобизма и высокомерия, поэтому их нельзя называть обязательными качествами интеллигентного человека и включать в формулу интеллигентности. Столь же неприемлемо одностороннее акцентирование креативности, примером которого может служить бестселлер американского социолога Ричарда Флорида «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», недавно изданный на русском языке³⁰.

Примем за основу два бесспорных элемента интеллигентности, названные В.И. Далем. Но этих элементов недостаточно. Образованность и креативность в совокупности представляют собой не интеллигентность личности, а *интеллектуальность*, то есть обладание интеллектом. Интеллект же образованного, умственно развитого человека может быть направлен на достижение *различных* жизненных целей. Жизненное целеполагание (понимание смысла жизни) зависит от этического самоопределения, то есть, говоря философским языком, *этоса*³¹. Этическое самоопределение санкционирует те жизненно важные смыслы и ценности, к достижению которых следует стремиться, те нормы и эталоны, которыми нужно руководствоваться в практической деятельности, те добродетели, которые желательно культивировать, и те пороки, которых следует избегать. Именно *этическое самоопределение* отличает интеллигента от интеллектуала, оно и является необходимым третьим элементом формулы интеллигентности. Этическое самоопределение либо вырабатывается самостоятельно – это удел духовно сильных личностей (аристократов духа), либо приобретается путем приобщения к какой-либо субкультуре.

В отличие от образованности и креативности – постоянных членов формулы, содержание которых предопределяется современным уровнем куль-

³⁰ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2011. 432 с.

³¹ Этос (нрав, характер) – совокупность стабильных черт характера субъекта.

туры – этическое самоопределение – переменная составляющая, направленность которой может меняться в широком диапазоне. Оно может быть ориентировано политически, и тогда перед нами представитель этико-политической субкультуры начала XX века; этико-просветительные и этико-культурологические концепции интеллигентности акцентируют иные духовные ценности интеллигентного человека, главными из которых остаются гуманизм, альтруизм, толерантность, осуждение мещанского стяжательства и агрессивного насилия, бескорыстное служение культуре.

Получается следующая формула русской интеллигентности: ***интеллигентность*** – интегральное качество личности, включающее в себя на уровне, соответствующем определенному поколению интеллигенции, образованность, креативность, этическое самоопределение (этнос). Словесную формулировку можно преобразовать в логическую формулу:

Интеллигентность = [C & V] - kT, где приняты следующие обозначения:

– C – интеллектуальная постоянная: относительно высокая образованность + креативность;

– V – **этическая переменная: принятое личностью этическое самоопределение;**

– & – оператор конъюнкции (логический оператор И);

– kT – коэффициент исторического времени, принимающий различные значения в зависимости от поколения интеллигенции.

Постоянная часть формулы показывает отношение к *сфере общественного производства*: образованный субъект, занятый умственным трудом. Переменная часть – этнос – характеризует отношение к *сфере личного потребления*, то есть к средствам удовлетворения потребностей и интересов. Разграничение интеллигентов и интеллектуалов происходит не в сфере производства, где они могут занимать одинаковое положение и выполнять одни и те же функции, а в сфере досуга, где осуществляется относительно свободная самореализация индивида.

Поколение интеллигенции – историческая общность, характеризующаяся типичными для нее мировоззрением, интеллектно-этическими идеалами, ценностными ориентациями, социально-психологическим складом. Смена поколений интеллигенции означает смену культурно-исторических эпох. Очевидно, что для каждого поколения интеллигенции свойственны свои, исторически обусловленные нормы этического самоопределения. В этих нормах выражаются: направленность личности – альтруизм или эгоизм; отношение к оппонентам (агрессивность) – толерантность или насилие; отношение к культуре – благоговейное почитание или потребительской эксплуатация. Согласно этико-культурологической и этико-просветительской трактовкам интеллигенции, этическая переменная интеллигента V^{интеллигент} должна обязательно включать в себя: а) альтруизм, б) толерантность, в) благоговение перед культурой. Уточним эти понятия.

Соотношение альтруизма и эгоизма – одна из активно дискутируемых проблем современной этики. *Альтруизм* будем понимать как ощущение ответственности за благополучие не только свое собственное и своих близких, но и других людей, общества, человечества в целом. Тот врач, который, несмотря на собственное недомогание, спешит к больному; тот солдат, который не покидает свой пост, вопреки угрозам его жизни; тот мыслитель, который ради принципов и убеждений, подобно Джордано Бруно, готов взойти на костер, – короче говоря, те люди, которые руководствуются чувством долга, а не своекорыстными расчетами, являются подлинными альтруистами. Согласимся с Н.Н. Моисеевым, который в качестве отличительной особенности интеллигентных людей называл «разумный альтруизм», непримиримость к «несправедливости и бедам общественного бытия», способность «подняться над узкими личностными интересами, интересами той или иной группы, способность думать над тем, что их непосредственно не касается»³². Альтруистический этос включает в себя признание *равенства* (равноценности) и *братства* людей, ощущение *потребности в других людях и братской любви* к ним. *Эгоизм* является этическим антиподом альтруизма. В нашем исследовании будем отождествлять эгоизм с *себялюбием* и *своекорыстием*, хотя взыскательные этики различают эти понятия³³.

Толерантность (ненасилие) – межнаучное понятие, принятое в политологии, этике, культурологии, психологии³⁴. При рассмотрении интеллигентности будем иметь в виду понимание толерантности как отказ от насилия и «отрицание принуждения как способа взаимодействия человека с миром, природой, другими людьми»³⁵. Толерантность не означает примирение со злом, потакание злу своим бездействием. Напротив, она предполагает противодействие злу словом или неповиновением, бойкотом распоряжений злобной власти, но никак не силой оружия. Признанными идеологами движения ненасилия являются Лев Толстой, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг.

Д.С. Лихачев особо подчеркивал: «Интеллигенты – это люди, исполненные духа терпимости к чужим ценностям, уважения к другим... Интеллигента можно узнать по отсутствию в нем агрессивности, подозрительности, комплекса собственной неполноценности, по мягкости поведения. Агрессивен только полуинтеллигент, теряющий себя в шаманизме “массовой культуры”»³⁶. Отсюда следует, что интеллигент не может быть тираном и деспотом

³² Моисеев Н.Н. Атавизация и интеллигенция // Знание – сила. – 1990. – № 6. С. 13.

³³ Современный взгляд на проблему альтруизма и эгоизма хорошо представлен в книге Гуревич П.С. *Этика: учебник для студентов вузов.* – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 416 с. Здесь даны толкования не только понятий «альтруизм» и «эгоизм», но и понятий «жертвенность», «своекорыстие», «разумный эгоизм» (с. 158–175).

³⁴ Толерантность / Общ. ред. М.П. Мчедлова. – М.: Республика, 2004. 416 с.

³⁵ Макарова Н.И., Наливайко Н.В. *Насилие – ненасилие в современном образовании.* – Новосибирск, 2004. С. 151.

³⁶ Лихачев Д.С. *Я вспоминаю.* – М., 1991. С. 252.

ни в частной жизни, ни в политике, ни в общественно-производственной сфере. Зато рациональная интеллектуальность вполне согласуется с деспотизмом, нигилизмом, цинизмом, ксенофобией, расизмом.

Благоговение перед культурой представляет собой, с одной стороны, самоидентификацию с национальной культурой и ощущение *бремени культурного наследия*, то есть осознание личной ответственности за сохранение культурных ценностей предков; с другой стороны, почитание культурных памятников других стран и народов в качестве общечеловеческого культурного наследия. Интеллигентный человек относится к произведениям культуры как к безусловной и абсолютной *ценности*, а ни в коем случае не как к утилитарному *средству*. Мне кажется, что сущность такого отношения хорошо выражает книжное слово «благоговение», которое современные словари определяют как «глубокое почтение, уважение, преклонение»³⁷. Юридическим выражением интеллигентского благоговения перед культурой может служить «Декларация прав культуры», разработанная академиком Д.С. Лихачевым³⁸.

Мы получили исходную формулу интеллигентности, которая соответствует фигуре *интеллигента-гуманиста*, этическое самоопределение которого включает в себя альтруизм + ненасилие + благоговение перед культурой. Думаю, что она годится не только для этико-культурологических, но и для философско-теологических формулировок, ведь «разумный дух» безнравственным быть не может. Аналогично можно построить исходную формулу интеллектуальности, которая выглядит так же, как формула интеллигентности, а именно:

$$\text{Интеллектуальность} = [C \& V] - kT$$

Совпадают и словесные определения формул. Формула интеллектуальности соответствует этико-политической субкультуре и интеллектуалам западного образца. Главное её отличие от формулы интеллигентности заключается в том, что этическая переменная $V_{\text{интеллектуал}}$ имеет иное содержание, ибо разумные эгоисты и интеллектуалы, согласно определению, руководствуются разумом, а не эмоциями и чувствами (значит, им чужды моральные эмоции сострадания, привязанности, благоговения, чувства совести и стыда). Место альтруизма в формуле интеллектуальности занимает эгоизм, место толерантности – интолерантность (нетерпимость), практикующая насильственные методы по принципу «Цель оправдывает средства», вместо благоговения перед культурой – потребительское использование её в качестве источника комфорта и развлечения или для достижения своекорыст-

³⁷ Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 1998. С. 81.

³⁸ Конгресс российской интеллигенции. – СПб, 1998. С. 266–274.

ных целей – например, идеологического манипулирования массами. В связи с этим интеллектуалу свойственны культурная индифферентность, готовность адаптироваться к любой культурной среде, отказ от самоидентификации с определенной национальной культурой. Нарисованную фигуру интеллектуала назовем *интеллектуал-циник*, учитывая, что её этическое самоопределение характеризуют эгоизм + насилие + потребительское отношение к культуре. Как известно, циник – безнравственный человек, использующий любые средства для достижения своих целей.

Наконец, представим формулу интеллектности, соответствующую социологической и социально-экономической трактовкам интеллигенции. Поскольку в этих трактовках отсутствует этическое самоопределение, формула упрощается и выглядит следующим образом:

$$\text{Интеллектность} = \text{С} - \text{КТ}$$

Отсутствие в формуле интеллектности этической составляющей не означает, что реальные субъекты этически нейтральны. Ведь не зря дореволюционную интеллигенцию обвиняют в нигилизме и фанатизме, а советскую интеллигенцию упрекают в конформизме и сервиллизме, легко перераставших в «рептильную приспособляемость и рабскую угодливость». Интеллигент-гуманист и интеллектуал-циник – это крайности, противоположные полюса, между которыми располагаются промежуточные этические фигуры. Помимо гуманиста, имеются три интеллектные (умственно развитые) фигуры, включающие в себя альтруистическую направленность личности: квазигуманист, использующий насилие ради достижения идеологически санкционированных и альтруистически переживаемых целей – например, утверждение христианства или реализация партийной программы; скептик – высоко образованный и вольномыслящий альтруист, отвергающий насилие и критически оценивающий современную культуру, а не благовоющий перед нею³⁹; наконец, нигилист, не только подвергающий сомнению общепризнанные культурные ценности, но и склонный к их разрушению, ибо, как говорил тургеневский Базаров, «место надо расчистить». Причем, справедливо заметил С.Л. Франк, русский нигилист является не эгоистом, а альтруистом, поскольку, он заботится «о насущном хлебе для всех или большинства»⁴⁰.

Эгоистическое самоопределение не менее разнообразно. Эгоист может быть злым и жестоким циником или, напротив, добрым и страда-

³⁹ Скептицизм понимается здесь как философская позиция, характеризующаяся сомнением в существовании надежных критериев истины. В эпоху Просвещения скептицизм отождествлялся со свободомыслием (М. Монтень, П. Бейль и др.).

⁴⁰ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1991. С. 182.

тельным человеком; он может варварски потреблять продукты культуры, а может быть их фанатичным поклонником. В общественной жизни, да и в быту часто сталкиваешься с интеллектуалом-деспотом. Деспотизм, конечно, чужд альтруизма и толерантности, но он базируется на некоторых культурных ценностях – прежде всего, определенной идеологии. Содержание идеологии не имеет значения, важно, чтобы она способствовала укреплению власти деспота. Особый вид деспотизма – культ собственной личности (*нарциссизм*), когда собственное Я становится высшей культурной ценностью, ради блага которой оправдано применение любых средств. Эгоистические личности представлены еще двумя фигурами: сноб, отвергающий насилие и уважительно относящийся к культуре⁴¹ и конформист, толерантный, но идейно беспринципный человек. В общей сложности получается *восемь интеллектуальных фигур*, имеющих различную этическую ориентацию. Вот они:

ГУМАНИСТ = альтруизм + толерантность + благоговение перед культурой;

КВАЗИГУМАНИСТ = альтруизм + насилие + преданность идеологии;

СКЕПТИК = альтруизм + толерантность + критика ценностей культуры;

НИГИЛИСТ = альтруизм + нетерпимость + отрицание ценностей культуры;

ДЕСПОТ = эгоизм + насилие + насаждение собственных ценностей;

СНОБ = эгоизм + толерантность + признание современной культуры;

КОНФОРМИСТ = эгоизм + покорность + индифферентность к культуре;

ЦИНИК = эгоизм + нетерпимость + потребление культуры.

Важно обратить внимание на то, что других вариантов этического определения *быть не может*, потому что исчерпаны все возможные сочетания этических параметров. Стало быть, представленный перечень является *конечным исчислением* интеллектуальных фигур. Конечно, наименования фигур приняты условно ради удобства обращения к ним, и, вероятно, возможны более удачные формулировки. Но дело не в словах, а в том, чтобы решить, какие из них относятся к интеллигентам, а какие – к интеллектуалам. Наиболее подходящим критерием для этого может служить *толерантность*: интеллигент – это человек, не способный к насилию, а интеллектуал – человек, действующий по принципу «Цель оправдывает средства». Тогда получаются *два класса интеллектуальных фигур*, которые обыденное сознание оптом относит к интеллигенции:

⁴¹ В соответствии с современным словоупотреблением, сноб – «человек, считающий себя носителем высшей интеллектуальности и изысканных вкусов» (Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 1998. С. 1223).

фигуры интеллигентов – ГУМАНИСТ, СКЕПТИК, СНОБ, КОНФОРМИСТ;

фигуры интеллектуалов – ЦИНИК, ДЕСПОТ, КВАЗИГУМАНИСТ, НИГИЛИСТ.

Очевидно, что восторг интеллигентофилов – «интеллигенция – чудо!» вызывают гуманисты, иногда – квазигуманисты, но никак не деспоты, циники или конформисты. Интеллектуально развитых циников, деспотов и конформистов клеймят интеллигентофобы – «интеллигенция – чудовище!», ошибочно принимая их за полномочных представителей класса интеллигентов. Приведенные формулы наглядно демонстрируют варианты этического самоопределения «разумных и образованных» личностей, которые, конечно, нельзя оценивать однозначно. Поэтому сделаем несколько комментариев по поводу выведенных формул.

1. *Правда и ложь*. Обратим внимание на то, что как в классе интеллигентов, так и в классе интеллектуалов представлены альтруистические и эгоистические фигуры. Альтруизм, в отличие от эгоизма, не нуждается в лицемерии, скрытности, обмане. Альтруист, свободный от своекорыстных расчетов, способен *жить по правде, а не по лжи*, в отличие от эгоиста, в той или иной мере допускающего ложь, хитрость, предательство ради достижения личных целей. Включение в этическое самоопределение интеллигента или интеллектуала альтруизма означает, что *правдивость* становится его неотъемлемой чертой. Суть правдивости хорошо сформулировал Н.В. Карлов: «Интеллигентность беззастенчиво опровергает любимые и привычные заблуждения. Она говорит горькую правду. Для нее нет запретных тем, нет излишне деликатных вопросов, нет авторитетов, нет сакральной истины. Именно это раздражает. Именно за это её не любят»⁴². Стало быть, гуманисты и квазигуманисты, скептики и нигилисты предпочитают «жить по правде», а деспоты, снобы, конформисты и циники не могут обойтись без лжи. Можно сказать, что в нашей формуле интеллигентности правдивость *подразумевается* в составе этического самоопределения в качестве неперемennого элемента. Вместе с тем гуманистическая правдивость не должна быть бестактной и жестокой, она может допускать «ложь во спасение» во имя милосердия. Требуя правдивости, альтруизм обуславливает присущие интеллигентным людям доброжелательность, скромность, честность, уважительное отношение к окружающим. Исключаются высокомерие и спесь, самоутверждение за счет унижения других, цинизм, холуйство и хамство. Недопустимо присвоение чужого – от чужого имущества до чужой идеи.

⁴² Карлов Н.В. Интеллигентна ли интеллигенция... // Вопросы философии. – 1998. – № 3. С. 16.

2. *Оппозиционность*, понимаемую как отчуждение от государства и враждебность ему, авторы мифа об уникальности русской интеллигенции называют в качестве сущностного и неотъемлемого её признака. На этом основании интеллигенции инкриминируется разрушение российской империи и установление большевистской диктатуры. Мы не включили оппозиционность в формулу интеллигентности не только потому, что она свойственна только отдельным радикальным субкультурам, а не интеллигенции в целом. Это решение продиктовано также следующими логическими соображениями. Согласно определению, альтруизм предполагает заботу о благе общества. Как известно, общество и государство не совпадают. Если государственная власть угнетает общество, альтруистическая этика диктует интеллигенту встать в оппозицию по отношению к такой власти. Если же государство является подлинно демократическим и заботится о благе своих граждан, потребность в оппозиции не возникает. Стало быть, интеллигентность не обязательно сопровождается оппозиционностью и тем более – анархической антигосударственностью. Для эгоистически ориентированного интеллектуала проблема оппозиционности неактуальна, потому что он готов сотрудничать с любой властью, в том числе деспотической или тоталитарной, в личных своих интересах.

3. *Патриотизм и интеллигентность*. Субкультурную интеллектуальную молодежь, начиная с нахальных нигилистов, разумные люди обвиняли в беспочвенности, антипатриотизме, космополитизме, и не без основания. Эти упреки справедливы в той мере, в какой они обращены к людям, отвергающим русскую национальную культуру. Этическое самоопределение гуманиста, квазигуманиста, иногда сноба, как показывают их формулы, включает в себя почитание, уважение, благоговение, предполагающие служение национальной культуре. Это служение представляет собой создание, хранение, распространение и освоение национальных культурных ценностей. Излишне подчеркивать патриотическую сущность подобного служения, излишне доказывать, что благоговеющий перед памятниками отечественной культуры русский интеллигент (не интеллектуал!) не может не быть русским патриотом.

2.1.3. Сказание об академике Д.С. Лихачеве. Общепризнанным символом, можно сказать, идеалом русской интеллигенции давно уже стал академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999). Не случайно 2006 год, год столетия академика, Указом Президента В.В. Путина объявлен в Российской Федерации «Годом гуманитарных наук, культуры и образования – Годом академика Д.С. Лихачева»⁴³. Сам Д.С. Лихачев в своих научных и публицистических выступлениях неоднократно приводил собственное понимание интеллигентности, благодаря чему можно построить *модель интеллигента по*

⁴³ Указ Президента Российской Федерации № 110 от 14 февраля 2006 года.

Лихачеву. Разумеется, эта модель воплощена в жизненном пути академика, его личной научной и общественной деятельности. Правда, Дмитрий Сергеевич никогда не называл себя *интеллектом-книжником*, хотя всю свою жизнь изучал труды древнерусских книжников, был страстным поборником и хранителем книжной культуры. Достаточно вспомнить его замечательные слова: «Библиотеки – это центр культуры, самый основной наш культурный фонд, поэтому относиться к библиотекам нужно с особенной тщательностью... Библиотеки в ряду культурных ценностей нашей страны должны стоять на самом высоком месте»⁴⁴. Учитывая неразрывную взаимосвязь книжности и интеллигентности в облике Д.С. Лихачева, уместно назвать его «интеллектом-книжником», имея в виду значение слова «книжник», указанное в «Толковом словаре» В.И. Даля (2-е изд.), а именно: «ученый, знающий св. писание, догматик; учитель, толкователь Закона Божия, книжный человек, хорошо знающий грамоту; любитель книг». Не думаю, что Дмитрий Сергеевич стал бы отказываться от славного имени «книжник», как, впрочем, и от звания «интеллигент».

Какова же модель русского интеллигента, согласно высказываниям академика Лихачева? Высказываний довольно много, процитируем некоторые. Необходимой предпосылкой формирования интеллигентности, – неустанно подчеркивал академик, – служит *образованность*, «соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением»⁴⁵, то есть с *креативностью*. Но только образованности и креативности недостаточно. «Основной принцип интеллигентности – *интеллектуальная свобода*, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и своей мысли»⁴⁶. Развивая эту идею, Лихачев добавляет: «Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России – это, прежде всего, независимость мысли при европейском образовании». Имеется в виду независимость от партийных, экономических и карьерных соображений, интересов специальности, «если они выходят за пределы допустимого совестью» (там же, с. 10). Не одобряется сосредоточенность в узкопрофессиональной области: «Ученые бывают неинтеллигентны, когда, слишком замыкаясь в своей специальности, забывают о том, кто и как может воспользоваться плодами их труда... Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью» (с. 9–10).

⁴⁴ Лихачев Д.С. Интеллигентным притвориться нельзя // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 43.

⁴⁵ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 17

⁴⁶ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 8.

Д.С. Лихачев вновь и вновь повторял: «Я бы назвал интеллигенцию интеллектуально независимой частью общества. Это не просто образование и образованные люди, работающие в сфере интеллектуального труда. Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных... Интеллигент теряет интеллектуальную свободу и перестает быть интеллигентом, когда принужден слепо следовать догмам какого-либо учения. Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, действий, не согласованных с его личным мнением, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции. Это очень важное утверждение... Совесть принуждает, но принуждение совести является гарантией полной свободы человека, потому что совесть принуждает изнутри, все остальные принуждения снаружи. Совесть является гарантом свободы человека-интеллигента»⁴⁷.

Последовательно отвергая пути партийности, Д.С. Лихачев, выступая на учредительном съезде Конгресса русской интеллигенции в декабре 1997 года, заявил: «Нельзя из интеллигенции делать партию, потому что, как только из интеллигенции будет сделана партия, перестанут существовать интеллигенты... Со свободой и с демократизмом будет покончено»⁴⁸. Силу интеллигенции он видел в разнообразии индивидуальностей, которое ни в коем случае не должно превращаться в «толпу, скованную одной концепцией».

Этическое самоопределение «интеллектуально свободного интеллигента» Дмитрий Сергеевич неразрывно связывал с совестью, честностью, правдивостью: «Честь, порядочность, совесть – это качества, которыми дорожить нужно так же, как мы дорожим своим здоровьем, ибо без этих качеств и человек – не человек»⁴⁹. С великолепным чувством собственного достоинства он заявлял: «Правда и страх – несовместимы... У нас должен присутствовать один страх: страх лжи. Вот тогда и будет в нашем обществе здоровая умственная атмосфера» (там же, с. 99–100). Особенно возмущали его бесчестные поступки образованных людей, «интеллектуальное воровство». «Стали привыкать жить двойной жизнью, – клеймил он советских интеллигентов, – говорить одно, а думать другое. Разучились говорить правду – полную правду, а полуправда есть худший вид лжи: в полуправде ложь подделывается под правду, прикрываясь щитом частичной правды» (там же, с. 89).

⁴⁷ Лихачев Д.С. Интеллигенция – интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции. – СПб, 1999. С. 31–2.

⁴⁸ Лихачев Д.С. Сила интеллигенции – в индивидуальности // Конгресс российской интеллигенции. – СПб, 1998. С. 23.

⁴⁹ Лихачев Д.С. Тревоги совести // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 94.

Д.С. Лихачев обнаруживает в русской истории немало людей, соответствующих его модели интеллигентности. Отвергнув по этическим соображениям кандидатуру Владимира Мономаха, он пишет: «В сущности, первым интеллигентом на Руси был в конце XV – начале XVI века Максим Грек – человек итальянской и греческой образованности. В России он подвергся гонениям, находился в заключении и был причислен к лику преподобных только после своей смерти. Свою жизнью он прочертил как бы путь многих и многих интеллигентов на Руси»⁵⁰. К числу этих «многих и многих» Д.С. Лихачев относит Сумарокова, Новикова, Радищева, Карамзина, Пушкина, который «шел свободной дорогой и “жил один”, декабристов, следовавших «велению совести», а не «партийной линии». Решительно отвергается принадлежность к интеллигенции профессиональных революционеров и террористов-боевиков.

Обращаясь к XX веку, к «жесточайшему произволу идеологизированной советской власти», Лихачев признается в чувстве преклонения перед «русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения» и с восхищением пишет: «Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохранили свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору – в исторической науке, литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т. д.» (там же, с. 14). Он приходит к выводу, что «интеллигенция все это время была главным врагом советской власти, так как была независима» (с. 21).

Сказанного достаточно для того, чтобы построить *модель идеального русского интеллигента* по эскизу академика Лихачева. Вот эта модель:

- *образованность* европейского уровня, широкий общекультурный кругозор;
- *креативность* – бесстрашное правдоискательство, интеллектуальная независимость, свободомыслие;
- *этическое самоопределение*: а) совестливость, честность, правдивость; б) толерантность, осуждение насилия и террора; в) благоговение перед культурой, приобщенность к книжной культуре, русской литературе; г) индивидуализм, самодостаточность; д) оппозиционность по отношению к деспотичной власти.

Д.С. Лихачев однажды рассказал, что к нему обратились с вопросом, можно ли писать об ошибках великих людей: «Я ответил, что не только можно, но и нужно писать об ошибках великих людей, что велик человек не тем, что он ни в чем не ошибался. Никто не свободен от ошибок в нашей жизни, в нашей сложной жизни»⁵¹. Да, конечно, у интеллигента есть право на ошибку,

⁵⁰ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 15.

⁵¹ Лихачев Д.С. Тревоги совести // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. – С. 95.

и если он желает «жить не по лжи» (А.И. Солженицын), то он не должен бояться эту ошибку признать. Сам Дмитрий Сергеевич говорил: «Для меня лично нет никакого сомнения в том, что нам нужно научиться признавать собственные ошибки, ибо признание ошибки не только не умаляет достоинство и человека, и общества, а напротив, вызывает чувство доверия и уважения, как к человеку, так и к обществу» (там же, с. 105). Интеллигентская совесть не позволяет полностью согласиться с моделью интеллигента «по Лихачеву», поскольку в ней содержатся две неточности: во-первых, интеллигент может быть не индивидуалистом, а коллективистом; во-вторых, оппозиционность не является обязательным качеством интеллигента. Поясним наши расхождения с академиком.

Д.С. Лихачев постоянно повторял тезис об интеллектуальной свободе «умственно порядочного человека», о сохранении им уникальной индивидуальности, ибо «если индивидуальность исчезнет, исчезнет и интеллигенция»⁵². Он подчеркивал, что учитель, ученый, писатель, делающий свою работу «по заданию, в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с “идеологическим уклоном”, – не интеллигент, а наемник»⁵³. Подлинный интеллигент руководствуется не партийными, классовыми, сословными, профессиональными или иными коллективными интересами, а исключительно своей совестью, то есть индивидуальными ценностными ориентациями. Стало быть, интеллигент – вольный индивидуалист, «сам свой высший суд».

Нетрудно распознать западноевропейские истоки индивидуалистических взглядов Лихачева. «Европейская культура, – говорил академик, – это культура универсализма, при этом универсализма *личностного* характера (курсив автора). Личность человека, его индивидуальные особенности, отличия, его талант и убеждения более всего ценятся в европейской культуре»⁵⁴. Это действительно так. Не случайно именно на Западе популярна доктрина либерализма или либертарианства, утверждающая право каждого человека жить так, как он хочет, при условии уважения прав других людей. Либеральный индивидуализм характерен для западных интеллектуалов, многие из которых желают освободиться от партийных, сословных, классовых, профессиональных уз и обязательств. Однако, как справедливо отмечал В.И. Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»⁵⁵. Поэтому абсолютная интеллектуальная свобода отдельно взятого индивида недостижима.

⁵² Лихачев Д.С. Сила интеллигенции – в индивидуальности // Конгресс российской интеллигенции. – СПб, 1998. С. 24.

⁵³ Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 8.

⁵⁴ Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Лихачев Д.С. Русская культура. – М., 2000. С. 46.

⁵⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

Даже беспартийный и внеклассовый академик Лихачев, будучи человеком религиозным, не может игнорировать догматы православия, которые, конечно, ограничивают его интеллектуальную свободу.

Этическое самосознание русского интеллигента определяется не свободой воли, а *альтруистической* направленностью, которая предполагает чувство долга, ощущение личной ответственности за благосостояние других людей и своей страны. Долг, ответственность – всегда пути, всегда рамки, ограничивающие свободу индивидуального самовыражения. Индивидуализм деспотичен и эгоистичен, а не альтруистичен, поэтому его нельзя включать в модель интеллигента в виде неперемennого качества интеллигентного человека, хотя некоторые интеллигенты страдают индивидуализмом и снобизмом.

Что касается требования оппозиционности по отношению к власти, прежде всего – по отношению к советскому тоталитаризму, оно излишне политизирует понятие интеллигентности. Получается, что все сторонники советской власти, независимо от их интеллектуально-этических качеств, автоматически исключаются из состава русской интеллигенции, поскольку, как утверждает академик, «интеллигенция все это время была главным врагом советской власти». В то же время здравый смысл подсказывает, что интеллигенты и интеллектуалы были как среди монархистов, эмигрантов и диссидентов, так и среди людей, лояльных по отношению к советской власти.

Индивидуализм и антисоветизм, включенные Д.С. Лихачевым в идеальную модель интеллигента, конечно, присущи и самому академику. Препятствовали они его интеллигентскому служению русской культуре? Ответим прямо: Лихачев сделал очень много во славу отечественной культуры и для укрепления авторитета русской интеллигенции, но в более благоприятных условиях он мог бы сделать больше. Сегодня, анализируя оставленное им колоссальное научное и культурное наследие, невозможно скрыть восхищение, но и от чувства досады избавиться не удастся.

Общественная активность Д.С. Лихачева развивалась по трем направлениям: 1) научная деятельность в области древнерусской литературы и в смежных областях, которая принесла ему мировую славу; 2) защита памятников истории и культуры, которая вызывала неудовольствие невежественной власти; 3) этическая проповедь в средствах массовой информации, принесшая ему широкую популярность, доверие и авторитет у современников. Начнем по порядку.

Формирование интеллигента-книжника Д.С. Лихачева началось в студенческие годы (1923–1928), когда он параллельно занимался романо-германской и славяно-русской филологией. Диапазон научных интересов молодого студента удивительно широк: он атрибутирует анонимные публикации Н.А. Некрасова, анализирует древнерусскую литературу о па-

триархе Никоне, а дипломное исследование посвящает распространению книг Шекспира в России XVIII века. Находилось время и для веселого товарищеского общения, для шутивных диспутов в фантастической Космической академии наук. Забавы жизнерадостных интеллектуалов привлекли внимание бдительных чекистов, при обыске в домашней библиотеке Дмитрия Лихачева обнаружили белогвардейскую литературу (результат неосторожного библиофильства). В итоге – четыре с половиной года в Соловецком лагере особого назначения (СЛООН), потом на ударной стройке – Беломоро-Балтийском канале. Настоящий ученый не может не мыслить, и Лихачев изучает фольклор уголовников, записывает байки беспризорников, самое главное – общается с интеллектуальной элитой Серебряного века, которая была неплохо представлена на Соловках. За ударный труд освободили в 1932 году и разрешили вернуться в Ленинград. До 1937 года перебивался кратковременными редакторско-корректорскими занятиями и, наконец, оказался под крышей Пушкинского дома, где в течение более чем 60 лет продолжалась его непрерывная, интенсивная, исключительно разносторонняя и плодотворная научная деятельность – деятельность ученого-книжника XX века.

Вначале он получает признание как историк древнерусской литературы. Он ставит перед собой грандиозную задачу воспроизвести историю русского летописания от его возникновения до XVII века и успешно её решает в докторской диссертации (1947) и в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947). Благодаря трудам Д.С. Лихачева древнерусские летописи, особенно «Повесть временных лет», предстали не только как историографические источники, но и как художественные произведения особого жанра. С 1950 года начались его исследования «Слова о полку Игореве», до сих пор остающиеся классическими. О высоком научном авторитете Д.С. Лихачева свидетельствует присуждение ему в 1952 году Сталинской премии за участие в коллективном труде «История культуры Древней Руси. Домонгольский период».

В 50-е годы Д.С. Лихачева привлекают теоретические проблемы литературоведения, которые раскрываются в книгах «Возникновение русской литературы» (1952) и «История русской литературы» (1958). Он убедительно показывает, что без учета древнерусской книжности нельзя правильно представить исторический процесс развития русской литературы XVIII–XIX веков. Вместе с тем интеллигент-гуманитарий Лихачев обращает внимание на особенности «художественного метода» древнерусской литературы, в частности, на способы изображения внутреннего мира и характера конкретных людей. В 1958 году вышла в свет его монография «Человек в литературе Древней Руси», которая раскрывает гуманистические и эстетические взгляды автора. Здесь автор выходит за литературоведческие границы, сопоставляя стили изображения человека в литературе с приемами изобразительного

искусства Древней Руси. Продолжением культурологического изучения взаимосвязей слова и живописи стала книга «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (1962).

Книги 60-х годов носят в известном смысле подытоживающий характер. Свой богатый опыт научной обработки литературных памятников Д.С. Лихачев обобщил в капитальном методологическом труде «Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв.» (1962). По оценке специалистов, этот труд «представляет собой первый в советской филологии опыт систематизации всех текстологических задач, стоящих перед исследователями русской литературы допетровского времени, и методики их решения»⁵⁶. Другим обобщающим произведением стала многократно переизданная «Поэтика древнерусской литературы» (1967), удостоенная Государственной премии СССР. В аннотации последнего издания, вышедшего при жизни автора, отмечается, что книга представляет собой «цельный взгляд на историю и генезис русской культуры от первых письменных свидетельств до наших дней», что она является «настоящей энциклопедией русской духовной культуры, непревзойденным учебным пособием для самого широкого круга читателей, в особенности для студентов-филологов»⁵⁷. Можно добавить, что этот труд является образцом авторской книжно-библиографической культуры наших дней.

Внимание славистов разных стран привлекли новаторские идеи Д.С. Лихачева о южнославянском влиянии на Русь XV века, о русском Предвозрождении, о специфике русского барокко, о жанровой системе древнерусской литературы и всех славянских литератур средневековья и др. Нет необходимости продолжать здесь перечисление научных достижений Дмитрия Сергеевича, которые хорошо известны специалистам и получили международное признание. В 1970 году он был избран действительным членом Академии наук СССР, еще раньше, в 1963 году, его избрали иностранным членом Академии наук Болгарии, а после 1971 года он стал членом еще десяти иностранных академий. Д.С. Лихачев – почетный доктор одиннадцати европейских университетов и одного отечественного – Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Нельзя не упомянуть о научно-популяризаторской деятельности академика. Помимо популярных изданий «Слова о полку Игореве», он публикует очерки о классических произведениях литературы Древней Руси – «Великое наследие» (1975 и 1980); он инициатор и участник монументальной серии «Памятники литературы Древней Руси», выходящей с 1978 года в издательстве «Художественная литература»; под его редакцией вышло учебное пособие «История русской литературы X–XVII веков» (1980 и 1985). Впечатляющими свидетельствами ши-

⁵⁶ Адрианова-Перетц В.П., Салмина М.А. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Лихачев Дмитрий Сергеевич. – М., 1989. С. 33.

⁵⁷ Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб: Алетейя, 1997. 508 с.

роты его культурного кругозора могут служить книга «Литература – реальность – литература» (1981 и 1984), где содержится подборка интереснейших комментариев к произведениям Пушкина, Некрасова, Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого, Блока, Ахматовой, Пастернака, которые Дмитрий Сергеевич объединяет понятием «конкретное литературоведение», и очаровательная «Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей» (1982 и 1991).

Теперь, по необходимости кратко, о культурозащитной деятельности. Дмитрий Сергеевич решительно выступал, начиная с 60-х годов, против амбициозных планов перестройки Невского проспекта, модернизации Екатерининского парка в Пушкине и Петергофского парка. По словам Д.А. Гранина, «он стал препятствием для ленинградских властей, для их безумных, невежественных, корыстных проектов. Он стал значительным препятствием – вокруг него объединялась общественность. Ей был нужен лидер, и этим лидером стал Лихачев»⁵⁸. Благодаря Д.С. Лихачеву сохранился Земляной вал вокруг Новгорода, были спасены от разрушения многие храмы.

В этой деятельности особенно ярко проявились такие качества Лихачева-интеллекта, как толерантность и благоговение перед культурой. Эти же качества подсказали Лихачеву-ученому в 70-х годах перспективное и очень важное направление научной деятельности – *экологию культуры*⁵⁹, которое закономерно привело Лихачева-публициста к разработке *Декларации прав культуры*. Эта декларация – хорошо продуманный и конструктивный документ конца XX столетия, который мог бы служить основой для государственной культурной политики в России и в других странах. Декларация была одобрена Конгрессом российской интеллигенции в 1997 году и рекомендована для введения в действие на территории Российской Федерации⁶⁰, но, к сожалению, дальше дело не пошло.

Интеллигентское обаяние Дмитрия Сергеевича сделало его выступления по радио и телевизионные «Встречи в Останкино» нравственными уроками для массовой аудитории россиян. Он рассуждал доходчиво и просто о главных жизненных ценностях, о добром и прекрасном, о России, культуре, русской истории, о науке, литературе, об интеллигенции. Он не был красноречив и артистичен, но в его речах непринужденно являлись эрудиция, житейский опыт, иногда – мудрость, которые заставляли доверять ему и восхищаться им. Незаметно академик Лихачев сделался *совестью нации*. Пожалуй, это вершина русской интеллигентности, покорить которую удалось очень немногим.

⁵⁸ Гранин Д.А. Феномен Лихачева // Нева. – 1999. № 12. С. 145.

⁵⁹ Лихачев Д.С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Русская культура. – М., 2000. – С. 91–101. Культурно-экологической проблематике в значительной мере посвящены его книги «Заметки о русском» (1981) и «Земля родная» (1983).

⁶⁰ Декларация прав культуры // Конгресс российской интеллигенции. – СПб, 1998. С. 266–274.

Трудно было не прислушаться к его словам, когда он говорил: «Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести – вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке. Не только русским, конечно, но особенно русским, потому что именно это мы в значительной мере потеряли в нашем злополучном XX веке»⁶¹.

Он, конечно, знал себе цену, чувствовал свою независимость и жил в соответствии с той моделью русского интеллигента, которую сам выработал для себя. Напряженный умственный труд⁶², многообразная публичная активность, представительство на научных форумах и в органах власти, самое же главное – поддержание высокого интеллигентского имиджа, несмотря на возраст, усталость, недомогания. Близко знавший его Даниил Гранин вспоминает: «Он не был святым. У него, как у всякого живого человека, достаточно было черт, которые могли не нравиться. Он был достаточно деспотичен, порой капризен, кого-то не поддержал, кого-то не принял, не понял. Жалуются, что имел любимцев, от некоторых вещей уклонялся, поддавался лести, бывал жесток... Было бы странно, если бы в наше время такой огромный человек, играющий такую большую очистительную роль в нашей жизни, был бы приемлем для всех. Был бы удобен. Всех бы устраивал». Тем не менее, власти оказывали ему знаки внимания: в 1966 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1986 году ему было присвоено звание Героя Социалистического труда. В том же году он был избран председателем правления Советского фонда культуры, в 1989–1991 гг. был народным депутатом Верховного Совета СССР, не отказывался и от других общественных обязанностей.

Внучка академика Зинаида Курбатова, выросшая в его доме, рассказывает: «Дедушка был человеком властным, я бы даже сказала, деспотичным. Хотя в последние годы о нем часто вспоминают как о мягком и тихом человеке, нетрудно понять, что такой не смог бы пережить то, что пережил дед»⁶³.

⁶¹ Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 377.

⁶² Д.С. Лихачев – автор более 500 научных публикаций и около 600 публицистических выступлений в печати.

⁶³ Курбатова З. «Ужиться с дедом было тяжело» // 24 часа. – 2005. № 46. Обыденный облик Дмитрия Сергеевича и восприятие его личности сотрудниками, современниками, официальными лицами запечатлены в фолианте: Дмитрий Лихачев и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. / Сост. Е. Водолазкин. – СПб: Logos, 2002. 424 с.

Да, действительно, Дмитрию Лихачеву, талантливому и любознательному мальчику из интеллигентной питерской семьи, пришлось непосредственно столкнуться с тупой и жестокой силой советского тоталитаризма. Это столкновение многому научило, закалило и, конечно, деформировало характер. Дмитрий Сергеевич очень ярко рассказывает в своих воспоминаниях о «мужестве русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения и погибавшей в полной безвестности», о своем долге «человека-свидетеля века восстановить справедливое к ней отношение».

Замысел настоящего раздела состоял в том, чтобы использовать фигуру академика Д.С. Лихачева для персонификации идеального интеллигента-книжника XX века. Персонификация не означает мифологизации. В лице Дмитрия Сергеевича Лихачева видится не мифический герой без страха и упрека, а живое воплощение русской интеллигентности и книжной культуры. Дмитрий Сергеевич Лихачев в тяжелые годы перестроек и трансформаций сделался символом русской интеллигентности XX века, соединившей преемственность с поколением Серебряного века и почитание культурного наследия тысячелетней России, мужественное противостояние агрессивному невежеству и интеллектуальную независимость. Символ интеллигентности был необходим русским людям на излете тоталитаризма, и Д.С. Лихачев успешно выполнил свою миссию. Еще более этот символ нужен в наши дни, в условиях кризиса нравственности и культуры, в условиях разрушения отечественной книжности. Актуально и весомо звучат его пророческие слова: «Пока русская классическая литература доступна, пока она печатается, библиотеки работают и для всех раскрыты, в русском народе всегда будут силы для нравственного самоочищения»⁶⁴. В чем же заключается сущность Книги и её магическая сила?

2.2. СУЩНОСТЬ И МАГИЯ КНИГИ

2.2.1. Сущность Книги. Произведения письменности в книжной форме наши предки почитали как весьма ценные, даже сакральные предметы. Древняя Русь не знала апостолов и пророков, учивших живым словом, большинство христианских святителей были людьми книжной культуры, и их ученики в случае пожара сперва спасали иконы и книги, а затем остальное имущество. Русские книжники поэтически воспевали книгу. В «Повести временных лет» (1037) написано: «Велика бывает польза от учения книжного. Слова книжные суть реки, напоющие вселенную, се суть исходища мудрости». А в сборнике «Пчела» (1199) читаем: «Ум без книг аки птица опешена. Яко ж она взлетети не может,

⁶⁴ Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. – СПб, 1997. С. 422–423.

так же и ум не домыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное, его же лишився, безумный, аки во тьме ходит и погибнет вовек».

Роль «учения книжного» в просвещении Руси красочно живописал великий историк В.О. Ключевский: «Как взглянул русский разумный и понимающий человек на просвещенный мир сквозь привозные книги, так и впал в уныние от собственного недостойнства, от умственного и правового убожества. Тогда русский ум припал жадно к книгам, к этим “рекам, напоющим Вселенную, этим исходящим мудрости”. С тех пор разумным и понимающим человеком стал у нас считаться человек “книжный”, то есть обладающий научно-литературным образованием, и самую глубокою чертою в характере этого книжника стало смиренномудрие личное и национальное. Так родился первый достоверно известный по письменным памятникам тип русского интеллигента»⁶⁵.

Откровенно говоря, Василий Осипович сгустил краски: переводная духовная литература действительно превалировала в чтении русских книжников XI–XII вв., однако создавались также и замечательные оригинальные произведения, например, жития Бориса и Глеба, Киево-Печерский патерик, церковное ораторство митрополита Илариона, Феодосия Печерского, Климента Смолятича, Кирилла Туровского. Но он совершенно верно отметил неразрывную связь между русской книжностью и русской интеллигентностью. В чем же сущность этого чудодейственного предмета, издревле именуемого Книгой?

Как известно, *сущность* – это скрытое за многообразными внешними явлениями внутреннее, *истинное содержание* познаваемого предмета. Содержание понимается как «главный признак или совокупность таких признаков в объекте или системе, определяющих её качественное отличие от других объектов и систем, а также все другие свойства данного объекта или системы»⁶⁶. Выявление сущности предмета завершается его истинной дефиницией, в которой должны быть представлены сущностные признаки, выражающие его содержание. Только зная истинную дефиницию, можно уяснить “что такое Книга”. Важно обратить внимание на то, что в истинной дефиниции речь идет не о понятии, а о *концепте* данного предмета.

Различие между понятием и концептом современной французский философ Андре Конт-Спонвиль раскрыл следующим образом: «Понятие обычно термин более смутный и вместе с тем более широкий, тогда как концепт – более точный и строгий, то есть обозначает более точное и выверенное понятие. Например, говорят о понятии животного и концепте млекопитающего

⁶⁵ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. С. 301.

⁶⁶ Лебедев С.А. Философия науки. Краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – М., 2008. С. 256.

или о понятии свободы и концепте свободы воли»⁶⁷. Что же представляет собой концепт «Книга»? Вообще говоря, этот сакраментальный вопрос резонно адресовать книговедению. Ведь именно книговедение, по словам профессора А.А. Беловицкой, «есть приведенное в систему научное знание о книге как объективном явлении социальной действительности: о природе и сущности книги, о логических и исторических формах, процессах и закономерностях её существования, движения, развития и функционирования»⁶⁸. Что ж, обратимся к книговедам.

Книговеды-классики руководствуются *классической рациональностью*, которую характеризуют два идеала – объективная истина и очевидность фундаментальных постулатов. В современной теории познания эти идеалы воплощают: принципы объективности и детерминизма, теоретический монизм (один объект – одна истинная теория), социально-ценностная нейтральность научного знания, абсолютная определенность (однозначность) языка науки⁶⁹. Понимание книги, соответствующее классическому типу научной рациональности, обнаруживается в трудах Е.Л. Немировского. В своей «Большой книге о книге», обстоятельно рассматривая вопрос «что такое книга – вещь вроде бы всем известная, но подчас имеющая свои секреты и не всегда раскрывающая их», Евгений Львович подразделяет бытующие определения на следующие три класса.

Первый класс – внешнее описание книги как вещественного предмета: «печатное непериодическое издание объемом не менее 49 страниц, не считая обложки» (объем брошюры 5–48 страниц, а листовка – печатное издание менее 5 страниц). Второй класс определений исходит из функционального использования книги в духовной жизни общества, например: «Книга – это произведение письменности и печати, являющееся продуктом общественного сознания, идейно-духовной жизни общества, одним из основных средств сохранения, распространения и развития всех форм идеологии (политических взглядов, науки, морали и т. д.), орудием социальной борьбы, воспитания, организации и формирования общественного мнения, орудием научного и технического прогресса» (А.И. Барсук). Дефиниции третьего класса сочетают формальные и содержательные признаки: «Материальная субстанция, цель которой – способствовать оптимальному распространению и восприятию вполне определенного произведения науки, литературы, искусства. Причем распространению во вполне определенной среде, в некотором людском сообществе, и восприятию именно этой, а не какой-либо иной средой»⁷⁰.

⁶⁷ Конт-Спонвиль А. Философский словарь. – М.: Этерна, 2012. С. 260.

⁶⁸ Беловицкая А.А. Книговедение. Общее книговедение: учеб. пособие. – М.: МГУП, 2007. С. 10.

⁶⁹ Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия. – М., 2008. С. 35–36.

⁷⁰ Немировский Е.Л. Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание. – М., 2010. С. 16–23.

Каждое из этих определений дает *понятие* о книге, то есть позволяет отличить книги от прочих предметов. Но соответствуют ли они *концепту* Книги? Ясно, что материальная, вещественная форма сущности Книги не раскрывает. Книга – не просто вещь, данная в ощущениях, а нечто более сложное. Не характеризует Книгу по существу и перечень социальных функций (идеологическая, образовательная, публицистическая, научно-вспомогательная и др.), перечисленных А.И. Барсуком, потому что они исторически обусловлены, факультативны, присущи другим социально-коммуникационным субъектам (телевидение, Интернет, радиовещание). Целевое и читательское назначение («оптимальное распространение определенных произведений науки, литературы, искусства в некотором людском сообществе») присуще всякой книге, но оно варьируется в зависимости от типа и вида литературы, и поэтому сущностной характеристикой Книги вообще служить не может.

Самому Е.Л. Немировскому принадлежит энциклопедическое определение книги, которое гласит: «Книга – важнейшая исторически сложившаяся форма закрепления и передачи во времени и в пространстве многообразной информации в виде текстового и (или) иллюстративного материала. С точки зрения семиотики, книга является знаковой системой... С точки зрения общей теории коммуникации книга является одной из форм существования и распространения семантической информации»⁷¹. Смущает трактовка книги как «формы многообразной информации», потому что информация – понятие многозначное. В энциклопедии «Книга» отсутствует статья, посвященная информации, но в своей «Большой книге о книге» Евгений Немировский излагает свою позицию. Оказывается, он понимает информацию в духе материалистической атрибутивной концепции как «содержание отражения, как содержание связи между двумя взаимодействующими материальными объектами», а семантическую (социальную) информацию связывает с «проявлениями многоаспектной деятельности человеческого общества» и не без эпатажа утвердительно отвечает на вопрос «Неужели Пушкин – это тоже информация?»⁷²

Материалистические трактовки информации неприменимы к книге, потому что книга, обладая вещественной формой, имеет идеальное содержание, которое является продуктом сознания, а не атрибутом материи. Невозможно представить себе творчество Пушкина или чтение его сочинений как «содержание связи между двумя взаимодействующими материальными объектами». Фраза же о том, что семантическая информация есть «проявление многоаспектной деятельности человеческого общества», по сути дела бессодержательна. Получается, что информация не способствует понима-

⁷¹ Немировский Е.Л. Книга // Книга. Энциклопедия. – М., 1999. С. 299.

⁷² Немировский Е.Л. Большая книга о книге: Справочно-энциклопедическое издание. – М., 2010. С. 1029–1030.

нию феномена книги по существу, ибо сам феномен информации – предмет научных дискуссий (см. далее раздел 5.1.2). Классическая рациональность, взыскующая однозначного, непротиворечивого и доходчивого понятия, бессильна распознать эту сущность в калейдоскопе гипербол и метафор, сопровождающих Книгу.

Если обратиться к «Энциклопедии книгочая», которую любовно составил писатель-педагог Анатолий Николаевич Чирва в качестве «надежного помощника книгочая, компаса в обширном книжном море»⁷³, можно впасть в состояние гибельного восторга и беспросветной печали. Книга – путь к самопознанию, это жизнь во всех её противоречиях, частица чьей-то необыкновенной судьбы; она – залог вечности, к которой можно прикоснуться благодаря гениальным книгам. Оказывается, «книги ждут от нас проявления человеческого чувства – понимания, негодования, любви». Каждая книга – «мумия души», скрывающая за своим переплетом квинтэссенцию живого человека, она имеет свою судьбу в зависимости от того, как её воспринимают читатели, не случайно её преследуют жестокие слуги библиоцида – «книгоубийцы». Книгу нельзя считать неодушевленной вещью, она несет в себе живительный сок созидательного духа. Начиненная человеческими мыслями и чувствами, книга властвует над людьми, она обладает почти физической силой, изменяя наши представления о мире, а в конечном счете неотвратно меняет и сам мир... Нетрудно приумножить выразительные цитаты. Несомненно, есть сокровенная правда в многочисленных апологиях, сочиненных восторженными почитателями Книги. Но как эту правду превратить в сущностную дефиницию, отвечающую на вопрос, что есть Книга по существу?. Мы полагаем, что для экспликации⁷⁴ концепта Книги требуется не только формально-рационалистический, но и философский подход.

Философия книги берет свое начало в нашей стране на заре XX столетия, когда книговедческая мысль дошла до уровня философской рефлексии по поводу сущности книги. Зачинателем философии книги является Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948). Пророчески звучат слова Куфаева, сказанные в 1921 году: «Правильнее всего понимать книгу как *вместилище всякой мысли и слова, облеченных в видимый знак* (курс. Куфаева), все то, что могло бы при некотором *техническом* видоизменении получить вид и характер книги в самом узком смысле этого слова. И ассирийская клинопись, и латинский

⁷³ Чирва А.Н. Энциклопедия книгочая: Книга. Читатель. Чтение: изд. 2-е. – М.: ИЦ «Мой учебник», 2008. 624 с.

⁷⁴ В логике под **экспликацией** (лат. разъяснение) понимают развертывание какого-либо исходного понятия, которое еще не является вполне точным, в научно доказанное понятие; другими словами, замену интуитивного понятия более строгим понятием. (Кондаков Н.И. Логический словарь. – М., 1971. С. 602).

свиток, и современный фолиант и брошюра, и афиша – все книги»⁷⁵. Современник Н.М. Куфаева Н.М. Сомов (1867–1951) в своем библиологическом сочинении исходил из дефиниции: Книга – «всякий материал, удобочитаемый и легко переносимый, на котором графически закреплены какие-либо мысли»⁷⁶. «Удобочитаемое и портативное вместилище мысли и слова» – вот формулировка, открывающая путь к раскрытию сущности Книги. Немного уточняя формулировку М.Н. Куфаева и дополняя её свойствами, отмеченными Н.М. Сомовым, предложим следующую *сущностную* дефиницию:

Книга – *долговременное портативное хранилище, способ тиражирования и передачи социально ценных духовных смыслов, выраженных человекочитаемыми знаками*. В этой дефиниции учтены следующие сущностные (необходимо присутствующие) признаки концепта Книга:

а) *амбивалентная субстанция* – так как всякая книга есть искусственно созданное единство идеального содержания и материальной формы, её субстанция амбивалентна⁷⁷;

б) идеальное содержание образуют *духовные смыслы (мысли) – результаты духовной деятельности авторов в виде знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий*, которые они хотят обнародовать;

в) ценность книги обусловлена тем, что она представляет собой *тиражированное сообщение*, содержание которого образуют не любые, а *социально ценные смыслы*, создаваемые не только автором, но и редакторами, рецензентами, художниками-дизайнерами, издателями, посредниками; книга – результат *коллективного труда, форма социализации индивидуального творчества*;

г) *мемориальность* – передача смыслов во времени: если материальная форма является стабильной, книга становится долговременным (в принципе – вечным) и в то же время портативным *хранилищем социальной памяти*;

д) *системность* книги как коммуникационного сообщения воплощается в знаковых структурах (текстах и изображениях), образованных *человекочитаемыми* (воспринимаемыми органами чувств человека) *знаками*; способ производства знаков – рукопись или полиграфическая печать – не является сущностным признаком книги;

е) *антропоморфичность* – соразмерность физическим и умственным параметрам человеческого организма, которая обеспечивает доступ к содержанию книги без посредничества технических устройств (очки не в счет).

⁷⁵ Куфаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. – М., 2004. С. 61–62.

⁷⁶ Сомов Н.М. Сущность книговедения. Библиологический очерк. – М., 1933. С. 9.

⁷⁷ **Субстанция** – неизменная природа предмета; в философии различаются три субстанции: 1) идеальная субстанция, 2) материальная субстанция, 3) амбивалентная (двойственная, дуалистическая) субстанция – неразрывное единство идеального и материального. Более подробно об амбивалентной субстанции см. раздел 5.1.2.

Приведенное сущностное толкование Книги примем в качестве *содержания* концепта Книга. Все издания, произведения письменности и печати, публикации, литературные сочинения могут считаться книгами и включаться в *объем* концепта Книга в том случае, если они обладают всеми сущностными признаками концепта Книга, перечисленными выше. Мы надеемся, что сказанного достаточно для перехода с уровня понятия о книге на концептуальный уровень, но, конечно, не считаем дискуссию о сущности Книги завершённой. Мы не включили в перечень сущностных признаков, образующих концепт Книги, «сверхъестественный» признак, о котором часто упоминают интеллигенты-книжники, – *магию книги*. А может быть, это надо было сделать?

2.2.2. Магия Книги заключается в том, что книга мистическим образом очаровывает и поработает своих читателей. Очарованный человек утрачивает свободу воли, он доверчиво воспринимает те смыслы, которые диктует книга, и охотно следует им. Эта магия была знакома средневековой Европе. До нас дошла изящная книжица «Филобиблон» – похвала Книге как орудию умственного и нравственного совершенствования, сочиненная в 1345 году английским епископом Ричардом д’Онджервилем по прозвищу де Бери. Автор красноречиво уверял читателей, что содействие сохранению, умножению и распространению книг – занятие богоугодное, достойное того, чтобы всецело ему отдаться. «О книги, – восклицал епископ-книгочей, – вы как никто щедры, вы уделяете каждому просящему, вы дарите свободу всем, кто вам усердно служит». Сам де Бери собрал личную библиотеку, которая лишь немного уступала по количеству названий библиотечному фонду Сорбонны того времени. «Филобиблон» интересен тем, что он представляет собой первое европейское библиофильско-библиографическое сочинение, свидетельствующее о незаурядной образованности одного из аристократов Англии XIV века.

Коэволюция гуманизма и книжности – характерная особенность эпохи Возрождения. Л.М. Баткин авторитетно утверждал: «Гуманисты – это те книжники, которые усвоили особый и необычный стиль общения, определенный круг занятий и чтения, способ мышления»⁷⁸. В XV веке европейский книжный рынок необыкновенно расширился, в одном Париже насчитывалось несколько тысяч переписчиков⁷⁹. Гуманисты изначально были, можно сказать, невольниками таинственной *магии книги*. Зачинатели ренессансного гуманизма Ф. Петрарка (1304–1374), Дж. Боккаччо (1313–1375), П. Браччолини (1380–1459), Н. Никколи (1363–1437) были страстными библиофилами, собирателями и почитателями античных и современных манускриптов.

⁷⁸ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995. С. 62.

⁷⁹ Симон К.Р. История иностранной библиографии. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. С. 74–77.

Достопримечательностью Флоренции своего времени стал *Никколо Никколи*, истративший свое солидное состояние на книги и предметы искусства, которые ему привозили со всех концов Европы. Всех флорентийских молодых людей, которых он знал, Никколи побуждал к занятиям античной литературой, обеспечивая желающих книгами и учителями. Бескорыстный гуманист завещал 800 ценнейших рукописей для создания общедоступной библиотеки⁸⁰. Библиофилия вошла в моду, итальянские аристократы щеголяли друг перед другом книжными коллекциями.

Существенное значение для коэволюции книжности и гуманизма имело изобретение в середине XV века *технологии книгопечатания*, которое, по словам современника, представляет собой «искусство искусств, науку наук. Его чрезвычайная продуктивность позволила выволотить из мрака сокровища знаний и мудрости, чтобы обогатить и просветить мир»⁸¹. Началось триумфальное шествие библиосферы, инкунабулы и палетотипы которой стали ценнейшими памятниками европейской культуры. Эти памятники свидетельствуют о характерных чертах ренессансного гуманизма: принципе антропоцентризма, преодолении религиозного монополизма (половину инкунабул составляла художественная и научная литература), признании ценности неклассических языков – итальянского, немецкого, французского, английского, испанского, чешского и других. В конце XV века появились первые печатные книги на кириллице, изданные в Кракове печатником Швайпольтом Фиолем; в начале XVI века развернул свою деятельность белорусский просветитель-первопечатник Франциск Скорина (до 1490 – не позднее 1551); в середине века в Москве работала так называемая «анонимная типография»; в 1564 году основатель книгопечатания в России Иван Федоров (ок. 1510–1583) напечатал первую русскую, точно датированную книгу «Апостол» – превосходно оформленное, обильно орнаментированное издание.

История русской интеллигенции неразрывно связана с историей русской книжности; культурное пространство просвещенного русского общества всегда было литературоцентричным, и мистическая очарованность Книгой распространена в русском образованном обществе с давних времен. Об этом свидетельствует опыт реконструкции личных библиотек и круга чтения выдающихся исторических личностей, начиная с мифической библиотеки Ивана Грозного и кончая утраченными библиотеками Ф.М. Достоевского и М.А. Булгакова. Особенно интересны попытки воссоздания типичных древнерусских библиотек и дворянских библиотек XVIII века. Современная проблематика реконструкции библиотечных собраний интеллигентов-книжников обстоятельно и ком-

⁸⁰ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995. С. 45.

⁸¹ Владимиров Л.И. Всеобщая история книги. – М.: Книга, 1988. С. 97.

петентно представлена в статье О.Н. Ильиной⁸². Не будет преувеличением сказать, что домашняя библиотека – неперенная и отличительная черта не только выдающихся исторических деятелей, но и типичного русского интеллигента вообще. Еще в самом конце XIX века В. Русаков (С.В. Либрович) в статье «Библиотека в рабочем кабинете интеллигентного человека» писал: «В наши дни трудно найти квартиру интеллигентного человека, в которой не имелось бы более или менее солидной коллекции книг, не имелось бы библиотеки. Отсутствие библиотеки в доме – это как будто явное свидетельство ... малокультурности лиц, занимающих данную квартиру»⁸³.

Советский период был эпохой расцвета библиосферы и временем распространения массовой коммуникации, когда к прессе добавилось кино, а затем радиовещание и телевидение. Магия книги использовалась советской властью в полной мере и весьма успешно. Кризис библиосферы, о котором подробно говорилось во Вступлении, был воспринят обществом как информационно-коммуникационный переворот, свидетельствующий об освобождении от магических чар книжной культуры и книжной коммуникации. Традиционная библиологическая дискуссия с вопроса «Что есть Книга?» сместилась на вопрос «Зачем человеку Книга?» Этот вопрос особенно актуализировался в связи с формированием компьютерной инфосферы. Ведущий библиографовед М.Г. Вохрышева озабоченно отмечала, что «триумфальное шествие новых информационных технологий вызывает растерянность и ощущение собственной ненужности». Далее она разумно предлагала: «Необходимо найти целесообразный модус культурологической ориентации в пространстве внедрения новых информационных технологий. В конечном счете, компьютер – лишь средство, которое должно быть адекватным благородным образовательным задачам библиографии»⁸⁴.

Что мы можем противопоставить пессимистическим прогнозам, предрекающим смертный приговор Книге? Не поддаваясь панике и провокациям, обратим внимание на *магию книги*, которая кажется особенно сильным, хотя и эзотерическим, аргументом в пользу неискоренимой вековечности книжности в человеческом бытии. «Книга – это волшебница» – утверждал революционер-народник Н.А. Морозов (1854–1946), которому книги скрасили 25-летнее заключение в Шлиссельбургской крепости⁸⁵. Не зря здраво-

⁸² Ильина О.Н. О некоторых подходах к реконструкции личных библиотек // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Сборник науч. трудов / РНБ. Вып. 13. С. 70–94.

⁸³ Цит. по: Берков П.Н. История советского библиофильства (1917 – 1967). – М., 1983. С. 34–35.

⁸⁴ Вохрышева М.Г. Библиографоведение на границе веков (Методологические заметки) // Библиография. – 1999. – № 6. С. 13.

⁸⁵ Цит. по: Лихтенштейн Е.С. Слово о книге. Афоризмы. Изречения. Литературные цитаты. – М., 1969. С. 29.

мыслящий книговед И.Е. Баренбаум (1921–2006) призывал не игнорировать «традиционный взгляд на книгу как на “чудо из чудес”, выдающийся феномен культуры»⁸⁶. Еще в 1930 году классик литературы XX века Герман Гессе (1877–1962) написал эссе «Магия книги», где сказано: «Давайте не скорбеть чрезмерно о том, что из понятия “книга” выхолощено почти все его бывшее величие. Но все же нам вовсе не следует опасаться будущего искоренения книги. Ибо и до инфантильнейших, опьяненных прогрессом людей вскоре дойдет, что функции письма и книги непреходящи. Станет очевидным, что выражение в слове и передача этого выражения посредством письма не только важнейшие вспомогательные, но и единственные средства вообще, благодаря которым человечество имеет историю и непрерывное сознание самого себя»⁸⁷.

Наконец, процитируем откровение Е.Б. Виноградовой, сотрудника библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», которая объявила книговедение и библиотековедение «магическими науками», поскольку они «негласно эксплуатируют категорию чуда» – «великое могущество знака и книги»⁸⁸. «В силу магии книги, – делает вывод автор, – не имеют успеха попытки объединить наши науки “под сенью” документологии или какой-то иной дисциплины и так трудно ответить на вопрос: что же такое библиотечное дело, проза жизни или поэзия? Потому что это и не проза, и не поэзия, а настоящее волшебство, привлекающее в профессию» (с. 19). Магия книги хорошо знакома библиофилам и библиоманам (умолчим о библиофагах); библиотерапия, как показали исследования Ю.П. Дрешер, является могучим средством современной медицины, а наши президенты во время инаугурации почему-то кладут руку на том Конституции.

«Магия книги» – это метафора, и метафора многозначная. Глубинный её смысл состоит в утверждении нерушимой и вековой взаимосвязи книжности и человечности. Кажется, что именно эту взаимосвязь имел в виду директор Библиотеки Российской Академии наук В.П. Леонов в своем размышлении о Книге как космическом субъекте⁸⁹. Исходя из тезиса, что человек не случайно возник во Вселенной и не случайно появилась его постоянная спутница – книга, Леонов делает вывод, что «человек и книга представляют собой космические субъекты» и «если книга – космический субъект, значит, она

⁸⁶ Баренбаум И.Е. Книговедение и электронная книга // Книга. Исследования и материалы. – М.: Терра, 1999. Сб. 76. С. 14.

⁸⁷ Гессе Г. Магия книги: Сборник эссе, очерков, фельетонов, рассказов и писем о книгах, чтении, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. – М.: Книга, 1990. С. 134.

⁸⁸ Виноградова Е.Б. Не проза и не поэзия, а волшебство... Этимологическое путешествие // Библиотечное дело. – 2010. № 10. С. 19.

⁸⁹ Леонов В.П. Книга как космический субъект // Библиотековедение. – 2006. № 6. С. 18–21.

бессмертна». Ссылаясь на В.И. Вернадского, Тейяра де Шардена, Н.Н. Моисеева, наконец, Н.Ф. Федорова, Валерий Павлович утверждает, что человек – необходимое звено в космических процессах, происходящих во Вселенной. Миссия человечества состоит в том, чтобы осуществить «прогрессирующую победу духа над материей», а миссия книги – «влияние на сознание человека, развитие его мышления» путем приобщения к «миру объективного знания». Человечество не сможет выполнить свою космическую миссию без опоры на объективированное знание, поэтому, по убеждению В.П. Леонова, «разгадку происхождения книги нужно искать в генетическом коде человека», который есть следствие и результат многовековой эволюции живой материи, поступательного движения от видов биологических до социальных. Заканчивает автор призывом к формированию «нового типа книжника, книговеда, который по своим воззрениям, по эстетическим научным критериям будет похож на ученого-теоретика». Увлекательная перспектива и для русского космизма, и для академической генетики, и для философии книги!

Если же, оставив в стороне метафоры, вернуться к вопросу о судьбе Книги, то весьма убедительно выглядит экспертное сопоставление преимуществ и недостатков полиграфической и электронной книги, осуществленное О.В. Барышевой и Р.С. Гиляревским⁹⁰. Авторы пришли к выводам: «При непредвзятом рассмотрении доводов “за” и “против” электронной книги первые, несомненно, перевешивают своей значимостью и перспективностью. Многие виды электронных книг (словари, справочники, энциклопедии, учебные пособия), а также журналы уже потеснили своих печатных собратьев, и будут теснить их с возрастающей скоростью. В области интеллектуальных коммуникаций действует своеобразный закон сохранения форм (в отличие от техники, например). Поэтому электронная книга никогда полностью не заменит печатную, но отберет у нее много функций»(с. 63). Мы добавим, что судьба Книги в конечном счете зависит от библиотечной интеллигенции, которая является главной движущей силой в эволюции отечественной библиосферы. Можно представить библиотеку без книжных фондов и без читальных залов, но «библиотеку без библиотекаря» вообразить нельзя.

2.3. БИБЛИОТЕЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Когда заходит речь о библиотечной интеллигенции, чаще всего подразумеваются профессиональные библиотечные работники. Считается, что библиотечного интеллигента можно обнаружить только в библиотечных стенах, а вне библиотечных профессионалов библиотечная интеллигенция не существует. Выходит, для того, чтобы стать библиотечным интел-

⁹⁰ Барышева О.В., Гиляревский Р.С. Книга в паутине. – М.: НТИ-КОМПАКТ, 2003. С. 35–63.

лигентом, нужно приобрести определенную квалификацию – например, закончить библиотечный факультет или колледж, и умело выполнять свои производственные функции. Желательно владеть иностранными языками, быть начитанным, обладать художественным вкусом. И все. Никакого особого этического самоопределения не предполагается. Это упрощенно-обыденное понимание библиотечной интеллигентности нуждается в уточнении.

Как показывают наши формулы, интеллигентность, как и интеллектуальность, – понятия не профессионалогические, а *социально-этические*. Интеллигенция – социальная группа, объединяющая людей по интеллектно-этическому, а не профессиональному признаку. Если наложить профессиональные ограничения (библиотечный интеллигент – обязательно профессиональный библиотекарь или библиограф), то вне рядов библиотечной интеллигенции окажутся преподаватели библиотечной школы, ученые библиотековеды, сотрудники библиотечной прессы и, конечно, учредители библиотек, государственные администраторы, по долгу службы управляющие библиотечной системой (от министра культуры до инспектора по делам библиотек), не говоря уже об индивидуальных почитателях Книги – библиофилах и библиоманах. Получается нелепость: те, кто обучает библиотечной интеллигентности, кто изучает библиотечную интеллигенцию, кто направляет её практическую деятельность, сами библиотечными интеллигентами не являются. Значит, простейшее и, казалось бы, самоочевидное решение – считать библиотечную интеллигенцию творческой элитой в трудовых библиотечных коллективах, нуждается в коррективах: *следует считать библиотечной интеллигенцией всех интеллигентов, профессионально или непрофессионально связанных с библиотечным институтом.*

Уточним, что под *библиотечным социальным институтом* нами понимается профессиональная система (отрасль общественного производства), состоящая из пяти функционально-специализированных подсистем: практика, образование, наука, коммуникация, управление. Библиотечная профессия – одна из гуманитарных профессий, это профессия типа «человек – человек» и «человек – знаковая система», и она предъявляет повышенные этические требования к практическим работникам, именуемым «библиотекари-библиографы». Разумеется, образованные и креативные сотрудники других функциональных подсистем библиотечного института также *не могут быть этически индифферентны*, несмотря на то, что они зачастую не имеют специального библиотечного образования или опыта работы в библиотеках. Их этическое самоопределение может приближаться к формуле интеллигентности или к формуле интеллектуальности, то есть оно может быть альтруистическим или эгоистическим, толерантным или интолерантным, по-разному культурно насыщенным. Правомерность отнесения их к библиотечной интеллигенции обуслов-

лена их соответствием требованиям библиотечной интеллигентности. В чем заключаются эти требования?

Библиотечная интеллигентность представляет собой конкретизацию формулы интеллигентности. Эта конкретизация состоит, во-первых, в дополнении образованности *книжной культурностью* (владение литературным языком и письменной речью, начитанность, библиотечно-библиографическая грамотность); во-вторых, в следующих уточнениях содержания этической переменной:

альтруизм – осознание общественной значимости библиотечно-библиографического дела для просвещения и культурного прогресса нации; ощущение ответственности за удовлетворение и развитие познавательных, коммуникационных, ценностно-ориентационных потребностей и интересов своих сограждан;

толерантность – свобода доступа к документным потокам и фондам; исключение коммуникационного насилия по отношению к читателям (цензура, непрошеное руководство чтением, ограничение свободы выбора, навязчивая реклама и т. п.), а также исключение тенденциозной организации фондов и каталогов, прежде всего – спецхранов и идеологических чисток фондов;

благоговение перед Книгой как высшей культурной ценностью, безусловное обеспечение сохранности фондов, исключение библиоцида как святотатства.

Благоговение перед Книгой – не ритуальное почитание произведений письменности и печати, а *состояние души* интеллигента-книжника. Это эмоциональное состояние описывается в терминах «очарованные книгой»⁹¹, «вечные спутники»⁹², выражается стихотворными одами, ораторскими панегириками и философскими поучениями. В.Г. Лидин, раскрывая состояние души благоговеющего перед Книгой библиофила, писал, что им ощущается «очень тонкая, очень глубокая любовь, и странно, иногда кажется, что человек, который любит книгу, встречает и её ответную любовь»⁹³.

Разумеется, не всякий интеллигент относится к числу библиотечных интеллигентов, то есть интеллигентов-книжников. Более того, не всякого библиотечного профессионала можно назвать библиотечным интеллигентом, ибо очарованность письменным словом, благоговейное почитание овеществленной мысли давно ушедших авторов знакомо далеко не всякому. Выражением библиотечной интеллигентности является книга Валерия Леонова «Пространство библиотеки: Библиотечная симфония»⁹⁴. Автор

⁹¹ Очарованные книгой. Русские писатели о книгах, чтении, библиофилах. Рассказы, очерки, эссе / Сост. А.В. Блюм. – М.: Книга, 1982. 287 с.

⁹² Вечные спутники: Советские писатели о книге, чтении, библиофильстве / Сост. А.В. Блюм. – М.: Книга, 1983. – 223 с.

⁹³ Лидин В.Г. Друзья мои – книги. Рассказы книголюба. – М., 1976. С. 3–4.

⁹⁴ Леонов В.П. Пространство библиотеки: Библиотечная симфония. – М.: Наука, 2003. 123 с.

ощущает библиотечное пространство не как вместилище консервированных изданий, а как «отражение космоса в текстах», о котором он пытается говорить словами, но не в повествовательном, а в «музыкальном жанре». Симфонический жанр был подсказан интеллигенту-книжнику Леонову не рационально взвешенным размышлением, а страстной любовью, эмоциональным переживанием вызовов и угроз, надвигающихся сегодня на библиосферу и библиотечную профессию. Он пишет: «Интуитивно я понимаю, что существует некое таинство рождения библиотекаря внутри человеческой личности. Мне это всегда представлялось нормальным и естественным: специалист, прежде всего, обязан чувствовать себя личностью, а затем уже профессионалом» (с.9). В этой музыкальной фразе слышится мелодия формирования библиотечной интеллигентности. Эту мелодию в духе *allegro moderato* Леонов повторяет в другом месте своей симфонии: «Для немногих библиотека – цель и смысл жизни; попытка через изучение прошлого лучше понять то, что происходит сегодня, увидеть завтра; возможность соприкоснуться с красотой и гармонией книги. Для большинства – обычная работа: сохранение, разыскание, поиски, нахождение нужного читателю материала» (с. 19). Вывод очевиден: библиотечный интеллигент, будучи человеком, органично связанным с книжной культурой, не может не быть *книголюбом-библиофилом*. Некоторые ученые различают понятия «книголюб» и «библиофил»⁹⁵, мы же отождествим эти понятия, считая, что в обоих случаях речь идет об *интеллигенте-книжнике*, представителе *библиотечной интеллигенции*.

Нуждается в определенном ответе вопрос: можно ли интеллигентного библиографа-практика или ученого-библиографоведа включить в состав библиотечной интеллигенции? Ведь библиография и библиотечное дело – это разные институты в составе библиосферы, а библиографическая и библиотечная деятельность требуют разной профессиональной подготовки. Несмотря на это, в реальной действительности изначально имело место *сращивание* библиотечного и библиографического институтов. Это сращивание состоит в том, что значительная часть библиографов-практиков является сотрудниками библиотек, библиотечное и библиографическое образование давно интегрировались, библиографоведение и библиотековедение, бесспорно, самостоятельные науки, но их неразрывно соединяют, как остроумно заметил О.П. Коршунов, «библиотечное библиографоведение» и «библиогра-

⁹⁵ А.А. Сидоров полагает, что книголюб в качестве «друга книги» «уважает книгу всегда и везде: и в чужом собрании, в государственной, строго охраняемой библиотеке, и в многотиражном издании», а отличительным признаком библиофила является «страсть собирательства», «призвание коллекционирования, составление собственной библиотеки, большой или малой, специализированной или универсальной» (Сидоров А.А. Друг книги – советский библиофил // Берков П.Н. История советского библиофильства (1917–1967). – М., 1983. С. 26–27).

фическое библиотековедение». Самое же главное свидетельство взаимопроникновения обоих институтов – общность профессионального мировоззрения, ценностных ориентаций, этического самоопределения их членов. Эта общность и позволяет говорить о *единой, библиотечно-библиографической интеллигенции*, а не о двух обособленных интеллигентских группах. Для краткости будем использовать термин «библиотечная интеллигенция», имея в виду сотрудников библиотечно-библиографического социального института в целом. Однако отметим, что к библиотечным интеллигентам нельзя отнести *библиоманов*, красочно описанных М.Н. Куфаевым. По словам Куфаева, библиоману свойственно влечение менее всего к содержанию и более всего к форме и внешности книги, книжный фетишизм, тщеславие, жадность в накоплении привлекательных книг⁹⁶. В.В. Кунин добавил: «Собирание книг, даже самых лучших, не превращает мошенника в честного человека! Что же касается характеров, психологических типов и тому подобного, то в книжном мире они столь же неисчерпаемы, как и в любой другой области людской деятельности»⁹⁷.

В результате получается следующая формула: *библиотечная интеллигентность* – интегральное качество личности, включающее в себя на уровне соответствующего поколения русской интеллигенции а) образованность и книжную культурность, б) креативность, в) альтруистическое этическое самоопределение в виде осознанного общественного долга, коммуникационной толерантности, благоговения перед Книгой. Эта формула соответствует фигуре библиотечного *интеллигента-гуманиста*.

Аналогично может быть построена формула библиотечной интеллектуальности, характерная для фигуры *интеллектуала-книжника*. В этих формулах совпадают качества а) и б), то есть библиотечные интеллигенты и интеллектуалы – в равной мере образованные профессионалы и творческие новаторы, но прямо противоположны их этосы. Библиотечному интеллектуалу чужда гуманистическая ответственность перед обществом за свою профессиональную и непрофессиональную деятельность; он не считает зазорным применение коммуникационного насилия по отношению к читателям; ему не понятен мистический пафос благоговения перед Книгой, для него печатная продукция – неодушевленный объект труда или управления. Чаще всего интеллектуалы концентрируются в подсистеме управления библиотечного института.

Подсистема управления возникла одновременно с появлением библиотечной практики. Она изначально выполняла две противоположно направленных функции: во-первых, *функция книжности* – содействие развитию библиотечного дела и книжности вообще; во-вторых, *функция антикнижности* – ограничение распространения книг, противоречащих интересам ду-

⁹⁶ Куфаев М.Н. Библиофилия и библиомания (психофизиология библиофильства): Репродуц. изд. – М., 1980. С. 34–35.

⁹⁷ Кунин В.В. Библиофилы и библиоманы. – М., 1984. С. 473.

ховной или светской власти. Функция книжности свойственна интеллигентам-книжникам, обладающим властными полномочиями, а функцию антикнижности принимают на себя интеллектуалы, чуждые культуре Книги. Древним механизмом антикнижности является *цензура*, исторически берущая начало со времен античности. Цензурная практика докатилась до Древней Руси вместе с духовной литературой. Как известно, первый список «сокровенных» книг появился в «Изборнике Святослава» (1073), всего же с XI по XVIII вв. русская церковь распространила не менее 100 списков истинных (канонических) и ложных (отреченных или апокрифических) книг. С екатерининских времен существовало государственное цензурное ведомство, имеющее большие заслуги в «антикнижной» деятельности. Инициаторами и исполнителями цензурирования выступали два типа интеллектуалов-книжников: интеллектуалы-нигилисты и интеллектуалы-циники. Первые оправдывали свои действия альтруистической идеей полезности цензуры для защиты общества от крамольных или вредных идей; вторые же становились палачами книги из эгоистического расчета. Воспроизведем словесно формулу интеллектуальности:

Библиотечная интеллектуальность – интегральное качество личности, включающее в себя на уровне соответствующего поколения русской интеллигенции а) образованность и книжную культурность, б) креативность, в) эгоистическое этическое самоопределение, допускающее насилие по принципу «Цель оправдывает средства» и исключаящее поклонение Книге как абсолютной ценности.

Ясно, что в среде библиотечных интеллигентов нетрудно обнаружить, помимо гуманистов, также снобов, скептиков и конформистов, а среди библиотечных интеллектуалов немало деспотов и нигилистов, квазигуманистов и циников. Интеллигенты и интеллектуалы образуют высший, наиболее образованный и креативный слой библиотечной профессии, который мы назвали интеллектуальным слоем. Кроме того, можно выделить *полуинтеллектуальный слой*, состоящий из исполнителей, занятых рутинным репродуктивным трудом. Оба слоя распространяются не только на библиотечную практику, но и на библиотечное образование, библиотечно-библиографическую науку, библиотечную коммуникацию, управление библиотечной системой, короче говоря, на библиотечный и библиографический социальные институты.

Наши библиотечно-профессиологические исследования привели нас к *следующим выводам*. Во-первых, библиотечная профессия не однородна, а довольно разнообразна и включает в свой состав практически все типы интеллигентов и интеллектуалов. Во-вторых, в библиотечном сообществе преобладают интеллигенты-гуманисты, основой для формирования которых послужила, надо полагать, приобщенность к книжной культуре. В-третьих, библиотечная элита и библиотечная интеллигенция не совпадают по объему:

можно возглавлять библиотеку, но не быть библиотечным интеллигентом. В-четвертых, библиотечная интеллигенция отчетливо дифференцируется на поколения, периодизацию которых логично связать с эпохами русской книжности, поскольку отличительным качеством библиотечного интеллигента, как мы неоднократно подчеркивали, является благоговение перед Книгой. В-пятых, культурно-исторические эпохи русской книжности коэволюционно связаны с историческими этапами зарождения и развития русской интеллигенции, о чем свидетельствует содержание следующей главы.

ГЛАВА 3

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ
РУССКОЙ КНИЖНОСТИ**

Более ста лет продолжают споры о *начале русской интеллигенции*. На звание «первого русского интеллигента» рекомендуются: древнерусские «православные священники, монахи и книжники» (В.О. Ключевский, Г.П. Федотов), современник Ивана Грозного преподобный Максим Грек (Д.С. Лихачев), Петр I (Д.С. Мережковский), просветитель-книжник Н.И. Новиков (Р. Пайпс), А.Н. Радищев (Н.А. Бердяев), П.Я. Чаадаев, анархист М.А. Бакунин (П.Б. Струве), не говоря о прочих кандидатах. Современный культуролог Г.С. Кнабе рассуждает в духе эволюционизма: «Россия буквально выстрадала эту “прослойку” и её ценности, трижды вызывая её к жизни»: первый раз – «в виде отдаленного предвестия на рубеже XV – XVI вв.; второй раз «несравненно шире и глубже в предпетровские годы» (автор называет Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина); третий раз «в середине XIX века при Тургеневе и Сеченове, Владимире Соловьеве и Менделееве»¹. Показательно, что появление интеллигенции в социальной структуре России в середине XIX века Г.С. Кнабе, в отличие от П.Б. Струве и его единомышленников-либералов, связывает не с анархистами и революционными демократами, а с именами ученых, писателей, философов.

Нетрудно понять, что спор о «первом русском интеллигенте» обусловлен разным пониманием сущности интеллигентности: кто-то ассоциирует её с «премудростью Божией», кто-то – со светской образованностью, кто-то – с гуманистической толерантностью, кто-то – с воинствующей квазигуманистической этикой (см. трактовки понятия «интеллигенция» в разделе 2.1.1). Однако, несмотря на существенные расхождения, все авторы, за исключением П.Б. Струве, связывают появление русской интеллигенции со *становлением русской книжности*. Недаром в числе первых интеллигентов называются древнерусские книжники, в том числе преподобный Максим Грек, допетровские литераторы, начиная с Симеона Полоцкого, книгоиздатель Николай Новиков, которые конкурируют с радетелем отечественного просвещения, прилежным книгоцеем Петром Великим. Поскольку время зарождения русской интеллигенции остается дискуссионным, тем более неопределенными кажутся обстоятельства появления библиотечной интеллигенции. Эти обстоятельства, кстати говоря, даже не обсуждаются библиотековедами, предпочитающими толковать о библиотечных кадрах, трудившихся в первых императорских библиотеках. Попытаемся внести ясность в этот вопрос.

¹ Кнабе Г.С. Русская античность. – М., 2000. С. 98.

3.1. ПОКОЛЕНИЯ БИБЛИОТЕЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

3.1.1. Демографические и социально-культурные поколения. Культурно-историческая эпоха трактуется в культурологии как «длительный период доминирования сходных культурных форм на одной ценностно-смысловой основе»². Книжность можно понимать как одну из исторически обусловленных культурных форм. Как известно, по способу производства книг различаются три культурных формы: рукописная книжность, мануфактурная книжность, индустриальная книжность. Соответственно, можно выделить поколения интеллигентов-книжников рукописной эпохи, интеллигентов-книжников мануфактурной эпохи и интеллигентов-книжников индустриальной эпохи, которых объединяет интеллигентность, включающая в себя благоговение перед Книгой. Таким образом, вырисовываются вехи для построения периодизации библиотечной интеллигенции: XI–XVI вв. – древнерусское книгописание; XVII–XVIII вв. – мануфактурное книгопечатание; XIX–XX вв. – индустриальное книгоиздание. Прежде чем превратить эти вехи в цельную периодизацию библиотечной интеллигенции, уточним понятие «поколение».

Поколение – многозначный термин, относящийся к возрастной структуре общества и к истории культуры (не будем учитывать такие метафоры, как «поколение компьютеров» или «техника нового поколения»). Для нас важно различать два основных значения: демографическое и социально-культурное. *Демографическое поколение* – реальное поколение (когорта) – совокупность сверстников, родившихся в течение длины поколения; *длина поколения* – интервал времени между средним возрастом родителей и их детей, который принимается за 25 лет (четыре поколения в столетие) или за 33 года (три поколения за сто лет)³. В генеалогии различаются поколения «детей», «отцов», «дедов» и т. д., соответствующие коленам генеалогического древа. По физическому строению взрослые дети подобны своим родителям, а по духовному развитию – не всегда. В традиционных обществах, где сыновья полностью наследуют образ жизни своих отцов, духовные различия незначительны. Другое дело – индустриальные и постиндустриальные общества нового времени. Здесь интеллектуально-этические отличия могут быть столь несовместимыми, что возникает пресловутый конфликт отцов и детей. Для описания этого конфликта потребовалось понятие *социально-культурное поколение*, когда под поколением понимается историческая общность людей, характеризующаяся специфической *духовностью*, то есть типичными для нее ценностными ориентациями, мировоззрением, социально-психологи-

² Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры: В 2-х частях. Ч. 1. – М., 2002. С. 14.

³ Урланис Б.Ц. История одного поколения. (Социально-демографический очерк). – М., 1969. С.10.

ческими установками⁴. Именно в этом, культурологическом смысле мы используем понятие «поколение интеллигенции».

Демографическое поколение существует в физическом (геометрическом, географическом) пространстве и в астрономическом времени, а социально-культурное поколение развивается в культурном пространстве социальных отношений согласно с изменениями, происходящими в социальном времени. Смена одного демографического поколения другим, более молодым, вовсе не означает смены социально-культурных поколений, если сыновья послушно следуют нормам, идеалам, обычаям своих отцов. Можно сказать, что социально-культурное поколение – скорее, *поколение мировоззрений*, чем поколение живых людей, разделяющих данное мировоззрение, потому что люди приходят и уходят, а господствующие взгляды и идеи могут оставаться относительно стабильными.

Отсюда следует, что хронологически длина демографического поколения *меньше* длины социально-культурного поколения, потому что один и тот же человек не может быть субъектом разных мировоззрений. Конечно, в течение жизни мировоззрение современного «отца», активно участвующего в общественной жизни, может модернизироваться, но оно не может совпасть с мировоззрением «сына» в силу инерционности менталитета и различия личного биосоциального опыта. Авторы, принимающие длину социально-культурного поколения за 10, 12, 15 лет и в связи с этим толкующие о поколениях «шестидесятников», «семидесятников», «восьмидесятников» и т. д., смешивают модернизацию мировоззрения, иногда довольно существенную, с заменой, качественным преобразованием мировоззрения, полученного в юности.

Нужно иметь в виду еще одно уточнение. В зависимости от субъекта, как демографическое, так и социально-культурное поколение может быть массовым или групповым. *Массовое поколение* охватывает всю совокупность современников, а *групповое поколение* – современный состав отдельной социальной группы, например, интеллигенции. Мы будем понимать «поколение интеллигенции» как *групповое социально-культурное поколение*.

Поскольку именно интеллектуальный слой, то есть образованная, творчески активная и этически определившаяся часть общества, создает, хранит и распространяет идейное содержание своей эпохи, то *длительность культурно-исторической эпохи совпадает с длительностью группового поколения интеллигенции*. Причем не массовое поколение детерминирует интеллектуально-этический потенциал интеллигенции, а наоборот, интеллигенция определяет нравственные нормы и интеллектуальный уровень современников, то есть куль-

⁴ Философско-исторические, социологические, культурологические трактовки понятия «поколение» с Аристотеля до наших дней приведены в обстоятельной статье: Безгрешнова А.М. Смена поколений как социокультурная проблема (К истории изучения) // Поколение в социокультурном контексте XX века / отв. ред. Н.А. Хренов. – М., 2005. С. 204–237.

турное пространство данной эпохи. Именно интеллигенция является исторически-значимым *культуросоздающим субъектом*. Отсюда следует, что периодизацию истории культуры нужно строить не по векам и десятилетиям, а по поколениям интеллигенции.

Известно, что мысль о целесообразности использования понятия «поколение» в качестве единицы социально-культурного времени еще в XIX столетии высказывали О. Конт и В. Дильтей, а в первой половине XX века её развивали К. Мангейм, Э. Трельч, К. Ясперс. «Метод поколений в истории» в своих университетских лекциях в 20-е годы прошлого века развернуто обосновывал Х. Ортега-и-Гассет. Он утверждал: «Изменения жизненного мироощущения, являющиеся решающими в истории, предстают в форме поколений. Поколение – это как бы новое социальное тело, обладающее и своим избранным меньшинством, и своей толпой. Поколение, динамический компромисс между массой и индивидом, представляет собой самое важное историческое понятие и является, так сказать, той траекторией, по которой движется история»⁵.

Испанский философ хорошо ощущал межпоколенческий конфликт «отцов и детей», его неповторимое своеобразие и противоречия, терзающие поколения. Он говорил: «Для каждого поколения жизнь есть работа в двух измерениях: в одном оно получает пережитое предшествующими поколениями – идеи, оценки, институты и т. д.; в другом – отдается спонтанному потоку собственной жизни. ... Дух каждого поколения зависит от уравнения, образуемого этими двумя составными частями, и установки, которую принимает по отношению к ним большинство индивидов поколения» (Там же. С.6). Свообразие мироощущения и духовности поколения означает, что каждое поколение обладает собственным призванием, своей исторической миссией.

Историософское *учение о поколениях* Х. Ортега-и-Гассет подробно развивает в серии лекций, названной «Вокруг Галилея (схема кризисов)»⁶. Здесь не только подробно раскрывается понятие «поколение», но и постулируется длина социально-культурного поколения, которая принимается за 30 лет. «Я бы сказал, – заявляет автор, – что историческое поколение живет пятнадцать лет становления плюс пятнадцать лет правления» (С. 275). Идея смены фаз в жизненном цикле поколения разумна и плодотворна, но нельзя согласиться с одинаковой длительностью этих фаз во всех поколениях – ровно 15 лет. В отличие от демографических поколений, господство идеологий может длиться несколько десятков лет или даже веков.

В наши дни понятие «поколение» стало межнаучной категорией, или, как выразился известный социолог культуры Б.В. Дубин, «метафорой в языке социальных наук и наук о культуре»⁷. Эта «метафора» нужна для того, чтобы

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М., 1991. С. 5.

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М., 1997. С. 233–403.

⁷ Дубин Б.В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. – М., 2005. С. 66.

идентифицировать социальных субъектов, описывать конфликты «отцов и детей», обозначать «разрывы» и культурную преемственность возрастных групп. Современная историко-культурная проблематика смены поколений и в мировом, и в отечественном контексте весьма компетентно и довольно полно представлена в двух капитальных сборниках статей, появившихся одновременно: «Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.» и «Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. редактор Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2005. 631 с.». В этих сборниках содержатся несколько «поколенческих периодизаций» русской интеллигенции, но все они страдают общими недостатками: а) отсутствует критерий интеллигентности; б) не учитывается разнородность интеллектуального континуума, куда входят интеллигенты, интеллектуалы, полунинтеллигенты и др.; в) спутаны демографические и социально-культурные трактовки поколений, из-за чего принимается слишком маленькая длина поколения интеллигенции – 15, или 12–13 лет или даже десятилетие; г) далеко не всегда учитываются фазы развития поколения, которые, напомним, неизменно фиксировал Х. Ортега-и-Гассет; д) упрощенное представление преемственности поколений. Введение понятия «поколение библиотечной интеллигенции» в библиотековедение представляется оправданным и продуктивным, однако из-за перечисленных недостатков мы не смогли довериться какой-либо готовой периодизации и были вынуждены разработать собственную хронологию поколений библиотечной интеллигенции.

3.1.2. Хронология поколений библиотечной интеллигенции. В основу хронологии положены известные эпохи русской книжности: рукописная – XI–XVI вв.; мануфактурная – XVII–XVIII вв.; индустриальная – XIX–XX вв. Каждая эпоха включает в себя несколько социально-культурных поколений интеллигентов-книжников, различающихся интеллектно-этическими качествами, входящими в формулу интеллигентности (содержанием образованности, уровнем креативности, пониманием общественного долга и толерантности, формами книжной культуры). Для разграничения поколений, относящихся к одной и той же эпохе, используем понятие *ментальность поколения*. Поясним, что понимается под ментальностью.

Современники Х. Ортеги-и-Гассета, французские историки М. Блок и Л. Февр, основали в 1929 году в Париже научный журнал «Анналы», в котором активно и весьма остро обсуждались методологические проблемы исторических исследований. Была поставлена под сомнение объективная достоверность исторических источников, ибо их авторы (летописцы, мемуаристы, очевидцы, историографы и пр.) воспринимали описываемые события через субъективную призму своего личного мировоззрения, произвольно, а нередко умышленно, их искажая. Субъективизм автора, в свою очередь, обусловлен духовным климатом его социума, который обозначили термином «ментальность» (*mentalité* – направление мыслей, умонастроение, склад ума).

Был сделан вывод, что для того, чтобы правильно понять реальные исторические события, историк должен реконструировать ментальность данной культурно-исторической эпохи, и главным объектом исторической науки следует считать не факты социальной жизни, а движение ментальностей.

Ментальность французские историки определяли как «систему образов, представлений, которые в разных группах или странах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»⁸. Нельзя сказать, что сообщество ученых-историков безоговорочно восприняло методологические новации французской «школы «Анналов»»⁹, но отечественные историки культуры взяли на вооружение понятие ментальности, понимая его как «картину мира», свойственную данной эпохе и обнаруживающуюся «как в коллективном сознании общественных групп, так и в индивидуальном сознании и творчестве наиболее выдающихся представителей эпохи (при всех неповторимых, уникальных их особенностях)»¹⁰.

Мы последуем их примеру, поскольку для исследования смены поколений интеллигенции понятие ментальности имеет ключевое значение. Ведь одно социально-культурное поколение отличается от другого не демографическими параметрами, а именно свойственной ему картиной мира. Историки «Анналов» учитывали чаще всего повседневную ментальность, то есть ментальность массового поколения современников, нас же интересует групповая ментальность интеллектуального слоя общества. Формулы интеллигентности и интеллектуальности, предложенные в разделе 2.1.2, есть не что иное, как *структуры ментальностей* интеллигентов и интеллектуалов. Эти структуры наполняются конкретным содержанием в зависимости от поколения той или иной эпохи русской книжности. Различия менталитетов становятся особенно явными при сопоставлении поколений рукописной книжности с более поздними поколениями интеллигенции. Например, древнерусские книжники, к числу которых в равной мере относились и авторы текстов, и редакторы-компиляторы, и переводчики, и писцы-копиисты, понимали свой труд как особую форму богослужения, где неуместно тщеславие, и поэтому забывали упомянуть свои имена. Более поздние поколения придерживались иных нравственных норм. Индустриальная книжность коммерциализировалась, и ей даже потребовались законы о защите авторских прав.

⁸ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. – М., 1991. С. 52.

⁹ Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М.: Наука, 1993. 208 с.

¹⁰ Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. – СПб, 2001. С. 35–37.

Будем придерживаться следующей периодизации, включающей в себя 12 библиотечно-интеллигентских поколений:

Эпоха рукописной книжности (РК) : XI– VI вв.

РК-1. Древнерусское поколение – XI – первая половина XIV вв.

РК-2. Старомосковское поколение – вторая половина XIV– VI вв.

Эпоха мануфактурной книжности (МК) : XVII–XVIII вв.

МК-1. Допетровское поколение – XVII в.

МК-2. Петровское поколение – первая половина XVIII в.

МК-3. Екатерининское поколение – вторая половина XVIII в.

Эпоха индустриальной книжности (ИК) : XIX– I половина XX в.

ИК-1. Пушкинско-гоголевское поколение – первая половина XIX в.

ИК-2. Пореформенное поколение – вторая половина XIX в.

ИК-3. Революционное поколение – 90-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.

ИК-4. Героическое советское поколение – 20-е – 60-е гг. XX в.

Времена великих перемен (ВП) : II половина XX–XXI в.

ВП-1. Советские шестидесятники – 50-е – 90-е гг. XX в.

ВП-2. Восьмидесятники – 1970-е – 2010-е гг.

ВП-3. Информационное поколение – 2000-е – 2040-е гг.

Предвидя недоуменные вопросы «Почему нет пятидесятников?», «Почему нет семидесятников?» и т. п., поясняем, что длина социально-культурного поколения не может быть короче демографической длины (25 лет), поэтому люди, сформировавшиеся в 50-е годы, попадают в поколение шестидесятников, а сформировавшиеся в 70-е годы – в поколение восьмидесятников. Разумеется, существуют многочисленные индивидуальные исключения из этой статистической тенденции.

Было бы слишком примитивно и поверхностно ограничиться указанием длины поколения без дальнейшей детализации его жизненного цикла. Разные авторы делят этот цикл на три, пять или большее число фаз («возрастов»). Мы ограничимся тремя фазами: *восход* – начальная фаза, переходный период от предыдущего поколения к данному; *расцвет* – фаза господства в отечественной культуре; *закат* – фаза угасания, переход от данного поколения к последующему. Важно заметить, что во время восхода и заката сосуществуют два социально-культурных поколения, представленных интеллектными группами, различающимися по возрасту и социальному опыту, а главное – по ментальности, то есть ценностным ориентациям, мировоззрению и социально-психологическому настроению. Эти различия провоцируют пресловутый конфликт «отцов» и «детей». Если старшему поколению свойственна консервативная сдержанность, то молодежь увлекается романтическими и даже утопическими порывами. Обратим внимание, что в социальной памяти хранятся духовные ценности, созданные поколениями дедов, прадедов, пращуров, которые могут реанимироваться и стать актуальными. Так, в постсовет-

ской России были реабилитированы культ императорской семьи, православные праздники и т. д. Охарактеризуем кратко поколения российских интеллигентов-книжников.

3.2. ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

3.2.1. Эпоха рукописной книжности (XI–XVI вв.) включает в себя два поколения книжников, различающихся содержанием ментальности: *древнерусское* поколение (РК-1) и *старомосковское* поколение (РК-2). Наименования этих социально-культурных поколений, как и всех последующих, выбраны нами условно, для удобства пользования, и вовсе не являются общепринятыми. Начало (восход) древнерусского поколения достаточно очевидно: XI век – время активной христианизации и интеллектуализации Руси, окончание же периода господства средневековой ментальности – вопрос дискуссионный. Не углубляясь в научные дискуссии, примем периодизацию, предложенную в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» для отечественной средневековой литературы, то бишь средневековой книжности. Согласно этой периодизации, начальный период ограничен хронологическими рамками XI – середины XIV вв. Последняя дата аргументируется тем, что в течение столетия после монгольского нашествия создаются первоклассные памятники литературы, продолжающие традиции Киевской Руси («Слово о погибели Русской земли», «Повесть о житии Александра Невского» и др.). Однако в конце XIV столетия в результате так называемого второго южнославянского влияния менталитет книжных мужей существенно меняется: распространяется исихазм (Сергий Радонежский и его последователи), появляется стиль «плетения словес», митрополит Киприан (1336–1406) затевает церковные реформы, способствуя распространению византийской культуры. Начинается второй период русской книжности, который мы назвали «старомосковским». Хотя мануфактурное книгопечатание началось в середине XVI века, период старомосковской книжности целиком вписывается в эпоху рукописания книг, ибо в XVI веке в Москве было отпечатано всего около 15 книг религиозного содержания.

Христианизация Руси привела к тому, что книга на старославянском языке стала символом и источником просвещения и образованности. Именно книга одухотворяла и вдохновляла *древнерусских* интеллигентов (поколение РК-1), когда монастыри и дворы некоторых князей (Ярослава Мудрого, его высокообразованных сыновей и дочерей, Владимира Мономаха, Всеволода Большое гнездо) служили центрами духовной жизни и обителями первого поколения интеллигентов-книжников. Вспомним о митрополите киевском Иларионе, известном как «муж благ, книжен и постник», о Несторе, агиографе и летописце, о летописце Никоне, об анонимном авторе «Слова о полку Игореве», о таинственном Данииле Заточнике, начитанном и образо-

ванном правдоискателе, который полностью соответствует формуле интеллигента-гуманиста¹¹. Для полноты картины назовем еще князя Волынского Владимира Васильковича (ум. 1288), который прославился как книголюб, переписчик многих рукописей, даритель храмам и монастырям книг в роскошных окладах. Рискованно превращать древнерусских книжников в библиотечных интеллигентов, но все-таки именно в среде «мужей книжных» нужно искать «первого русского интеллигента». Возможно, что автор учения «Велика бывает польза от учения книжного . . . се бо суть реки, напоющие вселенную, се суть исходяща мудрости» был первым библиотечным интеллигентом на Руси¹².

Почитание «учения книжного» сохранилось и в *старомосковский* период (поколение РК-2). Основоположник духовного течения нестяжательства, требующего отказа церкви от земельной собственности и аскетического отшельничества, Нил Сорский (1433–1508) был весьма образованным богословом и религиозным писателем. Он называл книги, «божественные писания» главными наставниками в жизни и не принимал неграмотных в основанный им скит «заволжских старцев». Усердным сторонником нестяжательства был Вассиан Патрикеев, в миру – князь и боярин, человек весьма образованный. Преподобный Максим Грек (1480–1556), кандидатуру которого на звание «первого русского интеллигента» выдвинул Д.С. Лихачев, по своим интеллектуально-этическим кондициям (образованность, креативность, этическое самоопределение) полностью соответствует формуле интеллигента-гуманиста своего времени. Приехав в Москву по приглашению Василия III для переводов и исправления книг его библиотеки, он был вовлечен в церковно-политические споры между иосифлянами и заволжскими старцами. В своих богословских, полемических, нравоучительных произведениях Максим Грек проявил себя не только как искусный мастер красноречия, но и как бесстрашный обличитель корыстолюбия духовенства и бесчинства властей. Особенно часто, как и полагается подлинному интеллигенту-гуманисту, он вставал на защиту бедных и угнетенных против злых и богатых. За это ему пришлось жестоко поплатиться: он был трижды осужден церковным судом и с 1525 по 1551 год провел в монастырском заточении.

¹¹ В.Г. Белинский характеризовал Заточника как «одну из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают. . . ; которых сердце болит и снедается ревностно по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше бы промолчать, и молчат там, где выгодно говорить» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.5. – М., 1954. С. 351).

¹² Ю.Н. Столяров не без основания называет первой русской женщиной-библиотекарем преподобную Евфросинию Полоцкую (1102–1173), день усупения которой отмечается в Белоруссии как день библиотекаря (Столяров Ю. Первые древнерусские школьные библиотеки // Школьная библиотека. – 2001. – № 8. С. 3–5). Правда, он не называет её «первым библиотечным интеллигентом», но её житие не оставляет сомнений не только в её святости, но и в древнерусской её интеллигентности.

Митрополит Макарий (1481/1482–1563) обладал высокой книжной культурой, под его руководством был составлен 12-томный помесячный книжный свод ежедневного чтения – Великие Минеи Четьи. Он был не чужд толерантности и порой ухитрялся склонить Ивана Грозного, которого сам Макарий венчал на царство 16 января 1547 года, к «печалованию» и покаянию. Однако, в конечном счете, он ближе к интеллектуалам, а не к интеллигентам, о чем свидетельствуют антикнижные решения Стоглавого собора (1551), духовным руководителем которого был митрополит Макарий. Собор подчинил книжное дело двойной опеке – церковной и светской цензуре, что было зафиксировано в главах «об училищах книжных», «об исправлении книжном», «о книжных писцах», «о злых ересях». По инициативе Ивана IV была принята 41-я глава, гласившая: «Царю свою царскую грозу учинити и святителям всем по всем градам запретити с великим духовным запрещением, чтобы православные христиане богомерзких книг еретических у себя не держали и не чли, а которые держали у себя такие еретические отреченные книги и чли их, и иных прельщали, и те бы о том калялися отцам своим духовным, и впредь бы у себя таких еретических отреченных книг не держали и не чли, а которые учнут у себя впредь такие книги держати и чести, или учнут иных прельщати и учити, и им быти от благочестивого царя в великой опале и в наказании, а от святителей по священным правилам быти в отлучении и проклятии»¹³. Однако это постановление осталось «гласом вопиющего», ибо не было механизма его реализации, то есть цензурного ведомства. Создать же такое ведомство при господстве рукописной книги практически невозможно.

Грозные государи московские Иван III и Иван IV были, разумеется, деспотами, но это не мешает считать их книжниками. В книге И.Я. Стеллецкого¹⁴ отстаивается гипотеза, что Софья (Зоя) Палеолог привезла в Россию Библиотеку византийских императоров, которую вывез её брат Андрей из захваченной турками империи. Это было драгоценное наследие византийской культуры, которое семья Палеологов использовала во время пребывания в Риме, а затем решила укрыть его в Москве. Аристотель Фиораванти, строитель Кремля, якобы выстроил подземное хранилище, где и схоронили драгоценную «либерею». О существовании замурованной в подземельях Кремля библиотеке Палеологов мог рассказать книголюбу Ивану IV во время их встречи в монастырском узилище Максим Грек. И.Я. Стеллецкий предполагает, что Максим должен был знать об этом хранилище, потому что Василий III выписал его именно для того, чтобы он переводил греческие книги из византийской библиотеки. Свою собственную обширную библиотеку Иван Грозный, по мысли многих кладоискателей, скрыл в XVI веке где-то в катакомбах Кремля, возможно, вместе с собранием Софьи Палеолог. Легенда о старомосковских библиотеках заслуживает внимания, ибо

¹³ Цит. по: Нотович О.К. Исторический очерк нашего законодательства о печати. – СПб, 1873. 63 с.

¹⁴ Стеллецкий И.Я. Поиски Библиотеки Ивана Грозного. – М.: Сампо, 1999. 400 с.

она свидетельствует, что в те времена книги ценились как *царские* сокровища.

По наблюдениям В.О. Ключевского, ментальность типичного старомосковского книжника отличалась не в лучшую сторону от ментальности книжника предыдущего поколения. Воодушевленный победами русского оружия, книжник XVI века утратил прежнее смирение и возгордился. Как раз в это время пала Византия, духовная наставница Руси. Оставшись без учителя, русский книжник, недавний «новоук» благочестия, возомнил себя единственным блюстителем православия, князя московского нарек единственным христианским царем во всей Вселенной, а Москва в его глазах воссияла как «Третий Рим, а четвертому не бывать». Прежде высшей похвалой для образованного русского человека было сказать о нем, что он «муж книжен и философ», теперь тщеславный книжник поучал: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах; учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов». Этот словоблуд, уверенный, что все можно понимать, ничего не зная, писал о себе: «Не учен диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею». В.О. Ключевский называет нарисованный социальный портрет «вторым типом русского интеллигента»¹⁵. Трудно согласиться с этим приговором. Описанный грамотей-невежда относится не к интеллигентам, а в лучшем случае – к полуинтеллектуалам Московского царства, которых во все времена было предостаточно в нашем отечестве.

Заслуживает особого внимания соотношение в старомосковской ментальности книжной словесности (умозрительно постигаемого логоса) и иконописи (умозрения в красках). Из-за отрыва от классической греческой традиции и отсутствия школьного образования интеллектуальный уровень книжности оставлял желать лучшего и был простому народу чужд. Зато русские иконописцы в лице преподобного Андрея Рублева, Феофана Грека, Д. Черного, Дионисия почитались как духовные пастыри неграмотного народа. Г.П. Федотов хорошо раскрыл контрверзу словесности и иконописи: «Умозрение открывается в слове. В этом его природа – природа Логоса. Отчего же софийская Русь так чужда Логоса? Она похожа на немую девочку, которая так много тайн видит своими неземными глазами и может поведать о них только знаками. А её долго считали дурочкой только потому, что она бессловесная»¹⁶. Может быть, для того чтобы объединить слово и образ, рукописные книги богато и красочно иллюстрировались.

XIV–XV века называются эпохой расцвета русской святости, возрождения монашества и отшельничества, расцвета духовной культуры и искусства, сре-

¹⁵ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М., 1983. С. 302–305.

¹⁶ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России. Избр. статьи. Т. 1. – СПб: 1991. С. 72–78.

доточием которых были русские монастыри¹⁷. Огромным моральным авторитетом пользовались монахи и священники, праведные миряне и благоверные князья, которые впоследствии были причислены к лику святых. Подсчеты показывают, что из 545 святых, прославленных Русской православной церковью до 1938 года, 67 приходится на XIV век, 102 – на XV век, 97 – на XVI век¹⁸. **Святым** почитался человек, который за праведную жизнь, подвиг христианской любви, ревностное распространение веры, а также за страдания и смерть, принятые за Христа, после смерти приближен к Богу и прославлен Церковью¹⁹. Конечно, святость ценилась в то время гораздо выше образованности, предприимчивости, умственного развития. Ведь духовное творчество святых доходило до *чудотворения*, ясновидения, общения с Богом. Именно способность чудотворения и нетленность мощей служили необходимыми условиями канонизации, и эти качества пришлось бы включать в формулу святости, если бы такая нелепая мысль возникла у какого-либо безбожника.

Конечно, «святость» и «интеллигентность» – понятия разноплановые, но у них есть область пересечения, заключающаяся в *этическом самоопределении* святого и интеллигента. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос о соотношении *святости и интеллигентности* в этической плоскости. Ясно, что интеллектуалы далеки от идеала христианской любви, как и малoverы-скептики, эгоисты, снобы или конформисты. Их оставим в стороне. Только интеллигент-гуманисты, этическое самоопределение которых отмечено альтруистической озабоченностью, толерантностью и благоговейным почитанием культурных ценностей, могут приблизиться к образу православной святости при условии, что предметом их благоговения являются христианские догматы. Житийная литература показывает, что подобные фигуры не редкость в пантеоне русских святых. Несомненными интеллигентами своего времени были святые равноапостольные первоучители и просветители славянские Кирилл и Мефодий. Однако надо признать, что большинство преподобных, святителей, блаженных, благоверных князей и праведников-мирян по образованности и креативности не достигает современного им уровня интеллектуального слоя.

Персонафикация средневековой русской интеллигенции – задача весьма сложная, потому что мы неизбежно попадаем в зависимость от литературных источников, рисующих облик того или иного исторического лица. В древнерусский период (XI–XIII), как отмечал Д.С. Лихачев, господствовал «монументальный стиль в изображении человека», вследствие чего «все московские князья до Ивана III как две капли воды похожи друг на друга, так что

¹⁷ Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб, 2000. С. 230–231.

¹⁸ Русские святые: 1000 лет русской святости / Жития собрала монахиня Таисия. – СПб: Азбука-классика, 2001. С. 711–725.

¹⁹ Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб, 2000. С. 223.

наблюдатель иногда затрудняется решить, кто из них Иван, а кто Василий». Поэтому судить об интеллектно-этических качествах светских и церковных владык весьма затруднительно. Только в памятниках XVI–XVII вв. встречаются более контрастные, но зато и более противоречивые словесные портреты. Например, о Борисе Годунове говорится, что он «оруженосию не зело изыщен, а естеством светлодушен и нравом милостив и нищелюбив», но вместе с тем «оболганных людей без рассуждения напрасно мучителем предаваше», «и властолюбив вельми бываше» и т. д.²⁰

Приведенный обзор библиотечной интеллигенции древнерусского и старомосковского поколений не является ни полным, ни всесторонним. Он носит пилотный характер, поскольку служит для проверки гипотезы о *неразрывной связи интеллигентности и книжности*. Исторические факты показывают, что интеллигентская образованность, креативность и этическое самоопределение начинаются с *благоговения перед Книгой*, а книжное наследие суть основа национальной культуры. Жизненный цикл старомосковского поколения продолжался два с половиной столетия: начавшись во второй половине XIV века, он завершился в начале XVII века Смутой, похоронившей средневековую Московию.

3.2.2. Эпоха мануфактурной книжности (XVII–XVIII вв.) складывается из трех социально-культурных поколений: допетровского, петровского и екатерининского. Поколения используют сходные коммуникационно-семиотические формы для выражения различного культурного содержания. Рассмотрим их культурно-исторические особенности.

МК-1. Допетровское поколение. XVII век, не случайно прозванный «бунташным», является «осенью русского средневековья», своеобразным культурно-историческим периодом, обладающим ментальностью, переходной от средневековой старомосковской модели к некультурной петровской модели. В связи с этим поколение книжников «бунташного» века назовем допетровским. Допетровскую культурную элиту представляли аристократы и духовенство, вполне соответствующие нашим формулам интеллигентности и интеллектуальности – например, боярин-благотворитель Ф.М. Ртищев, искусный дипломат А.Л. Ордин-Нащокин, первый русский драматург и версификатор Симеон Полоцкий, его ученица царица Софья, поражавшая иностранцев европейской образованностью. Центральным событием в духовной жизни допетровского поколения стал *раскол русского православия*, представляющий собой столкновение интеллектуальных и интеллигентских начал, воплощенных в честолюбивом интеллектуале-деспоте Никоне и консервативном интеллигенте-скептике Аввакуме.

Своеобразие духовной культуры допетровского столетия всесторонне раскрыто в публикациях академиков Д.С. Лихачева и А.М. Пашенко и является

²⁰ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. – М., 2006. С. 16, 20.

общеизвестным²¹. Существенным вкладом этого столетия в формирование российской библиосферы является становление мануфактурной книжности. Хотя продолжалось интенсивное производство манускриптов, особенно книг с красочными иллюстрациями (старообрядцы вообще не признавали типографские издания священными), русские печатники, тем не менее, выпустили в свет более 500 книг, в том числе светские сочинения С. Полоцкого, «Соборное уложение» (1649), «Учение и хитрость ратного строения», «Три чина присяг» и др. Разумеется, эти издания были адресованы интеллектуальному слою, ментальность которого существенно отличалась от ментальности старомосковских книжников. На ментальность допетровского поколения русских книжников зловещую печать наложила Смута (1598–1613) – первый опыт гражданской войны в России.

Причинами Смуты стали: политический кризис – насильственное и таинственное пресечение династии Рюриковичей, вызвавшее недоверие народа интригану Годуну, и подготовивший почву для самозванства нравственный кризис, превративший в обыденные явления ложь, клятвопреступления, убийства. В результате массовый менталитет «измалодушествовался», «поисшатался» и «обунташился». Смута стала суровым испытанием национального характера и интеллекта. Идеологема Святой Руси и Третьего Рима, выношенная интеллигентами-книжниками старомосковского поколения, утратила свою силу. Прежнее представление о государстве – вотчине самодержавного государя было вытеснено представлением о государстве как общенародном достоянии (государи приходят и уходят, а государство остается). Впрочем, уровень политической культуры был очень низок. Земские соборы, которые периодически созывались в первой половине XVII века, наполовину состояли из людей неграмотных, что свидетельствует о примитивности социального интеллекта. Правда, рост образованности и культурности россиян заметен во второй половине XVII века, чему немало способствовали контакты с украинскими учеными, укрепившиеся после воссоединения Украины и России в 1654 г. Украинские учителя преподавали в немногочисленных светских школах, инициативно открытых в некоторых московских монастырях. Несомненным достижением русского просвещения было основание в 1687 году Славяно-греко-латинской академии.

Типичные фигуры интеллигентов-конформистов обнаруживаются среди стихотворцев XVII века, приближенных к царскому двору. В их числе киевский ученый монах Симеон Полоцкий (1629–1680), который с 1664 года обосновался в Москве, где сделался официально признанным придворным поэтом. Алексей Михайлович и Федор Алексеевич щедро его жаловали за льстивые и патетические вирши. У бедного монаха завелись слуги, собственный

²¹ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. – Л., 1973. С. 138–164; Пашенко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. – Л.: Наука, 1984. 205 с.

выезд, столько всякого добра, что ему отвели погреб в стене Китай-города; во славе и почете он окончил дни свои и удостоился пышного погребения. На смену Симеону пришли его ученики Сильвестр Медведев (1641–1691) и Карион Истомин (1640-е–1722), судьбы которых оказались различными. Сильвестр был человеком простодушным: он усердно почитал своего учителя (до нас дошли 15 редакций его эпитафии Симеона Полоцкого), выступал ревностным защитником царевны Софьи, за что и был казнен по приказу Петра. Расчетливый Карион предательски отрекся от своего друга Сильвестра и даже принял участие в составлении извета на Медведева. В итоге он не только не был репрессирован, но получил важный пост справщика в Печатном дворе.

Главной особенностью первых трех поколений библиотечной интеллигенции (РК-1, РК-2, МК-1), которые охарактеризованы в нашем обзоре, является отсутствие профессиональных библиотечных работников. Дело в том, что библиотечный социальный институт находился на *нормативной* стадии своего развития, когда не было профессиональных посредников между создателями манускриптов и их читателями. Рукописание и обращение книг в обществе регламентировалось традиционными нормами, а не юридическими правилами. Библиотечную интеллигенцию представляли просвещенные и состоятельные книголюбы, собиравшие личную библиотеку для собственного, а не общественного пользования, поэтому библиотечная интеллигенция XI–XVII вв. была *непрофессиональной* по отношению к библиотечному делу. Монахи, хранившие монастырские библиотеки, как и писцы-копиисты, относились к полуинтеллигенции в связи с нетворческим, репродуктивным характером их труда.

МК-2. Петровское поколение. Профессиональная библиотечная интеллигенция не может возникнуть во время господства рукописной книжности, когда книги являются предметом роскоши, доступным лишь немногочисленной культурной элите, а большинство населения невежественно и неграмотно. Мануфактурное книгопечатание постепенно (напомним, что в XVII веке было отпечатано в России немногим более 500 книг) создает условия для демократизации книжного дела, для появления библиотечных учреждений, для формирования учрежденческого библиотечного института. Книжная статистика свидетельствует, что при Петре I в 1698–1725 гг. вышли в свет около 600 изданий; в 1726–1740 гг. – всего 175 изданий; в царствование Елизаветы (1741–1760) – 620 изданий; зато просветительская деятельность Екатерины II (1760–1800) воплотилась в 7860 изданиях. Всего в XVIII веке было опубликовано около 10 тысяч сочинений гражданской печати, из которых более трети составляли произведения изящной словесности и еще треть – светская научная литература. Книгоиздательский бум был обусловлен политикой модернизации, решительно начатой Петром I и успешно продолженной Екатериной II.

Модернизация (дословно – «обновление») понимается как преднамеренное (искусственное, а не естественное) изменение культурного пространства по образцам, заимствованным из европейских стран, которые считаются ли-

дерами прогресса человечества. Стремительная, порой грубая и насильственная модернизация, инициированная царем-реформатором, привела к расколу культурного пространства страны. «Россия XVIII и XIX столетий, – писал Н.А. Бердяев, – жила совсем не органической жизнью Образованные и культурные слои оказались чужды народу. Нигде, кажется, не было такой пропасти между верхним и нижним слоем, как в петровской императорской России. И ни одна страна не жила одновременно в столь разных столетиях, от XIV до XIX века»²². Яркой особенностью менталитета петровского и екатерининского поколений дворянства XVIII века является *подражательность*, умышленное следование западноевропейским (при Петре I – голландским, потом французским) модным образцам. В истории российского библиотечного дела Петр I сыграл две роли: индивидуальную роль книголюба-книжника и государственную роль учредителя библиотечной профессии.

В романе-исследовании, посвященном Библиотеке Российской Академии наук, В.П. Леонов посвятил целую главу библиотечной и книгоиздательской деятельности Петра²³. Не будем воспроизводить здесь факты и цитаты, любовно собранные автором, напомним только данные о личной библиотеке царя. Она хранится в Библиотеке Академии наук и насчитывает 1663 названия, из которых 293 – рукописи на русском языке²⁴; 490 – печатные книги на русском языке, 68 – рукописи на иностранных языках, 812 – печатные книги на иностранных языках. Многие из книг приобретены Петром лично или через доверенных лиц, некоторые имеют пометы, свидетельствующие о том, что книги были для него не элементами интерьера, а источниками просвещения и рабочими инструментами. Петр не только сам был просвещенным библиофилом и прилежным читателем, он стремился приохотить к чтению своих верноподданных путем открытия общедоступных библиотек. Известно, что в начале XVIII века Петр одобрил книгоиздательскую деятельность московского купца В.А. Киприанова и даже присвоил ему чин «библиотекаря», оговорив бесплатность пользования библиотекой купца-книжника.

Библиофильское почитание книжности, несомненно, позволяет рассматривать Петра Великого в качестве интеллигента-книжника, но при одном непременном условии: если его правомерно назвать русским интеллигентом. Довольно давно высказано мнение, что император Петр – это первый русский интеллигент. В одной из своих пророческих статей столетней давности (1906) Д.С. Мережковский категорически заявил: «Я повторяю и настаиваю: *первый*

²² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. С. 13.

²³ Леонов В.П. Судьба Библиотеки в России. Роман-исследование. – СПб, 2000. С. 82–107.

²⁴ Подробное научное описание рукописных книг, принадлежавших самому Петру и его родным (отцу, старшему брату, сестрам) содержится в книге: Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / автор-составитель И.Н. Лебедева. – СПб: БАН, 2003. – 432 с.

русский интеллигент – Петр (курс. автора). Он отпечатлел, отчеканил, как на бронзе монеты, лицо свое на крови и плоти русской интеллигенции. Единственные законные наследники, дети Петровы – все мы, русские интеллигенты»²⁵. Однако существуют противоположные мнения о личных качествах великого преобразователя России. Эти мнения собраны и систематизированы в обширной антологии²⁶. Л.В. Поляков, подводя итоги опубликованным точкам зрения (всего представлены высказывания 136 писателей, историков, философов, публицистов, поэтов, священнослужителей XVIII–XX вв.), перечисляет эпитеты, даваемые Петру (с. 573–708). Их можно сгруппировать следующим образом:

* *Творец России*: превратил русский народ в нацию, вдохнул душу в Россию, спас России от исторического тупика, «работник на троне», «царь-мастерской», «великий человек» всего человечества и «слуга Отечества».

* *Псевдореформатор*: подражатель, а не творец; его новации – результат торопливости и тщеславия, это лишь самообольщение и маскарад; царь-антихрист, язычник в облике христианина, разрушитель православной церкви.

* *Мудрый просветитель*: первая свободная великорусская личность, отец русской интеллигенции.

* *Деспот-тоталитарист*: создатель бюрократической полицейской империи, тиран-поработитель, «первый большевик», предшественник Ленина и Сталина.

* *Типичный русский человек*: истинный выразитель русского народного духа, истинно русский по склонности к поиску правды; Петр – русский богатырь.

* *Русофоб, враг всего русского*: ненавистник и разрушитель всего русского, унижил национальный дух русского народа, агент Запада в Москве, наемник и предатель.

Где же истина? Модернизация России началась не с обсуждения на Земском соборе или хотя бы в Боярской думе необходимости в преобразованиях, не с разработки политически и экономически сбалансированных стратегических и тактических программ, а с единоличного решения молодого и малообразованного царя в силу его самодержавной воли. Он один решал, какой быть громадной стране и переделывал её, как умел, по собственному разумению. Поэтому культурные новации в быту носили подражательный характер (европейское платье, этикет, раскрепощение женщин, ассамблеи и пр.), а в политике, экономике, финансах, просвещении неизменно имели мобилизационно-милитаристскую мотивацию и служили ответом на вызов тех или иных нужд армии, флота, дипломатии. При этом Петр исходил из того, что «русские люди никуда сами не пойдут, если не принуждены будут».

²⁵ Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. – М., 1991. С. 368 – 369.

²⁶ Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб: Изд-во РХГИ, 2001. – 758 с.

Духовная жизнь страны подверглась деформации. Петр пресек традицию патриаршества и учредил в 1721 году Святейший Синод во главе с назначаемым царем обер-прокурором, что означало огосударствление Русской православной церкви. Приоритетом пользовались точные и естественные науки, а также технические устройства и зодчество («петровское барокко»), в столице постоянно звучали военные оркестры, торжественные канты и менуэты. На словесность Петр «бросил взгляд рассеянный, но пронизательный» (А.С. Пушкин), и, может быть, в силу этой рассеянности петровское поколение не подарило нам ни одного крупного писателя или поэта. В области народного просвещения главное достижение Петра – секуляризация образования, которая диктовалась сугубо практическими соображениями. Школы математических и навигацких наук, военно-медицинская и инженерно-строительная школы, цифирные школы и т. п. предназначались для удовлетворения потребностей армии и флота, а не для инкультурации народа. Важнейшее достижение российской культуры XVIII века – Императорская Академия наук, которая стала центром послепетровской книжности. Она располагала крупнейшей научной библиотекой, была самым главным книгоиздательским центром и имела большую книжную лавку, она же с 1728 года обеспечила регулярное издание газеты «Санкт-Петербургские ведомости», начало которой было положено Петром в 1703 году. Еще одним личным вкладом императора в отечественную книжность является реформирование кириллической азбуки (исключены греческие буквы, титлы, знаки ударений) и разработка приближенного к латинице гражданского шрифта.

Таковы очень кратко перечисленные «деяния Петровы». Судя по этим «деяниям», этическое самоопределение Великого императора никак нельзя назвать интеллигентским. Понятие толерантности, ненасилия, милосердия было ему чуждо. Он лично рубил головы стрельцам, создал Преображенский приказ, имевший полномочия арестовывать, пытать и уничтожать всех подозреваемых, независимо от чина, поощрял подлое фискальство, издал около 400 указов, ужесточающих наказания, не щадил ни собственного сына, ни приближенных. Альтруизм? Петр часто именовал себя «слугою Отечества», внушал офицерам, что «воины служат не ради славы своей или императора, а ради славы России», накануне Полтавской битвы он сказал прекрасные слова: «Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество». К сожалению, альтруистическая государственная идея в практике российского государя блокировалась идеей неограниченного самодержавия. К этическим достоинствам Петра относятся благоговение перед наукой, перед человеческим разумом, почитание Книги и культивирование книжности. В итоге формула интеллигентности показывает, что в лице Петра I перед нами *интеллектуал-депот*, достаточно точно соответствующий этому типу личности. Д.С. Мережковский, нарекавший Петра Великого «первым русским интеллигентом», ошибался.

Мы не можем отнести деспота-книголюба к библиотечным интеллигентам, но формула интеллектуальности позволяет квалифицировать его как *библиотечного интеллектуала*. Не будем именовать Петра «первооткрывателем когорты библиотечных интеллектуалов», потому что на это звание с наименьшим основанием претендуют Иван Грозный или благоверный Андрей Боголюбский, убитый своими приближенными в 1174 г. Обратим внимание на то, что в петровском поколении значительную его часть составляют *непрофессиональные библиотечные интеллектуалы*. Среди образованных «птенцов гнезда Петрова» было немало ученых-библиофилов, располагавших ценными книжными собраниями. Генерал-фельдмаршал Яков Вилимович Брюс (1670–1735), «русский Фауст» (А.С. Пушкин), руководитель московской гражданской типографии, обладал огромной научной библиотекой, которую именуют «первым научным книгохранилищем в России». Известны книжные собрания Петра Шафирова, Дмитрия Голицына, Андрея Остермана, которые влились в государственные книгохранилища. В отличие от них книжное собрание фельдмаршала Б.П. Шереметьева (1652–1719) было продолжено его сыном П.Б. Шереметьевым (1713–1788) и внуком Н.П. Шереметьевым (1751–1809). Это была универсальная по тематике рабочая библиотека на русском и одиннадцати иностранных языках. Она была доступна для определенного круга друзей и знакомых хозяев дома; её сохранность и обработку фондов, включая издание рукописей и иноязычных книг, обеспечивал специальный работник, которого можно причислить к профессиональным библиотекарям XVIII века.

Плеяду интеллектуальных книжников «петровской выучки» можно персонализировать двумя именами: **Феофан Прокопович** (1681–1736) и **Василий Татищев** (1686–1750). Оба были государственными деятелями и талантливыми писателями, оба принадлежали к культурной элите своего времени (Феофан даже возглавлял «Ученую дружину»), но этическое самоопределение их существенно различалось. Историк русского богословия Г. Флоровский писал: «Феофан Прокопович был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее. Это был типичный наемник и авантюрист – таких ученых наемников тогда много бывало на западе... Он пишет всегда точно проданным пером. Во всем его душевном складе чувствуется нечестность... У Феофана были свои преимущества. Он был умен и учен. Он был образован, был истым любителем и ревнителем всякого просвещения. К науке он относился почти что с подобострастием. Он много знал, много читал, любил читать, довольно щедро тратился на собрание библиотеки. Она вышла очень богатой и составлена умело (по позднейшей описи в ней 3192 названия). И вот вся эта бесспорная ученость отравлена и обесположена какой-то внутренней бесчестностью мысли»²⁷. Личность петровского архиепископа всесторонне и красочно

²⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. – Париж, 1983. С. 89–90.

охарактеризована Я.А. Гординым²⁸, который завершил свою характеристику словами «человек умный, талантливый, образованный, коварный, циничный, безжалостный...» Согласно нашей типизации (см. таблицу 1.2), Феофана Прокоповича нельзя отнести к интеллигентам, даже к интеллигентам-конформистам, поскольку, по словам Гордина, «ряд архиерейских процессов, начатых Феофаном и окончившихся после его смерти, ложится кровавым пятном и тяжким укором на память Новгородского архиепископа» (с. 135). Получается, что Феофан олицетворяет *интеллектуалов-циников* петровского поколения.

Зато петровский статский советник **Василий Никитич Татищев** представляет собой фигуру *интеллигента-гуманиста*. Альтруистическая забота о государственном благе направляла его административную и просветительную деятельность и во время управления казенными заводами на Урале, и в должности астраханского губернатора. Среди жестоких царедворцев Татищев отличался гуманистической толерантностью, почитая, в отличие от Феофана, закон превыше воли монаршей. Причем законы должны быть разумно милосердны и известны народу. Его научные занятия принесли ему репутацию «отца русской истории и географии». Пяти томная «История Российская с самых древнейших времен» В.Н. Татищева почитается первой научной историографией России. О библиофильских пристрастиях свидетельствуют две обширные специальные библиотеки – одна по горному делу, другая по истории, – собранные трудолюбивым интеллигентом-книжником.

Появление профессиональной библиотечной интеллигенции непосредственно связано с библиотечно-организаторской деятельностью Петра, когда он выступил в качестве учредителя первой публичной государственной библиотеки в России. Именно Петру принадлежит инициатива открытия в новой столице первой общедоступной библиотеки, устройтелем которой, как выразился Ю.Н. Столяров, «государственным библиотекарем»²⁹, был по контракту назначен **Иоганн Даниель Шумахер** (1690–1761). Именно этому «государственному библиотекарю» пристало носить высокое звание *первого профессионального библиотечного интеллигента* на русской земле.

Шумахер был человеком весьма образованным – окончил Страсбургский университет, имел ученую степень магистра философии, не был лишен вкуса к художественной словесности и сам сочинял стихи. С 1714 года он становится главным хранителем личной библиотеки Петра, завоевывает доверие требовательного хозяина и даже получает от царя поручение «смотреть в Европе знатнейшие библиотеки» с целью использования опыта их работы в России. В 1724 году, в соответствии с именованным указом Е.И.В., «библиотекарю Данило

²⁸ Гордин Я.А. Меж рабством и свободой. – СПб, 2005. С. 133–140.

²⁹ Столяров Ю.Н. Первый русский государственный библиотекарь И.-Д. Шумахер: К 300-летию со дня рождения // Книга: Исследования и материалы. – 1990. – Сб. 61. С. 116–130. Статья воспроизведена в книге: Столяров Ю.Н. Библиотекосведение. Избранное. 1960–2000 годы. – М., 2001. С. 473–490.

Шумахеру» было поручено управление, как библиотекой, так и кунст-камерой. После передачи Библиотеки во вновь учрежденную Академию наук Шумахер оставался её руководителем вплоть до конца своей жизни (1761 г.), то есть в общей сложности 47 лет!³⁰ Современный директор Библиотеки Академии наук В.П. Леонов, сочувственно и довольно подробно анализируя многолетнюю деятельность своего предшественника, приходит к выводу, что «Иоганн Даниель Шумахер, несомненно, заслуживает написания книги» (с. 126).

К сожалению, пока отсутствуют книги не только о «первом библиотечном профессионале», но и о профессиональной библиотечной интеллигенции XVIII века вообще. Из петровского поколения, кроме И-Д. Шумахера, можно назвать библиотечным интеллигентом еще сына «пороховых дел мастера» *Андрея Ивановича Богданова* (1690-е–1766), который в течение 36 лет (1730–1766) фактически возглавлял русский отдел Библиотеки Академии наук и прославился составлением «Камерного каталога», отразившего русский фонд. О высоком творческом потенциале «библиотечарского помощника» свидетельствуют его науковедческие и книговедческие труды, которые «позволяют говорить о А.И. Богданове, как первом теоретике библиотечного дела в России, полностью разделявшем и развивавшем взгляды М.В. Ломоносова на библиотечное дело»³¹. Но этого мало. Перу Богданова принадлежит ряд оригинальных библиографических трудов, оставшихся, к сожалению, в рукописи. По мнению Э.К. Беспаловой, составленное трудолюбивым библиотечарем «Краткое собрание печатных книг» (1755) – «первый крупный репертуар русской книги и историко-книжное исследование», позволяющее «признать А.И. Богданова первым отечественным книговедом, работавшим на основе библиографической методики»³². Фигура А.И. Богданова представляется знаковой в том отношении, что она демонстрирует неразрывное единство библиотечного дела и библиографии, воплощенное в личности первого *профессионального библиотечаря-библиографа* (а может быть, к тому же и *книговеда*).

Многогранная деятельность академика Ломоносова (1711–1765) пришлось на закат петровского и восход екатерининского поколения русской интеллигенции (40-е–60-е гг.). Его принадлежность к непрофессиональной библиотечной интеллигенции столь же несомненна, как принадлежность к академическому сообществу. О его понимании роли библиотеки в научной работе, постоянных

³⁰ Кстати, оклад библиотечаря Академической библиотеки составлял 1200 руб. в год. Столько же получал ректор университета и советник академической канцелярии (Леонов В.П. Судьба Библиотеки в России. Роман-исследование. – СПб, 2000. С. 223).

³¹ Ванев А.Н. Развитие библиотечарской мысли в России (XI – начало XX в.) – М., 2003. С. 31.

³² Беспалова Э.К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.) (Монография). – М., 1994. С. 43–44.

контактах с Академической библиотекой и принципиальных разногласиях с И.-Д. Шумахером и его преемником И.К. Таубертом подробно говорится в книге В.П. Леонова и Летописи Библиотеки Российской Академии наук³³.

МК-3. Екатерининское поколение. Послепетровское время вошло в русскую историю как эпоха дворцовых переворотов, которая продолжалась 37 лет (1725–1762). Никто не заботился о продолжении «дела Петра», никто не посвящал себя служению Российской империи, подобно ему, никто фактически не управлял построенным Петром на скорую руку имперским кораблем, но, как ни странно, корабль этот продолжал двигаться дальше в направлении, заданном покойным капитаном, несмотря на беззаботность и корыстолюбие его случайной команды. Императорский двор «представлял собой не то маскарад с переодеванием, не то игорный дом. Дамы меняли костюмы по два, по три раза в день, императрица – даже по пяти раз, почти никогда не надевая одного и того же платья. С утра до вечера шла азартная игра на крупные суммы среди сплетен, подпольных интриг, пересудов, наушничества и флирта, флирта без конца... Говорить прилично между собою им было не о чем; показать свой ум они умели только во взаимном злословии; заводить речь о науке, искусстве или о чем-либо подобном остерегались, будучи круглыми невеждами; половина этого общества, по словам Екатерины, наверное, еле умела читать и едва ли треть умела писать»³⁴.

Вместе с тем в придворный обиход все более проникает искусство, облекая роскошь в изящные и элегантные формы. Интерьеры украшались позолотой, зеркалами, шелковыми обоями, экипажи «возблестили золотом», европейский великосветский этикет во времена Елизаветы был освоен в совершенстве. Но в блестящих дворцах отсутствовали библиотеки, а книги почитались бесполезным и даже предосудительным излишеством. Говоря о послепетровском просвещении, вспоминают два казенных военных учебных заведения – шляхетский сухопутный кадетский корпус, учрежденный в 1731 году, и морской кадетский корпус (1750) и (спасибо М.В. Ломоносову и И.И. Шувалову!) открытие Московского университета (1755) и Академии художеств в Петербурге (1757).

Заканчивая разговор о послепетровском периоде, нельзя не отметить, что крупнейшим социально-культурным событием стал подписанный 18 февраля 1762 года взбалмошным голштинцем Петром III манифест «О вольности дворянства». Согласно этому манифесту, дворянство освобождалось от возложенной на него Петром I обязательной государственной службы, от телесных наказаний, получило право «беспрепятственно ездить в чужие края» и «вступать в службы прочих европейских нам союзных держав». Главное следствие

³³ Леонов В.П. Судьба Библиотеки в России. – СПб, 2000. С. 191–222; Летопись Библиотеки Российской Академии наук. Т. 1: 1714–1900 \ Науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Г.В. Головкин. – СПб, 2004. – 416 с.

³⁴ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т.5. – М., 1989. С. 10–11.

этого манифеста состояло в том, что благородное сословие получило *досуг* – необходимое условие свободной самореализации. В.О. Ключевский подметил очень точно: «Это дворянское *безделье*, политическое и хозяйственное, было чрезвычайно важным моментом в истории нашего образованного общества, следовательно, в истории нашей культуры... Дворянство стало стараться заполнить свой досуг, заняв скучающую лень плодами чужих умственных и нравственных усилий, цветами заимствованной культуры»³⁵. Как ни странно, но Манифест о вольности дворянства стал социально-политической предпосылкой «золотого века» дворянской культуры во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Не случайно мудрая и просвещенная императрица Екатерина II, взойдя на престол в 1762 году, подтвердила этот законодательный акт своего незадачливого супруга. Для нас важно отметить, что некоторые из «вольных» и состоятельных дворян стали увлеченными библиофилами и пополнили ряды непрофессиональной библиотечной интеллигенции екатерининского поколения.

Екатерининскому поколению принадлежит вторая половина XVIII века, которую можно назвать *эпохой дворянского просвещения*. Просвещение представляет собой необходимый гуманитарный аспект модернизации. Модернизация без просвещения утрачивает привлекательность, а просвещение без модернизации становится бесцельным. Петр I был преимущественно озабочен модернизацией в военной, экономической и политической областях, хотя и просвещению поневоле уделял некоторое внимание. Екатерина II, претендуя на титул «просвещенного монарха», умышленно акцентировала гуманитарные проблемы, не забывая и о материальной модернизации (при ней произошло техническое перевооружение армии и были введены в обращение ассигнации вместо звонкой монеты).

Просвещение – это модернизация семейно-бытовых отношений, духовного производства и социальной коммуникации, заключающаяся в вытеснении средневековой (палеокультурной) ментальности ментальностью *неокультурной*. В процессе просвещения изменяются содержание, социальный статус, ценностные ориентации таких социально-культурных институтов, как церковь, литература, искусство, наука, образование, нравственность, семейно-бытовые обычаи. Рукописная книжность заменяется более производительной мануфактурной, а затем индустриальной книжностью, служащей материально-технической базой для газетно-журнального дела и журналистики. Расширяется круг профессиональных работников, занятых в этих институтах, и выделяется слой интеллектуальной элиты, образованных и разумных людей, осуществляющих важную и ответственную миссию просвещения простого народа. Одним из отрядов просветительской элиты является профессиональная и непрофессиональная библиотечная интеллигенция екатерининского поколения.

³⁵ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 5. – М., 1989. С. 148–149.

Ментальность Просвещения хорошо выразил литературовед Г.А. Гуковский в следующих словах: «Дворянской (и не только дворянской) литературе XVIII века было свойственно представление о том, что разумное слово способно творить чудеса. Бедствия мира происходят от неразумия, оттого, что истина неведома людям. Порочные люди не видят того, что порок нелеп, а добродетель необходима и полезна. Стоит раскрыть людям глаза, и все пойдет хорошо: порочные немедленно исправятся, и жизнь людей станет прекрасной. Результаты такой операции должны сказаться мгновенно. Предполагалось, что несколько литературных произведений могут успешно оздоровить общество»³⁶. По-видимому, Екатерина в молодости чистосердечно верила в просветительский миф, как и большинство деятелей русского Просвещения.

Сущность русского Просвещения, как и модернизации в целом, состояла в заимствовании неокультурных ценностей, выработанных на Западе, отсюда его *вторичность, подражательность*. Главным источником просветительских идей служила книжность. Язвительный «Сатирикон» в начале XX века не без основания писал о екатерининском просвещении: «Громадные успехи сделала литература. Все писали. Лучшими русскими писателями были Вольтер и Жан-Жак Руссо. Лучшими русскими поэтами были Вергилий и Пиндар. Все остальные – Ломоносов, Сумароков, Фонвизин и другие – постоянно им подражали. Самым выгодным ремеслом в литературе было писать оды. Одописцы блаженствовали, но и другие писатели процветали. Вообще все процветало»³⁷.

Екатерининское поколение положило начало *литературоцентризму*, под знаком которого пройдет весь XIX век. Просвещенная Россия не имела своих философов и религиозных пророков, но она обладала *созвездием гениальных писателей и поэтов*, которые почитались как «властители дум» образованного общества и заменяли ему и философов, и пророков. На Западе, надо сказать, поэзия никогда не имела того авторитета, которым она пользовалась в России. На смену палеокультурной церковной книжности пришла неокультурная светская книжность. Эта замена оказалась возможной потому, что в результате секуляризации, осуществленной Петром, церковь перестала быть центром духовной жизни, и его роль перешла к литературе, опирающейся на старинный культ Книги и книжников. Светская литература, не избегавшая сатиры и обличения пороков, заявила о себе как о *независимой социальной силе*. При Екатерине II не покровительство двора или вельможи будет придавать авторитет литературе, а напротив, авторитет литературы будет принуждать правительство заигрывать с литераторами. (Правда, Екатерина порой прибегала к репрессиям, но это лишнее свидетельство силы печатного слова, могущества Книги).

Отношение литературы и жизни в XVIII веке не было отношением «литература отражает жизнь»; скорее, напротив – *жизнь отражала литературу*.

³⁶ Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов. – М.–Л., 1936. С. 38.

³⁷ Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». – Л., 1990. С. 329–330.

По романам и элегиям учились чувствовать, по трагедиям и одам – мыслить. Сделавшись прилежным читателем, дворянин екатерининской эпохи начинает горделиво отождествлять себя с теми или иными художественными персонажами, оставаясь, тем не менее, крепостником и тираном. В.О. Ключевский отметил, что в его менталитете «нравственные и политические идеи сами по себе, а реальная жизнь сама по себе. Отсюда – увлечение идеями равенства и свободы среди общества, основанного на рабстве»³⁸.

В литературоцентристском сословном обществе необычайно вырос социальный престиж непрофессиональной библиотечной интеллигенции, и прежде всего – поэтов благородного дворянского сословия. Ю.М. Лотман подчеркивал: «Творчество поэта не считалось в России XVIII века ремеслом и резкой гранью было отделено от остальных искусств. Поэзия – “язык богов”, благородное занятие... Профессионализм в поэзии, равно как и оплата литературного труда, воспринимались как нечто противоположное самой сути её высокого предназначения... Поэт выступает в роли носителя высшей истины, а поэтическое слово получает ценность слова, дарованного свыше, наделенного особой авторитетностью, становится Словом»³⁹. Профессионалы книжного дела, в том числе писатели развлекательных романов, переводчики, книгоиздатели, библиотечные работники и прочие труженики считались литераторами низшего сорта. Таким образом, в слое библиотечной интеллигенции обнаруживается кастовость: непрофессиональная каста вдохновенных «служителей Музы» и профессиональная каста наемных работников Книги.

Главными просветителями в Европе были интеллигенты-гуманисты – философы, писатели, педагоги, ученые, как правило, люди высокой книжной культуры. В России пионерами Просвещения стали *самодержцы-библиофилы*. Именно цари, а не интеллектуальная элита, решали, что и как нужно заимствовать за рубежом, а чего допускать нельзя. Первоначальная цель русского Просвещения сводилась к тому, чтобы «в просвещении стать с веком наравне», то есть *походить* на придворных и дворян французского или английского короля. Эта цель была достигнута еще Елизаветой, когда великолепие её двора стало приводить в восторг иностранных дипломатов. Екатерина и екатерининские вельможи стали не только *походить*, но и *превосходить* европейских аристократов. Поэтому ученическое просветительство можно было свертывать, что и произошло в конце царствования Екатерины.

В истории русской интеллигенции, в истории культуры и просвещения России Екатерина Великая сыграла выдающуюся роль. Нетрудно преумножить число как апологетических, так и нигилистических высказываний в адрес Ангальт-Цербстской принцессы, иноземной Фелицы, неожиданно ока-

³⁸ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 5. – М., 1989. С. 280.

³⁹ Лотман Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. С. 366–367.

завшейся на российском престоле. Достаточно напомнить слова молодого А. Пушкина в его «Заметках по русской истории XVIII века», датированных 2 августа 1822 года, где он называет её «Тартюфом в юбке и в короне» и говорит о «жестокоем деспотизме под личиной кротости и терпимости», о «казне, расхищенной любовниками», о «ничтожности в законодательстве», об «отвратительном фиглярстве в сношениях с философами её столетия» и предсказывает её памяти «проклятие России». Нас интересует личность и государственная деятельность Екатерины II в связи с двумя вопросами: во-первых, можно ли удачливую императрицу назвать интеллигентом, во-вторых, как отразилось екатерининское просвещение на развитии профессиональной и непрофессиональной библиотечной интеллигенции.

Чтобы ответить на первый вопрос, обратимся к формуле интеллигентности. Образованность Екатерины, добытая благодаря упорному самообразовательному чтению, и её креативные способности, бесспорно, находились на современном уровне. А этическое самоопределение? Еще не вступив на престол, молодая государыня выработала для себя стратегические принципы просвещенного монарха, которые состояли в том, чтобы просвещать нацию, ввести добрые законы и заставить их соблюдать, учредить хорошую полицию, сделать государство изобильным и сильным, внушающим уважение соседям. Отстранив от власти своего постылого супруга, Екатерина, в отличие от Петра, не стала насильственно реализовывать свои идеи, а избрала тактику постепенного и последовательного их продвижения. П.А. Вяземский точно заметил: «Она любила реформы, но постепенные, преобразования, но не крутые. Она была ум светлый и смелый, но положительный». В эту тактику вписываются её демократические утопии в духе собственноручно написанного «Наказа» и проект воспитания «новой породы людей», реализованный в виде Смольного института благородных девиц. Столкнувшись с упорным сопротивлением невежественного дворянства, Екатерина отказалась от соблазна отмены крепостного права, но постепенно сужала область его распространения, запрещая в то же время крестьянам даже жаловаться на своих господ. В свой жестокий век просвещенная императрица была необыкновенно милосердна, на её совести только две казни государственных преступников: Василия Мировича, пытавшегося освободить Иоанна VI Антоновича, и Емельяна Пугачева. Правда, в 90-е годы, напуганная кровавым террором Французской революции, она приказала вынести из кабинета бюст Вольтера, дала приют братьям казненного короля и французским аристократам, отправила в Сибирь А.Н. Радищева, заточила в Шлиссельбургскую крепость Н.И. Новикова и учредила цензурное ведомство.

Оценивая деятельность Екатерины с этических позиций, нельзя признать её альтруистом, пекущимся не о собственном благе, а о благе других людей. Она узурпировала власть не для блага российского общества, а ради своего эгоистического честолюбия и собственных амбиций. Власть была для неё смысло-жизненной ценностной ориентацией, поэтому по направленности лич-

ности Екатерина – эгоист. Но она была не столь эгоистична, чтобы вовсе не прислушиваться к голосу совести. Глубинные эгоистические цели сочетались в её деятельности с толерантностью в выборе средств их достижения, в признании верховенства закона (не всегда, впрочем, соблюдаемого на практике).

Зато культурный уровень императрицы нельзя не признать выдающимся. По своей ментальности она была образцовым человеком книжной культуры. «У неё были две страсти, с годами превратившиеся в привычки или ежедневные потребности, – читать и писать. В свою жизнь она прочитала необъятное количество книг по шести вдруг. Начитанность возбуждала её литературную производительность. Она много писала по-французски и даже по-русски, хотя с ошибками, над которыми подшучивала (исчо = ещё – 4 ошибки в слове из трех букв). Обойтись без книги и пера ей было так же трудно, как Петру I без топора и токарного станка. Она признавалась, что не понимает, как можно провести день, не измарав хотя бы одного листа бумаги»⁴⁰. Без всяких преувеличений, она занимает видное место в ряду русских писателей XVIII века; её перу принадлежат многочисленные нравоучительные комедии и сказки, исторические и педагогические сочинения.

Библиофильские эмоции были не чужды императрице. Как известно, она в 1765 году приобрела библиотеку энциклопедиста Дени Дидро, оставив последнюю в его пользовании до конца жизни и выплатив ему 50 000 ливров пенсии в качестве своего библиотекаря. «Было бы жестоко разлучать ученого с его книгами, – писала Екатерина Даламберу, – я часто бывала в опасении, чтобы не отняли у меня моих»⁴¹. Дидро был не единственным библиотекарем книголюбивой императрицы; звание личного библиотекаря Екатерина присвоила Василию Петрову (1736–1799), «закарманному стихотворцу» государыни, как аттестовал себя сам Петров, который видел свой долг в том, чтобы «самодержцев славить».

Если Петр I был основателем газетного дела в России, то Екатерину по праву следует именовать *матерью русской журналистики*. В 1769 году, разочаровавшись в законотворческих способностях невежественного дворянства, Екатерина решила начать его перевоспитание посредством печатного слова и инициировала с этой целью издание сатирического журнала «Всякая всячина», став главным его автором. Вслед за «Всякой всячиной» в том же году появились еще 7 журналов: «И то, и сию», «Ни то, ни сию», «Поденщица», «Труть», «Адская почта» и др.⁴². Екатерина вновь вернулась на поприще жур-

⁴⁰ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 5. – М., 1989. С. 29.

⁴¹ Иконников В.С. Значение царствования Екатерины II // Екатерина II: pro et contra / – СПб, 2006. С. 678. История взаимоотношений просвещенной императрицы и французского просветителя подробно описана в статье: Осьмакова Н. Библиотекарь ее императорского величества // Библиотекарь. – 1988. № 8. С. 44–45.

⁴² Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 572 с.; История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А.В. Западова. – М.: Высшая школа, 1963. 516 с.

налистики в 1783–1784 годах, когда под эгидой Е.Р. Дашковой стал выходить «Собеседник любителей русского слова», где она опубликовала (разумеется, анонимно) две обширные статьи исторической тематики.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что по типу личности Екатерина II относится к *интеллигентам-снобам*. Более того, учитывая её просветительскую, творческую и читательскую активность, мы можем отнести её к *непрофессиональной библиотечной интеллигенции*. Надо отметить, что условия для развития интеллигентности в российском обществе были гораздо благоприятнее во второй половине XVIII века, чем в петровские времена. Петр I энергично и целенаправленно создавал интеллектуальную элиту, отдавая предпочтение специалистам военного и инженерного дела, кораблестроителям и естествоиспытателям, а не гуманитарной интеллигенции. Екатерину же привлекали гуманитарные проблемы, возникающие при утверждении просвещенной монархии, в частности, развитие словесности и книжности. Эти области непосредственно связаны с библиотечной интеллигентностью, поэтому уделим им некоторое внимание.

Ценным вкладом просвещенной императрицы в отечественную словесность стало учреждение в октябре 1783 года *Российской Академии*. Президентом Академии стала энергичная и амбициозная *Екатерина Романовна Дашкова* (1744–1810), проявившая блестящие организаторские способности и деловую предприимчивость. Можно назвать её *символом женской эмансипации XVIII века*. Главные задачи вновь образованного научного учреждения были обозначены как «сочинение грамматики и словаря» и изучение древнерусских литературных памятников. Дашкова сумела привлечь к работе над Словарем не только многочисленных литераторов и многих членов Академии наук, но и екатерининских вельмож, включая светлейшего князя Потемкина. Работа велась планомерно и принесла желаемые плоды. С 1789 по 1794 гг. был выпущен в 6 частях «Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный». Он включал в себя свыше 40 тысяч слов, размещенных по этимологическому принципу. Это был первый толковый и нормативный словарь, положивший *начало русской лексикографии*. В 1813 году Российскую академию возглавил адмирал А.С. Шишков (1754–1841), который решительно направил её деятельность к тому, «чтобы красоты словенского языка в подробности рассматриваемы были». Академия просуществовала до 1842 года, когда Николай I после кончины её престарелого президента включил её в состав Академии наук. Культурно-историческое значение Российской академии видится в том, что она представляла собой *первое филологическое учреждение* в нашей стране.

Согласно классическому определению С.С. Аверинцева, *филология* (греч. любовь к слову) – «содружество гуманитарных дисциплин, изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой

и стилистический анализ письменных текстов»⁴³. Это «научное содружество» образуют языковедение, литературоведение и книговедение, которые, в свою очередь, дифференцируются на множество прикладных и вспомогательных дисциплин вроде стилистики, психолингвистики, палеографии, текстологии и пр. Книжность входит в предметное поле филологии, и подлинный интеллигент-книжник в той или иной мере приобщен к филологическому знанию. Поэтому Российской академии можно считать научной обителью библиотечной интеллигенции XVIII века, а Екатерину Великую и Екатерину Дашкову – первооткрывателями филологии в нашем отечестве.

Другим гуманистическим актом Екатерины II является либерализация книгоиздательской политики. С петровских времен книгоиздательское дело было монополизировано государством. Петр лично определял тематику изданий, следил за переводом книг и был редактором многих из них. Екатерина действовала не столь прямолинейно и более эффективно. Она всемилостивейше поощряла издательскую деятельность Академии наук и Московского университета, особенно в части переводов античных классиков, писателей и мыслителей разных стран, а в начале 1783 года обнародовала «Указ о вольных типографиях», открывший дорогу частной инициативе в книгопечатании. Сразу же появилось множество частных типографий не только в столицах, но и в различных губернских городах. Книжное дело оживилось необыкновенно. Почти в три раза вырос ежегодный объем книгоиздания. Так, в 1761–1765 гг. издавалось в среднем 110 названий книг в год, а в 1786–1790 гг. – 362. Если в течение всего XVIII столетия было выпущено одиннадцать тысяч книг, то в последнюю четверть века – 6585 названий⁴⁴.

Либеральный указ позволил Н.И. Новикову в 1784 году организовать «Типографическую компанию» – огромное книгоиздательское и книготорговое предприятие, которое во второй половине 80-х годов выдавало более трети всей книжной продукции России. Энергичный предприниматель, убежденный просветитель и тираноборец, *Николай Иванович Новиков* (1744–1818), несомненно, является выдающимся представителем библиотечной интеллигенции XVIII века. Не случайно некоторые авторы называли его «первым русским интеллигентом», а А.С. Пушкин утверждал, что он «продвинул на полвека образованность России». Жаль, что раздраженная его журналистской независимостью императрица обошлась с ним жестоко и несправедливо, инкриминировав ему масонскую деятельность в Москве.

В конце екатерининского царствования возник такой социокультурный феномен, как *аристократическая усадьба*, приют «усадебного библиофильства». Среди высшего света распространилась мода на житье на лоне природы, которое воспевали Г.Р. Державин, В.В. Капнист, Н.М. Карамзин. Идеали-

⁴³ Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. – К., 2006. С. 452.

⁴⁴ История книги / Под ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой. – М., 2001. С. 166.

зируется образ просвещенного отшельника, отвергнувшего столичную суету и обитающего в кругу семьи, друзей и приветливых крестьян, обожаящих своего господина, как отца. Аристократические усадьбы строились известными архитекторами, их оформляли русские и зарубежные художники и декораторы. Важное место отводилось *библиотеке*, где собирались произведения зарубежных просветителей, обязательно – Вольтера и Дидро, и сочинения отечественных авторов – Ломоносова и Сумарокова, Хераскова и Фонвизина, Богдановича и Державина, которые показывали, что хозяин – любитель «книжного просвещения». Некоторые из «дворянских гнезд» музеефицированы, например, Тригорское и Михайловское (пушкинские места), Мураново (Е.А. Баратынский и Ф.И. Тютчев), Премухино (семья Бакуниных), Измалково (Самарины), Красный Рог (А.А. Перовский и А.К. Толстой), краеведы и историки ратуют за восстановление других культурных памятников⁴⁵.

Бесценный вклад в русскую культуру внес А.Н. Мусин-Пушкин (1744–1817), член Российской академии и президент Академии художеств (1794–1799). В его собрании рукописей были «Русская правда» Ярослава Мудрого, «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве». Он успел издать «Русскую правду», «Духовную Владимира Мономаха» и «Слово о полку Игореве», прежде чем его коллекция сгорела во время московского пожара 1812 года (счастливо спаслась лишь Лаврентьевская летопись, хранящаяся ныне в Российской национальной библиотеке).

Благородный дух Просвещения вдохновлял интеллигентов-книжников на грандиозные библиографические проекты, состоящие в разработке *репертуара русской книги*. Русская библиография гордится именами двух своих подвижников екатерининского поколения – Н.Н. Бантыш-Каменский (1737–1814) и епископ Дамаскин, в миру Д.Е. Семенов-Руднев (1737–1795). Первый составил картотеку, включающую в себя более 4000 описаний книг, напечатанных с конца XVII века по 1805 год включительно. Удалось опубликовать всего одну четвертую часть собранных источников, что считается большой удачей библиографа-любителя. Его коллеге Дамаскину повезло меньше. Трехтомный труд епископа «Библиотека Российская, или Сведение о всех книгах в России с начала типографий в свет вышедших», где учтены в хронологическом порядке и частично аннотированы русские книги с XVI века по 1785 год, так и остался в рукописи (в конце XIX в. было опубликовано менее трети общего массива описаний). Правда, оба труда были известны ученому сообществу и использовались им. Н.Н. Бантыш-Коменский и епископ Дамаскин являются яркими

⁴⁵ См., например: Мир русской усадьбы. Очерки. – М.: Наука, 1995. 294 с., где описаны 22 усадьбы, и Венки усадьбам. Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вып. 32. – М., 1995. 192 с., в котором собраны 47 очерков, составленных заключенным А.Н. Гречем (1899–1936) в 1932 году в Соловецком лагере особого назначения и чудом дошедших до наших дней.

примерами непрофессиональных библиотечных интеллигентов-гуманистов века Просвещения.

Ряды профессиональных библиотечных служителей в екатерининскую эпоху постоянно увеличивались, потому что возрастала библиотечная сеть. Главной научной и публичной библиотекой, можно сказать, *национальной* библиотекой XVIII века, несомненно, была Академическая библиотека. Правда, ряды её работников были весьма немногочисленны. По данным В.П. Леонова, сотрудниками Кунсткамеры и Академической библиотеки в течение всего столетия состояли в общей сложности 77 персон. В том числе лишь 9 человек имели чин библиотекаря, унтер-библиотекаря или помощника библиотекаря, 4 были академиками, а остальные – переводчики, рисовальщики, студенты, ученики, рабочие и прочий вспомогательный персонал⁴⁶. Из библиотечных работников екатерининского поколения к профессиональной библиотечной интеллигенции можно отнести Иоганна-Конрада Бакмейстера (унтер-библиотекарь, хранитель Кабинета редкостей, адъюнкт Академии наук, работал в Библиотеке и Кунсткамере с 1756 по 1788 г.). В 70-е годы на французском и русском языках была издана его книга «Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Академии наук». Бакмейстер дает краткий очерк развития библиотек в России, которые, по его словам, «суть истинные храмы муз. Из них всякого звания граждане могут почерпнуть познания по своему вкусу, дарованиям и упражнениям и помалу развивать их в обществе».

Помимо Академической библиотеки, к числу научных библиотек XVIII века относятся библиотеки Московского университета, Академии художеств, Вольного экономического общества. Их фонды в значительной степени состояли из книг, пожертвованных профессорами и академиками. Все они были открыты для образованной публики. Например, Библиотека Академии художеств предоставляла интересующимся различными искусствами все, «что каждый найдет для себя нужного или любопытству своему примечания достойного». Трудно перечислить имена непрофессиональных и профессиональных библиотечных интеллигентов (интеллектуалов), бескорыстно радевших о развитии российской книжности во второй половине XVIII века. Типичными фигурами здесь являются ученые академики, просвещенные сановники и чиновники, интеллигенты-книжники и любители чтения. Так, на Урале и Алтае по инициативе инженеров-книголюбов были открыты общедоступные специальные библиотеки, а в ряде губернских городов – Туле, Иркутске, Калуге, по инициативе просвещенной общественности были образованы публичные библиотеки⁴⁷. Не остались в стороне книгоиздатели, преследующие коммерческие

⁴⁶ Леонов В.П. Судьба Библиотеки в России. Роман-исследование.– СПб, 2000. С. 219–221.

⁴⁷ Абрамов К.И. История библиотечного дела в России: учебно-методическое пособие. – М., 2000. С. 44–45.

цели. Последние зачастую открывали при своих книжных лавках и магазинах платные кабинеты для чтения, которые вносили свой вклад в развитие массового чтения. К их числу относится петербургский книготорговец и издатель Иоганн Якоб Вейтбрехт (1744–1803), который в 1770 году открыл в Петербурге *первую частную библиотеку*⁴⁸.

Просвещение само по себе, то есть чисто коммуникационный процесс освоения новых и новых знаний, не может быть конечной целью. Многознающий человек способен сделаться рабом, деспотом, предателем, преступником, человеконенавистником, порочным интеллектуалом. С гуманистической точки зрения просвещение оправдано только тогда, когда оно нацелено на формирование духовно свободной, социально активной, альтруистической личности. Современник Екатерины Иммануил Кант (1724–1804) писал: «Сущность Просвещения заключается не просто в распространении знаний, а в развитии активности человеческого разума, который должен не просто усваивать истины, но осознавать свое суверенное положение, свое собственное право верховного судьи»⁴⁹. Вероятно, императрица не стала бы противоречить великому философу, но сделала бы оговорку, что простому народу суверенное мышление излишне, ибо он «не станет нам повиноваться, как повинется теперь».

Тем не менее, она сделала очень много для духовного раскрепощения привилегированного сословия – благородного российского дворянства, которым гарантировалась неприкосновенность «чести, жизни и имущества», то есть «права человека», провозглашенные в общественном договоре великими просветителями XVIII века. В екатерининские времена распространяется мода на изящную книжность, ценятся интеллект, остроумие, начитанность в области художественной литературы и философии, особенно французской, облагораживаются нравы. Не случайно историки говорят о двух *непоротых* поколениях русских дворян, выросших при Екатерине, из которых вышли герои 1812 года (все военачальники – екатерининские орлы)⁵⁰.

Чтобы персонифицировать интеллигенцию екатерининского поколения, назовем два имени интеллигентов-гуманистов – Державин и Карамзин. Житие *Гаврилы Романовича Державина* (1743–1816) совпадает с этим поколением не только хронологически, но и органически в него включается. Лучший биограф певца Фелицы, поэт и литературовед В.Ф. Ходасевич (1886 – 1939) прекрасно выразил эту взаимосвязь: «Державин был одним из сподвижников Екатерины не только в насаждении просвещения, но и в области устройства

⁴⁸ Фафурин Г.А. Библиотека шляхетского корпуса и книгопродавец XVIII века Иоганн Якоб Вейтбрехт // Мир библиографии. – 1998. – № 6. С. 91.

⁴⁹ Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. – М., 1966. С. 27.

⁵⁰ Историческое значение царствования Екатерины II и её противоречивый образ библиотечного интеллигента на троне довольно полно раскрыты в недавно изданной капитальной антологии: Екатерина II: pro et contra / сост., прим., вступ. статья С.Н. Исколюя. – СПб: РХГА, 2006. 1064 с.

государственного. Во дни Екатерины всякая культурная деятельность, в том числе поэтическая, являлась прямым участием в созидании государства. Державин-поэт был таким же непосредственным строителем России, как и Державин-администратор. Поэтому можно сказать, что его стихи суть вовсе не документ эпохи, не отражение её, а некая реальная часть её содержания; не время Державина отразилось в его стихах, а сами они, в числе иных факторов, создали это время»⁵¹. Державин в «забавном русском слоге» фактически восславил интеллигентность под именем «киргиз-кайсацкой царицы» и, «истину царям с улыбкой говоря», стал одним из родоначальников просвещенного литературоцентризма. Другим родоначальником литературоцентризма был Карамзин.

Жизнь и творчество *Николая Михайловича Карамзина* (1766–1826) выходит за хронологические рамки екатерининского поколения, в детстве ему пришлось столкнуться с бунтом Пугачева, а на склоне лет своих – стать свидетелем восстания декабристов. Он всегда сторонился государственной службы и неизменно отвергал самые лестные предложения Александра I. В первую половину жизни молодой мason был гражданином «безумного и мудрого» (А.Н. Радищев) XVIII столетия, а вторая половина биографии отдана созданию иной культурно-исторической эпохи, которую мы назвали, может быть, не вполне справедливо, «пушкинско-гоголевской». Нельзя не согласиться с Ю.М. Лотманом, который в своем романе-реконструкции «Сотворение Карамзина» написал: «Карамзин завещал русской культуре не только свои произведения и не только созданный им новый литературный язык – он завещал ей свой образ, свой человеческий облик, без которого в литературе пушкинской эпохи зияла бы ничем не заполнимая пустота»⁵². Державин сказал о себе «Я – связь времен». Карамзин мог бы с не меньшим основанием сказать то же самое. Они олицетворяют связь не между абстрактными «временами», а между поколениями русской интеллигенции, благодаря тому, что оба являются особой категорией гуманистов – *отечественными интеллигентами-книжниками*.

3.2.3. Эпоха досоветской индустриальной книжности включает три поколения, условно названные нами «пушкинско-гоголевское», «пореформенное», «революционное», которые охватывают XIX век российской истории. XIX век покончил с просвещенческой дворянской модернизацией и мануфактурным книгопечатанием и начал эру машинной полиграфии и массовой коммуникации. Определяющее значение в жизнедеятельности

⁵¹ Ходасевич В.Ф. Державин. – М., 1988. С. 250–251.

⁵² Лотман Ю.М. Карамзин. – СПб, 1997. С. 16. Не могу удержаться, чтобы не представить недавно опубликованную антологию **Карамзин: pro et contra** / сост., вступ. ст. Л.А. Сапченко. – СПб: РХГА, 2006. 1080 с. (Русский путь). В книге собраны рассеянные по разным изданиям противоречивые оценки личности и творчества Карамзина, данные корифеями русской литературы, критиками и историками за последние 200 лет. Она может служить прекрасным пособием для исследователей истории русской интеллигенции.

библиотечной интеллигенции приобрели противоположно направленные тенденции.

Первая: стремительный *рост книжности* благодаря промышленной революции в области книгопечатания. Технологические операции изготовления печатных форм, тиражирования, фальцевания и разрезания бумаги, воспроизведения иллюстраций быстро механизировались, обеспечивая высокое качество и многотысячные тиражи книжной продукции. Параллельно развивалось искусство книги, совершенствовались иллюстрации, использовались многообразные титульные шрифты, виньетки, фронтисписы и т. п. В 1801–1815 гг. издавалось около 250 изданий ежегодно, а в 1836–1855 гг. – более 1000 названий. В общей сложности, как показывает книжная статистика, в 1801–1855 гг. вышло в свет 35 тысяч изданий. Последовательная индустриализация полиграфического производства привела к тому, что ежегодный выпуск книг стал стремительно нарастать: с 1500 названий в 1856–1860 гг. до 12 тысяч названий в 1896–1900 гг.

Вторая: *тенденция антикнижности* в форме государственной цензуры книжной коммуникации. В 90-е годы Екатерина II ввела предварительную цензуру отечественной печати и ограничила распространение иностранной литературы. Павел I вообще запретил ввоз зарубежных изданий в Россию; Александр I отменил этот запрет и смягчил цензурные ограничения. Зато его брат Николай прославился как непреклонный борец с крамольной словесностью, утвердив в 1826 году цензурный устав, прозванный «чугунным», а в 1848–1855 году подвергнув страну «цензурному террору». Цензурное ведомство не бездействовало и при преемниках «рыцаря самодержавия». Можно сделать вывод, что пушкинско-гоголевское и последующие поколения библиотечной интеллигенции существовали в условиях перманентного цензурного контроля царского правительства, если не считать кратковременных послаблений в 1802–1804 гг. и в 1855–1865 гг.

На фоне технологического прогресса индустриальной книжности и цензурных колебаний происходили значительные изменения в менталитете русской интеллигенции, и каждое поколение демонстрировало собственные отличительные особенности, которые заслуживают внимания. Конец XVIII – первая половина XIX века – период, не случайно названный «золотым веком дворянской культуры». Символами этого периода могут служить два гениальных писателя – А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, в честь которых мы назвали поколение их современников

ИК-1. Пушкинско-гоголевское поколение ограничим следующими хронологическими рамками. Формирование ментальности пушкинско-гоголевского поколения, его фаза *восхода*, охватывает 1790-е – 1814 год, где историческими вехами служат Французская революция – наполеоновские войны. Этот период закономерно ознаменован конкуренцией новых веяний с ментальностью предыдущего екатерининского поколения (конфликт «отцов и детей»). Фаза *рас-*

цвета, безусловного доминирования созревшего поколения: 1815–1848 – от послевоенной эйфории до «цензурного террора» Николая I. *Закат* поколения можно датировать 1849–1861 гг., когда обветшавшую имперскую идеологию николаевской России начала теснить нарождающаяся ментальность нового, пореформенного поколения русской интеллигенции.

В исторической памяти благородные современники Пушкина и Гоголя оставили незабвенные следы своего менталитета. Дворянская интеллигенция «золотого века» породила особую форму сословной самоорганизации – *Большой свет – дворянскую республику в Российской империи*. В.А. Жуковский следующим образом описывал эту «республику»: «...круг людей отборных – не скажу лучших, – превосходных перед другими состоянием, образованностью, саном, происхождением; это республика, имеющая особенные свои законы, покорная собственному, идеальному и всякую минуту произвольно сменяемому правителю – моде, где существует общее мнение, где царствует разборчивый вкус, где раздаются все награды, где происходит оценка и добродетелей, и талантов, где всякий есть в одно время и действующий, и зритель»⁵³. Местом локализации большого света были великосветские салоны, где обсуждали литературные новинки, занимались музицированием, ценили остроумную непринужденную речь, писали в альбомы стихи. В этих салонах в качестве равноправных гостей бывали члены императорской фамилии, высшие сановники, зарубежные знаменитости типа мадам де Сталь, и русская культурная элита – Н.М. Карамзин, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин. Неизменная ритуализация светской жизни (балы, визиты, клубы, салоны), нерушимые этикетные нормы, «приличьем стянутые маски» (М.Ю. Лермонтов) предопределяли «пустоту» светского общения, на которую часто жаловались скептические современники.

Литературоцентризм – одна из достопримечательностей дворянской республики, унаследованная от екатерининского поколения, которая воплотилось в литературных обществах («Беседа любителей русского слова» (1811–1816), «Арзамас» (1815–1818), «Зеленая лампа» (1819–1820) и др.) и в великосветских литературных салонах. Многие хозяйки литературных салонов служили предметом поэтического поклонения и законодательницами литературного вкуса, например, С.Д. Понамарева, Е.И. Голицына, А.О. Смирнова-Россет, Е.М. Хитрово, З.А. Волконская. Большой популярностью у великосветской элиты пользовался салон директора Императорской Публичной библиотеки и президента Академии художеств А.Н. Оленина, где басни И.А. Крылова и главы «Истории» Н.М. Карамзина звучали раньше, чем появлялись в печати.

⁵³ Цит. по: Тодд У.М. Литература и общество в эпоху Пушкина. – СПб, 1996. С. 23.

Кодекс чести и личного достоинства культивировался в дворянской среде с екатерининских времен. Особенно среди гвардейских офицеров. В кодекс офицерской чести входили мужество, отвага, выносливость, необходимые для защиты Отечества, преданность престолу, чувство долга и сознание своего превосходства перед обывателем, не умеющим обращаться с оружием. Достойным средством защиты дворянской чести и наказания подлости считалась дуэль. Все российские монархи, начиная с Петра I, решительно осуждали кровавые поединки, но гордые офицеры думали иначе. Двойственно относился к дуэли Пушкин: с одной стороны, он сокрушался, что «дико светская вражда боится ложного стыда», а с другой стороны, подобно А.С. Грибоедову и М.Ю. Лермонтову, подставлял свою грудь под пулю соперника. «Нельзя не уважать дуэль; это дело благородное и трагическое», – писал консерватор К.Н. Леонтьев в конце XIX века.

Отечественная война 1812 года и заграничный поход пробудили в сознании молодых офицеров потребность в духовном саморазвитии и чувство ответственности за судьбу Отечества. Совершенно неожиданно дворянская честь проявилась в *гражданском самоопределении*, приведшем благородных декабристов на Сенатскую площадь. В пушкинско-гоголевском поколении интеллигентское этическое самоопределение стало сочетаться с гражданским самоопределением, с понятиями чести и собственного достоинства. Можно ли отнести декабристов к русской интеллигенции? Оставим ответ на усмотрение читателей.

Уместно заметить, что самим современникам их век вовсе не казался «золотым». В 1834 году А.С. Пушкин начал писать статью «О ничтожестве литературы русской», упрекая её в бездарном подражательстве. Однако мы, потомки, не можем согласиться с великим поэтом. С исторической дистанции хорошо видно, что интеллектно-этический потенциал, накопленный господствующим сословием в течение столетия интенсивной модернизации и просвещения, воплотился в шедеврах литературы и искусства, нравственных поисках и политическом вольномыслии, наконец, в творческих достижениях библиотечной интеллигенции.

Продолжателями вельможного библиофильства века Просвещения являются П.П. Бекетов и Н.П. Румянцев. Благодаря крупному состоянию, полученному от отца, *Платон Петрович Бекетов* (1761–1836) мог посвятить себя библиофильской и издательской деятельности. Он собрал большую библиотеку славяно-русских рукописей и старинных книг, а также обширную коллекцию гравюр славных россиян. Он завел у себя гравёрную мастерскую, где работали его крепостные крестьяне. В 1801–1812 году он основал в Москве лучшую типографию того времени, из стен которой вышли собрания сочинений Богдановича, Дмитриева, Хераскова, Жуковского, Карамзина и даже крамольного Радищева. Все издания отличались изяществом шрифтов, высоким качеством иллюстраций, обилием виньеток, заставок, концовок. Замечательными образ-

цами искусства книги стали выпущенные П.П. Бекетовым альбомы гравированных портретов «российских авторов» и «россиян знаменитых». Биографии 20 российских авторов были написаны Н.М. Карамзиным, который был близким другом просвещенного вельможи.

Николай Петрович Румянцев (1754–1826), сын «екатерининского орла» генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, получил превосходное образование, сделал блестящую дипломатическую карьеру, пользовался особым доверием Александра I и в 1810–1814 годах носил звание государственного канцлера. Выйдя в отставку, он посвятил себя сбору книжных памятников и музейных раритетов, «чтоб внукам оживить деянья и мечты их предков». Среди иностранных изданий были более двухсот инкунабул и палеотипов, много других ценных изданий, приобретенных во время многочисленных заграничных вояжей именитого дипломата. В русской части собрания были ранние издания русских летописей, первое издание «Слова о полку Игореве», произведения литераторов XVIII века, многочисленные книги по истории, естествознанию, технике.

Не ограничиваясь коллекционированием, Н.П. Румянцев объединил вокруг себя современных историков, филологов, интеллигентов-книжников. Членами румянцевского кружка были Н.Н. Бантыш-Каменский, П.И. Кеппен, митрополит Евгений (Болховитинов), К.Ф. Калайдович, А.К. Востоков, – всего более 50 человек. Памятником просветительной деятельности кружка является издание ряда юридических документов XIII–XVII вв., в том числе «Законы великого князя Иоанна Васильевича» и пр. Свою библиотеку и другие коллекции Румянцев завещал использовать для просвещения народа. Как известно, в 1831 году в особняке бывшего канцлера был открыт *Румянцевский музей*. В 1861 году сокровища музея были перевезены в Москву, нуждавшуюся в городской общедоступной библиотеке. Библиотека, насчитывавшая к тому времени около 35 тысяч томов, была размещена в одном из архитектурных шедевров первопрестольной – Пашковом доме. Московский Публичный и Румянцевский музей стал быстро пополняться за счет пожертвованных библиофильских собраний, и через три года его Библиотека насчитывала уже 100 тысяч единиц хранения.

Становление библиотечного института в первой половине XIX века связано с процессами профессионализации в области книгоиздания, библиографии и библиотечного дела. Знаковыми фигурами здесь являются А.Ф. Смирдин – первооткрыватель коммерческих отношений между «поэтом и книгопродавцем»; «родоначальник отечественного библиотековедения» В.И. Соболевский; «отец русской библиографии» В.С. Сопиков. Показательно, что все они выходцы из купеческих семей. Это свидетельствует о расширяющемся проникновении разночинцев в ряды библиотечной интеллигенции, которую в екатерининские времена образовывали, главным образом, представители благородного сословия.

В 1802 г. в связи с разрешением открывать «вольные типографии» получила простор частная книгоиздательская инициатива. Однако большинство «вольных» книгоиздателей не считали издание книг доходным промыслом и занимались книжным делом любительски, либо размножая свои собственные сочинения, либо бескорыстно вдохновляясь просветительскими замыслами, подобно П.П. Бекетову или Н.П. Румянцеву. Постепенно положение изменилось: спрос на книжную продукцию разного вида значительно увеличился, качество типографских работ повысилось, а стоимость снизилась, образовался книготорговый рынок, охвативший столицы и провинцию. Хозяевами этого рынка стали опытные, энергичные и предприимчивые книгоиздатели-коммерсанты. Коммерциализация книжного производства обусловила, с одной стороны, появление профессиональных издателей и книготорговцев (часто – в одном лице), с другой стороны – профессиональных писателей, «мастеров пера» (не будем забывать, что первым профессиональным литератором считается А.С. Пушкин). Если в XVIII веке цены на книги устанавливались произвольно и печатники работали себе в убыток, то к середине XIX века наиболее крупные типографии, словолитни, переплетные и бумажные фабрики начали приносить прибыль.

Наиболее яркой и вместе с тем типичной фигурой является *Александр Филиппович Смирдин* (1794–1857). Он прошел обычный для профессионального издателя-книготорговца жизненный путь: мальчик в книжной лавке – приказчик в книгоиздательской фирме – хозяин собственного дела. У него не было филологического образования, которое позволяло бы подвергать книги содержательной критической оценке, но он обладал предпринимательской интуицией, литературным чутьем, обеспечивающим почти безошибочный выбор. Его несомненный просветительский вклад в отечественную культуру – издание всех лучших произведений отечественной беллетристики с конца 1820-х до конца 1830-х годов. Смирдин начал выплачивать авторский гонорар, который был достаточно весом. Стала легендой его плата Пушкину по 10 рублей за каждую стихотворную строку. Но при этом издатель не оставался в прогаре. Известно, что за время своей деятельности он издал и продал книг на сумму около 10 млн рублей, а гонораров авторам выплатил на сумму 1,5 млн рублей.

А.Ф. Смирдин – видная и необходимая фигура «золотого века» дворянской культуры с её литературоцентризмом. Он, как и его собратья по «книгоиздательскому цеху», мастерски *обслуживал* потребности дворянской книжности. К сожалению, в 40-е годы, после гибели М.Ю. Лермонтова (1841) наступает упадок «золотого века». «Мертвые души» и «Шинель» Н.В. Гоголя – прощальная улыбка (гримаса?) отшумевшего праздника. Антикнижная цензурная политика и дезинтеллектуализация дворянства приносят свои плоды: падает спрос на книгу, и превосходные смирдинские издания остаются на складах. Легендарный мастер российского книжного дела оказывается банкротом и умирает в нищете и в забвении.

Основанная Петром Академическая библиотека, бывшая в течение XVIII века главной российской «вивлиофикой», оттесняется на второй план учрежденной в 1795 году и открытой для посетителей в 1814 году Императорской Публичной библиотекой. Екатерина II, мудрый интеллигент-сноб и страстный книголюб, замыслила новую Библиотеку как вековечный символ своего просвещенного царствования. С самого начала эта Библиотека создавалась как «первенствующее книгохранилище России», открытое «для пользы всех и каждого». Статус «первенствующего книгохранилища» оттенял тот факт, что в течение всего XIX и начала XX века она располагала самым крупным коллективом сотрудников среди библиотечных учреждений страны. В сословном российском обществе между Императорской библиотекой и Академической библиотекой была такая же разница, как между благородным аристократом и ученым одописцом. Основными сотрудниками и того, и другого учреждения были образованные и креативные люди, но в одном трудились общепризнанные мэтры изящной литературы, а в другом – худородные академики, не входившие в великосветские салоны.

Директор А.Н. Оленин, возглавлявший Библиотеку в период её становления, писал: «Все старание мое прилагаю к отысканию людей, которых собственная охота и знания по сей части привлекали бы к усердному отправлению трудной библиотечарской должности». Еще до открытия Библиотеки её сотрудниками стали И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, В.С. Сопиков и другие «мужи умные, ученые, ревнующие успехам просвещения и усердные к должности своей». В последующие годы к ним присоединились А.А. Дельвиг, М.Н. Загоскин, А.Х. Востоков и прочие, известные «каждому любителю художеств, наук и словесности в России». Этим людям можно отнести к тому отряду профессиональной библиотечной интеллигенции, который правомерно назвать *аристократическим*, имея в виду и аристократов духа, и аристократов крови. Согласно штатному расписанию, этот «отряд» насчитывал вплоть до 1850 года 14–15 сотрудников. Кроме директора и его помощника, Библиотеке полагалось иметь 7 библиотечарей, 4 подбиблиотечаря и 3 писца⁵⁴.

Помимо штатных сотрудников, Оленин учредил внештатную коллегию *почетных библиотечарей*, безвозмездно оказывающих Библиотеке различные услуги. Почетными библиотечарями, то есть представителями непрофессиональной библиотечной интеллигенции, стали книговед В.Г. Анастасевич, жур-

⁵⁴ В 1851 году номенклатура должностей была изменена: библиотечари стали именоваться старшими библиотечарями, подбиблиотечари – младшими библиотечарями, писцы – чиновниками для письма (канцелярскими чиновниками). К 1960 году число штатных библиотечных сотрудников достигло 24 человека. По штатному расписанию 1874 года предусматривалось 16 библиотечных должностей, плюс 12–15 «вольнотруidящихся» для обслуживания читального зала и других нужд. Наконец, в 1895 году Николай II утвердил штат Библиотеки, состоящий из 32 старших и младших библиотечарей.

налист Н.И. Греч, основоположник китаистики в России архимандрит Иакинф (в миру – Н.Я. Бичурин), академик-востоковед Х.Д. Френ. Не удивительно, что Публичная библиотека быстро стала научным и интеллектуальным центром, непременным участником культурной жизни северной столицы.

Все штатные сотрудники Публичной библиотеки считались чиновниками, то есть находились на государственной службе, дающей ряд привилегий. От кандидатов на библиотечные должности требовались высшее образование, «многосторонняя подготовка, специальные познания по разным отраслям науки», знание библиографии и четырех иностранных языков – французского, немецкого, латинского, греческого (или вместо одного из них какого-либо восточного языка). Даже подбиблиотекари должны были хорошо знать русский язык и три иностранных. Эти требования позволяют отнести библиотекарей Публичной библиотеки к высшему интеллектуальному слою русского общества. Этот вывод подтверждает анализ биографического словаря «Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры», в первом томе которого приведены подробные сведения о более чем 400 сотрудниках Библиотеки, трудившихся в ней в 1795–1917 гг.⁵⁵ Словарь является поистине уникальным источником по социологии библиотечного дела дореволюционной России, показывающим становление библиотечной профессии в нашей стране на примере главного отечественного книгохранилища. Этот любовно и тщательно выполненный научный труд является подлинным украшением библиотечной профессиональной истории наших дней.

Скупое, но выразительно представлена в словаре почти сорокалетняя деятельность *Василия Ивановича Соболевского* (1808–1872) в Публичной библиотеке (с. 471–475). В марте 1834 года он начал свою карьеру в должности писца, одновременно учился в Академии художеств, закончив которую в 1839 году, был «возведен в звание свободного художника архитектуры». В октябре 1843 года переведен в подбиблиотекари, с мая 1844 года исполнял обязанности архитектора Библиотеки и активно занялся переустройством внутренних помещений, в частности, осуществил устройство «готического зала» («Кабинет Фауста») для хранения инкунабул и построил новый читальный зал, оборудованный подъемными машинами для книг, шкафами и столами для справочной библиотеки и дополнительными помещениями для занятий женщин-читательниц и для художников. В 50-е – 60-е годы В.И. Соболевский составил инвентарный и алфавитный каталоги и начал разработку классификационной схемы для отделения Россияка. Почетное звание «родоначальника русского библиотековедения» принесли Соболевскому первое отечественное руководство по библиотечному делу «Об устройстве общественных библиотек и составлении

⁵⁵ Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1. Императорская Публичная библиотека. 1795–1917 / Ред. коллегия Ц.И. Грин, Г.В. Михеева, О.С. Острой, Л.А. Шилов. – СПб: Изд-во РНБ, 1995. 688 с.

их каталогов» и аналитический «Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года», которые были опубликованы в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1859 году. В 1867 году вышли в свет его «Воспоминания старого библиотекаря», стяжавшие автору славу первого историографа Императорской библиотеки⁵⁶.

Без преувеличения можно утверждать, что литературоцентризм «золотого века» дворянской культуры был бы невозможен без Публичной библиотеки, без университетских библиотек и библиотек многочисленных научных обществ. Об авторитете библиотек в российских университетах свидетельствует тот факт, что великий русский математик, профессор Казанского университета *Н.И. Лобачевский* (1792–1856) в 1825–1837 гг. исполнял обязанности директора университетской библиотеки и сделал немало для совершенствования комплектования и классификации фондов, а также для улучшения обслуживания читателей. На этом основании он относится к числу профессиональных библиотечных деятелей⁵⁷. Впоследствии он занимал пост ректора университета.

Особого упоминания заслуживает появление публичных библиотек, возникших в 30-е годы во многих губернских и уездных городах по правительственному циркуляру, но на добровольные пожертвования образованной публики. Инициатором этого циркуляра был *Николай Семенович Мордвинов* (1754–1845), видный государственный деятель и ученый экономист либеральной ориентации (одно время он был президентом Вольного экономического общества). Неподкупная честность, твердость и прямота его суждения, сочетавшиеся с умением красноречиво и убедительно излагать свои мысли, производили впечатление даже на российских самодержцев. Екатерина II говорила, что доклады Мордвинова «писаны золотым пером», записки и мнения его по разным государственным вопросам переписывались и ходили по рукам. Известны его проекты постепенного освобождения крестьян, распространению частного предпринимательства и народного просвещения, адресованные Александру I и Николаю I. «Дайте свободу мысли, рукам, всем телесным и душевным качествам человека, – писал интеллигентный сановник, – предоставьте всякому быть, чем его Бог сотворил, и не отнимайте, что кому природа особенно даровала»⁵⁸.

Конечно, организация общедоступных библиотек в губернских городах возродила либеральные настроения, и А.И. Герцен, находившийся в ссылке в Вятке в 1836 году, охотно принял должность помощника библиотекаря.

⁵⁶ Вслед за А.Н. Ванеевым замечу, что «первым библиотековедом» правильнее назвать не Соболевщикова, а И. Бакмейстера, «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей...» которого был напечатан на русском языке в 1779 году (переиздан в 1780 г.).

⁵⁷ Абрамов К.И. История библиотечного дела в России: учебно-методич. пособие. – М., 2000. С. 61–62.

⁵⁸ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты / по изданию великого князя Николая Михайловича. – СПб, 1996. С. 716.

А в декабре 1837 года при открытии губернской Публичной библиотеки для чтения двадцатипятилетний гуманист произнес свою знаменитую речь, в которой есть мудрые слова: «Публичная библиотека – это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет... Книга – это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить... В книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она – программа будущего»⁵⁹. Эти слова позволяют А.И. Герцена включить в число интеллигентов-книжников пушкинско-гоголевского поколения. Расцвет этого поколения в 20-е – 30-е годы XIX века является временем *экстенсивного* развития библиотечного дела, охватывавшего новые отрасли знания, новые контингенты читателей, новые географические территории. Возрастает корпус профессиональных библиотечных работников, а в сознании библиотечной интеллигенции вызревает мысль о высоком общественном призвании библиотеки и книги.

40-е – 50-е годы XIX века остались в истории русской интеллигенции временем принципиальных и горячих споров между этически безупречными альтруистами, славянофилами и западниками, в равной мере озабоченными благом Отечества. Суть спора в том, что славянофилы исповедовали в качестве рецепта оздоровления общества традиционное православное смиренно-мудрое, что волей-неволей ведет к укреплению консервативно-охранительных тенденций; западники же ориентировались на достижения европейской цивилизации, связанные с идеями либерализма и радикализма революционных демократов⁶⁰. Ментальность интеллигенции 40-х – 50-х годов существенно отличалась от ментальности их старших братьев – интеллигентов-декабристов. Последние обладали обостренным чувством чести, светской выучкой, романтической готовностью к самопожертвованию, стремлением к практической самореализации. Первые были обуреваемы жадой полемического философствования, предавались словесным баталиям, а не дуэльным поединкам. «Слово» было их «дело», в то время как в практической жизни они обнару-

⁵⁹ Цит. по: Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX в.). – М., 2003. С. 241–242.

⁶⁰ Достаточно полное представление о полемике «старших» славянофилов и западников пушкинско-гоголевского поколения можно получить по антологии: Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. – СПб: Изд-во РХГА, 2006. – 1054 с. Хорошей иллюстрацией духовной преемственности между различными поколениями русской интеллигенции может служить монография Н.А. Бердяева «Алексей Степанович Хомяков», впервые опубликованная в 1912 году, а также сборник Киреевский И.В. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. – М.: Правилу веры, 2002. 662 с., где содержится переписка автора со старцем Оптиной пустыни преподобным Макарием..

жиали неумелость, пассивность, инфантилизм, давая повод для справедливых упреков и насмешек со стороны предприимчивых интеллектуалов. Восторг и умиление идеалисты 40-х годов переживали гораздо чаще и напряженнее, чем это полагается душевно уравновешенным натурам. Особенной страстностью отличались Белинский – «неистовый Виссарион» и Константин Аксаков – «Белинский славянофильства».

С книговедческих позиций идейное наследие славянофильства осмыслено в небольшой по объему, но весьма содержательной монографии М.М. Панфилова⁶¹. Автор – горячий сторонник «книжного русофильства» – призывает «вчитываться в славянофилов не меньше, чем в Достоевского», он видит в книжности «краеугольный камень русской идеи общественного домостроительства национальной культуры» (с. 33). М.М. Панфилов заканчивает свое произведение замечательными словами: «Нам нужны не философствующие о сепаратизме своих объектов и предметов резервации книговедения и библиотековедения, а философия, историософия, культурология книги и библиотеки, в русле которых исчезнут кастовые водоразделы между книговедением, теорией и практикой библиотечного дела, библиографией... Самое главное, по завету «русской партии» XVIII–XX веков, – наука, посвященная истории книжной культуры, должна быть нравственно ценностной» (с. 172). Фактически здесь речь идет о научном осмыслении становления российской библиосферы, чему посвящена наша монография.

Вспомним еще об одной примете пушкинско-гоголевского поколения – появлении *лишних людей*, – образованных, умственно развитых, даже одаренных, привлекательных «героев нашего времени», оказавшихся скучающими и разочарованными изгоями в родной стране. В русской литературе представлена целая плеяда «лишних людей» – Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин, Лаврецкий, которых, по словам историка русской интеллигенции Иванова-Разумника, характеризует «раздвоенность между индивидуализмом и мещанством». При этом Иванов-Разумник повторял: «Лишние люди – лучшие люди своего времени, и на них мы легче всего можем увидеть, что делала с лучшими людьми эпоха официального мещанства: прямым следствием этой эпохи явились мещане, обратным – лишние люди»⁶². Интересно, что в число «лишних лучших людей» он причислил В.Г. Белинского, несомненного представителя библиотечной интеллигенции (см. далее).

«Закат» пушкинско-гоголевского поколения русской интеллигенции (1849–1861) был омрачен «цензурным террором» непреклонного борца с крамольной литературой Николая I. Если до конца 40-х годов августейший цензор ограничивался отдельными антикнижными акциями вроде закрытия в 1832 году

⁶¹ Панфилов М.М. Феномен книжности в мировоззрении славянофилов. – М.: Пашков дом, 2004. 191 с.

⁶² Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: в 3 т. Т. 1. – М., 1997. С. 268.

журнала Ивана Киреевского «Европеец», в 1834 году – журнала Н.А. Полевого «Московский телеграф», в 1936 году – журнала «Телескоп» с одновременной ссылкой его издателя Н.И. Надеждина в Усть-Сысольск на казенное содержание в сорок копеек в день, то в 1848 году он перешел во фронтальное наступление, оставшееся в памяти современников как «цензурный террор». 2 апреля 1848 года был создан подчиненный непосредственно императору Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений во главе с генералом Д.П. Бутурлиным (в то время – директором Императорской публичной библиотеки).

Задача Комитета состояла не в цензурировании самих произведений, а в контроле деятельности цензоров, дающих разрешения на публикацию. Комитет предписывал цензорам не пропускать в свет произведения, «могущие дать повод к ослаблению понятий о подчиненности или могущие возбуждать неприязнь и завистливое чувство одних сословий против других». Если в сочинении того или иного писателя обнаруживалось особенно вредное в политическом или в нравственном отношении направление, то цензор был обязан секретно сообщать о таком авторе в III отделение, которое должно было принять меры «к предупреждению вреда, могущего происходить от такого писателя»⁶³. Наряду с уже существовавшей предварительной цензурой Комитет ввёл цензуру карательную. Именно «Комитет 2 апреля 1848 года» инициировал высылку из Петербурга И.С. Тургенева и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Чувствуя неусыпную бдительность «Бутурлинского комитета», цензура умножала свои усилия, доходя до анекдотического абсурда. Так, в 1851 году Главное управление цензуры вполне серьезно обсуждало вопрос о цензурировании нотных знаков, под которыми якобы могут скрываться «злонамеренные сочинения, написанные по известному ключу», и постановило привлекать в сомнительных случаях специалистов по музыке, особенно если речь идет об иностранных опусах. Ответом радикальной интеллигенции на антикнижный терроризм стало создание в 1853 году в Лондоне Вольной русской типографии А.И. Герцена. Репрессивная антикнижность «Комитета 2 апреля 1848 года» окончилась в 1855 году вместе со смертью Николая I, но цензурное ведомство продолжало функционировать в подсистеме управления книжного социального института вплоть до 1917 года.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) общеизвестен как «великий критик земли русской» и талантливый литературовед, обосновавший значение творчества А.С. Пушкина для русской словесности (11 статей 1843–1846 гг.) и разработавший принципы натуральной школы – реалистического направления в литературе XIX века, главой которой он считал Н.В. Гоголя. Однако не все ограничиваются подобной оценкой. Историк рус-

⁶³ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учебное пособие. – М., 2001. С. 89–90.

ской общественной мысли Иванов-Разумник решительно возражает: «Определить Белинского словом “критик” – это все равно, что назвать Достоевского “романистом”: это только случайная, внешняя форма их проявления. Бесспорно, Достоевский – “романист”, но прежде всего он глубокий религиозный мыслитель; Белинский – критик, но прежде всего он творец этико-социологического мировоззрения. Критиком он был поневоле; он сознавал в себе способности и силы пламенного проповедника, трибуна... Белинский – главнейший представитель интеллигенции, искавшей путей к истине, справедливости и красоте в течение тридцатых – сороковых годов»⁶⁴. «Критик поневоле» – член когорты «лишних людей» на Руси?

Основополагающая роль В.Г. Белинского в отечественной литературной критике и литературоведении столь же несомненна, как и его вклад в гражданское и этическое самоопределение интеллигенции пушкинско-гоголевской эпохи. Но этого мало. Оказывается, Белинский не просто выдающийся интеллигент-книжник, а *профессиональный деятель критической библиографии*, то есть *профессиональный библиограф*. Эту мысль последовательно развивает Н.В. Здобнов в параграфе «В.Г. Белинский и библиография»⁶⁵. Здобнов вспоминает о стремлении Белинского «рецензировать *все* русские издания, а не одни московские», о его намерении создать в журнале «Отечественные записки» «преогромную библиографию и преизобильную полемику», то есть решить задачу текущего библиографического учета «в целях выявления научного и общественно-политического содержания книжной продукции как зеркала культурной и общественной жизни страны». «Преизобильная полемика» больше соответствовала бойцовскому темпераменту великого критика, чем рутинная «преогромная библиография», поэтому В.Г. Белинский стал основоположником нового вида библиографии – библиографии критической.

Идея критической библиографии была взята на вооружение советской библиографической наукой 40-х – 60-х годов. В учебнике «Библиография. Общий курс» под редакцией М.А. Брискмана и А.Д. Эйхенгольца различаются три основных вида библиографии: *информационная* (в том числе государственная учетно-регистрационная, научно-информационная и массовая информационная), *рекомендательная*, отличающаяся ярко выраженной педагогической ориентацией, и *критическая*, практикующая более-менее развернутый содержательный анализ литературного потока⁶⁶. Ежегодные литературные обозрения Белинского, включающие в себя историко-культурную характеристику эпохи, этические и эстетические комментарии, стали классическими примерами не

⁶⁴ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: в 3 т. Т. 1. – М., 1997. С. 349–351.

⁶⁵ Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX века. – М., 1951. С. 198–208.

⁶⁶ Библиография. Общий курс / Под ред. М.А. Брискмана и А.Д. Эйхенгольца. – М., 1969. С. 54–69.

только журналистской критики, но и критической библиографии. Критическими библиографами считались другие революционные демократы, задававшие тон в русской журналистике второй половины XIX века. Однако в 70-е годы XX века молодые библиографоведы отвергли право рецензий и литературных обзоров именоваться «критической библиографией», и в очередном стандартном учебнике по советской библиографии, изданном в 1981 году под редакцией О.П. Коршунова, критическая библиография не котируется в качестве одного из основных видов⁶⁷.

Правомерно ли исключение содержательных критических оценок из сферы библиографии? С точки зрения филологии, это означает снижение филологического уровня библиографической продукции. Напомню, что этот уровень определяется содержанием *комментария* к исходному тексту, который должен «последовательно вбирать в свой кругозор всю ширину и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного»⁶⁸. Критическое творчество Белинского и других революционных демократов было нацелено на то, чтобы «вобрать всю ширину и глубину человеческого бытия»; аннулируя критическую библиографию, мы снимаем эту задачу. Следовательно, утрата критической библиографии не способствует укреплению общественного авторитета и популярности библиотечно-библиографического социального института, и нашим библиографоведам следует осмыслить это обстоятельство. Тем более что время от времени появляются библиографические труды, продолжающие критико-библиографические традиции, например, библиографические энциклопедии А.М. Горбунова⁶⁹. К сожалению, в современных библиотечно-информационных службах слишком мало филологов, способных работать на критико-библиографическом уровне.

Зададимся вопросом: к какому типу интеллигентов или интеллектуалов относится «неистовый Виссарион»? Колоссальная эрудированность и неисчерпаемая креативность несомненны. Стали легендой бескорыстный альтруизм и благоговение перед русской книжностью. А толерантность, терпимость к взглядам оппонентов? Непримируемость к инакомыслию была свойственна великому критику. Об этом свидетельствует его резкая полемика со славянофилами в 1842–1847 гг., знаменитое «Письмо к Гоголю» (июль 1847 года), в котором автор выразил «оскорбленное чувство истины, человеческого достоинства». «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов, – взывал к Гоголю его бывший страстный почитатель, – что Вы делаете? Взгляните себе под ноги – ведь Вы

⁶⁷ Библиография. Общий курс / Под ред. О.П. Коршунова. – М., 1981. С. 99–104.

⁶⁸ Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. – К., 2006. С. 452.

⁶⁹ Горбунов А.М. Панорама веков: Зарубежная художественная проза от возникновения до XX в.: Популярная библиографическая энциклопедия. – М.: Кн. палата, 1991. 576 с., и др. издания.

стоите над бездною...». По словам А.И. Герцена, Белинский был «самой революционной фигурой николаевских времен». Действительно, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, М.А. Бакунина можно назвать *предтечами* радикальной русской интеллигенции. Не случайно всего лишь за оглашение в кружке петрашевцев «Письма к Гоголю» осудили на смертную казнь молодого Достоевского. В итоге вырисовывается тип *интеллектуала-квазигуманиста*, готового на радикально революционные средства ради достижения альтруистических идеалов. Белинский был первым представителем библиотечных интеллектуалов этого типа. В пореформенной России их количество значительно возросло.

ИК-2. Пореформенное поколение возглавляет царь-реформатор. Александр II вступил на престол 19 февраля 1855 года в условиях военных поражений и политической изоляции страны, истощения казны и растущей инфляции. Он прославил свое имя Великими реформами 1861–1874 гг., существенно изменившими культурное пространство страны. Наверное, можно было сделать больше, возможно, прав В.О. Ключевский, написавший: «Все его великие реформы, непростительно запоздалые, были великодушно задуманы, спешно разработаны и недобросовестно исполнены, кроме разве реформы судебной и воинской. Монарх мудро соизволял, призванные работники, как братья Милютины, Самарин, самозабвенно проектировали, а ввязавшиеся в дело министры камарильи вроде Ланского, Толстого, Валуева, Тимашева, разделявали циркулярами высочайше утвержденные проекты в насмешки над народными ожиданиями»⁷⁰. Однако нельзя отрицать, что жизненный цикл пореформенного поколения, условно датируемый 1848–1904 гг., – время трудной, неоднозначной, но неуклонной *интеллигентизации* русского общества. Не случайно термин «интеллигенция» в это время вошел в словарный фонд «живого великорусского языка» (В.И. Даль).

Интеллигентизация стала возможной, благодаря отмене крепостного права и расширению социального слоя разночинцев⁷¹. «Табель о рангах» открывала для энергичных и знающих выходцев из низших сословий перспективы

⁷⁰ Ключевский В.О. Литературные портреты. – М., 1991. С. 439.

⁷¹ Согласно «Толковому словарю» В.И. Даля, *разночинец* – человек неподатного сословия, но без личного дворянства и не приписанный ни к гильдии, ни к цеху. В пушкинско-гоголевское время «разночинец» не связывали с занятиями умственным трудом. В число разночинцев попадали придворные служители, лоцманы, ремесленники, художники и музыканты. В середине XIX века разночинцев стали ассоциировать с известной образованностью; к ним стали относить воспитателей и гувернеров, агрономов, землемеров, управляющих, врачей и прочих профессионалов умственного труда. Образованные разночинцы были выходцами, главным образом, из духовенства, чиновничества, купечества, мелкопоместного и безземельного дворянства, изредка – детьми ремесленников и крестьян. Действовавшая с петровских времен Табель о рангах стимулировала получение образования, поскольку окончание курса высшего учебного заведения давало право на чины 12-го и 10-го класса, а для крестьян и мещан служило выходом из податного сословия.

государственной карьеры, получения личного, а в дальнейшем – потомственного дворянства⁷². *Образованные разночинцы* стали основным материалом для формирования профессионалов умственного труда. Поскольку разночинная интеллигенция представляла собой межклассовую и межсословную социальную прослойку, ей была свойственна *социально-культурная беспочвенность*, то есть оторванность и от великосветской дворянской культуры, и от исконных народных верований и традиций. Вакуум беспочвенности компенсировали *интеллигентские субкультуры*, наиболее известными из которых являются этико-политическая субкультура народничества и этико-просветительная субкультура земских служащих (см. табл. 2.1). Именно в интеллигентских субкультурах вызревали идеи *революции и террора* и воспитывались народовольцы, жаждущие подвига и отвергающие мещанские добродетели⁷³.

Хронологическая канва поколения выглядит следующим образом. Фаза восхода ограничивается концом 40-х – началом 60-х годов, которые одновременно были периодом заката постаревшего пушкинско-гоголевского поколения. Противостояние реформирующегося самодержавия и революционно-демократической интеллигенции стало лейтмотивом фазы расцвета пореформенного поколения (1861–1881). В этот период формируется *интеллигентская идеология и мифология*, отразившаяся в литературе, герои которой снискали репутацию «классических русских интеллигентов». Пореформенные интеллигентские мифы образуют *три серии*: нигилизм, народничество, терроризм. Фазу расцвета поколения *персонифицируют* в 60-е годы Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, в 70-е годы – П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский, с одной стороны, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой – с другой стороны. Апогей практического терроризма – убийство царя-освободителя – стало началом заката поколения (1881–1904). Попытки возродить боевую организацию «Народной воли» не увенчались успехом. Революционная волна пошла на спад, интеллигенты-разночинцы превратились в буржуазных интеллектуалов. Фазу заката *олицетворяют* меланхолический лирик С.Я. Надсон, гениальный визионер Владимир Соловьев и первый русский марксист Георгий Плеханов – *предтечи* следующего, революционного поколения. В 1904 году ушли А.П. Чехов, Н.К. Михайловский, Б.Н. Чичерин, и можно подвести итог жизнедеятельности поколения.

Блестящий «золотой век» дворянской культуры сменился стремительным развитием коммерциализованной массовой культуры и оппозиционных ин-

⁷² Многие разночинцы успешно использовали социальные лифты. Например, отец Ленина И.Н. Ульянов (1831–1886) родился в семье беглого крепостного, который умер, когда его сыну Илье было всего пять лет. И он достиг чина действительного статского советника (то есть штатского генерала), должности директора народных училищ губернии и звания потомственного дворянина.

⁷³ См.: Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора. – М.: РГГУ, 1997. 203 с.

теллигентских субкультур. В нашу задачу не входит комплексное осмысление модернизации российской империи во второй половине XIX века. Нас интересует эволюция книжности и те изменения в культурном пространстве России, которые связаны с формированием библиосферы зрелого индустриального общества. Эти изменения мы оцениваем в качестве *социально-культурных достижений* пореформенного поколения русской интеллигенции. Перечислим некоторые из этих достижений.

Замечательной приметой пореформенного поколения является *интеллигентизация*⁷⁴. Творцами интеллигентизации в равной мере были писатели и публицисты, книгоиздатели и журналисты, библиофилы и читательская масса, связавшие свою жизнь с книгопроизводством и библиотечным социальным институтом. Интеллигентность неразрывно связана с книжностью, поэтому развитие книжности является объективным показателем роста интеллигентности (образованности, креативности, гуманистичности) общества. Развитие книжности можно оценивать с двух сторон: с количественной стороны – в виде динамики книгоиздания, и с качественной стороны – в виде содержания литературоцентризма. Начнем с количественного показателя. Ослабление цензурного гнета (цензурный устав 1865 года освободил от предварительной цензуры периодическую печать) и технический прогресс в полиграфии превратили книгоиздательство и журналистику в привлекательные и доходные области предпринимательства.

Для количественной характеристики воспользуемся словами М.Н. Куфаева, завершающими его великолепное исследование истории русской книги в XIX веке⁷⁵. Сравнивая начало и конец столетия, он называет «поражительными» те контрасты, «которые вырастают перед нами на всех путях русской книжной нивы». Прежде всего «поражает её необыкновенный рост к концу XIX в., рост не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Семьсот восемнадцать книг за 1801–1805 гг. и десять тысяч триста восемнадцать книг в одном 1901 г. и на одном только русском языке, т.е. годовая продукция 1901 г. в 54 раза более продукции 1801 г.». Куфаев не без восторга констатирует, что, несмотря на то, что «книжные склады в провинции под подозрением, комиссиянная продажа и кредит мало развиты, книжных лавок в провинции почти нет, книгоиздательство и книгоношество – подвиг, книга вся в тисках реакции, народ на $\frac{3}{4}$ не знает азбуки», «русская книга неудержимо растет». И если учесть «книгу нелегальную», то ежегодный объем российской книжной продукции в конце XIX века окажется на одном уровне с Германией и в три раза больше, чем в Англии, Франции или США.

⁷⁴ Используется также термин «обинтеллигентивание» (Захаров В. Обинтеллигентивание российского купечества в конце XIX – начале XX века // Интеллигенция России: традиции и новации. Иваново, 1997. С. 88–90), однако более благозвучным кажется «интеллигентизация».

⁷⁵ Куфаев М.Н. История русской книги в XIX веке. – М., 2003. С. 241–244.

Второй контраст, поразивший наблюдательного книговеда, состоит в изменении читательского адреса и социального назначения книжной продукции. В начале века «книга аристократична, содержание её – для немногих, тираж весьма ограничен», в конце века книга становится «преимущественно общедоступной, содержание её приближается к охвату всей жизни страны и излагается языком, понятным массе». «В начале века книга – оазис в пустыне, в конце столетия – обыкновенная вещь в постоянном обиходе, доступная по цене, опрятная и часто занимательная». Однако легальная литература была «подневольной рабой, говорившей часто по приказу, терпимой и порой гонимой», поэтому в середине и конце столетия читатели, «ищущие правды в книге», предпочитали обращаться к полулегальной и нелегальной литературе. С законной гордостью М.Н. Куфаев восклицает: «Книга – свидетельница расцвета русского таланта, выносливости, труда! В начале века она не существует для Запада, в конце его она читается в подлиннике и в переводах во всех концах мира».

Качественная оценка социально-культурной значимости российской книжности XIX века содержится в известном высказывании А.И. Герцена, объясняющем сущность русского литературоцентризма: «У народа, лишенного общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести. Влияние литературы в подобном обществе приобретает размеры, давно утраченные другими странами Европы»⁷⁶. Общеизвестна роль литературы в подготовке общественного мнения к отмене крепостного права, в становлении и развертывании нигилизма, народничества, толстовства, эмансипации женщин, героизации образов самоотверженных боевиков Подпольной России. Униженные и оскорбленные «бедные люди» – интеллигентные разночинцы – сделали главными героями в провозглашенной В.Г. Белинским «натуральной школе» критического реализма в русской литературе. В это время складывается характерная для критического реализма тенденция учительства, проповедничества, обличительства.

Либеральная интеллигенция задавалась вопросом: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» – и приходила к выводу, что народ страдает из-за темноты и невежества. Отсюда – альтруистическая и зачастую самоотверженная готовность к учительской, книгоиздательской, библиотечной деятельности в городе и на селе. Интеллигентская этико-просветительная субкультура – основа и результат этой деятельности (см. табл. 2.1). Памятником народолюбия либеральной интеллигенции явились проекты издания дешевой и доступной книги, адресованной непосредственно народному читателю. В 1861 году в Москве возникло «Общество распространения полезных книг»; в середине

⁷⁶ Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. – М., 1990. С. 416.

70-х годов начал издавать дешевые серии сочинений классиков, учебную и научно-популярную литературу Московский комитет грамотности; в начале 80-х годов к нему присоединился Петербургский комитет грамотности; в 1885 году возникло издательство «Народная библиотека». Наиболее значительный след оставило издательство «Посредник» (1884–1935), созданное по инициативе Л.Н. Толстого. К Толстому присоединились Н.С. Лесков, Д.В. Григорович, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, М. Горький, художники И.Е. Репин, В.И. Суриков, Н.Н. Ге и др. Солидную поддержку оказал «Посреднику» И.Д. Сытин. В отличие от либеральных просветителей, радикально мыслящие нигилисты и народовольцы (этико-политическая субкультура) считали, что сначала нужно свергнуть самодержавие, разоблачить церковный обскурантизм, захватить политическую и духовную власть, и после этого, так сказать, «с позиции силы» начать просвещение темного народа. Они видели путь в светлое будущее через народное восстание, а не через народную школу. Тем не менее они признавали за книгой и библиотекой агитационно-пропагандистское значение.

Книжное и газетно-журнальное дело были главными коммуникационными каналами пореформенной интеллигенции. Вторая половина XIX века – непосредственное продолжение «золотого века» пушкинско-гоголевской эпохи, отмеченное именами писателей-классиков от И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского до Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. В структуре библиосферы литература является тем ядром, вокруг которого вращаются остальные элементы. Социальная значимость и престиж библиосферы непосредственно зависят от масштабов литературного ядра, то есть количества творческих участников литературного процесса. С екатерининских времен число российских писателей, публицистов, переводчиков постоянно увеличивалось и в конце XIX века составляло не менее 3,3 тысячи профессионалов пера – литераторов и ученых-гуманитариев. Конечно, число публикуемых авторов было гораздо больше.

Некоторым мыслителям уже в то время литература представлялась *главной силой* общественного прогресса, которая перестраивает современного человека и преобразует жизнь, то есть творит будущее. М.Е. Салтыков-Щедрин очень точно сформулировал гуманистическую «человекотворческую» миссию литературы: «Литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека. Типы, созданные литературой, всегда идут далее тех, которые имеют ход на рынке, и поэтому-то именно они и кладут известную печать даже на такое общество, которое, по-видимому, находится под гнетом эмпирических тревог и опасений. Под влиянием этих новых типов современный человек незаметно для себя самого получает новые привычки, ассимилирует себе новые взгляды, приобретает новую складку – одним словом, вырабатывает в себе нового человека»⁷⁷.

⁷⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 7. – М., 1937. С. 455.

Вместе с тем история свидетельствует, что материальное положение профессиональных литераторов всегда было неустойчивым. В 1859 году было учреждено благотворительное Общество литературного фонда для помощи нуждающимся писателям и ученым. В 1886 году образовалось Русское литературное общество, при котором через десять лет был открыт Союз взаимопомощи русских писателей (Союз писателей). Союз стал центром либерализма и даже в 1901 году единогласно протестовал против полицейской расправы над демонстрацией студентов на Казанской площади (протест подписали 155 писателей). Министр внутренних дел немедленно закрыл Союз писателей. К слову сказать, полиция весьма пристально следила за лояльностью мастеров художественного слова. В.Г. Короленко в заметке с характерным заглавием «Стереотипное в жизни русского писателя» (1909) вспоминал: «Редкий из нашей братии может, положив руку на сердце, ответить: на каторге не бывал, под судом и следствием не находился, под явным и тайным надзором не состоял. Такая уж преступная профессия. С первым лепетом российской публицистики началась и эта история: уже Новиков и Радищев открыли скорбный мартиролог»⁷⁸.

Особенностью литературного процесса в 1830–1890-х годах была, так сказать, «дирижерская» роль *толстых журналов*. Толстый журнал воспринимался не как собрание новых литературно-художественных и публицистических произведений, а как дозволенный властью канал выражения общественного мнения. Книга (отдельно изданное произведение печати) не играла первостепенной роли, так как подавляющее большинство художественной литературы и публицистики первоначально публиковалось на страницах журналов и газет, и лишь часть их выходила потом отдельными изданиями. Наиболее популярные толстые журналы, такие как «Современник», «Отечественные записки», «Русская мысль», имели 7–10 тысяч подписчиков ежегодно. Часто журналы выписывали в складчину, они интенсивно использовались в публичных библиотеках, где составляли 50–80% книговыдачи. По подсчетам Н.К. Михайловского, в 1877 году «Отечественные записки» при 8 тысячах подписчиков имели примерно 100 тысяч читателей. Вероятно, эти 100 тысяч соответствовали численности российской либерально-демократической интеллигенции того времени.

Журналистика и книгоиздание существовали, разумеется, на коммерческой основе, но их руководители, как правило, отдавали себе отчет в могучей силе печатного слова. Статистика периодических изданий (журналы и газеты), по данным Н.М. Лисовского, имела следующий вид: в 1855 году на русском языке выходило 139 изданий, в 1859 – 220, в 1872 – 378, в 1882 – 554, в 1888 – 637, в 1895 – 841, в 1900 – 1002⁷⁹. При столь значительном росте Россия

⁷⁸ Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. – М., 1988. С. 214.

⁷⁹ Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати. 1703–1900. – Пг, 1915. 1067 с.

отставала в 4–6 раз от европейских стран по числу периодики на душу населения. Книгоиздательская статистика показывает, что в 1855 году на различных языках выходило 1239 названий, в 1860 – 2085, в 1887 – 7366, в 1895 – 11 548 изданий, то есть рост почти в 10 раз за 40 лет. В целом во второй половине XIX века было опубликовано 250 тысяч книг. В конце века насчитывалось около 550 книгоиздательских фирм, владельцев которых, в зависимости от этического и гражданского самоопределения, можно разделить на четыре категории:

1) *Интеллектуалы-коммерсанты* – нейтральные в политическом отношении специалисты-предприниматели, преследующие коммерческие цели и относящиеся к издаваемой литературе как к товару на книжном рынке. К этой категории относятся М.О. Вольф (1825–1883), А.Ф. Маркс (1838–1904), К.Т. Солдатёнков (1818–1901), И.Д. Сыгин (1851–1934). Их вклад в русскую книжность определяется тем, что они в отборе книг для издания и в журналистской деятельности ориентировались на этико-эстетические критерии гуманитарной и научной интеллигенции и отдавали предпочтение классике.

2) *Либеральные интеллигенты-гуманисты*, руководствовавшиеся не коммерческим расчетом, а гуманистическими идеалами и либеральными ценностями. В этой категории выдающейся фигурой был *Флорентий Федорович Павленков* (1839–1900). Его отличали три характерных интеллигентских качества: во-первых, неизбывное благоговение перед книгой и преданность книжному делу; в силу этого качества он издавал сочинения отечественных и зарубежных классиков, лично прочитывал все предлагаемые рукописи, оценивал их качество, читал корректуры, подбирал рисунки и т. д.; во-вторых, непреклонная верность своим убеждениям, которая не раз приводила его к судебным преследованиям, аресту и ссылке; в-третьих, альтруистическое бескорыстие, руководствуясь которым, он часто пренебрегал прибылью. Состояние свое Павленков завещал народным библиотекам и фонду писателей⁸⁰.

3) *Консерваторы-конформисты* представляли консервативно-охранительный лагерь, пользовавшийся моральной, а часто – материальной поддержкой власти. Например, М.Н. Катков (1818–1887) не был государственным служащим, но ухитрился стать, наряду с Победоносцевым, одним из главных советников Александра III. По словам Б.Н. Чичерина, Катков был «журналист, одаренный значительным умом, образованием и талантом, но чуждый всяких нравственных побуждений, имевший в виду только личные цели – достижение власти и влияния». Другим примером придворного консерватора-конформиста, убежденно защищавшего незыблемость царской власти и дворянских привилегий, был князь В.П. Мещерский (1839–1914), который с 1872 года был издателем монархической газеты-журнала «Гражданин»⁸¹.

⁸⁰ История книги \ под ред. А.А. Говорова и Т.Г. Куприяновой. – М., 2001. С. 220–221.

⁸¹ Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX вв.) – СПб, 2003. С. 43–47.

4) *Интеллектуалы-квазигуманисты* концентрировались на радикальном крыле отечественной книжности. С 1855 года в Россию стали поступать из-за рубежа издания Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева: альманах «Полярная звезда» и газета «Колокол», которые пользовались вниманием интеллигенции. В начале 60-х годов в Петербурге кратковременно действовала нелегальная типография общества «Земля и воля», где печатались пропагандистские брошюры и листовки. В 70-е годы подобные типографии появились во многих городах империи. В 1872 году Н.П. Поляков (1843–1905) издал первый том «Капитала» К. Маркса (в переводе Г.А. Лопатина и Н.Ф. Даниельсона), за что был привлечен к суду и вынужден был ликвидировать свое издательство.

Плюрализм, проще говоря, *разногласица* книжно-журнальных изданий свидетельствовали о нестабильности политического строя, существовавшего в пореформенной России. Дореволюционный историк Е.Ф. Шмурло подытожил сложившуюся ситуацию следующим образом: «Три основные силы, от которых зависело направление русской жизни, все её будущее – правительство, интеллигенция и народ, оставались чуждыми одна другой, действовали вразброд, без взаимного понимания и, следовательно, без возможности найти общую дорогу»⁸². «Разброд» основных сил, определяющих будущее страны, является социальным кризисом, угрожающим революционным взрывом. Этот взрыв и пришелся на долю следующего поколения русской интеллигенции, которое мы не случайно назвали «революционным».

Подведем итоги. Главным достижением пореформенного поколения, которое логично назвать «предреволюционным», является формирование «новых людей», не известных в пушкинско-гоголевские времена. В среде разночинной радикальной интеллигенции появился новый *тип личности*. Три источника сформировали этот тип.

Во-первых, *художественная литература и публицистика*. «Учебником жизни» для молодых народников была литература, прежде всего толстые журналы «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки» с радикальными публицистами – от В.Г. Белинского до Н.К. Михайловского, нелегальный «Колокол» А.И. Герцена, романы И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского, И.А. Гончарова, очерки М.Е. Салтыкова-Щедрина, поэзия Н.А. Некрасова, драмы А.Н. Островского. Образовалось целое направление писателей-народников, типичным представителем которого является Г.И. Успенский. Интеллигентская мифология, воплощенная в литературную форму, преследовала в конечном счете *человекотворческую цель* – формирование новой, духовно сильной, просвещенной и альтруистически ориентированной личности, называемой по-разному: нигилист, реалист, критически мыслящая личность, новый человек и пр. П.Л. Лавров отмечал, что «задачи экономики и политики,

⁸² Шмурло Е.Ф. История России. – М., 1997. С. 661.

задачи социологии и научной философии, интересующие на Западе только специалистов этой отрасли мысли, стали ежедневной пищей интеллигентного русского человечества, необходимым содержанием журналов, предназначенных для обычного читателя»⁸³. Земледелец О.В. Аптекман вспоминал, что журнал «Отечественные записки» «почти безраздельно властвовал над умами той эпохи. Целое поколение, поколение 70-х годов, энергичное и боевое, считало “Отечественные записки” почти что своим органом. Журнал читался нарасхват. Между журналом и читателем устанавливаются самые тесные отношения – отношения взаимного понимания общности задач и стремлений»⁸⁴. Напрашивается вывод, что народническая интеллигентская субкультура формировалась в атмосфере книжности, и народническую интеллигенцию можно отнести к непрофессиональной библиотечной интеллигенции.

Второй источник – *кружковое общение*. Общение в кружках имело для разночинной культуры такое же значение, как общение в салонах для дворянской культуры золотого века. Именно в кружковых спорах вызревали экстремистские затеи, а затем – революционные идеологии. Вспомним кружки Н.А. Ишутина и И.А. Худякова в середине 60-х, просветительно-пропагандистские кружки «чайковцев» и «долгушенцев» в начале 70-х, которые влились в конспиративную организацию «Земля и воля». Нелегальные кружки и подпольные организации порывали с интеллигентским гуманизмом и становились школой воспитания профессиональных революционеров-интеллектуалов (полуинтеллектуалов).

Третий источник – *реальная жизнь*, прежде всего столкновения с полицейскими структурами самодержавной власти. Эти столкновения влекли за собой эскалацию насилия в российском обществе по ветхозаветному принципу «око за око, зуб за зуб». В результате – катастрофическое падение нравственности: обесценилась человеческая жизнь, ложь, предательство, провокации стали обыденным явлением. Как вспоминал В.Г. Короленко: «Можно сказать, что для целого ряда поколений русской интеллигенции самые яркие воспоминания юности связываются непременно с мотивами такого рода: обыск, арест, ссылка... Молодые мечты о переустройстве общества и ... каземат»⁸⁵.

«Человекотворческий процесс» формирования радикальной русской интеллигенции потребовал продолжительного времени; этапы этого процесса хорошо согласуются с периодами развития интеллигентской ментальности и могут быть представлены в виде следующей последовательности:

60-е годы – смысл жизни – *личное освобождение*, открытие в себе индивидуальной личности, свободной от архаичных предрассудков и пережитков – этап нигилизма;

⁸³ Лавров П.Л. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М., 1965. С. 668–669.

⁸⁴ Цит. по: Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту. – М., 1991. С. 44.

⁸⁵ Короленко В.Г. И.А. Гончаров и «молодое поколение» // Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. – М., 1988. С. 269.

70-е годы – смысл жизни – *духовное освобождение народа* путем просвещения и пропаганды – этап раннего романтического народничества;

80-е годы – смысл жизни – борьба за освобождение народа *всеми средствами*, как мирно-просветительными, так и вооруженной рукой – этап зрелого народничества;

90-е годы – *раскол* интеллигенции на социально-культурных работников (этико-просветительная субкультура) и революционеров-подпольщиков (этико-политическая субкультура), по-разному понимающих смысложизненные ценности.

Идея освобождения народа могла возникнуть только в сознании свободной личности, которая от забот о «внутреннем самоустройении» переходит к заботам об усовершенствовании общества. Если вызывающая демонстрация молодым нигилистом личностной свободы встречала насмешки консервативных «отцов», то попытки усовершенствовать общественное устройство приводили к столкновениям с жестокой государственной властью, которые заканчивались вовсе не в пользу романтической личности. Таким образом складывалась та кризисная ситуация «разброда» основных сил, определяющих будущее страны, которая привела к революционному взрыву и гражданской войне. Однако революционному взрыву предшествовал Серебряный век русской культуры – памятная веха в истории отечественной книжности.

ИК-3. Революционное поколение. У каждого поколения русской интеллигенции есть своя революция, свой «великий перелом», своя историческая веха, знаменующая переход от фазы восхода к фазе расцвета или от фазы расцвета к фазе заката. Для пушкинско-гоголевского поколения (ИК-1) такой вехой было восстание декабристов, для пореформенного поколения (ИК-2) – александровские реформы. Героическое советское поколение было потрясено разоблачением культа Сталина; звездным часом интеллигентов-шестидесятников стала горбачевская перестройка, которая одновременно обернулась культурной травмой для молодых восьмидесятников. Но поколению интеллигенции, родившемуся во второй половине 60-х, в 70-х – 80-х годах XIX века, пришлось испытать не одну революцию, а несколько. Модернизм Серебряного века явился этико-эстетической революцией, индустриализацию материального производства можно считать промышленной революцией, наконец, несмыслимой кровавой отметиной легли на поколение три социально-политических переворота – 1905, февраль 1917, октябрь 1917. Поэтому поколение, вышедшее на историческую арену в 90-е годы и господствовавшее в духовной жизни страны до сталинского «великого перелома» конца 20-х годов XX века, нельзя назвать иначе, как *революционным*.

Революционное поколение интеллигенции явилось не просто свидетелем, а главным действующим лицом не только коренного переворота русской жизни, но и потрясений всемирно-исторического масштаба. Такой интенсивности истории, такого стремительного бега исторического времени не знали преды-

дущие поколения. Одну – православно-самодержавную, нехотя модернизирующуюся – цивилизацию, сменила другая – социалистическая, искусственно конструируемая – цивилизация. Эта смена происходила не на театральных подмостках, а в умах и душах интеллигентов и интеллектуалов этого рокового, революционного поколения. Бурная биография революционного поколения делится на четыре периода: Серебряный век – обильный урожай трагических талантов; революции и гражданская война – самоубийственный раскол интеллигенции; 20-е годы – торжество большевистского квазигуманизма; 30-е годы – насильственная гибель утопистов в железных объятиях тоталитаризма. История библиотечной интеллигенции теснейшим образом связана с первым и третьим периодами, на которых мы сосредоточим свое внимание. Хронологические фазы жизненного цикла поколения установлены, исходя из следующих соображений.

Десятилетие восхода (1894–1904) предопределено не столько сменой царствующих особ (вступление на престол молодого Николая II породило иллюзорные либеральные надежды, которые он быстро рассеял), сколько распространением в обществе романтического «чувства чрезвычайности», о котором С.А. Венгеров написал: «С середины 1890-х годов все определенно сознавали, что начинается нечто совсем новое, небывалое в русской жизни»⁸⁶. Романтические устремления вызвали революционные преобразования в этико-эстетическом мировоззрении культурной элиты. Критический реализм, господствовавший с пушкинско-гоголевского времени, начал вытесняться другим эстетическим стилем, получившим название *модерн* и распространившимся в литературе, музыке, архитектуре, театре, изобразительном искусстве, включая искусство книги. Трубадурами новых веяний в середине 90-х выступили Д. Мережковский, В. Брюсов, другие «старшие символисты» и молодые «мирискусники», вскоре ставшие признанными мэтрами. На стыке веков пробудился интерес к мистике, идеализму, религии, которыми прежняя интеллигенция пренебрегала. Возродилась активная революционная деятельность социал-демократов и эсеров-террористов. В 1903 году образовалась ленинская «партия нового типа» – партия большевиков, детище субкультурной квазиинтеллигенции. Завершает фазу восхода 1904 год – прелюдия первой русской революции, ставшей первым испытанием зрелости революционного поколения.

Расцвет поколения ограничивают две временные вехи: 1905 и 1922. Годы первой русской революции – 1905–1907 были апогеем популярности бесстрашных террористов. Затем пришла послереволюционная пессимистическая эпоха разочарования в прежних героях, которую сами современники называли *безвременьем*. Место героической революционной мифологии заняли эсхатологические декадентские мифы. Окончательным приговором герою-

⁸⁶ Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова: В 2 т. Т. 1. – М., 2000. С. 34.

убийце стала повесть В. Ропшина «Конь бледный», опубликованная в № 1 журнала «Русская мысль» за 1909 год. Повесть обладала особой убедительностью, потому что за псевдонимом В. Ропшин читатели распознавали не профессионального беллетриста, а человека с внелитературной биографией, хорошо знающего субкультуру подпольной России. Так оно и было. Автор повести – один из руководителей Боевой организации эсеров Б.В. Савинков (1879–1925).

Вместо самоотверженного рыцаря Добра и Справедливости на пьедестал был возведен презирающий политику индивидуалист-эгоист, живущий ради собственного наслаждения. Образ нового героя обнаружился в романе М. Арцыбашева «Санин», опубликованном в 1907 году и ставшим бестселлером в 1909–1910 гг. «Я живу и хочу, чтобы жизнь для меня не была мучением... Для этого надо, прежде всего, удовлетворять свои естественные желания», – эти слова Санина прозвучали как божественное откровение для дезориентированной толпы. Санину стали подражать так же, как подражали героям Подпольной России. Нетрудно понять, что Санин – классический *интеллектуал-циник*.

Затем дионисийско-аполлоническое празднество Серебряного века обобразовали безумная мировая война, две революции в один год, гражданская война, разруха, белый и красный террор, эмиграция. Осенью 1922 года на пароходах «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен» отправились в изгнание более 60 русских мыслителей, политических деятелей, ученых, инженеров, писателей, кооператоров – героев Серебряного века. Массовая депортация инакомыслящей интеллигенции была тщательно спланированной руководством компартии идеологической акцией, означавшей конец революционного свободомыслия⁸⁷. «Закат печальный» революционного поколения связан с торжеством большевизма, варварским разрушением культурного наследия Серебряного века и становлением сталинского тоталитаризма. 1938 год – год последнего, бухаринско-рыковского, процесса, означавшего уход из жизни последних большевиков-квазигуманистов. В эмиграции сохранились некоторые отсветы Серебряного века вплоть до 50-х годов (Русское зарубежье).

Авторство эпитета «Серебряный век» применительно к социально-культурной эпохе конца XIX – начала XX века в дореволюционной России еще недавно приписывалось Н.А. Бердяеву, хотя сам он в своих публикациях предпочитал говорить о «русском духовно-культурном ренессансе», или А.А. Ахматовой, написавшей в «Поэме без героя»:

И серебряный месяц ярко
Над Серебряным веком стыл.

⁸⁷ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923. – М.: Русский путь, 2005. 544 с.

Ныне приоритет отдается либо Николаю Оцупу, либо Иванову-Разумнику⁸⁸. Можно предположить, что для выпускников классических гимназий была действительна ассоциация «золотой век» – «серебряный век» Римской империи. Золотым веком считался период от императора Августа до императора Домициана, когда творили Вергилий, Гораций, Овидий, историк Ливий и архитектор Витрувий. Затем наступил серебряный век, связанный с именами сагирика Ювенала, лирика Стация, историка Тацита, архитектора Аполлодора, творческий гений которых, по мнению потомков, уступал гениальности их предшественников. Творческая элита начала XX века, называя свое время «серебряным», подчеркивала свою преемственность с «золотом» Пушкина и Грибоедова и вместе с тем своеобразие. Античный образ получал актуальное значение.

В 1962 году в Мюнхене вышла книга С.К. Маковского «На Парнасе Серебряного века»⁸⁹, придавшая термину культурно-исторический статус. С 1990-х годов хроним «Серебряный век» получил широкое распространение в отечественной культурологии, философии, искусствознании, литературоведении. Однако сущность феномена Серебряного века осмысливалась по-разному, и даже продолжительность его остается неопределенной. Есть и скептики, утверждающие, что Серебряный век – «бессодержательный термин, по ошибке возникший (отечественного модернизма он никак не объясняет) и по недоразумению сохранившийся за русской культурой конца XIX – начала XX в.»⁹⁰ Доводы скептиков убедительными не кажутся.

Сущность феномена Серебряного века двоякая: с *культурологической* позиции он видится как особый период (этап) в истории русской культуры, с *социологической* позиции Серебряный век – это время расцвета очередного поколения русской интеллигенции, пришедшего на смену пореформенному поколению. Гуманитарная элита поколения (символисты, прежде всего) определила неповторимый облик Серебряного века, его *панэстетизм* – «представление об эстетическом как о глубинной сущности мира, как о его высшей ценности и наиболее активной преобразующей силе бытия»⁹¹. Панэстетизм отдает приоритет чистой Красоте по сравнению с этическими ценностями (Добро, Справедливость) и рационалистическими ценностями (Истина, Разум).

Есть одна только вечная заповедь – жить
В красоте, в красоте, несмотря ни на что (Д. Мережковский).

⁸⁸ Тух Б.И. Путеводитель по Серебряному веку. – М., 2005. – С. 4.

⁸⁹ Сейчас эта книга воспоминаний стала доступна отечественному читателю: Маковский С.К. Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи. – М.: Аграф, 2000. 768 с.

⁹⁰ Мильдон В.И. Русский Ренессанс, или Фальшь «Серебряного века» // Вопросы философии. – 2005. № 1. С. 46.

⁹¹ Минц З.Г. Блок и русский символизм // Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга 1. – М., 1980. С. 100.

Отсюда следует, что искусство выше действительности, потому что в нем ярче выражено эстетическое начало. Постичь сущность мира невозможно средствами позитивной науки, это можно сделать лишь путем познания идей-образов, прекрасных символов, намекающих на строение мирового универсума. Художественное познание мира неразрывно связано с творческим его преобразованием по заповедям и при помощи искусства. Панэстетизм предусматривает отказ от идей «служения народу» и «просветительской миссии»; вместо «народопоклонства» – служение вечным идеалам красоты и гармонии. Служение «вечным идеалам» ведет к «богоискательству», «богостроительству», формированию «нового религиозного сознания», иногда – к сектантству и оккультизму, вписавшимся в *религиозно-философский ренессанс* Серебряного века. Богоискательство по сути своей представляет собой поиск такой сверхъестественной силы, в которую мог бы поверить интеллигентный человек. Поскольку служение идеалам красоты есть свободное индивидуальное творчество, торжествует *индивидуализм*, культ свободы мысли и действия, осуждение коллективизма и догматизма. Не случайно Ф. Ницше был «властителем дум» культурной элиты начала века⁹². Безнадежное стремление к недостижимой трансцендентности, непримиримость прекрасного и безобразного, божественного и дьявольского в личной и общественной жизни порождали *пессимизм*, апокалиптические настроения, ощущение катастрофичности времени, обреченности на гибель творческого индивида и созданной им культуры.

Бесследно всё сгинет, быть может,
 Что ведомо было одним нам;
 Но вас, кто меня уничтожит,
 Встречаю приветственным гимном! (В. Брюсов)

Серебряный век – явление мистически-загадочное в истории российской интеллигенции. Невозможно рационально объяснить исключительный *взлет духовной энергии, пассионарности* в России рубежа XIX–XX вв. По словам исследователя феномена таланта в русской культуре В.Ф. Овчинникова, «Серебряный век – сияние России во всех областях творческой деятельности, пик в эволюции генерации таланта и гениальности в русской культуре. (И кто знает, повторится ли он хотя бы в отдаленной от нас исторической перспективе)»⁹³. Н.А. Бердяев вспоминал: «Только жившие в то время знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое влияние духа охватило русские

⁹² В. Брюсов неплохо раскрыл эту особенность панэстетического мировоззрения:

Неколебимой истине	Хочу, чтоб всюду плавала
Не верю я давно,	Свободная ладья,
И все моря и пристани	И Господа, и дьявола
Исследую равно.	Хочу прославить я.

⁹³ Овчинников В.Ф. Феномен таланта в русской культуре. – Калининград, 1999. С. 260.

души... Много дарований было дано русским людям начала века»⁹⁴. По расчетам В.Ф. Овчинникова, в науке, искусстве, техническом творчестве революционное поколение дало в три раза больше «творческих имен», чем пушкинско-гоголевское, и в два раза больше, чем пореформенное (с. 267). Эти «творческие имена» образовали интеллектуальную элиту революционного поколения, о которой А. Блок сказал:

Мы любим всё – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.

Обобщая перечисленные особенности, сформулируем следующее определение: ***Серебряный век*** – русское культурно-историческое понятие, отражающее духовный расцвет гуманитарной модернистской интеллигенции в период 90-х – 1917 годов⁹⁵. Серебряного века не было в экономике, политике, естественных науках. Он был только в художественно-литературно-философской сфере, где носил революционный характер. Поскольку книжность неразрывно связана с этой гуманитарной сферой, Серебряный век повлиял на менталитет библиотечной интеллигенции, эволюция которого нас интересует.

Для начала попытаемся оценить масштабы библиотечной системы начала XX века. В качестве учредителей бесплатных народных библиотек и читален выступали демократически настроенные земства и городские думы, благотворительные попечительства о народной трезвости, общества грамотности, самообразования и трезвости, кооперативы, духовное ведомство, монархические и черносотенные организации, частные лица, преследовавшие порой коммерческие интересы. Во многих городах большевистские комитеты образовывали нелегальные и полуполигальные партийные библиотеки. Часто общедоступные библиотеки создавались при сельских школах. Фонды народных библиотек редко превышали 1000 названий, финансировались они скудно, ютились в случайных помещениях, более половины читателей были дети и подростки. В роли библиотекарей чаще всего выступали учителя и учительницы, иногда священнослужители, порой невежественные и случайные люди. Не приходится говорить о существовании профессиональной библиотечной интеллигенции в библиотеках этого рода. Точное количество народных биб-

⁹⁴ Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. – 1990. – № 2. С. 135 – 136.

⁹⁵ Указывается дата 1917 год, чтобы подчеркнуть, что в Советской России началась другая, вовсе не «серебряная» культурно-историческая эпоха. Культурное наследие Серебряного века, конечно, сохранилось не только в виде публикаций и произведений искусства, но и в живой памяти современников вплоть до середины прошлого века. Но это были тени и отголоски прекрасного прошлого, а не живое его продолжение. Так же воспоминания о скончавшемся человеке не есть продолжение его биографии.

лиотек и читален не известно, но, по оценкам библиотекосведов, в 1915–1917 годах оно составляло 20–30 тысяч. В начальных и средних школах Министерства народного просвещения насчитывалось более 100 тысяч библиотек, где часто вообще не было штатного работника. В империи существовало около 120 вузов и университетов, некоторые из них располагали библиотеками, имевшими до 5 сотрудников. Нужно учитывать также 33,5 тысячи церковных библиотек и несколько десятков тысяч военных, научных, специальных и прочих библиотечных учреждений, где постоянные работники были редкостью.

Профессиональные библиотечные кадры обнаруживаются в земских и городских общественных (публичных) библиотеках, открывавшихся в губернских и уездных городах. Количество этих библиотек в 1900-е годы оценивается в 500 учреждений. Фонды губернских библиотек колебались в пределах 25–180 тысяч томов; число читателей не превышало 9 тысяч человек, с которых взysкивалась небольшая (в пределах 1 рубля в год) плата за пользование библиотечными книгами. Относительно крупные библиотечные коллективы – несколько десятков штатных библиотекарей – трудились в национальных книгохранилищах: Императорской Публичной библиотеке, Библиотеке Академии наук и Библиотеке Румянцевского музея. В общей сложности, по словам К.И. Абрамова, «мы можем считать, что в дореволюционной России имелось более 200 тысяч библиотек самых различных типов и видов»⁹⁶. В этих библиотеках были заняты около 1500 постоянных сотрудников, из которых, в лучшем случае, 200 имели университетские дипломы или аттестаты Бестужевских или иных курсов.

Наиболее крупной библиотекой оставалась Публичная библиотека в Петербурге, фонд которой в 1913 году составлял более 3 млн томов, число читателей – 28 тысяч. Библиотека Румянцевского музея в Москве в это же время располагала фондом 1,2 млн книг и насчитывала 13 600 читателей. Библиотека Академии наук имела фонд около 600 тысяч единиц хранения, а библиотеки университетов и вузов – 460–260 тысяч. Причем все они страдали из-за ограниченности средств на комплектование, недостатка рабочих площадей и дефицита библиотечных кадров. Тем не менее именно в научных библиотеках концентрировалась преобладающая часть профессиональной библиотечной интеллигенции, там вырабатывалось этическое и гражданское самоопределение, соответствующее революционному поколению XX века.

Показательным в этом отношении был коллектив петербургской Публичной библиотеки, штат которой в 1914 году составлял 44 единицы, включая вспомогательные службы (хозяйственную часть, канцелярию). Кроме того, в библиотеке числилось 60 человек внештатных «вольнотруidящихся». Руководство Библиотеки составляли признанные ученые пореформенного поколе-

⁹⁶ Абрамов К.И. История библиотечного дела в России: учебно-методическое пособие. – М., 2000. С. 104.

ния, которые по гражданскому самоопределению тяготели либо к либерально-оппозиционным взглядам – например, заведующий отделением «Россика» А.И. Браудо (1864–1924), либо к консервативно-монархическому лагерю, например, помощник директора Н.П. Лихачев (1862–1936), историк, археограф, библиограф, коллекционер, в советские времена избранный академиком Академии наук СССР, а в 1931 году репрессированный по так называемому академическому делу. В 1900-х годах сотрудниками Публички стали молодые представители культурной элиты Серебряного века: Д.В. Философов (1872–1940) – критик, публицист, один из редакторов журнала «Мир искусства», близкий друг З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского; А.В. Карташев (1875–1960) – религиозный мыслитель и историк церкви, будущий министр Временного правительства; Г.П. Федотов (1886–1951) – историк православия, философ культуры, публицист; А.А. Мейер (1874–1939) – философ, религиозный и общественный деятель; М.Л. Лозинский (1886–1955) – поэт и переводчик, организатор символистских изданий в 1910-е годы; Н.П. Анциферов (1889–1958) – историк, филолог, краевед. Показательно, что буквально все названные светочи Серебряного века стали непримиримыми противниками большевиков и либо эмигрировали, либо были репрессированы.

В начале XX столетия Публичная библиотека оставалась единственной в городе государственной бесплатной библиотекой, открытой для всех ищущих знания. Социальный состав читательской аудитории отличался демократической пестротой. Рядом с солидными чиновниками усердно читали учителя и врачи, лица свободных профессий и даже пролетарии (токари, слесари и др.). Не было ни одного профессора или академика того времени, который не состоял бы в числе читателей Публички; около $\frac{3}{4}$ студентов постоянно занимались в её читальных залах. Если в 60-е годы появление стриженных женщин в Публичной библиотеке было предметом газетной сенсации, то к 1908 году женщины составляли до 28% общего числа читателей, а в 1917 году – 30%.

С профессиональной гордостью можно констатировать удивительный культурно-исторический факт: в начале XX века национальное книгохранилище оказалось в центре научной, культурной и даже политической жизни столицы. Ничего подобного никогда не случалось ни до, ни после Серебряного века. Вспомним, что первый митинг протеста против расстрела рабочих 9 января 1905 года на Дворцовой площади произошел в читальном зале Публичной библиотеки. Не случайно в художественно-документальной эпопее «Красное колесо» А.И. Солженицын делает действующими лицами библиотекаршей Публички и вплетает в повествование реальные события, происходившие в её стенах⁹⁷. Престиж Библиотеки как «общенародного университета», «умственной лаборатории», «культурной среды обитания», «гордости России»

⁹⁷ Грин Ц.И., Третьяк А.М. Публичная библиотека глазами современников (1795–1917). Хрестоматия. – СПб, 1998. С. 524.

особенно отчетливо проявился в январе 1914 года, когда было торжественно отмечено столетие её открытия для читателей. Библиотека привлекла всеобщее внимание, ей было посвящено более сотни публикаций в столичных и провинциальных газетах и журналах. Юбилейные славословия так или иначе подтолкнули библиотечную интеллигенцию к интенсификации размышлений о сущности Книги и Библиотеки – размышлений, надо заметить, в высшей степени типичных для Серебряного века.

Серебряный век – *время формирования профессионального библиотечного сознания*. Профессиональное сознание отражает принятое профессиональной социальной группой понимание своей социальной миссии, то есть социальных функций и обусловленного ими социального статуса (престижа). Выработка профессионального группового сознания, как и общественного сознания в целом, – важная задача интеллигенции. Формирование профессионального библиотечного сознания в начале XX века показывает, что библиотечная интеллигенция достигла уровня социальной зрелости. Об этом свидетельствует *демократизация* профессионального сообщества: образование библиотечных обществ и созыв Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу.

В 1908 году в Петербурге на базе секции библиотековедения Русского библиологического общества было образовано самостоятельное *Общество библиотековедения*. Оно ставило перед собой задачу консолидации библиотечной интеллигенции, которая формулировалась как «содействие сближению библиотекарей и любителей библиотечного дела». В обществе сотрудничали все ведущие библиотековеды того времени, библиофилы, книгоиздатели, практические работники научных и специальных, публичных и народных библиотек. В активе Общества – составление публичных заявлений о нуждах библиотечного дела, проведение регулярных собраний, на которых обсуждались актуальные проблемы теории и практики, подготовки кадров и пр., сообщения о которых публиковались журналом «Библиотекарь», издававшимся Обществом в 1910–1915 гг. Все это способствовало развитию профессионального самосознания. Особенно большое значение имел *Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу*, проведенный по инициативе Общества библиотековедения 1–7 июня 1911 года в Петербурге.

Съезд был очень представительный: в его работе участвовали 346 делегатов из разных городов империи, которые представляли интересы библиотек всех типов и видов. Были организованы секции государственных публичных, академических, специальных библиотек и общественных и народных с подсекцией детских библиотек. Несмотря на прогрессивные тенденции последних лет, съезд был настроен весьма критически и охарактеризовал положение «народно-библиотечного дела» в целом как «печальное и хаотическое». Констатировалось «бесправие библиотек народных и общественных, неудовлетворительная материальная и финансовая база государственных библиотек, разобщенность библиотечных работников. В качестве «профессионального манифеста российских библиотекарей» (И.В. Лукашов) прозвучал на съезде

де доклад А.Р. Войнич-Сяноженцкого «Библиотечное дело как особая самостоятельная специальность и библиотекари как обособленная группа в ряду других специалистов». Демократический пафос присутствовал в докладах К.И. Рубинского «Положение библиотечного дела в России и в других государствах», Н.А. Малиновского «Насущные нужды народно-библиотечного дела и меры их удовлетворения», С.О. Серополко «Принцип общественности в народно-библиотечном деле», В.В. Южакова «Библиотеки и народная образованность» и др. Проявляя озабоченность профессионально-образовательным уровнем практических работников, съезд высказался за организацию специальных курсов библиотековедения и библиографии для лиц, имеющих высшее или среднее образование. Рекомендовалось допускать к заведованию научными библиотеками исключительно специалистов с высшим образованием и ввести конкурсное замещение библиотечных должностей. Эти рекомендации означали стремление к повышению интеллектуального уровня профессии.

Либерально-демократически настроенный съезд предложил широкую и хорошо продуманную программу реформирования управления библиотечной системой, выступил против «внешних стеснений развития библиотечного дела», творимых цензурным ведомством и властями на местах. Вместе с тем в духе гуманистической толерантности подчеркивалось, что общественные библиотеки «должны быть чужды какой-либо политической, национальной или религиозной тенденции», что они должны знакомить читателей «с различными течениями научной мысли» и религиозными верованиями «различных времен и народов». Таким образом, большевистский принцип партийности, провозглашенный В.И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература» (1905), решительно отвергался. Общество прекратило свою деятельность в 1920 г.

Экстенсивное развитие российских библиотечных сетей (200 тысяч библиотек – очень солидная цифра для страны, $\frac{3}{4}$ населения которой неграмотны) и заметная интеллигентизация библиотечной профессии были необходимыми предпосылками для формирования в культурном пространстве Серебряного века полноценного библиотечного социального института. В XIX веке институционализация библиотечного дела не была реализована, потому что отсутствовал механизм воспроизводства профессии – не обеспечивалась подготовка профессиональных кадров. В связи с этим Всероссийский библиотечный съезд в одной из своих резолюций записал: «Признавая, что необходимым условием правильного развития общественно-библиотечного дела является наличность специально подготовленного библиотечного персонала, и констатируя почти полное отсутствие такого персонала в настоящее время, Съезд считает необходимым, чтобы органы местного самоуправления безотлагательно приняли серьезные меры для устранения этого важного дефекта»⁹⁸. Однако

⁹⁸ Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу 1–7 июня 1911 г.: Избранные материалы. – СПб: Изд-во РНБ, 2011. С. 179.

решение Съезда осталось бы благим пожеланием, если бы не самоотверженная организационно-педагогическая деятельность Л.Б. Хавкиной – энтузиаста и основателя регулярной библиотечной школы в нашей стране. Можно считать Хавкину персонификацией профессиональной библиотечной интеллигенции Серебряного века.

Любовь Борисовна Хавкина (1871–1949) родилась в Харькове, в образованной и состоятельной семье. Окончив гимназию с золотой медалью, она три года преподавала в воскресной школе, в 1890 поступила в Харьковскую общественную библиотеку. Там по её инициативе были впервые в нашей стране открыты нотно-музыкальный отдел, отдел библиотекovedения и библиотечный музей. В 1898–1901 годах – учеба на филологическом факультете Берлинского университета. В возрасте 33 лет Любовь Борисовна поняла, что её призвание – библиотечная школа. В 1904 году она обнародовала свой первый проект библиотечного образования, в 1911 году убедила Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу в необходимости профессиональной подготовки библиотекарей и получила его поддержку. Но реализовать свои педагогические замыслы она смогла лишь в 1913 году, когда ей удалось добиться открытия библиотечных курсов при Народном университете имени А.Л. Шанявского в Москве. Профессионализм и энтузиазм Л.Б. Хавкиной быстро сделали курсы популярными: за пять лет их окончили свыше 1000 человек.

Библиотечному образованию в России повезло: у его истоков оказался педагогически одаренный интеллигент, жизненным стилем которого стало непрерывное образование. Можно сказать, что Хавкина всю жизнь училась библиотечному делу и всю жизнь учила библиотекарей. В 1914 году она выезжала в США, чтобы познакомиться с последними достижениями мирового библиотекovedения и рассказать американцам о российских библиотеках. Затем последовали другие весьма познавательные и успешные поездки в европейские страны и в Америку. Хавкина получила признание зарубежных коллег как полномочный представитель России. Т.Ф. Каратыгина сформулировала точно: «Это был поистине библиотеквед мирового масштаба, знающий цену себе и другим, прекрасно профессионально образованный, владеющий языками, европейски воспитанный»⁹⁹.

Л.Б. Хавкина стремилась организовать курсы по образцам лучших американских библиотечных школ. Большое внимание уделялось учебно-методическому обеспечению. Центральное место среди учебных пособий и материалов, выдаваемых слушателям, занимала книга Хавкиной «Руководство для небольших и средних библиотек», выдержавшая за 1911–1930 гг. шесть изданий. В этой книге, как и в других произведениях того времени («Библиотеки, их организация и техника», «Книга и библиотека»), раскрывается лите-

⁹⁹ Каратыгина Т.Ф. Чтоб не распалась связь времен... (к 75-летию МГУКИ). – М., 2005. С. 19.

ратурное дарование автора, логичность и ясность изложения библиотечных технологий.

Хорошо зная опыт американских библиотечных ассоциаций, Л.Б. Хавкина стала инициатором создания в 1916 году *Русского библиотечного общества*. Цель общества заключалась в «содействии развитию библиотечного дела и улучшении быта и условий труда библиотекарей в России». Личный вклад Любови Борисовны в «содействие развитию библиотечного дела» заключался не только в педагогической деятельности, но и в подготовке практических руководств, получивших широкое распространение. Одно из них – «Авторские таблицы Кеттера в переработке для русских библиотек», впервые опубликованное в 1916 году, в 1992 году вышло 29-м изданием под заглавием «Таблица авторских знаков двоичных: Практическое пособие для библиотекарей». Общество, объединившее авторитетных московских библиотековедов, просуществовало до 1921 года. Довольно успешное его функционирование в сложнейших условиях революций, гражданской войны, военного коммунизма – еще одно свидетельство жизнеспособности библиотечной демократии и несомненная заслуга бессменного председателя его правления Л.Б. Хавкиной.

После Октябрьской революции Л.Б. Хавкина наладила деловые контакты с новой властью (в 1918 году Наркомпрос даже принял решение субсидировать библиотечные курсы). В 1920 году Университет имени Шаняевского был реорганизован, но библиотечные курсы во главе с Хавкиной неизменно сохранялись, хотя включались в структуры различных учреждений. В 1924 году в составе Румянцевской библиотеки был создан Научно-исследовательский институт библиотековедения, при котором функционировали Высшие библиотечные курсы, музей и специальная библиотека. Руководила Институтом, естественно, Хавкина, которая пользовалась всеобщим признанием как лидер отечественной библиотечной науки и образования. Она активно участвовала в работе различных государственных и общественных библиотечных организаций в нашей стране и состояла членом многих зарубежных ассоциаций. Её энергия казалась неисчерпаемой, но в 1928 году в возрасте 57 лет неожиданно для многих Любовь Борисовна уходит на пенсию, ссылаясь на «подорванное чрезмерной перегрузкой здоровье». Своевременный «уход в тень» спас её от сталинских репрессий, но не спас от обвинений в «буржуазном объективизме», в аполитичности и безыдейности, которые преследовали её долгие годы. Для этих обвинений имелись основания.

По своему гражданскому самоопределению Л.Б. Хавкина была либералом, по профессиональным взглядам относилась к либерально-аристократическому крылу, считавшему общественной миссией библиотек и библиографии распространение общечеловеческих ценностей, а не обслуживание партийно-государственной политики. «Библиотекарь может быть партийным; библиотека же беспартийна» – этот тезис, сформулированный Л.Б. Хавкиной, является квинтэссенцией библиотечного либерализма. В профессионально-этическом

отношении тезис о беспартийности библиотек означает их максимальную толерантность по отношению к комплектованию фондов и обслуживанию читателей. В соответствии с формулой интеллигентности Хавкина является классическим библиотечным *интеллигентом-гуманистом* (эрудированность + креативность + альтруизм + толерантность + благоговение перед Книгой)¹⁰⁰. В интеллигентной среде революционного поколения ей уготовано место среди аристократов духа, творческой элиты Серебряного века.

В истории библиотечной интеллигенции Серебряный век – увлекательная и драматическая глава, как и в истории русской интеллигенции в целом. Демонически прекрасный облик Серебряного века запечатлели живопись и графика, музыка и архитектура, но главным хранителем культурного наследия, так сказать, «присяжным поверенным эпохи», несомненно, была и остается книжность. Невозможно представить Серебряный век без книжных шедевров братьев Гранат и братьев Сабашниковых, без мечтаний А.Д. Торопова и С.А. Венгерова о репертуаре русской книги, без титанического библиопсихологического подвижничества Н.А. Рубакина, без страстного правдолюбия К.Н. Дерунова, без педагогического энтузиазма Л.Б. Хавкиной. Русская библиография Серебряного века старательно и подробно описана в монографии М.В. Машковой¹⁰¹, но история библиосферы революционного поколения в целом ожидает своих летописцев и поэтов из числа интеллигентов-книжников постиндустриальной цивилизации.

3.3. БИБЛИОСФЕРА В ЖЕЛЕЗНЫХ ОБЪЯТИЯХ ТОТАЛИТАРИЗМА

Рассмотренные нами культурно-исторические эпохи рукописной, мануфактурной, индустриальной книжности обладают, конечно, национальной российской спецификой, но они обнаруживаются у всех промышленно развитых государств и представляют собой типичные стадии всемирного эволюционного процесса. Например, повсеместно были периоды книгопечатания и

¹⁰⁰ В годы Великой Отечественной войны Л.Б. Хавкина посвятила себя созданию монографии «Сводные каталоги: история – теория – практика», которая была опубликована в 1943 году. Чтобы выполнить эту работу, она изучила сводные каталоги в 14 государствах Европы и Америки и 68 сводных каталогов в крупнейших отечественных библиотеках. Актуальность этого труда обуславливалась тем, что его можно было использовать для восстановления библиотек в районах, освобожденных от фашистских захватчиков. Один экземпляр этого произведения Л.Б. Хавкина в апреле 1943 года направила в дар И.В. Сталину. В 1945 году её наградили орденом «Знак почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», ей было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, за труд о сводных каталогах она получила докторскую степень без защиты диссертации.

¹⁰¹ Машкова М.В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1817 года). – М.: Книга, 1969. 492 с.

просвещения, индустриализации и модернизации, электрификации и информатизации, которые аналогично воздействовали на библиосферу (издательства, книжную торговлю, библиотеки, библиографию), способствуя или, напротив, замедляя их развитие. Но на долю российской библиосферы достался опыт, которого другие страны не испытали: опыт продолжительного пребывания, так сказать, «в железных объятиях тоталитаризма». Что скрывается за этой противоречивой метафорой?

3.3.1. Основы тоталитаризма. *Тоталитаризм* – это форма авторитарного (диктаторского) политического режима в социально-культурном пространстве XX века. Понятие «тоталитарное государство (*stato totalitario*)» ввели в оборот в 30-е годы итальянские фашисты в качестве антитезы «либерального государства». В противоположность либерализму, отстаивающему свободу личности, тоталитаризм утверждает тотальное (полное, безраздельное) подчинение личности государству. Тоталитарными изначально считались фашистские и нацистские режимы, но во времена холодной войны западные советологи стали клеймить «советский тоталитаризм» и «сталинизм». Распространение понятия «тоталитаризм» на большевистский режим имеет свои резоны, потому что он соответствует представлению о тоталитарном государстве, воспроизведенном в художественных антиутопиях¹⁰² и авторитетных философско-социологических трактатах¹⁰³. Согласно этому представлению, тоталитаризму свойственны следующие организационные основы:

1. *Монопольное господство одной политической партии*, которая руководит обществом и государством. И.В. Сталин юридически закрепил эту монополию в Конституции 1936 года, где говорилось: «Партия – руководящее ядро всех организаций, как общественных, так и государственных» (статья 126). В Конституции 1977 содержалась статья 6: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза». Во время перестройки демократы

¹⁰² Имеются в виду антиутопии: Е. Замятин «Мы» (1920) – на материале отечественного военного коммунизма; О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932) – на материале итальянского и британского фашизма; Дж. Оруэлл «1984» (1948) – на опыте германского и советского тоталитаризма (Оруэлл, кстати говоря, еще в 1939 году отметил общность режимов Гитлера и Сталина).

¹⁰³ Наиболее известны переведенные на русский язык труды: Теодор Адорно «Авторитарная личность», Ханна Арендт «Происхождение тоталитаризма», Реймонд Арон «Демократия и тоталитаризм». Современное понимание концепции тоталитаризма в российской общественно-политической мысли и западной политологии изложено в монографии Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и историческое метаморфозы. – М.: Наука, 2005. – 327 с. В этом труде особый интерес для нас представляет раздел «Пропаганда и политическая социализация» (с. 242–259).

видели в этой статье юридический символ тоталитаризма и требовали её отмены.

2. *Огосударствление идеологии*: господствующая партия придает своей идеологии статус официальной государственной истины, для распространения которой используются все коммуникационные каналы – школа, книгопечатание, пресса, радио, телевидение, библиотеки и библиография, находящиеся под наблюдением цензурного ведомства. Сомнение или скепсис по отношению к идеологической доктрине приравниваются к государственному преступлению, жестоко караемому по закону.

3. *Наличие Вождя*, возглавляющего партию, государство, силовые и идеологические структуры. Вождь выше закона; «закон есть воля фюрера» – провозглашал Геринг. Отсюда – культ личности Вождя, всезнающего, всемогущего, безгрешного. «Муссолини всегда прав!» – вполне серьезно заявлял самовлюбленный дуче.

4. *Мобилизационная готовность и милитаризация* – постоянное напряжение сил, вечная борьба с внутренними и внешними «врагами народа», шпиономания, поиск «вредителей»; цель мобилизации – сплочение народа вокруг любимого Вождя, который поведет от победы к победе.

5. *Идеологическая интоксикация*¹⁰⁴ обыденной жизни и сознания людей. Дж. Оруэлл в эссе «Литература и тоталитаризм» хорошо описал явление идеологической интоксикации: «Тоталитаризм посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить... Не просто возбраняется возражать – даже допускать – определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать, создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять её эмоциями и навязывать ей образ поведения... Устанавливается кошмарный порядок, при котором Вождь или правящая клика определяют не только будущее, но и прошлое. Если Вождь заявляет, что такого-то события “никогда не было”, значит, его не было. Если он думает, что дважды два пять, значит, так и есть»¹⁰⁵.

6. *Упразднение гражданского общества* – социального пространства, где люди взаимодействуют в качестве независимых друг от друга и от государства самостоятельных субъектов. Гарантия такой независимости – экономическая самостоятельность, которую обеспечивает владение неотчуждаемой частной собственностью. Тоталитарное государство являло собой единственного монопольного собственника и работодателя, поэтому ни о каких свободах и правах человека не могло быть и речи.

7. *Выращивание «человека нового типа»*, соответствующего модели, выработанной тоталитарной идеологией. Эти модели различны в разных

¹⁰⁴ *Интоксикация* дословно «отравление»; в литературе имеет хождение еще термин *индоктринация*, означающий властвование какой-либо доктрины. Я предпочитаю первый термин.

¹⁰⁵ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М., 1989. С. 245, 255.

тоталитарных государствах: в фашистской Германии культивировалась «авторитарная личность», обстоятельно изученная Т. Адорно и его сотрудниками¹⁰⁶, в Советском Союзе задачей коммунистического воспитания было формирование «советского человека». Общей чертой тоталитарных моделей является подавление личностного своеобразия, поскольку не допускались вариации, альтернативы и отступления от идеологически выдержанного образца.

Перечисленные основы тоталитарного общественного строя возникли не естественным путем, а талантливо разрабатывались и насильственно насаждались примкнувшими к правящей партии интеллектуалами-идеологами во главе с деспотом Вождем. Советская библиосфера была призвана выполнять следующие *прикладные социальные функции*, непосредственно вытекающие из программы строительства тоталитарного коммунизма:

- а) идейно-воспитательная функция – укрепление идеологических устоев и воспитание советских людей в духе марксизма-ленинизма;
- б) культурно-просветительная и образовательная функция в интересах практических задач коммунистического строительства;
- в) борьба с враждебной буржуазной пропагандой.

Для реализации этих функций были определены следующие руководящие принципы книжной коммуникации:

- *партийность* – основополагающий принцип ленинской культурной политики, заключающийся в безусловном подчинении всех социально-культурных институтов целям и интересам коммунистической партии; связь с жизнью виделась в пропаганде решений партии и правительства и участии в их выполнении; таким образом, культурная политика становилась производной от политической политики правящей партии;
- *партийно-государственное руководство* – организация, кадровое обеспечение, финансирование, контроль деятельности всех социально-культурных институтов осуществляется государственными органами, в свою очередь, подчиненными правящей партии (это принцип административно-командного управления);
- *классовость* – пролетариату как самому прогрессивному классу общества отдавался приоритет и в образовании, и в руководстве обществом, и в доступе к культуре;
- *демагогичность* – декларирование демократических свобод (свобода слова, печати, союзов) и прав человека (право на безопасность, защита от произвола, право на образование, труд, социальное обеспечение и др.) и игнорирование их на практике как элементов буржуазной культуры: полицейский

¹⁰⁶ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. – М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.

произвол, цензура, запрет общественных объединений, изъятие из библиотек книг определенных авторов и т. п.¹⁰⁷

- *наступательность и боевитость*, беспощадное подавление идейно, морально, а также физически любых противников и оппонентов, так или иначе противостоящих партийной идеологии и коммунистическому строительству.

3.3.2. Практика тоталитаризма. Преобразование измученной войнами, полуграмотной, патриархальной России в могучую, независимую и самодостаточную социалистическую державу – чрезвычайно сложная, почти утопическая задача, требующая чрезвычайных усилий и мобилизации интеллектуального потенциала страны, в том числе ресурсов библиосферы. На практике руководящие принципы книжной коммуникации воплотились в свойственную тоталитаризму *политику книжности и антикнижности*. Политика *книжности* заключалась в огосударствлении и регулировании издательской деятельности, формировании государственной и ведомственных библиотечных сетей, развитии государственной библиографии, подготовке идейно выдержанных кадров. Проявлениями политики *антикнижности* были всеобъемлющая цензура, внедрение в библиотеках специальных хранилищ (спецхранов) и библиоцида (уничтожение идеологически враждебных изданий или их фрагментов).

Большевистское руководство буквально с первых дней провозглашения Советской власти уделяло повышенное внимание школьному и внешкольному коммунистическому воспитанию трудящихся масс и подрастающего поколения. Здесь главными средствами были печать, школа, библиотека. Большевикам была хорошо известна сила печатного слова, поэтому 27 октября 1917 года, буквально на следующий день после переворота, В.И. Ленин подписал *Декрет о печати*. На основании этого декрета еще в 1917 году было закрыто 120 газет и журналов, признанных контрреволюционными, то есть антибольшевистскими; создан в январе 1918 года Революционный трибунал печати, имеющий право закрывать издательства, конфисковывать типографии, уничтожать тиражи и т. д. А.В. Луначарский откровенно объяснял действия власти: «Слово есть оружие, и совершенно так же, как революционная власть не может допустить существования револьверов и пулеметов у каждого встречного

¹⁰⁷ Принцип демагогичности современные исследователи большевизма толкуют следующим образом: «Сущность большевистской идеологии, которая рассматривается как сердцевина большевизма, заключается в максимальном развитии способности использовать двусмысленность, двойственность всех порождаемых человеком смыслов, чтобы постоянно подменять один смысл другим, постоянно строить гибриды смыслов, подсовывая один его аспект вместо другого. В истории человечества еще не было такой изощренной и одновременно масштабной машины повседневно идеологического переосмысления, перекрашивания белого в черное, одновременно того и другого в серое, чтобы назавтра все делать наоборот». (Ахизер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А. и др. Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск, 2002. С. 15–16).

и поперечного, ибо этот встречный и поперечный есть злейший враг, так же государство не может допустить свободу печатной пропаганды»¹⁰⁸. Хотя цензура юридически не была восстановлена (это произошло позже, в 1922 году), но буржуазно-демократическим свободам пришел конец.

Коммунистическое воспитание населения было главной задачей Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) во главе с интеллигентом-большевиком А.В. Луначарским. Школьному и внешкольному образованию отводилась центральная роль в воспитании «нового человека социалистической формации». В Программе РКП(б) в марте 1919 года было записано: «В период диктатуры пролетариата... школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм». Нарождающийся советский тоталитаризм раскрыл свои железные объятия для библиосферы, поскольку библиосфера и, прежде всего, библиотеки мыслились пространством внешкольного образования и главным оружием культурной революции, ликвидирующей безграмотность (ликбез).

Взявшись всерьез за «выращивание» социалистической библиосферы, большевики в срочном порядке начали подготовку книжников – бойцов идеологического фронта. В 1918 году, несмотря на тяжелые условия разрухи и гражданской войны, был открыт Петроградский институт внешкольного образования (ПИВО) с культурно-просветительным и книжно-библиотечным отделениями; в 1919 году организованы академии коммунистического воспитания в Москве и Петрограде, а также учрежден первый партийный вуз – Коммунистический университет имени Свердлова в Москве, в 1921 году подобный университет появился в Петрограде. В общей сложности за годы гражданской войны были открыты 40 институтов народного просвещения с факультетами внешкольного образования, которые готовили библиотечных и клубных работников, ставших первым отрядом героического поколения советской интеллигенции.

Повышенный спрос на библиотекарей и клубных работников был обусловлен бурным ростом библиотек и клубов – опорных баз культурной революции. В 1920 году количество библиотек превысило уровень 1917 года, из них 85% принадлежали Наркомпросу, остальные – партийным и профсоюзным организациям. Все библиотеки были бесплатными (до революции одну треть составляли платные библиотеки), повсеместно открывались читальни, укомплектованные газетами и агитационно-пропагандистской литературой. В 20-е годы были учреждены многие крупные научные библиотеки: Государственная

¹⁰⁸ Луначарский А.В. Свобода книги и революция // Печать и революция. – 1921. № 1. С. 5.

библиотека иностранной литературы (1922), Политехническая (1923), библиотека Института В.И. Ленина (1923), по народному образованию (1925), Государственная научная библиотека (1927) и др. В общей сложности за период с 1917 по 1927 открылось более 1300 научных и специальных библиотек, главным образом при вузах и научно-исследовательских учреждениях. Особенно быстро развивались сети научно-технических, медицинских и сельскохозяйственных библиотек¹⁰⁹.

Параллельно с образованием новых библиотек производилось идейное переупорядочивание публичных и народных библиотек, унаследованных от царского режима. Переупорядочивание заключалось, прежде всего, в *чистке библиотечных фондов*, то бишь изъятии тех монархических и церковных изданий, которые в свое время принудительно внедрялись в общедоступные библиотеки православным Синодом и царским Министерством просвещения. Ясно, что эта литература никак не способствовала укреплению Советской власти и поэтому была в условиях гражданской войны «идеологически вредной» и «контрреволюционной».

В 1918–1919 годах чистками библиотечных фондов занимались партийные, комсомольские ячейки, отделы ВЧК по собственному разумению. В 1920 году Главполитпросвет во главе с Н.К. Крупской организовал дело на научно-бюрократической основе. Была разработана инструкция «О пересмотре каталогов и изъятии негодной литературы», которая предписывала библиотечным советам и секциям отделов народного образования срочно приступить к удалению из обращения контрреволюционной, духовно-нравственной, бульварной, порнографической и тому подобной литературы. Инструкция распространялась на фонды реквизированных, национализированных и конфискованных частных собраний, которые предназначались для пополнения общественных книгохранилищ. Вследствие этого значительная часть частных библиотек уничтожалась как «идеологически вредная». В результате разветвленная сеть государственных массовых библиотек пришла в упадок, располагая, по словам современников, «всего несколькими десятками, в лучшем случае одной-двумя сотнями книг, из которых три четверти – брошюры на политические темы». Не удивительно, что циркуляры Главполитпросвета о чистках библиотек рассматривались многими интеллигентными библиотекарями как «административно-полицейская мера» и саботировались.

В условиях НЭПа кампания по идеологизации массовых библиотек продолжалась, в 1923 году вышла новая инструкция «О пересмотре книжного состава библиотек и изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы», имевшая директивный общероссийский характер. Необходимость чистки фондов аргументировалась тем, что библиотеки являются «наиболее

¹⁰⁹ Абрамов К.И. История библиотечного дела в России: учебно-методическое пособие. Часть 2. – М., 2001. С. 49.

действенными политико-просветительными учреждениями и должны сосредоточить в себе большую политико-просветительную работу среди масс». Таким образом, библиотечные работники мобилизовывались для выполнения актуальных задач политического просвещения (коммунистического воспитания) населения, они становились бойцами идеологического фронта под командованием Главполитпросвета. Хорошо документированная и весьма поучительная история идеологизации библиотек в первые два десятилетия Советской власти содержится в монографии М.Н. Глазкова¹¹⁰.

Антикнижные акции лежат на совести исполнительных интеллектуалов и невежественных полуинтеллектуалов, заполнивших библиотечные вакансии в эпоху военного коммунизма и НЭПа. Но в Библиотеке Академии наук, Публичной библиотеке, Румянцевском музее оставалось немало интеллигентов-книжников, озабоченных спасением книжных собраний от разрушительной революционной стихии. Они добивались мандатов на просмотр реквизированных усадебных и частных библиотек, отбирали наиболее ценные издания и складировали их в холодных помещениях своих книгохранилищ. Были патриоты-книголюбцы и в различных провинциальных городах. Например, первый директор Костромской ОУНБ *Александр Александрович Антонов* (1860–1938), получив у Н.К. Крупской мандат на право конфискации книжных богатств из поместий и монастырей Костромской губернии, с двумя помощниками, имея один наган и запряженную в сани лошадку, глубокой осенью 1918 года пустился в трудное и опасное путешествие. На отважных книголюбцев не раз нападали злоумышленники, в одном из нападений Антонов был ранен, но цель была достигнута: в феврале 1920 года в Костроме была открыта Областная универсальная научная библиотека, в фондах которой было 38 000 книг и 18 000 периодических изданий¹¹¹.

Большевики не доверяли буржуазным дореволюционным «спецам», они крайне нуждались в собственной «рабоче-крестьянской» интеллигенции, поэтому подготовка её велась ударными темпами. Н.И. Бухарин в 1925 году прямо говорил: «Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике»¹¹². Усилия не пропали даром, и к концу 20-х годов сложился тип «советского интеллигента», который существенно отличался от предыдущих поколений русской интеллигенции. Советскому интеллигенту чуждо понятие «невольник чести», свойственное пушкинскому поколению, он не критически мыслящая личность, не альтруист-народоволец, ему чужда изысканная игра ума и воображения, украшавшая Серебряный век. Обучен-

¹¹⁰ Глазков М.Н. Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939) – М.: Пашков дом, 2001. 104 с.

¹¹¹ Каратыгина Е.М. Служение книге и людям (о первом директоре Костромской ОУНБ А.А. Антонове) // Каратыгина Т.Ф. Портреты учителей в зеркале ушедшего века. – М., 2002. С. 200–205.

¹¹² Бухарин Н.И. Революция и культура: Статьи и выступления. – М., 1993. С. 84.

ные в рабфаках «бригадными методами» дети рабочих и крестьян мыслили материалистично и атеистично, были преданы делу и самозабвенно делали то, что им приказывала родная большевистская партия. Молодые «выдвиженцы» заняли руководящие посты в партийном аппарате и в народном хозяйстве, обеспечив своему «хозяину» И.В. Сталину нужные рычаги власти. Пользуясь этими рычагами, Сталин в 1929–1934 гг. совершил «великий перелом» – не только подавил троцкизм и правую оппозицию, навязал индустриализацию и коллективизацию, но и начал формирование основ *советского тоталитаризма*, который по праву можно назвать *сталинизмом*. В феврале 1934 года состоялся XVII съезд ВКП(б) – «съезд победителей», закрепивший эти достижения сталинского режима. В стане «побежденных» оказались не только империалистическая Антанта, но и та интеллигенция революционного поколения, которая слишком хорошо помнила традиции Серебряного века. На смену революционному поколению пришло героическое поколение советской интеллигенции.

3.3.3. Героическое поколение советской интеллигенции существенно отличается от предыдущих поколений тем, что его самоопределение не формировалось в результате естественной смены поколений, а искусственно *вырацивалось* господствующей большевистской субкультурой по своему образу и подобию. Другими словами, героическое поколение было результатом социального эксперимента, начатого большевиками после захвата власти. К этому поколению относится демографическая когорта, родившаяся в начале XX века и духовно сформировавшаяся в условиях советской власти, переживавшей героический период становления. Оно было свидетелем падения царизма, гражданской войны, разрухи, революционного энтузиазма, и, самое главное, – это первое поколение выпускников идеологизированной советской школы, выполняющей партийный заказ на подготовку молодого пополнения большевистских рядов.

Детские годы героического поколения – время военного коммунизма, гражданской войны, разрухи. В 1920/21 учебном году в одной из подмосковных школ учительница предложила ученикам написать о своей жизни. Все без исключения сочинения начинались трафаретной фразой «Я живу сейчас очень плохо...» Одиннадцатилетняя девочка выразила свою горечь в стихах:

Нет хлеба, нет угля, не топлены печи,
Болят от работы усталые плечи.
И холод, и голод, и даже нет света, —
Должно быть, уж песенка наша отпета¹¹³.

К счастью, «отпевания поколения» не произошло. Восход героического поколения, то есть выход его на историческую арену, датирован 1922–1934 гг.

¹¹³ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «нового человека». – СПб, 2003. С. 66.

В 1922 году истерзанная войнами и революциями страна получила, наконец, мирную передышку. Аскетический военный коммунизм сменил алчный НЭП, культурная революция на селе понималась как прелюдия мировой революции, в большевистском руководстве после ухода В.И. Ленина – борьба за власть и споры о выборе пути. 1934–1956 гг. – фаза расцвета первого поколения советской интеллигенции, которая совпала с тяжелыми испытаниями Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства. В это время большевистские интеллектуалы утверждали общенародный культ гениального Вождя и Учителя, мобилизовывали советских людей на борьбу с «врагами народа» внутри страны, а затем – на защиту Отечества от немецко-фашистских захватчиков. В тяжелых испытаниях они добивались побед и открытий в военном деле и в науке, в просвещении и в искусстве, как и подобает настоящим героям.

В железных объятиях тоталитарных структур была выращена и расцвела пышным цветом *советская библиосфера*, ставшая областью обитания советской библиотечной интеллигенции. Ленинский принцип коммунистической партийности служил её идеологической основой, объединившей главные институты индустриальной книжности – издательско-книготорговый институт, библиотечно-библиографический социальный институт, институт литературного творчества. Большевикам по собственному опыту была хорошо известна созидательная и разрушительная сила печатного слова, поэтому библиосфера неизменно пользовалась вниманием руководства партии, которое инициировало феномен советской книжности – *псевдолитературоцентризм*. Псевдолитературоцентризм представлял собой имитацию литературоцентризма, спонтанно сложившегося в России в XIX веке, когда писатели и поэты почитались как пророки и властители дум в своем Отечестве (см. раздел 7.3.2). Мудрый И.В. Сталин не без лукавства именовал советских литераторов «инженерами человеческих душ» и поощрял их творческое усердие морально и материально. На самом деле тоталитаризм признавал только политикоцентризм, когда в качестве «пророков» выступали члены Политбюро, а роль «властителей дум» выполняли органы агитации и пропаганды ЦК КПСС. Именно эти органы определяли политику книжности и антикнижности в подчиненной им советской библиосфере. Железные объятия тоталитаризма нельзя назвать ласковыми и заботливыми, но они были мобилизующими, организующими, направляющими и приносили желаемые плоды.

30-е годы стали апогеем большевистской культурной революции. О количественном составе библиотечного корпуса позволяет судить перепись библиотек, проведенная в 1934 году. В 80 тысячах библиотечных учреждений в то время насчитывалось более 55 тысяч штатных библиотечных работников. Из них 60% не имели специальной подготовки, высшим образованием обладали всего 3,8 тыс., а еще 2,5 тыс. учились в вузе. Если учесть преподавательский персонал трех библиотечных институтов и 30 техникумов, существовавших в

1930-е годы, то слой профессиональной библиотечной интеллигенции можно оценить максимум в 7500 человек. Официальный статистический сборник того времени «Культурное строительство СССР» (М.–Л.: Главполитиздат, 1940) с несомненными пропагандистскими целями сообщает, что в 1938/39 годах в СССР было в 1,2 раза больше учеников в школах, чем в Великобритании, Германии, Франции и Италии, вместе взятых, а по количеству студентов СССР превосходил Великобританию, Францию, Германию, Италию, Японию, вместе взятые, в 1,4 раза. Поистине страна учащихся! По сравнению с 1928 годом, в 1941 году количество библиотек увеличилось с 27 тысяч до 95 тысяч (в 3,5 раза); клубов – с 32,9 тысяч до 118 тысяч (в 3,7 раза); театров – с 451 до 908 (вдвое); число киноустановок – с 7,3 тысяч до 28 тысяч (в 3,8 раза). Кадры культпросветработников увеличились в 8 с лишним раз, причем было налажено среднее и высшее культурно-просветительное образование. Не думаю, что эти цифры – абсолютная мистификация, хотя, вероятно, они преувеличены.

Всесоюзная перепись населения в 1939 году показала замечательные успехи в области культурного строительства. Общее население страны старше 14 лет составляло 108,5 млн, а численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве, – 2,4 млн, то есть 2,2%, что нужно признать хорошим показателем. Количество вузов – 817, студенческий корпус – 800 тысяч, ежегодный выпуск – 100 тысяч высококвалифицированных специалистов; средних специальных учебных заведений – 3800, в них учится 1 миллион учащихся, ежегодный выпуск – 200 тысяч специалистов среднего звена. Если в пореформенной России насчитывалось 120 тысяч лиц с высшим образованием, а накануне революции – 218 тысяч, то в конце 30-х годов оказалось 1 млн. 100 тысяч выпускников вузов. Причем только одна треть от этого числа была старше 40 лет, то есть получила образование в дореволюционных вузах, а две трети имели дипломы советской высшей школы. Что касается среднего образования, то выпускники советских училищ составили 90% общего контингента¹¹⁴.

Совершенно очевидно, что грандиозный рост образованности (не скажу – интеллигентности) населения стал возможен благодаря утверждению в стране библиосферы индустриального типа. Книгоиздательский социальный институт превратился в отрасль народного хозяйства с централизованным плановым управлением и жесткой идеологической цензурой. Производительность его быстро росла. К 1927 году уровень 1913 года был превзойден по тиражу в 2,5 раза, а по количеству названий – в 1,5 раза. Общий тираж изданий, выпущенных в 1931 году, в 10 раз превысил тиражи 1913 года, а тираж сельскохозяйственной литературы – в 66 раз. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) «Об издательской работе» (1931), была осуществлена централизация книго-

¹¹⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М., 1992. С. 49.

издательского дела, в результате которой были ликвидированы практически все негосударственные издательства как «идеологически чуждые». Тем не менее в 1940 году общее количество выпущенных книг и брошюр составило 45,8 тысяч названий при тираже 462,2 млн экз.¹¹⁵ Выпуск только школьных учебников достиг 125,5 млн экз., что в 5,5 раза больше того, что издавалось для всех учебных заведений царской России в 1913 году¹¹⁶. Книжный репертуар государственных издательств тщательно цензурировался и полностью соответствовал партийной политике в области науки, культуры и образования. Это достигалось благодаря тотальной многоуровневой цензурной системе – важнейшему управленческому органу советской библиосферы. Эта система подробно описана в книге Г.В. Жиркова¹¹⁷ и всесторонне охарактеризована в монографии А.В. Блюма, посвященной периоду сталинского тоталитаризма¹¹⁸. Система включала пять уровней:

1. *Самоцензура* (автоцензура, внутренний цензор, внутренний редактор) – самоограничение автора в процессе создания предназначенного для публикации текста. Практически всем ученым и литераторам того времени приходилось работать под привычным гнетом самоцензуры. Если А.П. Чехов считал долгом интеллигентного человека «выдавливаться из себя по капле раба», то тоталитаризм, напротив, ставил целью порабощение интеллигентской мысли.

2. *Редакторская цензура* производилась сотрудниками издательств, журналов, газет, которые выступали в роли «идеологических детективов», вникая не только в текст, но и в подтекст произведения, пресекая нежелательные ассоциации, «эзопов язык» и прочие авторские вольности.

3. *Государственная цензура* осуществлялась органами Главлита (Главного управления по делам литературы и издательств), являвшегося официальным, но не афишируемым цензурным ведомством. Редакторы представляли проработанный ими материал цензору Главлита на предмет получения разрешения на публикацию. В главлитовских положениях указывалось, что не допускается публикация произведений: а) содержащих агитацию против Советской власти; б) разглашающих военные тайны республики; в) возбуждающих общественное мнение; г) возбуждающих национальный и религиозный фанатизм; д) носящих порнографический характер. Никаких контактов авторов или общественности с чиновниками Главлита не допускалось.

¹¹⁵ Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник. – М., 1989. С. 369.

¹¹⁶ Шомракова И.А., Баренбаум И.Е. Всеобщая история книги. – СПб, 2005. С. 218–221.

¹¹⁷ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учебное пособие. – М., 2001. С. 286–340.

¹¹⁸ Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. – СПб: Академический проект, 2000. 312 с.

4. *Полицейская цензура* производилась органами ОГПУ – НКВД, имевшими в своем составе специальное подразделение литературного контроля. Это подразделение контролировало все перечисленные уровни цензуры, наблюдало за литературным процессом в целом, иногда конфискуя вышедшие в свет издания, заодно арестовывая их авторов, редакторов и цензоров. Сотрудники ОГПУ – НКВД определяли лояльность писателей и журналистов, издательских работников и работников Главлита, используя широкую сеть тайных осведомителей. Они ведали также «чисткой библиотек от контрреволюционной литературы» и контролировали доступ к библиотечным спецхранам.

5. *Партийная цензура* занимала высший уровень в цензурной иерархии. Здесь располагались органы пропаганды и агитации, превращающие в директивы и приказы идеологические указания, поступающие от главного цензора цензоров, великого вождя И.В. Сталина. Время от времени идеологические структуры готовили постановления ЦК ВКП(б), направлявшие функционирование советской библиосферы. Например, в 30-е годы немаловажную роль сыграли постановления «Об издательской работе» (1931), «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932), «Об издательстве детской литературы» (1933), «О литературной критике и библиографии» (1940).

Тоталитаризм не может властвовать, если он не внушает населению большого страха (лучше – ужаса). Поэтому в сталинском государстве ощущение страха было тотальным, оно целенаправленно поддерживалось репрессивными действиями ОГПУ – НКВД. Отвратительно вспоминать, что зачастую репрессии инициировались не суровыми чекистами, а честолобивыми и циничными интеллектуалами-коллегами. Аппарат доносительства был развит до гигантских размеров. В каждом учреждении, на каждом предприятии были тайные осведомители, завербованные органами. Д.А. Гранин в качестве свидетеля пишет о «советском страхе»: «Что это был за страх, трудно себе нынче представить. Нечто мистическое, страх, который больше страха смерти, страх, от которого цепенела мысль. Олицетворением такого страха был И.В. Сталин. Он внушал почитание, преклонение и ужас одновременно, как злой дух, глава всех Саганов»¹¹⁹.

«Большой террор» нанес ужасный урон библиотечной интеллигенции; он состоял не только в громадном мученичестве невинно убиенных, но и в целенаправленной *деинтеллектуализации* библиотечных кадров. В августе 1937 года, в разгар «ежовщины», центральный орган ВКП(б) газета «Правда» опубликовала передовую (читай – директивную) статью под названием «Библиотечное дело». В статье говорилось, что «не следует забывать, что ЦК партии и Правительство всегда видели в культурной, в частности библиотечной, работе, политическую работу». Поэтому библиотекарь – «пропагандист и агитатор большевистской культуры», «вся работа его должна быть пропитана духом большевистской идейности, партийности». Статья завершалась суровым

¹¹⁹ Гранин Д.А. Страх. – СПб, 1997. С. 193.

предупреждением: «там, где забывают об этой политической стороне дела, – там в библиотеку проникают враждебные влияния, там библиотечные полки засоряются враждебной литературой». Во всех библиотеках началась антикнижная компания по выявлению скрывающихся от справедливого возмездия врагов и двурушников и очищению фондов от антисоветских пасквилей. Усиление революционной бдительности сопровождалось потоком доносов на библиотечных работников, пособников и подручных «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской трижды проклятой банды фашистских наймитов». Невозможно подсчитать, сколько образованных и квалифицированных работников потеряли библиотеки в 30-е годы!

Жертвами партийно-классовых разоблачений стали практически все жившие в то время библиотековеды революционного поколения, стоявшие у истоков отечественной библиотечной науки: Л.Б. Хавкина, А.А. Покровский, Б.С. Боднарский, В.А. Невский, Е.Н. Добржинский, М.Н. Куфаев, Н.М. Сомов, а также их ученики и последователи. К буржуазным библиотековедам был причислен даже старый большевик В.И. Невский за то, что он в статье «Наши задачи» отдал приоритет общетеоретическим и историческим проблемам библиотековедения и библиографии, а не библиотечно-библиографическому обслуживанию пятилетнего плана развития народного хозяйства. Приемы большевистствующих библиотечных интеллектуалов корректный А.Н. Ванеев описывает следующим образом: «Взгляды критикуемых библиотековедов характеризовались как проявление классово-враждебной идеологии, как законченный идеализм, антиленинизм. Они объявлялись враждебной политической агентурой меньшевизма, левыми или правыми оппортунистами, националистами, контрреволюционерами, а их высказывания – “реакционным бредом”»¹²⁰.

Возникла угроза деинтеллигентизации молодого героического поколения. Деинтеллигентизация проявлялась в отношении к культурным достижениям Серебряного века. Советские библиотековеды и организаторы библиотечного дела заимствовали из наследия библиотечно-библиографической интеллигенции Серебряного века лишь технологию и методику, но решительно отвергали гуманистическую миссию служения народному просвещению и отечественной культуре. Демократия и гуманизм были осуждены как буржуазный пережиток и заменены партийно-государственным управлением, которое казалось истинным и прогрессивным. В качестве кредо веры были приняты руководящие принципы, разработанные в 20-е годы «красными» большевиками-книжниками: партийность, партийно-государственное руководство, классовость, наступательность и боевитость. Эти принципы не соответствуют понятию интеллигентности, потому что они отрицают толерантность и утверждают, подобно иезуитам, что «цель оправдывает средства». Вместе с тем в конце 30-х

¹²⁰ Ванеев А.Н. «Теоретическая дискуссия» начала 1930-х гг. и её влияние на судьбы отечественных библиотековедов // История библиотек: исследования, материалы, документы. – СПб, 1999. Вып. 2. С. 69.

годов появились заявления типа: «На глазах всего мира в нашей стране происходит величественное явление в мировой истории – стосемидесятимиллионный народ становится интеллигентным, неуклонно растет число интеллигентных рабочих, колхозников, служащих, членов их семей, стираются грани между умственным трудом и физическим» (За процветание передовой науки // Комсомольская правда. – 1939. 17 мая). Подобные заявления представляли собой очередной пропагандистский миф, но миф «интеллигентофильский», показывающий, что интеллигентность и культурность начали признаваться советским тоталитаризмом как привлекательные ценности. В качестве образца для подражания в массовом сознании утвердился тип *интеллектуала-квазигуманиста* с этическим самоопределением «альтруизм + интолерантность + благоговение перед культурой (идеологией)».

Героическое поколение библиотечной интеллигенции научилось сотрудничать с тоталитарной властью, охотно следуя призывам родной коммунистической партии к труду и борьбе. Советский библиотекарь сумел стать необходимым своим читателям. Так, журнал «Красный библиотекарь» рассказывал о сельском библиотекаре, который, получив от своего предшественника несколько десятков книг и 23 читателя, за пять лет сумел увеличить книжный фонд до 2213 названий, а число читателей – до 471 человека. Он широко практиковал громкие читки-беседы, часто выезжая в поле в период сева и уборочных работ, развернул справочную работу, организовал читательский актив. Библиотека стала на селе популярной, библиотекарь – авторитетным среди населения лицом¹²¹. В 30-е – 60-е годы расцветает библиотечная профессиональная мифология, благо самоотверженных подвижников, оптимистов и энтузиастов было немало в рядах библиотечного воинства того времени. О тональности публикаций красноречиво говорят их заглавия: «Родной человек»; «Профессия наша – педагогическая»; «Труд, нужный людям»; «Они были в первых рядах»; «Профессия, высоко поднятая Октябрем»; «Рассказ о деревенском библиотекарё»; «Любовь к читателю – прежде всего»; «Щедрое сердце» и т. д. На страницах библиотечной прессы появляются мифические фигуры библиотечарей-чудотворцев. Так, журнал «Библиотекарь» рассказывает об «интересном опыте» сельской библиотеки, сумевшей «повысить продуктивность животноводства» (1955. № 6. С. 15–17). Советские писатели в повестях и рассказах раскрывали душевную красоту простых библиотечарей, поднимающихся до героического служения своему долгу¹²². Героизация и поэтизация – необходимая составляющая профессиональной мифологии, и появление ее не случайно, оно обу-

¹²¹ С.Г. Сельский библиотекарь // Красный библиотекарь. – 1941. № 3. С. 26.

¹²² Куделина А. Библиотекарь в художественной литературе // Красный библиотекарь. – 1930. № 4. С. 55–58; Первушина Л. Образ библиотекаря в художественной литературе // Библиотекарь. – 1966. № 9. С. 42–46; Галкина Н. Люди высокого призвания: Образ библиотекаря в советской литературе // Клуб и художественная самодеятельность. – 1970. № 12. С. 30–31.

словлено той социально-психологической атмосферой, которая складывалась в довоенные и послевоенные годы в библиотечных коллективах.

Суровые испытания Великой Отечественной войны не обошли стороной советские библиотеки. В многочисленных журнальных и газетных статьях, воспоминаниях и официальных документах рассеяны удивительные свидетельства мужества и героизма библиотечных интеллигентов-книжников. Мы в долгу перед героическим поколением библиотечной интеллигенции. У нас нет антологии «Библиотеки и библиотекари в Великой Отечественной войне», нет даже добротных библиографических указателей «военно-библиотечной» тематики. Правда, публикуются материалы конференций, посвященные «круглым датам». Напомним несколько эпизодов из истории ленинградских библиотек. В первую блокадную зиму, когда в библиотеках не было света и отопления, библиотекари массовых и школьных библиотек шли со своими книгами в бомбоубежища и красные уголки в жилых домах, куда тепло «буржуйки», огонь и кипятик манили школьников и взрослых. Сотрудники Центральной городской библиотеки открывали входную дверь на набережную реки Фонтанки и, пользуясь светом короткого зимнего дня, выдавали книги на улице в тридцатиградусный мороз, сменяя друг друга каждый час. Библиотека Дома техники не прекращала свою работу ни на один день, обслуживая инженеров, приходящих пешком из разных районов города. Её библиографы составили подборку литературы по проектированию, конструированию и ремонту танков, которая пользовалась большим спросом на заводах блокадного Ленинграда. Зимой и летом не пустовали читальные залы Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии наук. Невероятно, но в осажденном городе продолжалась работа над репертуаром русской книги¹²³. Библиотекари постоянно посещали госпитали и стационары для обессиленных ленинградцев, читали книги раненым и больным, иногда сами становились пациентами стационаров. Зимой 1943 года библиотека комбината «Красный треугольник» организовала первый за время блокады вечер читателей, посвященный теме «Битва за Ленинград», привлекая более трехсот человек. Впоследствии такие встречи стали регулярными, на них выступали Ольга Берггольц, Вера Инбер, Александр Прокофьев. В осажденном Ленинграде книга спасала от страха смерти, поддерживала жизненный тонус, помогала сопротивляться голодному угасанию¹²⁴.

О.С. Чубарьян не без гордости констатировал в своем учебнике по общему библиотековедению: «Создание многочисленной армии профессиональных библиотечных кадров – одно из крупнейших достижений библиотечного

¹²³ Аргутинская Н.К., Парийский В.Л. Отдел обработки и каталогизации ГПБ в годы Великой Отечественной войны // История библиотек: сб. науч. тр. – СПб, 2004. Вып. 5. С. 164–202.

¹²⁴ Бронштейн М. Героические страницы из истории ленинградских библиотек // Библиотекарь. – 1946. № 2–3. С. 24–31.

строительства в СССР. Тысячи библиотекарей и библиографов, вооруженных марксистско-ленинской теорией и разносторонними знаниями, выступают в нашей стране в роли активных пропагандистов прогрессивной литературы, организаторов обслуживания широких масс книгой»¹²⁵. Неверно считать звонкие фразы О.С. Чубарьяна ритуальной демагогией. В эпоху тоталитаризма действительно была построена гигантская библиосфера, и героическая армия её строителей, выращенная в железных объятиях тоталитаризма, была дисциплинирована, прекрасно организована, трудолюбива и, как свидетельствовали западные интеллектуалы, «простодушно-инфантильна».

В середине тридцатых годов почти одновременно СССР посетили два всемирно известных писателя – Андре Жид (1869–1951) и Леон Фейхтвангер (1884–1958). А. Жид прибыл в Москву 17 июня 1936 года и принял участие в траурной церемонии похорон М. Горького; Л. Фейхтвангер был в СССР в январе 1937 года, он был принят Сталиным и присутствовал на втором московском процессе «троцкистско-зиновьевского центра». По прибытии домой А. Жид опубликовал небольшую книгу «Возвращение из СССР»; Л. Фейхтвангер также откликнулся книгой «Москва. 1937». Обе книги были запрещены к обращению в Советском Союзе, а А. Жид был объявлен злейшим врагом страны социализма. Почему так случилось? Потому что наблюдательным писателям удалось распознать типичные черты *homo soveticus* и изобразить духовную атмосферу, царившую в тоталитарном государстве¹²⁶.

А. Жид писал о советских людях: «В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение... Каждое утро «Правда» им сообщает, что следует знать, о чем думать и чему верить. Получается, что когда ты говоришь с каким-нибудь русским, ты говоришь словно со всеми сразу». Сравнивая советский и французский образ жизни, Жид отмечает: «Почему-то при равных условиях жизни или даже гораздо более худших русский рабочий считает себя счастливым, он и на самом деле более счастлив, намного более счастлив, чем французский рабочий. Его счастье – в его надежде, в его вере, в его неведении». А. Жид удивительно точно формулирует источник «всеобщего счастья» в СССР: «Всеобщее счастье достигается *обезличиванием* каждого. Счастье всех достигается за счет счастья каждого. *Будьте как все*, чтобы быть счастливым». Фейхтвангер соглашается с обезличиванием «нового советского человека», с *унификацией* образа жизни и мышления советских людей, но объясняет эти факты по-своему. Он утверждает, что столь заметный *конформизм* советского народа обусловлен всеобщим убеждением, что в недалеком будущем Советский Союз станет «самой счастливой и самой сильной страной в мире». Фейхтвангер не осу-

¹²⁵ Чубарьян О.С. Общее библиотековедение: Учебник для библиотечных факультетов: 3-е изд. – М., 1976. С. 265.

¹²⁶ Обе книги были изданы в СССР в 1990 году: Два взгляда из-за рубежа: Переводы. – М., 1990. 272 с.

ждает, а приветствует единообразие мышления советских людей, видя в нем проявление советского патриотизма.

А. Жид замечает, что в сталинском СССР «нужны только *соглашательство, конформизм*. Хотят и требуют только одобрения всему, что происходит в стране. Пытаются добиться, чтобы это одобрение выражалось с *энтузиазмом*. И самое поразительное – этого добиваются. Малейший протест, малейшая критика могут навлечь худшие кары. Не думаю, чтобы в какой-либо другой стране сегодня, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так *несвободно*, было бы более *угнетено*, более *запугано* (терроризировано), более *порабощено*». Фейхтвангер согласен с тем, что в СССР нигде не услышишь критики «генеральной линии», и объясняет это тем, что «генеральная линия» очень правильная, а когда всех вынуждают идти по правильному пути, то это равносильно всеобщему признанию здравого смысла. Итак, несмотря на различие в конечных оценках и объяснениях причин, А. Жид и Л. Фейхтвангер согласны в том, что в СССР в 30-е годы действительно выращен особый сорт людей, отличающихся от западных обывателей во многих отношениях.

Военный опыт и послевоенные испытания, казалось бы, наглядно подтвердили неодолимую силу советских людей. Советский Союз был провозглашен родиной «нового, высшего типа человека разумного – homo soveticus»¹²⁷. Типологические черты homo soveticus формулировались так: «Первым важнейшим качеством советского человека следует назвать его коммунистическую идейность, партийность... Независимо от того, является ли он членом КПСС или нет, партийность его проявляется во всем мироощущении, в ясном видении идеала и беззаветном служении ему». Отмечались трудолюбие советского человека – «он относится к труду как к главному в жизни»; коллективизм – «это человек коллектива»; советский патриотизм – «человек, беспредельно преданный социалистической многонациональной отчизне», и интернационализм (с. 4–5). Решительно отвергался христианский гуманизм и утверждался *гуманизм социалистический*, суть которого выражалась так: «Любовь к людям и ненависть к врагам человечности – это две диалектически взаимосвязанные стороны социалистического гуманизма»¹²⁸.

Если оставить в стороне официальную мифологию и обратиться к реальному homo soveticus, жителю тоталитарного общества, бросаются в глаза два его отличительных качества. Первое: по интеллектно-этическому развитию типичный советский человек обладает *образованностью и креативностью*

¹²⁷ Советские люди. – М., 1974. С. 3.

¹²⁸ Глезерман Г.Е. Рождение нового человека. Проблемы формирования личности при социализме. – М., 1982. С. 244. Данная диалектическая формула восходит к известным максимам М. Горького «Если враг не сдается, его уничтожают» и «Не умея ненавидеть, невозможно искренне любить». Горький убежденно настаивал, что работа чекистов в исправительно-трудовых лагерях представляет собой подлинный гуманизм, подлинную любовь к человеку.

среднего уровня. Второе: *простодушная инфантильность*, которая проявляется в следующем:

- очарованность большевистской идеологией; безусловное доверие Вождю – таинственному чудотворцу; отношение к нему как к отцу – доброму и всемогущему;

- послушное подчинение призывам власти («Сталин дал приказ...»); отказ от критической рефлексии;

- преданность «своим», своему коллективу, своей стране, осуждение индивидуальных привилегий, утверждение равенства и правды-справедливости;

- удаль молодецкая: «Смело мы в бой пойдем...»; готовность к самопожертвованию;

- примитивные эстетические вкусы, отсюда популярность деревенских мотивов в городской среде («На закате ходит парень...»; «Расцветали яблони и груши...» и т. п.);

- нетребовательность, выносливость, терпеливость;

- вера в чудесное светлое будущее, гарантированное партией.

«Типичный советский человек», конечно, был далек от гуманистической интеллигентности, но в столице сталинского тоталитаризма чудесным образом возник и даже сохранился до наших дней заповедный *островок библиотечного гуманизма*. Этот островок имеет московский адрес: Государственная (с 1948 г. – Всесоюзная, с 1991 – Всероссийская) библиотека иностранной литературы (ВГБИЛ). Основатель и первый директор Библиотеки *Маргарита Ивановна Рудомино* (1900–1990) – достойнейший представитель героического поколения библиотечной интеллигенции, недаром Д.С. Лихачев назвал её «великим библиотекарем»¹²⁹. Каковы основания для столь высокого титула?

ВГБИЛ – библиотека уникальная, беспрецедентная, ни в одной стране мира нет ничего подобного, а М.И. Рудомино – единственный советский библиотечный работник, имевший право в условиях фактического огосударствления библиотечной сети в СССР называть ВГБИЛ «моя библиотека». В 1921 году «исхудавшая, изябшая девочка с распухшими от холода пальцами» по собственной инициативе привезла в Москву из родного Саратова семейную коллекцию книг по лингвистике и методике преподавания иностранных языков, помещившуюся в одном шкафу. За 50 лет произошло чудо: семейная коллекция выросла до многомиллионного фонда всесоюзной библиотеки, а «изябшая девочка» превратилась в «удивительную женщину удивительной судьбы», которую «создавала сама, своим умом, сердцем, руками, всей своей самоотверженной жизнью, отданной книгам, людям, семье», «легендарную личность», «добрую и светлую душу, пережившую злое и темное время». По словам В.А. Артисевич, она оставила «неизгладимый след в библиотечной профес-

¹²⁹ Лихачев Д.С. Великий библиотекарь // Великий библиотекарь. Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990). – М., 1991. С. 5–7.

сии, в становлении библиотечного дела в нашей стране и в деятельности ИФЛА» (не случайно её, единственную из наших соотечественников, избрали пожизненным почетным вице-президентом ИФЛА).

М.И. Рудомино – героиня трех мемуарных сборников, ставших незаменимыми источниками для истории библиотечного дела и библиотечной профессии нашей страны¹³⁰. Надеюсь, что, несмотря на скромные тиражи, эти сборники будут заинтересованно проштудированы библиотечной интеллигенцией. В контексте нашей книги важно подчеркнуть, что опубликованные воспоминания и размышления Маргариты Ивановны, её современников и коллег позволяют уточнить слова Д.С. Лихачева: не «великий библиотекарь», а «*великий библиотечный интеллигент*».

Высочайшая интеллигентность Рудомино становится очевидной, если сопоставить её личностные качества с составляющими формулы интеллигентности. Человек, свободно владеющий тремя европейскими языками и прекрасно знающий литературу разных стран, безусловно, *очень образован*. Человек, более полувека руководивший единственной в своем роде библиотекой и в условиях советского тоталитаризма сумевший превратить её в храм общечеловеческой культуры, – несомненно, обладает выдающейся *креативностью*. Наконец, интеллигентский этос, заключающийся в альтруистическом служении своему долгу, гуманистической толерантности, благоговении перед Культурой и Книгой, был в высшей степени присущ М.И. Рудомино. Только интеллигент-книжник мог в минуту откровенности написать в своей записной книжке: «Судьба была исключительно благосклонна ко мне: всю мою сознательную жизнь я провела в мире книг. И это великое счастье».

Интеллигентность М.И. Рудомино, по воспоминаниям современников, ярко проявлялась в её контактах с окружающими: «Всегда улыбающееся, доброжелательное лицо, приветливость, уважение к чужому мнению, общительность, стремление к сотрудничеству, постоянная готовность оказать помощь тому, кто в ней нуждается». Она «обладала замечательным качеством никогда не говорить дурно о других и была верным другом тех, кто был ей близок по духу». «У нее был живой ум, организаторский талант, государственный подход к решению проблем и необычайная энергия». Поистине великий библиотечный интеллигент-гуманист! Но главным и удивительным достижением Маргариты Ивановны Рудомино является «островок библиотечного гуманизма».

Появление подобного «островка» в жестокую пору «большого террора» и «усиления классовой борьбы» было чудом, не поддающимся рациональному объяснению. Я не думаю, что по своему гражданскому самоопределению

¹³⁰ Великий библиотекарь. Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990). – М.: Изд-во «Рудомино», 1991. – 217 с.; Рудомино М.И. Моя библиотека / Подготовка текста и комментарии А.В. Рудомино. – М.: Изд-во «Рудомино», 2000. – 304 с.; Рудомино М.И. Книги моей судьбы. Воспоминания ровесницы XX века. – М.: Прогресс-Плеяда, 2005. 480 с.

М.И. Рудомино была искусно маскирующимся врагом советской власти, скорее, она относилась к личностям «несмотря на», которые увлеченно служили своему призванию, а не партийной идеологии. Она была не номенклатурный функционер, а «стихийный демократ». В подборе кадров она руководствовалась деловыми, а не идеологическими соображениями. В Библиотеке находили приют и добросовестно трудились бывшие дворяне и буржуазные интеллигенты, прекрасно знавшие иностранные языки. В 1930 году в Библиотеке работал лишь один член ВКП(б) – заместитель директора С.А. Лопашов. Удивительно, что Библиотека иностранной литературы в 30-е годы оказалась едва ли не единственным в Москве местом, в котором не обнаружили «вражеского гнезда». А ведь проверяли эту «иностранку» весьма придирчиво.

М.И. Рудомино вспоминала: «Середина и вторая половина 1930-х годов были тяжелыми. Чистки и аресты охватили все учреждения. Порой становилось жутко. Одна комиссия за другой. Почему, например, эта книга выдается? Вы протаскиваете буржуазные идеи? А другая комиссия, глядя на эту же книгу через месяц в закрытом фонде, обвиняла в том, что мы лишаем народ хорошей, нужной книги... Аресты 1937–1938 годов меня лично обошли. Мне кажется, что меня спасло то, что я и мой муж не были в дружбе, как говорят, «домами» с известными людьми того времени, хотя мои возможности здесь были огромны. Жили мы довольно замкнуто»¹³¹. В 40-е годы, во время борьбы с генетиками и космополитами, Рудомино охотно принимала на работу репрессированных ученых, которые шутливо называли себя «Маргариты Ивановны падшие ангелы». Е.Ю. Гениева свидетельствует: «Она дала возможность работать многим из тех, кому был перекрыт доступ в академические институты, вузы, редакции. Она делала то же, что и Франция для наших эмигрантов: спасала людей от гибели»¹³². И вновь бдительные органы обошли её стороной. Подозреваю, что дело не в аскетической скромности интеллигентного директора, а в политических расчетах власти, которая видела в уникальной библиотеке одно из впечатляющих завоеваний социалистической культуры¹³³.

Благодарные читатели ощущали особенную духовную атмосферу ВГБИЛ, поэтому «ходили в Библиотеку не только для научных изысканий, но и потому, что в ней было комфортное культурное пространство. Изучение иностранных языков, овладение культурными богатствами других народов расширяло кру-

¹³¹ Рудомино М.И. Книги моей судьбы. Воспоминания ровесницы XX века. – М., 2005. С. 189, 192.

¹³² Гениева Е.Ю. Трудная дорога к храму. Судьбы российских библиотек на рубеже веков. – М., 2004. С. 26.

¹³³ Демократические взгляды М.И. Рудомино проявились в разработанной ею в 1989 году программе перестройки советского библиотечного дела. В эту программу вошли: библиотечный закон, библиотечное общество, устранение ведомственных ориентаций в библиотечном образовании. (Владимиров Л.И. Почетный вице-президент // Рудомино М.И. Книги моей судьбы. Воспоминания ровесницы XX века. – М., 2005. С. 461).

гозор, учило думать. В результате происходило сотворение не только высококвалифицированного, но и высококультурного, интеллигентного человека»¹³⁴. Превратить библиотеку в «фабрику интеллигенции» – кто, кроме «великого библиотечного интеллигента», смог бы сотворить это чудо? М.И. Рудомино смогла. И еще об одном чудесном, беспрецедентном явлении нельзя не вспомнить: присвоение имени Рудомино её Библиотеке. Таким образом, ВГБИЛ стала памятником библиотечной интеллигентности. Много ли было «островков библиотечного гуманизма» в библиосфере советского тоталитаризма? Неизвестно, хотя наверняка они существовали в библиотеках и библиотечных школах, пусть даже прикрытые маскарадом квазигуманизма. К сожалению, сегодня известен только один адрес – ВГБИЛ, но и он весьма значим, потому что реабилитирует героическое поколение библиотечной интеллигенции от обвинений в рабологии перед деспотической властью.

Открытого протеста сталинизм не знал. Интеллектуальный слой, «мозг нации», не протестовал, и в качестве борца со сталинизмом выступил «простой советский человек». Н.С. Хрущев не обладал интеллигентностью в силу недостаточной образованности. Он был типичный большевистский «выдвиженец» 30-х годов. Внешне простоватый, но расторопный и сообразительный активист сумел завоевать доверие Вождя и вошел в узкий круг его приближенных. Он стал свидетелем, а иногда и вынужденным соучастником сталинских преступлений, против которых восставала его альтруистическая натура. Постепенно из полуинтеллектуала-фанатика он переродился в полуинтеллигента-еретика, скрытого критика сталинизма. После смерти Сталина ему удалось встать во главе партии и выполнить чрезвычайно сложную, исторически беспрецедентную задачу: дискредитировать квазирелигиозный культ Вождя и реабилитировать его жертвы. Можно сказать, что *полуинтеллигентный homo soveticus* нанес поражение непобедимому интеллектуальному большевизму.

Это поражение не было концом большевистского тоталитаризма. После XX съезда КПСС (1956) большевизм *сменил имидж*: вместо репрессивного сталинизма он предстал в виде гуманного ленинизма. Наступила «оттепель», которая взбудорила стареющее поколение героических интеллигентов. Культ Сталина сменил культ «самого человеческого человека» В.И. Ленина, который начал «верный ленинец» Н.С. Хрущев и продолжил «верный ленинец» Л.И. Брежнев. На волне тяги к человечности привлекательно выглядел хозяйственный полуинтеллигент Хрущев. Современники справедливо признают: «Он был, несомненно, самой характерной личностью эпохи, затмевая ярким своеобразием современных ему художников, ученых, артистов... трудно даже сказать, кто кого породил: Хрущев 60-е или 60-е – Хрущева»¹³⁵. Во всяком слу-

¹³⁴ Великий библиотекарь. Маргарита Ивановна Рудомино (1900–1990). – М.: Изд-во «Рудомино», 1991. С. 181.

¹³⁵ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – М., 1996. С. 220.

чае, очевидно, что интеллигентское поколение шестидесятников многим обязано полуинтеллигенту Н.С. Хрущеву.

Времена великих перемен, охватывающие три поколения: шестидесятников, восьмидесятников и информационное поколение, образуют не целостную эпоху в истории библиотечной интеллигенции, а *переходный период* от эпохи индустриальной книжной коммуникации к эпохе информационной (цифровой, электронной) коммуникации. В этом движении роль различных поколений различна. Поколение шестидесятников (ВП-1) решило две задачи: 1) теоретическое обобщение концепций Книги, Библиотеки, Библиографии, выдвинутых эпохой индустриальной книжности; 2) формирование основ информационной сферы. Поколение восьмидесятников столкнулось с двумя другими проблемами: 1) агрессивная глобализация сети Интернет, претендующей стать альтернативой традиционной библиосферы; 2) кризисные явления в библиосфере (см. Вступление). Наконец, на долю информационного поколения досталась адаптация к культурному пространству информационного общества XXI века, контуры которого формируются на наших глазах. В последующих главах мы намерены рассмотреть особенности великих перемен в библиосфере и инфосфере, которые начались во второй половине прошлого века и продолжают сегодня.

ГЛАВА 4

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
БИБЛИОСФЕРЫ**

В предыдущих главах мы проследили почти тысячелетнюю историю зарождения и развития российской книжности, начиная с христианизации Руси и заканчивая литературным карнавалом Серебряного века. Были охарактеризованы поколения библиотечной интеллигенции и культурное пространство их обитания, отмечены достижения книжного просвещения и антикнижные акции власти, упомянуты имена выдающихся интеллигентов-книжников, персонифицирующих социально-культурные поколения. Однако мы оставили в стороне формирование профессионального сознания практиков книжного дела и попытки научного осмысления феномена Книги, библиосферы и библиотечно-библиографической деятельности. В настоящее время отсутствует целостное учение о библиосфере, которое можно было бы назвать *библиософия*. Задача настоящей главы не изложение основ библиософии, а обзор тех теоретических проблем, которые, вероятно, войдут в её содержание. Имеются в виду исторические предпосылки формирования учения о библиосфере, обоснование понятия о библиосфере, её структуре и функциях, а также определение перспектив развития библиосферы в связи с приоритетами информационного общества.

4.1. СИНКРЕТИЧЕСКАЯ НАУКА О КНИГЕ

4.1.1. Европейское Просвещение и книгоцентризм. Эпохой Просвещения принято считать период в истории Европы, хронологически заключенный между английской революцией в середине XVII века и великой французской революцией конца XVIII века. Можно это время считать и эпохой формирования книгоцентристской культуры в странах Европы. Этот вывод подтверждают данные о развитии книгопечатания и библиотечного дела, первые опыты книготорговой и национальной библиографии в Англии и во Франции в XVI–XVIII веках¹.

Просвещенный XVIII век воззвал к гуманистическим идеалам разума, науки, свободной личности и предпринимательской инициативы. Были введены в оборот понятия «природы человека» и «естественных прав человека»². *Дени Дидро* (1713–1784) – наиболее яркий представитель просветите-

¹ См.: Шомракова И.А., Баренбаум И.Е. Всеобщая история книги. – СПб: Профессия, 2005. 368 с.; Гудовщикова И.В., Лютова К.В. Общая иностранная библиография. – М.: Книга, 1978. 224 с.; Симон К.Р. История иностранной библиографии: изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. 736 с.

² Естественное право – понятие политической и правовой мысли, означающее совокупность норм, принципов, прав и запретов, продиктованных природой человека и не зависящих от законодательного признания или непризнания их государственной властью.

лей-гуманистов, который прославится в качестве философа-материалиста, талантливый литератор, теоретик искусства и (великое дело его жизни!) главного идеолога и редактора уникального издания – «Энциклопедия, или Толковый словарь искусств, наук и ремёсел». Он сумел увлечь идеей книжного энциклопедизма не только книгоиздателей-коммерсантов, но и лучшие умы своего времени. Исполнителей грандиозного энциклопедического проекта вдохновляла гуманистическая уверенность, что запечатление в Книге накопленных человечеством знаний, их практическое использование для разумной организации общества и производства всевозможных благ позволят устранить невежество, тиранию, нищету и утвердить повсеместно свободу, равенство, братство. Среди авторов Энциклопедии блистает уникальное созвездие французских просветителей – Вольтер и Монтескье, Гольбах и Руссо, Даламбер и Бюффон; крупнейшие архитекторы, химики, врачи, юристы Франции считали для себя честью участвовать в «Энциклопедии».

Бремя организационно-политических и творческо-редакторских забот, которое взял на себя Дени Дидро, было нелегким и небезопасным. Генеральный прокурор Франции объявил в 1759 году, что «Энциклопедия» представляет собой антигосударственный заговор, угрожающий безопасности королевства, папа римский Климент VII издал энциклику, в которой угрожал отлучением от церкви всем покупающим и читающим «Энциклопедию». Но были и доброжелатели. Екатерина Великая предложила Дидро должность личного библиотекаря русской императрицы с годовым окладом в 1000 франков. Жалованье ему выплатили за 50 лет вперед, и это существенно поправило материальное положение энциклопедиста. Издание «Энциклопедии» продолжалось с 1751 до 1780 год, вышли в свет 35 томов, в которых содержались около 80 тысяч статей и около 3 тысяч иллюстраций к ним. В результате был создан уникальный книжный памятник, концентрировавший гуманистическую идеологию и социально-экономические тенденции эпохи Просвещения. По словам историка науки Джона Бернала, «Энциклопедия» стала «библией нового либерализма, объединившей свободную мысль с наукой, промышленностью и принципом *laissez faire*»³.

Чтобы дать представление о духовном облике героя эпохи Просвещения, процитируем фрагмент энциклопедической статьи «Литератор», принадлежащей перу *Вольтера* и опубликованной в 1754 году в 7-м томе «Энциклопедии». Вольтер писал: «Одно из огромных преимуществ нашего века – множество образованных людей, легко переходящих от шипов математики к цветам поэзии и одинаково хорошо судящих и о книге, посвященной метафизике, и о театральной пьесе; этим они превосходят образованных людей предыдущих столетий. Глубокий и утонченный интеллект многих из них,

³ Бернал Д. Наука в истории общества. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 292.

интеллект, коим пропитаны их сочинения и беседы, во многом способствует образованию и просвещению нации; подкрепленная здоровой философией, их критика разрушила все предрассудки, которыми было заражено общество. Литератор – это совсем не то, что называется остроумным человеком: в человеке просто остроумном меньше культуры, меньше знаний, от него не требуется никакой философии; ему присущи, главным образом, блестящее воображение и изящная речь, что достигается чтением работ общего характера»⁴. Не будет большим преувеличением отождествить «литератора» Вольтера с русским «библиотечным интеллигентом», о котором говорилось в параграфе 2.3.

Философы XVIII века не останавливались специально на роли книжной коммуникации в научном и нравственном просвещении, по-видимому, считая эту роль очевидной и не требующей доказательств. Только Вольтер высказался по этому поводу в свойственной ему иронической манере, написав в 1765 году эссе «О страшном вреде чтения». Приведем фрагмент этого образца изысканного остроумия. «Мы, Юсуф-Шериби, милостью Божией муфтий священной Оттоманской Империи, нашли целесообразным осудить, запретить, предать проклятию адское изобретение книгопечатания, ибо столь легкий способ передавать свои мысли, очевидно, имеет целью рассеять невежество, кое составляет охрану и спасение всякого благоустроенного государства. Может также случиться, что какие-нибудь презренные философы под благовидным, но в сущности достойным наказания предлогом просвещения людей и поднятия их нравственного уровня, станут проповедовать опасные добродетели, о которых народ никогда не должен иметь понятия. По сим и по другим причинам, в целях поучения правоверных и спасения их душ, мы запрещаем им читать какую-либо книгу под страхом вечного проклятия. Для ограждения их от дьявольского искушения учиться чему-либо мы запрещаем отцам и матерям учить своих детей читать. А для предупреждения всякого ослушания нашему распоряжению мы строго запрещаем им думать под страхом того же наказания»⁵. Из этого эссе вдумчивый читатель должен понять, что только чтение книг, только книгопечатание служат гарантией гуманистического просвещения. Поскольку критерием просвещенности человека служит его начитанность, книги следует почитать как неисчерпаемые и незаменимые источники знаний. Фактически Вольтер констатирует *книгоцентризм* просвещения, *взаимообусловленность* и *коэволюцию* книжности и просвещения.

В отличие от XX столетия, библиография в эпоху Просвещения понималась не как вспомогательное справочное средство, а как *полноценная гуманитарная наука*, предметом которой является изучение и описание всех произведений письменности и печати в качестве хранилищ и способов передачи

⁴ Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. – М.: Наука, 1994. С. 331.

⁵ Вольтер. Собр. соч. в 3-х т. – СПб : Изд-во «Вестника знания», б.г. Т. 1. С. 211–212.

человеческого знания. Научный статус библиографии подтверждает шедевр европейского Просвещения – опубликованное в 1782 году «Рассуждение о библиографической науке и обязанностях библиографа» *Жана Франсуа Нэ де ла Рошеля* (1751–1837), о котором необходимо сказать особо. Тем более, что Н.К. Леликова пришла к заключению, что оно «оказало существенное влияние на развитие книговедения и теории библиографии не только во Франции, но и за её пределами»⁶. В.П. Леонов озаботился полным переводом трактата Ж.Ф. Нэ де ла Рошеля на русский язык и выразил его пафос афоризмом: «Библиография – это профессия, это – наука, это – искусство невозможного»⁷.

Сочинение Нэ де ла Рошеля замечательно тем, что оно содержит *Декларацию библиографического кредо*: «Библиография – наука о книжном Мире и описание того, что его составляет, подобно тому, как география есть наука, описывающая Мир земной; но открытия в области земного Мира когда-нибудь завершатся, а открытия книжного Мира не будут иметь конца никогда; и кроме того, по мере развития искусств и наук исследования в Библиографии станут более насущными»⁸. «Библиографическая наука, – утверждает Нэ де ла Рошель, – делится на две ветви, одна из которых связана с Литературой (Книжностью), а другая – с механизмом Типографского Искусства». Об энциклопедизме библиографической науки свидетельствуют её взаимосвязи с философией, красноречием, математикой, географией, хронологией, историей, дипломатикой и другими гуманитарными науками, перечисленными в «Рассуждении...»

Красочно описаны личностные качества истинного Библиографа: «Неустанно трудясь среди древних и современных произведений, Библиограф должен стать тем редко встречающимся человеком – универсально образованным, судящим обо всем на разных языках, который так необходим различным обществам. Он поддерживает связи со всеми странами. Он ведет устные и письменные беседы с иностранными учеными; он неизменно готов ответить на их вопросы и помочь им в выборе тех авторов, которых они желают для себя заказать. Своей должностью он предназначен знать все Книги – полезные, редкие и любопытные не только по названию, но более всего по содержанию. Его жизнь проходит за их чтением, анализом, классификацией и описанием, в посещении Библиотек и Кабинетов для преумножения собственных познаний; он определяет то, что современные авторы добавили нового к трудам древних, и то, что древние постигли ранее современных. Он не ищет развлечений, которые помешали бы его исследованиям, но ждет у себя тех, кого к нему приводит потребность в его мнении». Декларация Нэ де ла Рошеля была хорошо известна сотрудникам Императорской Публичной би-

⁶ Там же. С. 41–44.

⁷ Леонов В.П. Библиография как профессия. – М.: Наука, 2005. С. 105–118.

⁸ Цитируем по книге В.П. Леонова.

блиотеки в Петербурге, и не случайно В.С. Сопиков посчитал необходимым воспроизвести некоторые её положения в «Предуведомлении» своего знаменитого «Опыта российской библиографии».

4.1.2. Зарождение науки о книге в России. Идею науки о книге, как показал Ю.Н. Столяров, еще в XVIII веке высказывал сподвижник Петра Великого российский просветитель-энциклопедист Василий Никитич Татищев (1686–1750)⁹. Однако зарождение в России синкретической науки о книге произошло гораздо позднее и не без воздействия со стороны европейского книгоцентризма. *Синкретическая наука о книге* – закономерное следствие просветительского энциклопедизма, мечтавшего охватить весь универсум человеческого знания, запечатленный в книжной форме. *Синкретическим* будем считать такое учение, в котором книжность рассматривается в единстве всех своих проявлений, без дифференциации библиографических, библиотечных, книготорговых, книгоиздательских и прочих аспектов¹⁰. Запутывает картину тот факт, что синкретическое учение при одинаковом по сути содержанию может называться «библиография», «библиология», «книговедение», «библиотековедение», не говоря о таких экзотических терминах, как «библиогнозия» или «библиософия». Современные библиографоведы трактуют золотой век дворянской культуры пушкинско-гоголевского поколения как «начальный этап книговедческой концепции библиографии» (Э.К. Беспалова) или как начало «библиографического периода науки о книге» (Н.К. Леликова). Мы назовем его периодом зарождения синкретической стадии познания Книги.

Синкретическая стадия оказалась весьма длительной, она продолжалась в России более столетия: со статьи В.Г. Анастасевича «О библиографии», опубликованной в 1811 году, до статьи Н.М. Лисовского «Книговедение как предмет преподавания, о его сущности и задачах» (1915). На этой стадии происходило познание феномена книжной коммуникации, но в синкретическом виде, не знаящем дифференциации книговедческой, библиотековедческой и библиографоведческой мысли. Для ученых библиографов, занятых библиографическими разысканиями, атрибуциями, датировками текстов, казалось естественным и логичным включить знания о книгах в состав библиографических знаний, а библиографический труд почитать источником книговедческих истин. Напрашивалась причинно-следственная связь: необходимым условием научной библиографической практики является позна-

⁹ Столяров Ю.Н. В.Н. Татищев как книговед (К 300-летию со дня рождения) // Книга. Исследования и материалы. – 1986. Сб. 56. С. 144–153; Он же. Василий Никитич Татищев (К 300-летию со дня рождения) // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1986. № 8. С. 16.

¹⁰ **Синкретизм** – слитность, нерасчлененность, первоначальное, неразвитое состояние чего-либо, например, синкретизм первобытного искусства – единство танца, музыки и пения.

ние мира книг, следовательно, библиограф должен быть книговедом, а научная библиография (библиография-наука) суть книговедение (библиология), то есть *синкретическая* (единая и единственная) наука о книге. Поэтому В.Г. Анастасевич (1775–1845) трактовал библиографию то как «библиологию» = «книгословие», то как «науку о книгах», то как «книгописание или науку знать книги и по их содержанию полагать в приличных разрядах по общей или принятой системе»¹¹.

В отечественной науке синкретическая стадия была впервые обозначена Э.К. Беспаловой в контексте «исторической эпистемологии библиографоведения»¹² и всесторонне рассмотрена Н.К. Леликовой¹³. В период зарождения синкретического учения о книге замечательными событиями были, во-первых, новаторские проекты в области библиографической практики; во-вторых, попытки теоретического осмысления книжных коммуникаций. Профессионализация библиографической деятельности в первой половине XIX века еще не произошла, поэтому и практические проекты, и теоретические изыскания осуществлялись на *любительской основе*. Практические проекты хорошо известны и давно отражены в учебниках по общей библиографии. Мы имеем в виду критико-библиографический журнал И.Ф. Буле «Московские ученые ведомости» (1805–1807); изданное в 1810–1811 годах «Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год», составленное по образцу немецких «репертуриев литературы» учеными академиками А.К. Шторхом и Ф.П. Аделунгом; «Библиографические листы» П.И. Кеппена, промелькнувшие в 1825 году; каталоги коммерческих библиотек В.А. Плавильщикова, А.Ф. Смирдина и других книгоиздателей, а также библиографическую журналистику, ставшую неперемнным отделом отечественной периодики. Наивысшим достижением библиографической практики первой половины XIX века, бесспорно, является «Опыт российской библиографии» *Василия Степановича Сопикова* (1765–1818).

«Опыт» В.С. Сопикова уникален по нескольким причинам: в нем впервые реализована мечта о полном своде русской книги от начала книгопечатания до 1816 (частично 1818) года, включившем в себя 13 249 книг и журналов на русском и церковно-славянском языках в России и за рубежом; воплощена просветительская идея о самообразовательном чтении, чему служат выделение курсивом наиболее ценных изданий, выписки из книг и рекомендательные аннотации; в «Предуведомлении» изложена гуманистическая доктрина библиографии как энциклопедической, то бишь «пространнейшей науки из всех человеческих познаний», которая «показывает состояние и посте-

¹¹ Анастасевич В.Г. О библиографии // Улей. – 1811. Ч. 1. № 1. С. 14.

¹² Беспалова Э.К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.): монография. – М.: Изд-во МГУК, 1994. 282 с.

¹³ Леликова Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. – СПб: РНБ, 2004. 415 с.

пенное распространение наук, образует вкус читателей к хорошим сочинениям». Рассматривая библиографию как средство народного просвещения, В.С. Сопиков настаивал на выполнении библиографом (библиотекарем) роли наставника, подчеркивая: «обязанность его бывает еще священнейшею, когда любопытное юношество, жаждущее всякого рода познаний, имеет в нем надежного и просвещенного руководителя, открывающего ему чистейшие источники». Сопикова часто называют *отцом русской библиографии*, мы же полагаем, что ему по праву принадлежит титул не просто «отца библиографии», а *отца русской просветительской библиографии*.

Что касается научного уровня синкретического учения о Книге, то надо признать, что в первой половине XIX века обнаруживается скорее неосознанная и логически неотрефлексированная *тоска о науке*, чем комплекс научного знания. Тем не менее, элементы комплекса присутствуют, что позволило Э.К. Беспаловой в её монографии говорить о *теоретических взглядах* В.Г. Анастасевича и В.С. Сопикова¹⁴. Стало быть, можно отметить зарождение библиографоведческой мысли на начальном этапе синкретической стадии познания Книги российскими библиотекарями-библиографами.

Подводя итоги, обратим внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, понимание библиографии как обобщающей, подытоживающей дисциплины о Мире рукописной и печатной Книги означает присвоение ей статуса *метатеории*, ибо обобщение и подытоживание знаний, добытых различными науками, есть метатеоретическая задача. Однако решить эту задачу в рамках эмпирической «науки о книге» XVIII века, конечно, было невозможно. Поэтому декларация Нэ де ла Рошеля отражает не реальное, а *мифологическое* представление о библиографической науке. Во-вторых, выдвижение библиографии на роль обобщающей науки о книге не случайно. Оно свидетельствует о взаимодействии всех областей книжного дела с библиографической практикой (описание, систематизация, поиск), но это взаимодействие осуществлялось на эмпирическом, а не теоретическом уровне. Поэтому библиографию логично квалифицировать как *инфраструктуру*, а не как метатеорию. В-третьих, синкретическая книгоцентристская целостность – состояние не устойчивое, по мере развития книжной коммуникации должна произойти его дифференциация (разделение) и образование *комплекса* относительно самостоятельных научных дисциплин. Как оказалось, образование комплекса книгоцентристских наук – процесс длительный, связанный с различными социально-коммуникационными факторами. Одно из специфических явлений российской книжной культуры пореформенного поколения библиотечной интеллигенции – раздвоение библиографического кредо.

¹⁴ Беспалова Э.К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.): монография. – М.: Изд-во МГУК, 1994. С. 79–94.

4.1.3. Раздвоение библиографического кредо связано с «первой теоретической дискуссией об общественном назначении библиографии»¹⁵, которая способствовала формированию просветительской парадигмы российской библиографии. Н.В. Здобнов в своей «Истории русской библиографии» вполне определенно толкует о *раздвоении библиографического сознания*, рассматривая антагонистическое столкновение двух «основных течений библиографической мысли: просветительского и формалистического». Причина столкновения – разное понимание «сущности библиографии», которое Здобнов демонстрирует цитатами из сочинений «просветителя» М.Л. Михайлова, «развивавшего толкование библиографии, данное Сопиковым», и «формалиста» Г.Н. Геннади, выражавшего точку зрения «глубоко вкоренившуюся в сознание многих видных русских библиографов»¹⁶. Формулировка Михайлова: «Сущность библиографии состоит в разыскании книг, критическом освоении их содержания и классификации с целью активной и компетентной помощи читателю в выборе и использовании книг в зависимости от их качества». По мнению Геннади, «библиография ограничивается только формальным знанием о книге: что, когда и кем писано или печатано и где хранится; но как написано, каково качество содержания, что лучше или что хуже из написанного и напечатанного, это библиографию не интересует. Книга рассматривается только как вещь. Никакой руководящей роли в работе читателя с книгой за библиографией Геннади не признает».

Сделаем оговорку. По сути дела антагонизма между «просветителями» и «формалистами» в XIX столетии не было, и мы согласны с комментарием Н.К. Леликовой, высказавшей сомнение в корректности изложения убеждений «знатока редкой книги» М.Л. Михайлова: «Здобнов приписывает Михайлову мысли, которых он не излагал, и позицию, которую последний, скорее всего, не занимал»¹⁷. Тем не менее через всю историю дореволюционной библиографии, как эмоционально писал Б.С. Боднарский¹⁸, проходит раскол русских библиографов «на два толка: библиографов-общественников и академистов». *Библиографы-общественники*, они же *просветители-демократы*, руководствуясь кредо «Библиография для народа!», осуществляют компетентную помощь в выборе книг; *библиографы-академисты*, они же *формалисты-энциклопедисты*, реализуя кредо «Библиография ради библиографии!», трудятся над составлением «полных и точных списков книг в си-

¹⁵ Беспалова Э.К. Формирование библиографической мысли в России (до 60-х гг. XIX в.): монография. – М.: МГУК, 1994. С. 213–229.

¹⁶ Здобнов Н.В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века / Комментированное издание под ред. Н.К. Леликовой, М.П. Лепехина. – М.: Русское слово, 2012. С. 287–291.

¹⁷ Там же. С. 886.

¹⁸ Боднарский Б.С. Библиография как синтез книжной мысли // Библиографические известия. – 1916. – № 3–4. С. 83–90.

стематическом виде». Напомним имена классиков отечественной библиографии того и другого «толка» 60-х – 90-х гг.

Классическим формалистом считается *Г.Н. Геннади* (1826–1880), который не признавал «никакой руководящей роли в работе читателя с книгой за библиографией». Славу «непревзойденного библиографа XIX столетия» принесли вдохновенному любителю-энциклопедисту два библиографических труда, до сих пор не утративших справочного значения: «Литература русской библиографии. Описание библиографических книг и статей, изданных в России» (1855) и четырехтомный «Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 гг.» (первый том был издан в 1876 г.). «Литература русской библиографии» – первая в мире (!) национальная ретроспективная библиография библиографии (библиография второй степени). Разумея «библиографию в обширном смысле как книговедение или книгознание», Геннади, помимо собственно библиографической летописи, включил в свою книгу разделы, посвященные журналистике, библиотекам, книжному делу и книжной торговле, библиофилии и библиомании. В итоге получилась подлинная «энциклопедия библиосферы».

Г.Н. Геннади не был «одиноким вершиной» среди библиографов-библиофилов середины позапрошлого века. Его литературно-библиографическую деятельность продолжил *Д.Д. Языков* (1850–1918), выпускавший словари-ежегодники «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей». Одним из классических произведений русской библиографии является принадлежащее *А.Н. Неустрову* (1825–1902) «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных» (1874), которое автор в 1898 году обогатил многоаспектным «Указателем». Разносторонним деятелем русской книжности – страстным библиофилом, трудолюбивым библиографом, компетентным литературоведом и редактором огромного числа сочинений русских писателей был *Петр Александрович Ефремов* (1830–1907). Ефремов решил грандиозную учетно-библиографическую задачу: под маркой книготорговой росписи изданий, якобы продаваемых в книжных магазинах братьев Глазуновых, он составил репертуар русских книг за 1855–1866 гг., который затем довел до 1873 года. Культурно-историческое значение этого библиографического подвига трудно переоценить. Как ученый-исследователь П.А. Ефремов принадлежал к так называемой «фактической школе», ставившей во главу угла добывание новых фактов истории книги, литературы, культуры. Именно поэтому он получил репутацию либерального и требовательного формалиста.

С легкой руки Н.В. Здобнова титул «первого профессионального библиографа» закрепился за *Владимиром Измайловичем Межовым* (1830–1894), хотя, строго говоря, профессиональными библиотекарями-библиографами

можно считать и штатного сотрудника Императорской Публичной библиотеки В.С. Сопикова и братьев П.П. Ламбина (1814–1871) и Б.П. Ламбина (1827–1893), сотрудников Академической библиотеки. Точнее полагать В.И. Межова не «первым библиографом-профессионалом», а *первым библиографом-предпринимателем*, живущим личным библиографическим трудом, а не на государственное жалованье. В отличие от коммерсантов-книгоиздателей, предлагавших полиграфически тиражированную книгу, Межов торговал выполненными вручную библиографическими пособиями и каким-то чудом ухитрялся находить платежеспособных покупателей. Опыт Межова остался уникальным, однако появление в библиографии частного предпринимательства – интересное свидетельство созревания библиографического социального института.

Если библиографов-формалистов «академического толка» манила мечта о создании всеобъемлющего национального книжного репертуара, то библиографы-«общественники» были озабочены тем, как научить народ грамоте, и тем, что читать грамотным простолюдинам. Эти заботы обусловили возникновение в эпоху «великих реформ» *рекомендательной библиографии для массового читателя*. Сразу же новорожденный вид библиографии разделился на два течения: консервативно-охранительное и либерально-демократическое. *Консервативно-охранительный* характер носили библиографические списки «Книга для народа», которые в 1861–1869 гг. публиковались на страницах органа Киевской духовной академии «Руководство для сельских пастырей». Министерство народного просвещения подготовило «Реестр книг, которые могли бы быть с пользою употреблены в начальных народных училищах» (1863), затем список книг, одобренных для гимназий и прогимназий (1865). Церковное руководство, в свою очередь, опубликовало составленный священником А. Ивановым «Указатель книг для народа», официально рекомендованный для церковно-приходских и училищных библиотек.

Зачинателем *демократической* рекомендательной библиографии считается Ф.Г. Толль (1823–1867), один из приговоренных к расстрелу по делу петрашевцев, милостиво замененных каторжными работами. В 1859 году ему разрешили вернуться в Петербург, где он интенсивно занялся библиографической и словарной работой. Н.В. Здобнов называет Толля «бесспорно выдающимся библиографом», ярко проявившим себя в библиографии детской литературы. Основной труд Ф.Г. Толля – «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон)», изданный в 3 томах в 1863–1864 гг. Продолжателем демократической традиции Толля в области библиографии детской литературы стал В.И. Водозовов (1825–1886), видный теоретик и практик отечественной педагогики, единомышленник К.Д. Ушинского. Громкую известность получила энергичная и новаторская просветительская деятельность кружка харьковских учительниц во главе с *Христиной Даниловной Алчевской* (1841–1920). На основе

изучения читательских интересов Х.Д. Алчевской был составлен рекомендательный указатель книг для народного чтения «Что читать народу?» (тома 1–3, 1884–1906).

В 90-х годах фонд рекомендательной библиографии обогатился двухтомником «Книга о книгах. Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знания» (М., 1892). Редактор издания – авторитетный экономист и общественный деятель, действительный член Академии наук *И.И. Янжул* (1846–1914), который сумел привлечь в качестве авторов более 130 российских ученых, почти всю научную элиту того времени. Указатель был адресован не народным массам, а «представителям так называемого образованного общества» и «университетской молодежи». Большим спросом пользовались многократно переиздаваемые программы чтения, которые в Москве и Петербурге разрабатывали общественные организации, имевшие целью «помощь самообразованию демократической интеллигенции». В составлении этих программ считали своим долгом участвовать лучшие профессора и ученые России. Не будет преувеличением назвать 90-е годы «звездным часом рекомендательной библиографии XIX века». Причем парадоксальным образом ее расцвет обеспечивали не профессионалы библиографического дела, а очарованные Книгой интеллигенты-книжники, учителя и академики, профессора и библиофилы, образовавшие неформальную библиографическую корпорацию. Повышенный спрос на Книгу всех слоев населения объясняется интеллигентизацией российского общества Серебряного века. В профессиональном сознании библиотечной интеллигенции революционного поколения утвердились два утопических проекта, вдохновленных, надо подчеркнуть, самыми высокими, хотя и разными, гуманистическими побуждениями:

- *Энциклопедическая утопия* – всеобъемлюще инвентаризировать книжное пространство «от великого философского трактата до пошленькой брошюрки и преискуранта включительно»;
- *Просветительская утопия* – гармонично согласовать книжное пространство и социальное пространство по принципу: каждому читателю – его книгу, каждую книгу – её читателю.

Мы называем эти проекты утопическими, потому что их практическая реализация невозможна. Но в профессионально-педагогическом и научно-гипотетическом плане смелые утопии всегда были привлекательны и плодотворны. Подобно тому, как мечта средневековых алхимиков о *lapis philosophorum* – «философском камне», способном превращать неблагородные металлы в чистое золото, привела к открытию великой науки Химии, в творческой атмосфере Серебряного века наивные библиографические утопии способствовали преобразованию синкретической «науки о книге» в комплекс относительно самостоятельных книгоцентристских дисциплин и формированию просветительской парадигмы классической российской библиографии.

4.1.4. Дезинтеграция синкретической науки о книге. Конкурирующие книговедческие и научно-библиографические концепции в России в начале XX века тщательно рассмотрены в фундаментальной монографии Н.К. Леликовой¹⁹. Глубокомысленно и пронизательно она замечает, что «не стремление к исчерпывающей полноте регистрации документов или, наоборот, к составлению выборочных рекомендательных списков лежало в основе раскола русских библиографов на два лагеря. Причины разногласий были гораздо глубже – это различия в понимании тех социальных задач, которые должна выполнять библиография, её читательского адреса и сферы применения... Подобные различия были естественны и неизбежны, так как представители вышеуказанных направлений стремились развивать разные виды библиографии» (с. 167). Наталья Константиновна раскрыла глубинную суть раздвоения библиографического кредо и причины возникновения энциклопедических и просветительских утопий. Аналогично в профессиональном сознании российской библиотечной интеллигенции начала XX века также конкурировали два направления. Одно представляли сотрудники научных библиотек, другое – либерально-демократически настроенные библиотекари публичных и народных библиотек²⁰.

Имена наиболее ярких и творчески одаренных библиографоведов Серебряного века давно уже сделались хрестоматийными. Вот они: академики-энциклопедисты А.Д. Торопов, С.А. Венгеров, Б.С. Боднарский, общественники-демократы Н.А. Рубакин, К.Н. Дерунов, теоретики-книговеды Н.М. Лисовский, А.М. Ловягин. Все они являются *интеллигентами-гуманистами*, о чем свидетельствуют энциклопедическая образованность, неистощимое трудолюбие, альтруистическая общественная активность и огромная (иногда – грандиозная) практическая библиографическая деятельность. Самое же главное объединяющее их качество – благоговение перед Книгой, самоотверженное служение русской книжности. Интеллигентные современники воспринимали их в качестве достойных членов научно-педагогического сообщества Серебряного века (недаром библиография почиталась полноценной наукой), и, видимо, сами они осознавали себя в этом качестве. Остановимся кратко на их научно-практической деятельности.

Пожелание об организации профессионального объединения, которое занималось бы разработкой теоретических и практических проблем библиографии, высказывали В.Г. Анастасевич, Н.М. Лисовский и другие авторы. Но практические шаги не предпринимались. Лишь в 1889 году Андрею Дмитриевичу Торопову (1851–1927) удалось собрать небольшой коллектив библиографов-библиофилов, который серьезно увлекся задачей составить полный

¹⁹ Леликова Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. – СПб, 2004. С. 144–172; 327–352.

²⁰ Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в России в начале XX века: учеб. пособие. – СПб: СПбГАК, 1999. С. 3.

репертуар русских книг гражданской печати с 1708 года. В июле 1890 года министр внутренних дел утвердил устав Московского библиографического кружка. В 1900 году кружок преобразовался в Русское библиографическое общество при Московском университете, которое просуществовало до 1930 года. Составление исчерпывающе полного «Каталога всех русских книг» было одной из задач Общества, но главные его достижения заключались не в усилиях по реализации этого утопического проекта, а, во-первых, в научно-методическом обосновании библиографической практики (пропаганда Десятичной классификации и УДК, разработка инструкций по описанию книг и т. п.), во-вторых, в демократизации профессионального библиографического сознания. Число членов Общества достигало 600 человек; оно имело свои периодические органы – «Книговедение» (1894–1897) и «Библиографические известия» (1913–1927 и 1929); наконец, в 1924 году москвичи выступили инициаторами созыва Первого Всероссийского библиографического съезда, а в 1926 году издали его труды.

В 1907–1920 гг. А.Д. Торопов был редактором «Книжной летописи», которая до 1917 года издавалась Главным управлением по делам печати Министерства внутренних дел, а затем Российской книжной палатой. Преодолевая огромные трудности, он сумел добиться сравнительной полноты охвата материала, точности описания, регулярности выхода и т. д. Торопова можно назвать одним из основателей великолепной отечественной системы государственной библиографической регистрации, основанной на получении обязательного экземпляра произведений печати и издании серии «летописей». Другим основателем этой системы является ученый литературовед Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920). В отличие от практичного Торопова, он был нерасчетливым эрудитом-прожектером. Литературоведческая деятельность была для него «общественным долгом», «служением народу», создавшему русскую литературу. Венгерова привлекали не только общеизвестные вершины словесности, но и её глубины, историко-культурные корни. Отсюда – титанические проекты, охватывающие огромные периоды истории русской культуры.

В эпоху Серебряного века идеал просветителя-общественника олицетворял Николай Александрович Рубакин (1862–1946) – фигура многогранная, подлинный титан отечественной книжности. Судите сами: плодовитый писатель, автор 280 научно-популярных книг и брошюр, суммарный тираж которых превзошел 20 млн экземпляров; сотрудник крупных издательств (И.Д. Сытина, О.Н. Поповой и др.); составитель монументального рекомендательно-библиографического труда «Среди книг. Опыт справочного пособия для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов» (первое издание в одном томе, содержавшее около 7500 описаний, вышло в 1906 году, второе издание в трех томах, учитывавшее более 20 000 опи-

саний, появилось в 1911–1915 гг.); разработчик 15 000 индивидуальных программ для чтения и самообразования (общее число читателей-корреспондентов Рубакина – более 20 000); неутомимый книголюб, освоивший за свою жизнь 200 000 книг (невероятно!), страстный библиофил, собравший две громадные библиотеки – одна, петербургская, 115 000 томов, была подарена в 1907 году Всероссийской лиге образования, вторая, заграничная, насчитывавшая почти 100 000 томов, была завещана Библиотеке имени В.И. Ленина в Москве²¹; наконец, основатель библиологической психологии, ставшей, по словам современных специалистов, «основой той мегадисциплины, которую можно было бы назвать психосемантической (психо-семио-биологической) гносеологией»²².

Другим ярким представителем демократического крыла библиографии Серебряного века был Константин Николаевич Дерунов (1866–1929). Дерунов всю жизнь сохранял верность просветительным заповедям народничества, в соответствии с которыми считал библиотеку не самоценным храмом культуры, а орудием борьбы за социальную справедливость. Он расценивал просвещение как «одно из наиболее могучих, целесообразных и широко применяемых средств в борьбе с народными бедствиями». Отсюда логично вытекал вывод о необходимости развития образовательной функции публичных библиотек. В 1906 году вышел в свет составленный им «Примерный библиотечный каталог. Свод лучших книг на русском языке с 60-х гг. по 1906 г.». «Примерные библиотечные каталоги» К.Н. Дерунова (новые издания выходили в свет в 1908 и 1911 гг.) были восторженно восприняты библиотечной общественностью и создали автору репутацию авторитетного практика и (немаловажно!) теоретика библиотечно-библиографического дела.

Восхищаясь гигантскими проектами энциклопедистов и трудовыми подвигами самоотверженных народников, мы не можем сказать, что в них воплотились высшие научные достижения книжности Серебряного века. Нет теории, значит, нет научной парадигмы, потому что отсутствует теоретическое ядро, которое определяет объект, предмет, принцип отграничения данной науки. Так продолжалось в течение XIX столетия, когда русская книжность довольствовалась синкретичной «наукой о книге», которая называлась «библиографической наукой», а была одна на всех книжников – и книгоиздателей, и книготорговцев, и библиотекарей, и библиофилов, и историков книги, не говоря уже о собственно библиографах, как профессионалах, так и

²¹ Сын Рубакина писал о характерной черте своего отца: «Он не любил покупать книги. Но и продавать книги он не терпел, у него была какая-то уверенность в том, что книга не должна быть предметом купли-продажи, а только предметом распространения и чтения» (Рубакин А.Н. Рубакин (Лецман книжного моря). – М., 1967. С. 55–56).

²² Сорокин Ю.А. Какое библиопсихологическое наследство оставил нам Н.А. Рубакин // Рубакин Н.А. Библиологическая психология. – М., 2006. С. 9.

любителей. В этот период и отечественное библиотековедение «еще не стало наукой, оставаясь, в основном, совокупностью практических знаний об устройстве библиотек»²³.

К счастью, в Серебряном веке произошло чрезвычайное событие: была открыта теория библиографии! Не случайно же Н.В. Здобнов провозгласил в своей «Истории», что Н.М. Лисовский и А.М. Ловягин «разработали теорию библиографии как научной дисциплины: до них были только отдельные, большей частью попутные высказывания по вопросу о понимании общих целей и задач библиографии»²⁴. Следовательно, наступил конец научного синкретизма, более столетия господствовавшего в отечественной книжности, и библиографическая наука обрела новое качество. Как случился распад привычного синкретизма?

Николай Михайлович Лисовский (1854–1920) не был профессиональным книжником; он был довольно хорошо обеспеченным государственным служащим, занимающимся на досуге библиографией. В конце жизни стал университетским приват-доцентом. Подобно Г.Н. Геннади, он был библиографом-библиофилом, прославившим себя библиографическим трудом «Русская периодическая печать 1703–1900», которому были отданы 25 лет (с конца 80-х годов до 1915 года). С именем Лисовского связано издание журнала «Библиограф» (1884–1894), образование и деятельность российских библиографических обществ, преподавание библиографии и книговедения в Петербургском (1913–1920) и параллельно в Московском (1916–1920) университетах.

В 1891 году Н.М. Лисовский в статье «Материалы для словаря русского книговедения» (Библиограф. – 1891. № 1. С. 18–19) перечислил те «отрасли деятельности», которые имеют отношение к книговедению, а именно: 1) книгописание манускриптов, книгопечатание, типографии; 2) книгоиздательство, включая вопросы о праве собственности на произведения литературные и художественные; 3) библиографическое книгописание, составление каталогов и указателей; 4) книгохранение – библиофильство, библиотечное дело, архивоведение; 5) книжная торговля; 6) цензура. В 1913 году он обнаружил свою хрестоматийную книговедческую схему «триединства»: *книгопроизводство – книгораспространение – книгописание*. Принцип построения схемы (её называют уважительно «системой книговедения») гениально прост – последовательность реальных процессов создания и распространения книги, а именно: производство – распространение – описание. В эту схему включались еще «философия, методология книговедения», обеспечивающие теоретическое обобщение результатов, полученных кон-

²³ Ванеев А.Н. Библиотековедение в России во второй половине XIX века: учеб. пособие. – СПб: СПбГАК. С. 40.

²⁴ Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX века. – М., 1951. С. 463.

кретными отраслями науки о книге. Достоинство схемы Н.М. Лисовского заключалось в том, что легитимизировалось (признавалось правомерным) развитие теории издательского дела и редактирования, учения о книжной торговле, библиотековедении, теории и методики библиографии в качестве *самостоятельных научных дисциплин*, имеющих статус составных частей книговедения «в широком смысле слова». Наука о книге предстала в виде *комплексной науки*, суммирующей частные книговедческие дисциплины по принципу «целое – часть»²⁵.

Александр Михайлович Ловягин (1870–1925), один из основателей и президент (1899–1903, 1907–1919) Русского библиологического общества, учёный секретарь Петроградского научно-исследовательского института книговедения, пользовался репутацией авторитетного мыслителя-книговеда²⁶. По словам Б.С. Боднарского, «в настоящее время нет ни одного более или менее серьезного труда по теоретической библиографии, который не был бы пропитан идеями Александра Михайловича»²⁷. Его теоретические изыскания, как и обобщения Н.М. Лисовского, были направлены на дифференцированное представление книговедческих знаний. Об этом свидетельствует предложенная им в 1900 году «энциклопедия библиологии», состоящая из 4 разделов и 12 подразделов. В качестве подразделов он называет библиотековедение, архивоведение, историю и организацию книжной торговли, практическую библиографию, книгоиздательское дело и др.

Теоретическая значимость книговедческих концепций Н.М. Лисовского и А.М. Ловягина заключалась в том, что они инициировали *дезинтеграцию* синкретической «науки о книге» на комплекс относительно самостоятельных научных дисциплин. Состав комплекса варьировался в разных публикациях, но постоянными его составляющими были учения о книгопроизводстве и книжной торговле, библиотековедение и библиография. Причем библиография ассоциировалась не с всеобъемлющим «знанием о книге» в смысле декларации Нэ де ла Рошеля, а с вполне конкретными технологическими функциями книгоописания и систематизации. Н.К. Леликова пришла к заключению: «В этот период произошло формирование нового научного комплекса, в состав которого входили конкретные книговедческие дисциплины и который во многом отличался от ранее оформившегося “библиогра-

²⁵ Лисовский Н.М. Книговедение, его предмет и задачи // *Sertum bibliologicum* в честь президента Русского библиологического общества А.И. Малеина. – Петроград: Гос. изд-во, 1922. С. 5–21.

²⁶ Матвеева И.Г. А.М. Ловягин – создатель и президент Русского библиологического общества // *Историко-библиографические исследования*. – СПб: РНБ, 1992. Вып. 2. С. 59–75; она же. А.М. Ловягин и становление российского книговедения: Автореферат дисс.... канд. филол. наук / СПбГАК. – СПб, 1997. 16 с.

²⁷ Боднарский Б.С. Роль А.М. Ловягина в науках о книге // *Книга. Исследования и материалы*. Сборник 47. – М.: Наука, 1983. С. 166.

фического комплекса»²⁸. Мнение Наталии Константиновны соответствует действительности. Да, революционное поколение библиотечной интеллигенции преобразовало синкретическую «науку о книге», именовавшуюся «библиография» в «новый научный комплекс», имеющий сложную структуру. Проблема определения этой структуры имеет фундаментальное теоретическое значение, ибо вырисовываются два измерения в познании книжной коммуникации.

Первое. Реальное книжное дело складывается из двух уровней. Имеется *первичный*, исходный уровень, который включает в себя книгопроизводство, книготорговлю, библиотечное дело и метафорично именуется «миром книг», и над ним надстраивается *вторичный, инфраструктурный* уровень, искусственно созданный библиографическим сообществом для описания, поиска и систематизации книг. В связи с этим линейную схему Н.М. Лисовского целесообразно преобразовать в двухуровневый комплекс, где библиография выступает в качестве инфраструктуры, обеспечивающей функционирование первичного «мира книг».

Второе. Образовавшие двухуровневый комплекс конкретные книговедческие дисциплины изучают книгоиздательские, книготорговые, библиотечные, библиографические процессы, что необходимо для решения практических задач, но они не затрагивают общетеоретические проблемы. Возникает проблема локализации предусмотренной в схеме Н.М. Лисовского «философии, методологии книговедения», обеспечивающей теоретическое обобщение результатов, полученных конкретными отраслями науки о книге. С этой проблемой сталкивался и А.М. Ловягин, который первоначально определил библиологию как «теоретическую науку, объединяющую в одну целостную систему все ныне разбросанные знания и наблюдения о книге», то есть придал библиологии *метатеоретический* статус, статус «теории теорий».

Следовательно, книговедческий комплекс, сформировавшийся в XX столетии в результате дезинтеграции (дифференциации) синкретической науки о книге, должен обладать сложной многоуровневой структурой, включающей в себя:

- а) множество конкретных практически ориентированных дисциплин, изучающих уровень «первичных документов»;
- б) библиографическую науку, изучающую инфраструктурный уровень «вторичных документов»;
- в) библиологию – метатеорию книговедческого комплекса²⁹.

²⁸ Леликова Н.К. Наука о книге в России, или К вопросу о методологии исторических исследований // Книга. Исследования и материалы. Сборник 86 / I – М.: Наука, 2007. С. 78.

²⁹ В конце жизни многолетний президент Русского библиологического общества отказался от термина «библиология» в пользу термина «книговедение». – См. Ловягин А.М. Основы книговедения. – Л.: Начатки знаний, 1926.

4.2. ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА БИБЛИОСФЕРЫ

До сих пор мы использовали термины «библиосфера» и «книжность» без строгого определения, довольствуясь обыденным их пониманием. Так, «библиосфера» интерпретировалась как «мир книг», который является традиционной средой обитания библиотек и книжной торговли. Научное значение термин «библиосфера» приобрел в 2005 году, когда ГПНТБ Сибирского отделения РАН учредила журнал «Библиосфера», тематический профиль которого охватывает библиотечное дело, библиографоведение, книговедение, информатику. Благодаря ученым-сибирякам, каждая из перечисленных четырех дисциплин обнаружила свой предмет в пространстве библиосферы: библиотечное дело – библиотеки, библиографоведение – библиографию, книговедение – книжное дело, информатика – документальную коммуникацию, и библиосфера предстала в виде социального пространства, включающего в себя библиотечные, библиографические, книгоиздательские, книготорговые социальные институты и сопутствующие социальные явления – например, библиофильство, цензура, некоммерческие объединения типа «Пушкинская библиотека».

«Книжность» – не менее расплывчатый термин. Теоретики книговедения иистики книги, как правило, понятие «книжность» не используют, хотя есть исключения. Во всяком случае, в отраслевых энциклопедических словарях «Книговедение» (1982) и «Книга» (1999) статья «книжность» отсутствует. Остроумный Маршалл Маклюэн (1911–1980) в 1962 году пустил в оборот удачную метафору «Галактика Гутенберга»³⁰. Galaxy по-английски означает не только известное астрономическое тело, но и любое большое и блестящее (brilliant) собрание персон или вещей. Получается, что «Галактика Гутенберга», говоря фигурально, – *сокровищница книжности*, развивающаяся по космическим законам, изучаемым книговедением. Сказано изысканно и многозначительно, хотя сущность книжности, как и сущность библиосферы, не раскрывается. Поэтому примем собственные рабочие дефиниции.

Исходя из того, что всякая книга (всякий документ) является коммуникационным сообщением, будем понимать под *книжностью* социальную коммуникацию, заключающуюся в создании письменных или печатных сообщений в книжной форме и обеспечивающую доступ членов общества к их содержанию. Поверхностно-описательное понятие книжности характеризует *форму* существования библиосферы (библиосфера существует в форме книг), но *сущность* библиосферы не раскрывает, ибо вуалирует системную структуру библиосферы, которую необходимо отразить в её научной дефиниции. Что имеется в виду?

4.2.1. Системность библиосферы. Книжно-коммуникационная природа библиосферы позволяет считать её посредником (медиа) между социальными

³⁰Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. – Киев: Ника-Центр, 2003. – 432 с.

коммуникантами (авторами) и читательской аудиторией, включающей в себя будущие поколения. Тогда возникает вопрос: каким образом авторы и читатели представлены в структуре библиосферы, ведь в определении «мир книг» они отсутствуют? Вопрос закономерный, особенно в свете *литературоцентризма*, свойственного национальной русской культуре. Литература всегда играла решающую роль в формировании мировоззрения грамотных русских людей, она приобщала их к национальной истории, воспитывала представления о прекрасном и безобразном, о правде и справедливости, добре и зле. Выдающиеся литераторы почитались в качестве «властителей дум», мудрецов и пророков. Почему же конечные субъекты литературного процесса оказались вне библиосферы?

Дело в том, что национальная литература – это первичный *базовый* институт духовного производства нации, где создаются и потребляются духовные смыслы (ценности), а библиосфера – совокупность вторичных *инфраструктурных* социальных институтов, удовлетворяющих коммуникативные потребности базового института. Субъекты базового института не могут одновременно быть и субъектами инфраструктурного института, поэтому авторы и читатели литературных произведений не входят непосредственно в структуру библиотечного института наряду с персоналом библиотек, точно так же, как покупатели не включаются в число торговых работников. Однако инфраструктурные институты не могут игнорировать субъекты базовых институтов, которые они обслуживают. Поэтому их функциональная структура обязательно согласуется с потребностями их пользователей (читателей, покупателей), и тем самым последние опосредованно представлены в структуре вторичных институтов. Отсюда та гамма прикладных социальных функций, которые выполняются библиотеками различных типов. По этой причине школьные библиотеки ориентированы на педагогические идеалы, а областные научные библиотеки выполняют краеведческую работу. Следовательно, целевая направленность литературного процесса и особенности читательского спроса находят отражение в социальных функциях библиосферы, которые мы внимательно рассмотрим в следующем параграфе (см. 4.3), а сейчас обратимся к системности библиосферы, существующей в пространстве книжности.

Системный подход, наряду с информационным, деятельностным, функциональным и прочими методологическими подходами, вошел в арсенал общенаучных методов в 60-е годы. Первооткрывателями системного подхода в нашей стране стали Эрик Григорьевич Юдин (1930–1976) и Игорь Викторович Блауберг (1929–1990). Их публикации в начале 70-х годов привлекли внимание всего научного сообщества и в наши дни обрели статус классических³¹. Передовые библиографоведы, библиотековеды, книговеды немедленно овладели новой методологией, и на страницах научных статей и мо-

³¹ Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с. (Философы России XX века); Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с. (Философы России XX века).

нографий, учебных пособий и диссертаций замелькали термины «система», «системность», «системное исследование», «системный анализ», «теория систем», «системный подход» и производные от них. Действительно, если понимать под системой «комбинацию взаимодействующих элементов, организованных для достижения одной или нескольких целей» (ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207–2010 Информационная технология. Системная и программная инженерия), то системность обнаруживается во всяком произведении письменности и печати, в библиографических потоках и библиотечных фондах, в библиотечных учреждениях и их сетях, в библиотечной школе и в научном познании. Конечно, библиотечный социальный институт, как и другие книжные организации, представляет собой систему. Тогда библиосфера, элементами которой являются взаимодействующие книжные системы, становится не просто системой, а *системой систем*, другими словами, «сложной системой», «слабоструктурированной системой», «большой системой» (complex system).

Системный подход – универсальный общенаучный метод, поэтому применять его можно в рамках отдельной отрасли знания, а можно – в масштабе межотраслевого комплекса. Так, библиографовед-системщик, изучающий библиографические явления только в границах библиографической отрасли (эти границы обусловлены известным «принципом отграничения»: библиография существует там, где обнаруживается библиографическая информация), применяет *отраслевой* системный подход и раскрывает *внутриотраслевые* закономерности. Если же он выходит в пространство библиосферы и включает в предмет своего рассмотрения библиотечные, книгоиздательские, книготорговые отраслевые системы, то системный подход достигает *межотраслевого* уровня обобщения, и его уместно назвать *суперсистемным* подходом. Правда, в библиографоведении и библиотековедении суперсистемный подход практикуется редко. Зато теоретическая мысль отечественных основоположников науки о книге с начала XIX века последовательно двигалась в направлении *суперсистемного подхода*, и об этом нельзя не упомянуть.

Истоки суперсистемного подхода в книговедении можно обнаружить в синкретической науке о книге (см. раздел 4.1.2) и в классификационных схемах Н.М. Лисовского и А.М. Ловягина, о которых говорилось в разделе 4.1.4. Однако приоритет осознанного использования системной методологии для решения книговедческих проблем принадлежит Абраму Ильичу Барску (1918–1984), который в 1975 году разработал «принципиальную схему книговедения», состоящую из книжного дела и комплекса книговедческих научных дисциплин. В качестве «отраслей книжного дела» он назвал редакционно-издательское дело, оформление книги (искусство книги), библиографическое дело, статистику печати, библиотечное дело, книготорговое дело. Отрасли книжного дела объявлялись объектами изучения специаль-

ных книговедческих дисциплин. Системным ядром многоотраслевого знания о книге и книжном деле Барсук объявил общую теорию книговедения³². В 1989 году, рассматривая соотношение понятий «книжное дело» и «история книжного дела», Е.А. Динерштейн предложил «фасетную классификацию», состоящую из фасетов: книгопроизводство (издательское дело, книгопечатание), книгораспространение (книжная торговля и пр.), информация о книге (библиографическая, статистическая), книгоиспользование (библиотечное дело, библиофилия)³³.

Некоторые теоретики отстаивали целесообразность учета системных взаимосвязей «книга – читатель» и «книговедение – читателеведение»³⁴. Наиболее вдумчивые мыслители указывали на взаимозависимость книжного дела и общественного сознания. А.А. Беловицкая настойчиво подчеркивала, что «книгопроизводство начинается и происходит в общественном сознании; книгораспределение и книговоспроизводство происходят также в общественном сознании. Именно поэтому книга всегда была, есть и будет способом отражения и средством формирования общественного сознания»³⁵. По существу Алиса Александровна абсолютно права, но терминологически вместо абстрактной «книги» в качестве «способа отражения и средства формирования общественного сознания» было бы правильно назвать библиосферу. Строго говоря, «мир книги», то есть библиосфера как суперсистема всевозможных книжных систем и явлений, – это подлинный и естественный предмет книговедения (библиологии), претендующей на роль комплексной науки о книге. К сожалению, книговедческий опыт суперсистемного подхода не увенчался разработкой научной дефиниции понятия «библиосфера». Поэтому предложим собственную формулировку.

4.2.2. Научная дефиниция понятия «библиосфера». Руководствуясь суперсистемным подходом к книжной коммуникации, примем в нашем исследовании следующую дефиницию: **Библиосфера** – сложившаяся на индустриальном этапе техногенной цивилизации национальная система инфраструктурных книжно-коммуникационных систем, обеспечивающая сохранение, воспроизводство и дальнейшее развитие нации. В этой дефиниции учтены и отражены: историческое время и предпосылки образования библиосферы; библиосфера как представитель нации в геополитическом

³² Барсук А.И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. – М., 1975. С. 28–29.

³³ Динерштейн Е.А. О понятиях «книжное дело» и «история книжного дела» // Динерштейн Е.А. Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.). Избранные статьи. – М., 2004. С. 31.

³⁴ В 80-е годы советские книговеды поставили вопрос о формировании особой научной дисциплины – *читателеведения*; пионером здесь выступил И.Е. Баренбаум.

³⁵ Беловицкая А.А. Общее книговедение. – М., 1987. С. 156.

пространстве; целевое назначение и структурные элементы библиосферы; значение библиосферы для обеспечения национальной целостности и безопасности. Конкретизируем сказанное на примере российской библиосферы.

Первое. *Время образования библиосферы в России.* В эпоху древнерусской рукописной книжности, пользующейся устной и в ограниченном масштабе рукописной коммуникацией, может сложиться культ Книги, но системная библиосфера образоваться не может. Эпоха мануфактурной книжности создает предпосылки для формирования учрежденческого библиотечного института и газетно-журнального дела, но сословное дворянское просвещение XVIII века фактически не нуждалось в коммуникационных институтах библиосферы. Только с наступлением эпохи индустриальной полиграфии, когда в середине XIX века появился массовый спрос на книгу, стали возможными типографское тиражирование изданий и книжный рынок, появились не только аристократы-библиофилы, но и общедоступные библиотеки, тогда в истории нашей державы наступило время рождения российской библиосферы. Следовательно, в качестве начальной исторической вехи российской библиосферы можно принять *Серебряный век русской культуры* – время формирования книжной суперсистемы, датируемое 1894–1922 гг.³⁶

Второе. *Место российской библиосферы в геополитическом пространстве* предопределяется тем, что она является не локальной и не общечеловеческой, а *национальной* суперсистемой российской цивилизации. Она генетически отражает российскую идентичность, ей близки национальные геополитические интересы России, которые всегда понимались неоднозначно. Уместно вспомнить православное мессианство «Москва – Третий Рим», славянофильские идеи о самобытности русской культуры (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), трактат Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», «русскую идею» В.С. Соловьева, весьма популярное философско-культурологическое движение евразийства, до сих пор имеющее немало сторонников. В глобальном геополитическом пространстве отечественная библиосфера выступает не в качестве технического коммуникационного посредника, а в качестве ревностного защитника и хранителя национального культурного наследия, воплощенного в российской книжности. Отсюда – культурно-экологические следствия, вытекающие из данной дефиниции библиосферы.

Третье. *Системная структура цивилизованного общества* состоит из трех уровней: 1) первичный уровень – *базовые* системы, образующие социум: государство, народное образование, промышленное производство, финансы, наука, литература, религия и т. д.; 2) вторичный уровень – *инфраструктурные* системы, обеспечивающие деятельность базовых систем, в

³⁶ Сущность феномена Серебряного века и характеристика библиотечно-библиографической интеллигенции того времени содержатся в книге: Соколов А.В. Библиотечная интеллигенция в России. Часть 2. XX – начало XXI века. Исторические очерки. – М.: Либерия, 2008. С. 4–76.

том числе книжно-коммуникационные социальные институты; 3) третичный уровень – *интегральные* системы (системы систем), объединяющие инфраструктурные системы с целью повышения эффективности их взаимодействия. Библиосфера представляет собой интегральную социальную систему третьего уровня. В её дефиниции как системы систем излишне упоминать о первичных базовых системах, потому что наличие инфраструктурных систем по умолчанию предполагает существование обслуживаемого уровня (в противном случае инфраструктура не требуется). Представление российской библиосферы как многоуровневой системной структуры открывает возможность обращения к теории больших систем, специализирующейся на моделировании слабоструктурированных нелинейных социальных систем вроде современного города. Системная многофакторная модель библиотечного института могла бы существенно обогатить наше библиотековедение, но это особая задача, выходящая за пределы нашего исследования.

Четвертое. *Структурные составляющие библиосферы* делятся на следующие группы: а) функционально специализированные социальные институты книжного дела: книгоиздания, книжной торговли, библиотечного дела, библиографии; б) библиофильское социально-культурное движение, где могут создаваться общественные объединения, кружки, клубы по интересам, но эти объединения не являются социальными институтами, так как они удовлетворяют потребности не социума, а только своих членов; в) некоммерческие и коммерческие самостоятельные организации и добровольные объединения; г) государственные органы управления и цензуры; д) материально-технические средства, в том числе: полиграфическая и копировальная техника, здания и оборудование, телекоммуникационная и компьютерная техника. Ядерным компонентом библиосферы является группа социальных институтов книжного дела, выполняющих те социальные функции по отношению к базовым институтам и населению страны, которые позволяют заявить в научной дефиниции библиосферы, что она обеспечивает *сохранение, воспроизводство и развитие нации*. Это весьма обязывающее заявление, которое нуждается в развернутом и доказательном подтверждении. Мы надеемся, что материал следующего параграфа послужит подобным подтверждением.

4.3. ФУНКЦИИ БИБЛИОСФЕРЫ

Постановочные статьи Ю.Н. Столярова, недавно опубликованные на страницах журнала «Научные и технические библиотеки»³⁷, возвращают нас к дискуссиям о функциях библиотек, библиографии, книги, которые не одно

³⁷ Столяров Ю.Н. О системных функциях библиотеки и их наименовании. Постановочная статья // Науч. и техн. б-ки. – 2015. № 6. С. 30–43; Он же. О сущностных функциях элементов библиотеки и их наименовании. Постановочная статья // Науч. и техн. б-ки. – 2015. № 7. С. 3–16.

десятилетие беспокоят наших ученых и педагогов. Надо признать, что среди ведущих библиотекведов именно Ю.Н. Столяров приложил немало усилий для развития функционального подхода, справедливо полагая, что «вопрос о сущностной функции библиотеки – это самый кардинальный вопрос библиотекведения», и не раз обращался к этому «кардинальному вопросу»³⁸. В чем причины бесконечности наших споров? Их по крайней мере две. Во-первых, расхождения в понимании неоднозначного феномена функции; во-вторых, дисциплинарная замкнутость, когда аналогичные ряды функций строились библиотековедами, библиографоведами, книговедами в отрыве друг от друга. Попробуем избавиться от этих ограничений.

4.3.1. Функция как общенаучная категория. Общенаучные категории в структуре научного познания играют роль связующего звена между философским и частнонаучным знанием. Не обладая свойственной философским категориям мировоззренческой широтой, они тем не менее служат основой для формирования методологических подходов, используемых различными частными науками, сближая конкретное знание с философскими обобщениями. Типичными общенаучными категориями являются «информация», «система», «функция», служащие фундаментом, соответственно, информационного, системного, функционального подхода³⁹. Используемые в разных отраслях знания общенаучные категории имеют различные, хотя и содержательно связанные интерпретации. Так, категория «функция» имеет три интерпретации: теоретическую, технологическую и социологическую.

Теоретическая интерпретация функции понимается как *зависимость (закономерная связь)* между двумя множествами. Математически функциональная зависимость читается следующим образом. Если каждому элементу x из множества X поставлен в соответствие элемент y из множества Y , то *соответствие* $y = f(x)$ именуется функцией, заданной на множестве X со значениями из Y . Буква f в этом обозначении является знаком функции. Множество X называется *областью задания*, а множество Y – *областью значений* функции. Обозначенный буквой x элемент множества X называется *независимой переменной* или *аргументом* функции. Функциональные зависимости в математической или описательной форме широко используются в технических, биологических, общественных теориях. Нетрудно привести примеры функциональных зависимостей из библиотекведческой практики. Допустим, множество X – число жителей в поселении, а множество Y – число библиотек, тогда функция $y = f(x)$ покажет распределение читателей по библиотекам в разных поселениях.

³⁸ Столяров Ю.Н. Сущностные функции библиотеки // Школьная библиотека. – 2003. № 3. С. 15–18; Он же. Системные функции библиотечного фонда // Науч. и техн. б-ки. – 2014. № 12. С. 30–39.

³⁹ Развернутую трактовку понятия «подход исследовательский» предложили академики РАО Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. Словарь системы основных понятий. М.: Либроком, 2013. С. 117–121.

Технологическая интерпретация учитывает операции, выполняемые функциональными элементами технологического процесса. Ю.Н. Столяров в цитированной статье, посвященной функциям элементов библиотеки, подробно рассмотрел внутрибиблиотечные технологические процессы и показал их функциональную сущность. Аналогичные технологические функции легко обнаруживаются в книгоиздательском деле и при подготовке библиографической продукции. Некоторые биологи рассматривают биологические процессы как технологические действия в живой природе и распространяют на них функциональный подход, толкуя о функциях органов чувств и т. п.

Социологическая интерпретация представляет функцию не как зависимость или операцию, а как организованное взаимодействие социальных субъектов, редко поддающееся цифровому выражению. Здесь функция определяется как *нормативный круг деятельности*, которую определенный институт или социальная группа выполняет в обществе, например, функции государства, функции семьи, функции денег. Именно социологическое понимание функции вызывает споры в библиотековедении, библиографоведении, книговедении. Однако для моделирования некоторых библиотечно-библиографических ситуаций можно обратиться и к формуле $y = f(x)$. Допустим, принять, что в качестве независимой переменной x выступает библиотечная деятельность, или библиографическая деятельность, или книжное дело, а значением функции y являются различные социальные ценности (услуги), предоставляемые x , которые определяют содержание данной функции. Но здесь модель реальной коммуникации получается неполной, потому что отсутствует субъект-пользователь, духовные потребности которого удовлетворяет библиотечно-библиографическая деятельность. Поэтому примем следующее определение: **социальная функция** – *удовлетворение общественных потребностей, закрепленных за данным социальным институтом в силу сложившегося разделения труда*. Достоинство этого определения в том, что оно учитывает функциональную специализацию и специфику социальных институтов в виде взаимосвязи «потребность – функция – социальный институт».

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что в библиотековедении, библиографоведении, книговедении могут найти применение все три интерпретации общенаучной категории «функция»: и теоретические функциональные зависимости, и функциональные структуры технологических процессов, и социальные функции институтов в целом. Однако остаются открытыми самые главные вопросы. Какие социальные функции выполняют библиотечный, библиографический, книготорговый, книгоиздательский институты? Сколько этих функций? Практикуется ли дублирование социальных функций, выполняемых несколькими институтами? Возможна ли интеграция социальных институтов в единую многофункциональную социальную суперсистему, в которой каждый институт выполнял бы свою особую сущностную функцию?

Чтобы ответить на эти вопросы, придется обратиться к публикациям коллег, в которых представлен функциональный подход к познанию библиотечного дела, или библиографии, или книжного дела. Причем будем различать стабильные, *сущностные* функции и исторически преходящие *прикладные* (производные) функции. Надо признать, что функциональный подход в библиотекведении, библиографоведении, книговедении осуществляется несогласованно, и полученные результаты сопоставимы лишь частично. Все известные публикации страдают отраслевой обособленностью, которая противоречит общенаучному статусу категории «функция». Поэтому поделим наш аналитический обзор на три части по отраслевому принципу.

4.3.2. Функциональный подход в библиотекведении. Развитие библиотекведческой мысли в России началось с осмысления социальных функций библиотек⁴⁰. Интеллигенты-книжники XIX века трактовали публичные библиотеки как просветительные учреждения, содействующие вместе с тем развитию промышленности и науки. Н.А. Рубакин утверждал: «Библиотека может и должна стать учреждением педагогическим и играть общественно-просветительную роль». В начале XX века библиотековеды стали использовать понятие «функция библиотеки», имея в виду педагогическую функцию внешкольного образования и просвещения народа. Обосновывая роль библиотеки в народном образовании, Л.Б. Хавкина подчеркивала, что в библиотеке, «как лучи света в главном фокусе, сходятся все виды внешкольного образования». Подводя итоги развитию дореволюционного библиотековедения, А.Н. Ванеев пришел к выводу, что, наряду с углубленной теоретической разработкой *педагогической* функции библиотеки, были предприняты первые попытки обоснования её *идеологической* и *информационной* функций.

В советское время главной функцией библиотек всех типов была объявлена агитационно-пропагандистская, состоящая в пропаганде учения В.И. Ленина о культурной революции под идейным руководством Главполитпросвета во главе с Н.К. Крупской. Крупская призывала «превратить библиотеку, даже самую маленькую, в идеологический центр, помогающий делу строительства социализма». Вспомогательная роль отводилась культурно-образовательной функции, состоящей в помощи самообразованию читателей. В 30-е гг. в связи с индустриализацией страны перед советскими библиотеками была поставлена задача «ведения технической информации в её библиотечных формах». Таким образом, подытоживает А.Н. Ванеев, в 30-е годы на основании ленинского принципа партийности советские библиотековеды обосновали три важнейшие функции библиотек – *агитационно-пропагандистская, культурно-образовательная, информационная.*

⁴⁰ Ванеев А.Н. Развитие библиотекведческой мысли в России (XI – начало XX в.). – М.: Пашков дом, 2003. С. 114–115, 124–129, 155–161; Ванеев А.Н. Развитие библиотекведческой мысли в СССР. – М.: Книга, 1980. С. 22–31, 72–77, 104–109, 144–148.

В послевоенные годы функции советских библиотек были уточнены и дополнены. Приоритет получила *идейно-воспитательная* функция, нацеленная на развитие у трудящихся коммунистического сознания. *Образовательная* функция стала трактоваться как содействие всестороннему развитию личности путем комплексной пропаганды литературы и расширения круга читательских интересов. Активно обсуждались проблемы «Библиотеки на службе науки» и «Библиотека и информация», но содержание *информационной* функции библиотек разного типа оставалось дискуссионным. В 1974 году ЦК КПСС принял постановление «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», где советские библиотеки названы важнейшими опорными базами партийных организаций по коммунистическому воспитанию, идеологическими и научно-информационными учреждениями с соответствующей функциональной ориентацией.

Публикации отечественных библиотековедов 1980-х – 2000-х гг., посвященные функциональному подходу, довольно полно представлены в хрестоматии по общему библиотековедению⁴¹. Главным теоретическим достижением библиотековедов того времени является введение понятия о сущностных функциях. В начале 80-х гг. В.Р. Фирсов, критически осмыслив творчество создателей функциональных рядов, пришел к заключению, что, хотя библиотекам свойственна «полифункциональность», в основе их деятельности всегда лежала и лежит «инвариантная функциональная структура, определяющая специфику данного вида социального института»⁴². В последующих своих работах Владимир Руфинович обосновал перечень *сущностных* библиотечных функций, неизменно присутствующих в библиотечной деятельности. В этот перечень вошли *познавательная* функция, выражающая «стремление культуры к воссозданию целостной картины мира, которая воплощается в представлениях здравого смысла, в научных знаниях, теориях и т. д.»; *ценностно-ориентационная (аксиологическая)* функция, «отражающая стремление общества к реализации ценностных ориентаций, воплощенных в системе идеологии, морали, в художественной культуре, искусстве и т.д.»; *коммуникативная функция*, обеспечивающая «историческую преемственность поколений» и «взаимодействие различных культур одного исторического периода»⁴³. Важное методологическое значение имеет утверждение В.Р. Фирсова о том, что

⁴¹ Фомина А.А., Шабалина М.В., Колесникова М.Н. Общее библиотековедение. Часть 2. Учение о библиотеке: хрестоматия. Т. 1 / науч. ред. А.Н. Ванеев. – М.: Либерия-Бибинформ, 2008. 312 с.

⁴² Фирсов В.Р. О принципах подхода к анализу деятельности библиотек как социального института // Проблемы оптимизации функционирования библиотечных систем: сб. науч. тр. / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 1. – Л., 1981. С. 24–32.

⁴³ Фирсов В.Р. Социальная роль – социальные функции – библиотечная деятельность: проблема принципа ограничения // Методологические аспекты изучения процессов функционирования библиотечных систем: сб. науч. тр. / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. – Л., 1982. С. 21–34.

сущностные функции конкретизируются в большом количестве производных функций, и что соотношение между ними нужно рассматривать через призму категорий «сущность» и «явление»⁴⁴.

Соглашаясь с основными положениями публикаций В.Р. Фирсова, нельзя не заметить, что из поля его зрения выпали *кумулятивная и мемориальная* функции библиотек, благодаря выполнению которых библиотечный социальный институт котируется в качестве *института социальной памяти*, наряду с архивами и музеями. Мемориальная функция, несомненно, является важнейшей социальной функцией. Не случайно Ю.Н. Столяров в статье «Библиотека», опубликованной в «Библиотечной энциклопедии» (2007), первой назвал именно мемориальную функцию, ведь библиотеки изначально создавались как книгохранилища. Соотношение между сущностными и прикладными (производными) функциями обозримо представлено в табличной форме (Таблица 4.1), где под «коммуникационной системой» подразумевается библиосфера и библиотечные институты.

Таблица 4.1

Сущностные и прикладные функции

Сущностные функции	Прикладные функции
Первичны, исходны	Вторичны, производны
Независимы от социально-культурных, политических, экономических условий	Зависимы от социально-культурных, политических, экономических условий
Стабильны, неизменны, ограничены по составу	Динамичны, изменчивы, неограниченны по составу
Представлены во всех проявлениях практической деятельности	Свойственны некоторым функционально специализированным явлениям
Раскрывают сущность данной коммуникационной системы на абстрактно-теоретическом уровне	Реализуют ресурсы данной коммуникационной системы для удовлетворения текущих общественных потребностей
Отражают необходимость существования данной коммуникационной системы в общей системе социальных коммуникаций	Отражают взаимосвязи данной коммуникационной системы с другими областями общественной жизни

Современное состояние функционального подхода в библиотековедении представлено Р.С. Мотульским в учебнике для бакалавров «Библиотековедение».

⁴⁴ Фирсов В.Р. Сущностные функции библиотечной деятельности: культурологический подход // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1985. № 5. С. 15–20.

дение. Общий курс»⁴⁵ и М.Я. Дворкиной в альтернативном учебнике для бакалавров «Общее библиотековедение»⁴⁶. Оба автора, принимая дифференциацию социальных функций библиотек на сущностные (неизменные) и производные (вариативные), отмечают дискуссионность состава этих функций и цитируют многочисленные частично совпадающие «триады» и «диады» сущностных функций, а также пространственные перечни производных функций – например, воспитательная, образовательная, идеологическая, культурно-просветительная, производственно-вспомогательная, рекреационная (досуговая), гедонистическая и др. В итоге читатели (студенты вуза) остаются в недоумении: фундаментальный профессионально-мировоззренческий вопрос – сколько и каких функций выполняют библиотеки? – ответа не находит. Чтобы найти этот ответ, проведем эксперимент.

Если критически осмыслить и упорядочить предложения разных авторов и выделить те функции, которые чаще других упоминаются в перечнях сущностных функций, то оказывается, что таких функций всего пять, они имеют примерно равную частотность и образуют перечень:

- кумулятивная – формирование документных фондов;
- коммуникативная – предоставление документов и устное общение;
- мемориальная – хранение социальной памяти;
- информационная – сообщение о документах в библиотеке или вне её;
- аксиологическая – ценностно-ориентационное воздействие на читателя.

Нетрудно заметить два обстоятельства. Во-первых, функции логично связаны и предполагают друг друга. Так, без кумуляции (сбора фонда) нельзя осуществлять коммуникационную или мемориальную функцию, а формирование библиотечного фонда без последующего его использования абсурдно. Следовательно, возможно интегрировать взаимосвязанные сущностные функции в единую и единственную интегральную функцию, которую Ю.Н. Столяров назвал «эмерджентной» и «*документно-коммуникационной*», представляющей собой *акт коммуникации* между библиотечным фондом и контингентом пользователей. Целевое назначение этого акта, по его словам, заключается в том, чтобы обеспечить каждому документу соответствующего пользователя, каждому пользователю – соответствующий документ. Отсюда следует, что интегральная функция – это не рядовая функциональная зависимость, а *назначение* библиотечного института. Во-вторых, лишь одна кумулятивная функция выполняется только библиотечным социальным институтом и не свойственна другим институтам. Остальные функции свойственны издательствам, книжной торговле, библиографическим службам. Значит, по области распространения можно сущностные функции библиотечного

⁴⁵ Библиотековедение. Общий курс: учебник для бакалавров / науч. ред. А.Н. Ванеев, М.Н. Колесникова. – СПб: Профессия, 2013. С. 103–110.

⁴⁶ Общее библиотековедение: учебник для бакалавров / науч. ред. – М.Я. Дворкина, Л.И. Сальникова. М.: МГИК, 2015. С. 98–102.

института разделить на единственную *видовую*, принадлежащую лишь библиотекам, – это кумулятивная функция, и на несколько *родовых* функций, выполняемых другими институтами (коммуникативная, информационная, мемориальная, аксиологическая). Теперь обратимся к функциональному подходу в библиографической науке.

4.3.3. Функциональный подход в библиографоведении. Первооткрывателем методологии библиографоведения является А.И. Барсук, который посвятил методам библиографии и библиографоведения целую главу в своей фундаментальной монографии⁴⁷. Последующую динамику развития функционального подхода в библиографической науке обстоятельно анализировал К.П. Чуприн⁴⁸. Он отмечает, что в середине 70-х гг. О.П. Коршунов вывел на абстрактном уровне три сущностные функции библиографической информации – поисковую, коммуникативную, оценочную⁴⁹. Участники развернувшейся дискуссии предлагали собственные функциональные триады – например, «констатирующая, ориентирующая, педагогическая» (А.И. Барсук), «конструктивно-информационная, управленческая, агитационно-пропагандистская» (Д.Ю. Теплов), «информационная, рекомендательная, справочная» (И.В. Гудовщикова) – или ратовали за включение в состав основных функций идейно-воспитательной, культурно-просветительной, учебно-воспитательной, познавательной, моделирующей и некоторых других. Важно отметить, что, в отличие от своих оппонентов, Коршунов рассматривал выведенные им абстрактные функции именно как сущностные, имманентно присущие библиографии, а «идейно-воспитательные, культурно-образовательные, научно-вспомогательные» считал производными, конкретными проявлениями сущностной триады. Таким образом, в отечественном библиографоведении сформировались два уровня функционального подхода: сущностный, абстрактно-теоретический и «явленческий», конкретно-эмпирический, основанный на практическом опыте. В библиотековедении, как уже отмечалось, аналогичную идею В.Р. Фирсов высказал несколько позже – в начале 80-х гг.

Функциональный подход в библиографии не ограничивался общепрофессиональным уровнем: И.В. Гудовщикова предлагала распространить его на уровень отдельных видов библиографии, уровень типов библиографических изданий, наконец, на уровень отдельных библиографических по-

⁴⁷ Барсук А.И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. М.: Книга, 1975. С. 93–113.

⁴⁸ Чуприн К.П. Социальные функции библиографии как системы // Сов. библиография. 1983. № 3. С. 47–55. Он же. Теоретико-методологические аспекты исследования социальных функций библиографической деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1989. 16 с. Он же. Социальные функции библиографии как объект исследования // Российское библиотековедение: итоги и перспективы: сб. науч. ст. / науч. ред. Т.Ф. Лиховид. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 353–380.

⁴⁹ Коршунов О.П. Проблемы общей теории библиографии. – М.: Книга, 1975. 191 с.

собий. Функциональная специфика библиографии художественной литературы была рассмотрена С.А. Трубниковым. Функции государственной библиографии (8 функций) детально охарактеризовал Б.А. Семеновкер. Структурно-функциональные особенности национальной и научно-вспомогательной библиографии были исследованы в некоторых кандидатских диссертациях учеников О.П. Коршунова. Интересную иерархическую структуру основных функций библиографии предложила М.Г. Вохрышева. Она выдвигает одну единственную интегральную функцию – *упорядочение документных массивов с целью ориентации в них*, которая возглавляет шесть абстрактных функций менее общего уровня – идентифицирующая, структурирующая, ценностно-ориентационная, познавательная, информационная, коммуникационная, связанные с выполнением практических библиографических процедур⁵⁰. Иерархия сущностных функций библиографии М.Г. Вохрышевой близко напоминает функциональную конструкцию Ю.Н. Столярова (см. предыдущий раздел), во главе которой находится интегральная *документно-коммуникационная* функция. Это не единичный случай.

Сравнивая использование функционального подхода в библиографоведении и в библиотековедении, нельзя не обратить внимание на их концептуальную близость, вплоть до совпадения многих сущностных функций. Более того, терминологическая разногласия среди библиографоведов и расхождения в понимании сути функционального подхода, пожалуй, превосходят аналогичные явления в библиотечной науке. (Концепция О.П. Коршунова – счастливое исключение). Учитывая эти обстоятельства, еще в 1984 г. было высказано сомнение в целесообразности автономной разработки функциональной проблематики применительно только к библиотечной или только библиографической деятельности⁵¹. Этот вывод был категорически отвергнут О.П. Коршуновым, который аргументировал свою точку зрения тем, что функционально совпадающие процессы библиотечного дела и библиографии содержательно различны. Например, библиотечный поиск в фонде документов осуществляется иначе, чем библиографический поиск в каталоге⁵². В этом споре тридцатилетней давности затронут принципиальной важности вопрос о функциях библиосферы, включающей в себя как библиотечный институт, так и библиографический институт. Общенаучный функциональный подход, как и другие общенаучные методологические подходы, не может применяться в различных структурных составляющих библиосферы обо-

⁵⁰ Вохрышева М.Г. Теория библиографии: учеб. пособие. – Самара: изд-во СГАКИ, 2004. С. 21–24.

⁵¹ Соколов А.В. Социальные функции библиотечной и библиографической деятельности // Науч. и техн. 6-ки СССР. 1984. № 6. С. 25.

⁵² Коршунов О.П. Библиография. Теория, методология, методика. – М.: Книга, 1986. С. 134–137.

собленно и сепаратно, ибо тогда не удастся выявить социальные функции библиосферы в целом.

Вернемся к существенным функциям библиотечного социального института, определенным в предыдущем разделе. Там были установлены четыре *родовых* функции, выполняемых несколькими социальными институтами (коммуникативная, информационная, мемориальная, аксиологическая), и *видовая* кумулятивная функция, принадлежащая лишь библиотекам. Методологическое значение этого вывода для функционального подхода в библиографии состоит в том, что известные родовые функции должны быть представлены в перечне библиографических существенных функций, и вместе с ними там должна присутствовать видовая сущностная функция, свойственная исключительно библиографии. Выполняется ли это условие?

Нам известна «функциональная триада», введенная в научный оборот О.П. Коршуновым в 1975 г., состоящая из трех функций библиографической деятельности. Сорокалетняя история отечественного библиографоведения подтвердила жизнеспособность теории О.П. Коршунова, и в новейшем учебнике для бакалавров вновь воспроизведена его знаменитая «триада»⁵³. Социальная (общественная) функция библиографической деятельности определяется как «способ практической реализации её общественного назначения». В зависимости от удовлетворяемых потребностей, различаются три сущностных функции: А) поисковая – библиографический поиск нужных документов; В) коммуникативная – доведение до потребителя сведений о прошлом, настоящем и будущем документальных потоков; С) оценочная – отбор, характеристика и рекомендация потребителям наиболее ценных документов, соответствующих целевым и читательским установкам. Эти сущностные функции согласуются с библиотечными функциями следующим образом:

А) Поисковая функция является специфической *видовой* библиографической функцией и не имеет коррелята среди библиотечных сущностных функций. Благодаря видовой функции библиография выступает в качестве поисковой *инфраструктуры* в системе документальных коммуникаций. Инфраструктурное назначение библиографии заключается в создании и поиске библиографической информации, необходимой для книгоиздателей, книготорговцев, библиотекарей, читателей-книголюбов и прочих субъектов документных коммуникаций. Библиографический поиск используется во всех институтах библиосферы, которые освобождаются от создания собственных поисковых средств.

В) Коммуникативная функция коррелирует с тремя *родовыми* функциями: *информационной*, реализуемой практически в информационно-библио-

⁵³ Коршунов О.П., Леликова Н.К., Лиховид Т.Ф. Библиографоведение: учебник / под общей ред. О.П. Коршунова. – СПб: Профессия, 2014. С. 53–62.

графической деятельности; *мемориальной*, реализуемой в ретроспективной библиографии; коммуникативной, охватывающей библиографическую деятельность в целом.

С) Оценочная функция является прямым аналогом родовой аксиологической функции; она совпадает с библиотечной аксиологической деятельностью по целевой направленности, но осуществляется библиографическими, а не библиотечными методами.

На основе сущностных функций формируются виды библиографии (учетно-регистрационная, рекомендательная, научно-вспомогательная и др.), выполняющие производные (прикладные) функции. Более подробно классификация функций библиографии представлена в нашей публикации⁵⁴.

Итак, можно констатировать *конгруэнтность* (структурное подобие) сущностных функций библиотечного дела и библиографии, которое заключается в совпадении *родовых* функций – коммуникационной, мемориальной, информационной, аксиологической, и в наличии специфической *видовой* функции – кумулятивная в библиотековедении и поисковая в библиографоведении. Однако в документной коммуникации (в системе «документ – потребитель») библиотечный и библиографический институты не являются ни начальной, ни конечной инстанцией, а выступают в качестве *посредников* между «миром книг (документов)» и «миром читателей». Эти два мира являются объектами изучения книговедения и читателеведения, в которых функциональный подход находит применение во всех своих интерпретациях.

4.3.4. Функциональный подход в книговедении. В 70-е гг. широкое признание получило определение «Книговедение – комплексная наука о книге и книжном деле». В этом комплексе нашли свое место все научные дисциплины, связанные с книгой, прежде всего теория и практика книгоиздания, библиополистика (учение о книжной торговле), библиотековедение, библиографическая наука, интегральная общая теория книги. В дальнейшем объект книговедения был расширен до «книга – книжное дело – читатель», в связи с чем появилась дисциплина «читателеведение».

В качестве методологической основы был признан функциональный подход, раскрывающий функциональные зависимости между книгой и другими социальными реалиями. В 1974 г. была опубликована фундаментальная статья И.Е. Баренбаума и А.И. Барсука, в которой охарактеризованы методы книговедческих исследований: функциональный, аналитико-тематический, структурно-типологический, типографический⁵⁵. Авторы утверждали, что «ключевой универсальной функцией книги является *коммуникатив-*

⁵⁴ Соколов А.В., Берестова Т.Ф. Системный подход и классификация функций библиографии в документоцентристской парадигме // Библиосфера. 2014. № 2. С. 9–14.

⁵⁵ Баренбаум И.Е., Барсук А.И. К вопросу о методах книговедческих дисциплин // Книга. Исследования и материалы. 1974. Сб. 29. С. 20–45.

ная функция». Из этого утверждения логично следует, что коммуникативная функция – это *сущностная* функция книги. Данную точку зрения разделяет польский книговед Кароль Гломбёвский, который пишет: «Принимая функции книги как основной закон интерпретации, мы сможем понять суть всех процессов, связанных с изготовлением, распространением и использованием книги... Книгу как явление следует анализировать прежде всего с точки зрения её функциональной оправданности, её коммуникативности»⁵⁶. Кшиштоф Мигонь, в свою очередь, заявляет: «Несомненно, основной функцией книги является её коммуникативность в культуре и обществе, поскольку она (книга) прежде всего инструмент социальной коммуникации»⁵⁷.

Обратим попутно внимание на одно немаловажное обстоятельство. Если в приведенных выше цитатах слово «книга» заменить на «библиотека» или «библиография», то истинность новых суждений сохранится. Это обстоятельство свидетельствует в пользу конгруэнтности методологии библиотеко-книговедческих наук. Конгруэнтность не ограничивается функциональным подходом. Если обратиться к типологическому методу, обстоятельно рассмотренному А.А. Гречиным, легко удостовериться в применимости его во всех науках о книге⁵⁸.

Помимо коммуникативной (информационно-коммуникационной) функции, позволяющей вести диалог через эпохи, поколения и расстояния, в книговедческой литературе в качестве универсальных и непреходящих, то есть сущностных, функций книги называют «консервацию духовного наследия человечества» – *мемориальную* (мнемическую) функцию; *познавательную* функцию (книга – источник знания), которая часто смешивается с *информационной* функцией (книга – источник информации); *аксиологическую* функцию – функцию носителя научных, религиозных, эстетических, этических, культурно-исторических и прочих общественных ценностей. Так, эстетическая ценность книги, обеспечивается как внешней формой (искусство книги); так и внутренней формой (художественными достоинствами литературного произведения, стилистикой текста); эстетическая ценность заключается в формировании литературными средствами гуманистических идеалов правды и добра. Прикладными функциями являются качества, присущие не всем книгам, а только некоторым типам изданий, выполняющим учебную, научно-вспомогательную, производственную, справочную, развлекатель-

⁵⁶ Гломбёвский К. Функциональная концепция науки о книге // Проблемы общей теории книговедения. – М., 1978. С. 25–43.

⁵⁷ Мигонь К. Наука о книге. Очерк проблематики: пер. с польск. – М.: Книга, 1991. С. 31.

⁵⁸ Гречихин А.А. Библиотипология как научное направление. Особенности становления и развития в российском книговедении. – М.: МГУП, 2003. 432 с. См. также: Беловицкая А.А. Общее книговедение: учебное пособие. – М.: Книга, 1987. С. 230–238.

ную, рекламную, патриотическую, культовую, гедонистическую и прочие социальные функции.

Что же есть книга с точки зрения функционального подхода? Согласно требованиям логики, в дефиниции должны быть представлены не частные и изменчивые характеристики, а стабильные и необходимые, то есть сущностные функции. Как следует из сказанного выше, книговеды обнаружили такие сущностные функции книги, как коммуникативная, мемориальная, познавательно-информационная, аксиологическая. Эти функции нам знакомы, потому что они фигурировали в библиотечных и библиографических функциональных перечнях. Следовательно, функциональный подход в книговедении не противоречит, а согласуется с функциональными подходами в библиотековедении и библиографоведении. Это согласование состоит в том, что соблюдается *конгруэнтность* (структурное подобие) сущностных функций книги, библиотечного дела и библиографии. Условиями конгруэнтности являются, во-первых, совпадение *родовых* функций (это условие соблюдается); во-вторых, наличие специфической *видовой* функции. Для выработки научной дефиниции книги нужно определить такую видовую функцию книги, которая не может быть присуща библиотеке или библиографическому пособию. Эта функция обусловлена сущностным свойством, которое присуще Книге и названо нами «Магия Книги» (см. 2.2.2).

Нельзя сказать, что книговедение, изучая функции книги, берет в расчет и магическую её функцию, ведь функциональную зависимость $y = f(x)$ магической назвать нельзя, ибо она не учитывает то «пламя духа», с которым таинственно связана книга. Однако существует целое «содружество» научных дисциплин, которое, по словам С.С. Аверинцева, спланирует «любовь к слову» и которое «выясняет сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов». Это «содружество» именуется *филология*⁵⁹. Сущность филологии Аверинцев видит «не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания. Одна из главных задач человека – понять другого человека, не превращая его ни в поддающуюся исчислению вещь, ни в отражение собственных эмоций. Эта задача стоит перед каждым отдельным человеком, но также перед каждой эпохой, перед всем человечеством. Филология есть служба понимания и поможет выполнению этой задачи» (с. 456). Любовь к слову – одно из проявлений магии книги, поэтому книговедение входит в «содружество» филологических дисциплин, и в его функциональной направленности должна присутствовать *филологическая функция*, заключающаяся в понимании и разъяснении гуманистического наследия, воплощенного в книжных фондах,

⁵⁹ Аверинцев С.С. София – Логос. Словарь. – Киев: Дух и литера, 2006. С. 452–456.

созданных человечеством. Именно эта филологическая функция является *видовой* сущностью теории книги, отличающей её предмет не только от библиотековедения и библиографоведения, но и от учений об издательской деятельности и книжной торговле, входящих в комплекс книговедческих дисциплин.

Если обратиться к теории и практике книгоиздательской деятельности и книжной торговли, то нетрудно установить, что и той, и другой присущи в соответствующих отраслевых формах *родовые* сущностные функции – мемориальная, коммуникативная, информационная, аксиологическая. В этом проявляется их генетическая общность. А их функциональная специфика выражается *видовыми* сущностными функциями: издательскому институту книгопечатания свойственна *производственная* функция (тиражирование книг), а книготорговому институту – функция *коммерческой прибыли* (торговля всегда нацелена на получение прибыли). Следовательно, книгоиздательский и книготорговый институты обладают четырьмя родовыми сущностными признаками, общими для всех институтов библиосферы, и одним специфическим видовым признаком, отличающим их по существу от родственных библиосферных институтов. Разумеется, книжное дело не обходится без прикладных (производных) функций, которые были хорошо известны книгоиздателям-коммерсантам и просветителям в XIX веке, советским бойцам книжного фронта и предпринимателям постсоветского времени.

Общность родовых сущностных функций, обнаруженная нами в библиотечном, библиографическом, книгоиздательском, книготорговом социальных институтах, а также в феномене книги, конечно, не случайна. Она показывает общее общественное назначение и единство происхождения (генетическое родство) социальных институтов, входящих в суперсистему библиосферы. Обратимся теперь к проблеме, которая до сих пор не привлекала внимания библиоковедов, библиографоведов, книговедов, а именно: к определению сущностных, технологических и прикладных функций не отдельных книжных институтов, а библиосферы в целом.

4.3.5. Сущностные функции библиосферы определяются довольно просто: это те родовые социальные функции, которые присущи всем книжным институтам. Эти функции неоднократно цитировались в качестве системных функций библиотек, библиографии, книгоиздания, книжной торговли. Суммируя системные родовые функции, получаем следующий перечень суперсистемных социальных функций, то есть *сущностных функций библиосферы*:

- коммуникативная;
- мемориальная;
- информационная;
- аксиологическая.

Поскольку реализация информационной, мемориальной, аксиологической (ценностно-ориентационной, оценочной) сущностных функций библиосферы возможна только в условиях социальной коммуникации, коммуникативная функция – это не рядовая сущностная функция, а наименование *общественного назначения* (интегральной функции) библиосферы, создающего предпосылки для реализации остальных сущностных функций. Вероятно, именно коммуникативную интегральную функцию имел в виду Ю.Н. Столяров, когда толковал об «эмерджентной» *«документно-коммуникационной»* функции, представляющей собой *акт коммуникации* между библиотечным фондом и контингентом пользователей⁶⁰. В.Н. Маркова, заявляя, что «сущность библиотеки как социального института – в сохранении и трансляции социокультурных норм в обществе»⁶¹, по сути дела подтверждает сущностный статус коммуникативной функции. Однако функциональный подход к библиосфере не ограничивается только абстрактными сущностными функциями. В функциональную структуру библиосферы необходимо включить технологические и прикладные (производные) функции.

Технологические функции входят в функциональные структуры всех социальных институтов, осуществляющих библиотечную, библиографическую, издательскую, книготорговую деятельность. Их можно сгруппировать в виде процессов сбора, обработки, поиска, хранения, распространения документов, но практическая польза от подобных группировок невелика, поскольку в пространстве библиосферы не получила широкого распространения унификация технологических решений, хотя она желательна с утилитарной точки зрения и глобальная информатизация ей содействует. Не редки предсказания: «Пройдет несколько лет, и на бумаге, скорее всего, будут печататься лишь подарочные варианты книг, а массовая литература будет выпускаться в электронном формате»⁶². Перечисляются преимущества электронных изданий: чрезвычайная компактность и мобильность, внутритекстовый поиск, дистанционный доступ и т. д. Технологические преимущества электронной коммуникации несомненны. Достаточно ли их для того, чтобы адекватно обеспечить выполнение прикладных функций библиосферы? Ведь потребители оценивают конкурентоспособность альтернативных технологических решений с точки зрения *утилитарности* (полезности) прикладных функций обслуживающих их библиосферных институтов. Именно утилитарные показатели (качество, экономичность, оперативность обслуживания) определяют конечные цели информатизации, компьютеризации, автоматизации библио-

⁶⁰ Столяров Ю.Н. О системных функциях библиотеки и их наименовании. Постановочная статья. // Науч. и техн. б-ки. 2015. № 6. С. 30–43.

⁶¹ Маркова В.Н. Функциональная модель библиотеки // Библиосфера. 2013. № 1. С. 13.

⁶² Голубенко Н.Б. Информационные технологии в библиотечном деле. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. С. 248.

точно-библиографических технологий, включая грандиозный проект Национальной электронной библиотеки (НЭБ). Утилитарная направленность свойственна всем проектам по совершенствованию технологических процессов, отсюда повышенное внимание к прикладным функциям библиосферы.

4.3.6. Прикладные функции библиосферы мобилизуют ресурсы библиосферы для удовлетворения текущих социально-культурных потребностей и используют взаимосвязи библиосферы с другими областями общественной жизни. Можно схематично представить следующую причинно-следственную последовательность:

Социально-культурная потребность → Прикладная функция →
→ Ресурсы библиосферы.

Покажем эту последовательность для семи социально-культурных потребностей, свойственных индустриальной российской цивилизации (Таблица 4.2). Представленный в таблице ряд прикладных функций, несомненно, может быть расширен и скорректирован, однако он достаточно представительен, чтобы сделать вывод о том, что библиосфера обладает достаточными ресурсами для того, чтобы оказывать влияние на общественное сознание, активно участвовать в воспитании подрастающего поколения, утверждении российской идентичности в гражданском обществе, обеспечивать сохранение социальной памяти и информационное обслуживание всех областей общественного производства и т.д. Обратим внимание на то, что социальные институты библиосферы *дифференцируются в соответствии с прикладными функциями*, чтобы обеспечить наиболее качественное и эффективное их выполнение. Например, типизация библиотек в библиотечном институте осуществляется по принципу функциональной специализации, которая определяет целевую направленность и содержание деятельности библиотек данного типа.

Таблица 4.2

Социально-культурные потребности индустриальной цивилизации

Социально-культурные потребности	Прикладные функции	Ресурсы библиосферы
1. Образование и воспитание молодого поколения	Педагогическая Образовательная	Детские и школьные библиотеки, литература для детей и молодежи
2. Массовая культура гражданского общества	Просветительская Развлекательная	Коммерческое книгоиздание, общедоступные библиотеки

3. Информационный сервис науки, бизнеса, др. отраслей	Научно-информационная Деловая информация	Научные (деловые) службы, литература, библиография
4. Сохранение идентичности и национальной памяти	Социализация Национализация	Национальные, региональные биб-ки, литературная классика
5. Управление массовым общественным сознанием	Идеологическая Идейно-воспитательная	Общедоступные библиотеки, политическая литература, массовая периодика
6. Организация культурного досуга граждан	Культурно-досуговая, Гедонистическая	Общедоступные библиотеки, худож., науч.- популяр. литература
7. Адаптация граждан с ограничениями здоровья	Реабилитация Гуманизация	Библиотеки для слепых и спец. литература

Проблематика прикладных функций не исчерпывается взаимосвязями «сущностные – прикладные», существует еще проблема определения *интегральной прикладной функции библиосферы*, которая также является всеобщей. В отличие от коммуникативной функции, изначально присущей библиосфере, интегральная прикладная функция варьируется в зависимости от выбора *социальной миссии* для институтов библиосферы. Этот выбор имеет стратегическое значения для практической деятельности в рамках библиосферы и предопределяет целевую направленность прикладных функций.

Можно выбрать *утилитарную миссию* и ориентироваться на повышение эффективности обслуживания за счет использования передовых технологий. О преимуществах утилитарной технизации, по сравнению с традиционной книжностью, уже говорилось. Но преимущества сочетаются с рисками. Исследователь утилитаризма как типа культуры Е.Н. Яркова отмечает: «Утилитаризм – неоднозначное явление, в нем немало негативных, антигуманных аспектов. Соглашаясь с такими оценками, необходимо отметить важнейшую позитивную черту утилитаризма – его динамизм»⁶³. Следовательно, односторонне ориентируясь на утилитарные цели, мы рискуем потерять из вида *гуманистическую миссию* библиосферы. Гуманистический аспект неявно присутствует во всех прикладных функциях библиосферных социальных институтов, потому что они призваны так или иначе удовлетворять социально-культурные потребности отдельных личностей, социальных групп и общества в целом. Очень важно позаботиться о том, чтобы динамическое

⁶³ Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 37.

аллегро утилитарных технологий не заглушило невзначай гуманистическую мелодию.

Подводя итоги настоящего параграфа, сделаем следующие выводы:

1. Российская библиосфера и входящие в её состав социальные институты выполняют функции *трех типов*: сущностные, технологические, прикладные.

2. Библиосфера имеет следующую *структуру сущностных функций*:

- Коммуникативная функция – интегральная функция, выражающая общественное назначение библиосферы как суперсистемы;
- типовой набор родовых сущностных функций;
 - мемориальная – сохранение и использование смыслов прошлого;
 - информационная – оповещение о новых актуальных смыслах;
 - аксиологическая – ценностная ориентация в прошлом, настоящем, будущем.
- Сумма видовых функций:
 - кумулятивная библиотечная функция;
 - поисковая библиографическая функция;
 - производственная издательско-полиграфическая функция;
 - коммерческая книготорговая функция.

3. *Технологические функции* ориентированы на повышение утилитарных параметров библиосферы, что достигается путем автоматизации, компьютеризации, информатизации технологических процессов.

4. *Прикладные функции* библиосферных социальных институтов, нацеленные на удовлетворение социально-культурных потребностей общества, социальных групп, индивидуальных личностей, обеспечивают выполнение библиосферой социально-культурной миссии, обусловленной приоритетами, господствующими в тот или иной исторический период.

4.4. ПРИОРИТЕТЫ БИБЛИОСФЕРЫ

Приоритет (лат. первый, превосходящий) обозначает главное направление при определении и осуществлении политических решений – например, приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, приоритет экологии над экономикой, приоритет международного права над национальной юрисдикцией, приоритет личных интересов над общественными (или наоборот) и т. п. Библиосфера является *объектом управления* со стороны государственной власти и учредителей учреждений культуры, социальных групп, выступающих в качестве пользователей и реципиентов, наконец, может иметь место самоуправление независимых организаций. Рассматривая социально-культурные эпохи развития российской библиосферы, мы так или иначе затрагивали организационно-управленческие вопросы, не углубляясь в их содержание, тем более что в книговедческих дисциплинах не получи-

ли развития библиотечная политология или теория культурной политики. В наше время великих перемен выбор приоритетов имеет критическое значение для будущности библиосферы. Поэтому важно иметь в виду те политические принципы и приоритеты, которые практически использовались для управления библиосферой в советский период и стоят на сегодняшней повестке дня.

4.4.1. Ленинский принцип партийности. Основоположителем советской библиотечной культурной политики не без основания признается основатель советского государства Владимир Ильич Ленин. Дело в том, что вожь революции обладал способностью рассматривать библиотеки с точки зрения двух политических субъектов: во-первых, в качестве активного и опытного книгодея он исходил из потребностей интеллигентной читательской аудитории; во-вторых, в качестве государственного деятеля он оценивал книгу и библиотеку как инструмент идеологической борьбы. В роли интеллигента-книжника он ратовал за внедрение комфортабельной швейцарско-американской системы библиотечного обслуживания, а в роли политического идеолога он требовал выстраивать книжную коммуникацию в соответствии с принципом партийности.

Как известно, этот принцип был первоначально сформулирован им в 1905 году применительно к литературе, издаваемой на средства партии. Статья «Партийная организация и партийная литература» была опубликована в большевистской легальной газете «Новая жизнь» и лидер большевиков по-хозяйски требовал: «Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами – все это должно стать партийным, подотчетным»⁶⁴. Статья появилась в контексте борьбы с меньшевизмом, и совершенно ясно, что Ленин не имел в виду адресовать принцип партийности литературному процессу и библиотечному делу в целом. Однако после захвата власти в 1917 году руководители библиотечного дела во главе с Н.К. Крупской и, конечно, не без ведома автора, распространили партийность на все виды и формы библиотечно-библиографической деятельности в Советской республике, отождествив ее с законом исторического материализма.

Правда, сам Владимир Ильич в своих последующих трудах к содержательной интерпретации принципа партийности не возвращался, ощущая, может быть, двойственность своей позиции. Ведь партийный подход к коммуникации по существу является политической цензурой, с которой революционер-книгодей Ленин, убежденный сторонник «свободы слова», никак не мог примириться. Возглавляя Совнарком в 1917 году, он обещал предоставить русскому обществу «свободу печати» и разъяснял: «Свобода печати означает: все мнения *всех* граждан свободно можно оглашать»⁶⁵. Граждан-

⁶⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 101.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 212.

ская война и враждебное окружение не позволили выполнить это либерально-демократическое обещание, напротив, краеугольным камнем советской культурной политики в библиотечном деле стал принцип партийности, органично вписавшийся в идеологию тоталитаризма (вспомним ревтрибуналы печати, чистку фондов, тотальную цензуру и спецхраны).

В первые годы Советской власти, в периоды индустриализации, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства директивное руководство страной и морально-политическое единство народа оправдывали себя. Ленинский принцип партийности был взят на вооружение советской административно-командной библиотечной системой в качестве идеологической основы. Несомненными культурными достижениями советской власти являются практически всеобщая грамотность населения, популярность книжного чтения, громадная сеть массовых (публичных) библиотек, которые создали советскому народу репутацию «самой читающей нации в мире». Хрущевская «оттепель» и брежневский «застой», как ни странно, стали *временем расцвета* библиотечно-библиографического социального института. В 60-е – 70-е годы тоталитарная библиосфера продолжала свое экстенсивное развитие: расширялась всесоюзная библиотечная сеть, совершенствовалась организационно-управленческая структура (главная новация – централизация сети массовых библиотек), значительно увеличилось количество средних и высших библиотечных учебных заведений, пополнялся ассортимент профессиональных периодических изданий. На зарубежных коллег ошеломляющее впечатление производили выступления советских библиотековедов на международных форумах: 330 тысяч библиотек (больше всех в мире!), более 5 миллиардов совокупный фонд (больше всех в мире!), 270 тысяч библиотечных работников (больше всех в мире!), ГБЛ – самая большая библиотека в Европе! У нас самое передовое социалистическое библиотековедение! Самая мощная библиотечная школа! СССР – великая библиотечная держава! – повторяли они с законной гордостью, энтузиазмом и оптимизмом, не забывая отметить, что в основе советской библиотечной теории и практики лежит ленинский принцип партийности.

4.4.2. Социалистическое библиотековедение. Главным теоретическим достижением героического поколения библиотековедов являются *основы концепции социалистического библиотековедения*, заложенные в 30-е годы. Отличительная особенность этой концепции состоит в приоритете марксистско-ленинской идеологии. Приоритет идеологии обосновывался стремлением «поднять библиотековедение на уровень науки», и Н.К. Крупская внушала библиотековедам: «Мало усвоить опыт буржуазных стран, надо его проанализировать с коммунистической точки зрения»⁶⁶. А.Н. Ванеев, харак-

⁶⁶ Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. – М., 1960. Т. 8. С. 450.

теризуя разработку социалистического библиотековедения в 1929–1945 гг., писал: «Исходя из марксистско-ленинского учения о культуре и культурной революции и основываясь на ленинском принципе партийности, советские библиотековеды предприняли в эти годы первые попытки обосновать библиотековедение как общественную, партийную науку»⁶⁷. Мы не будем заниматься содержательным рассмотрением этих попыток, поскольку эта задача прекрасно выполнена А.Н. Ваневым⁶⁸ и И.В. Лукашовым⁶⁹; нас интересуют следствия утверждения приоритета партийности в советской библиосфере.

Как ни парадоксально, но раньше других областей репрессивные следствия большевистской партийности обнаружились в самой, казалось бы, миролюбивой научно-практической отрасли – библиографии. Довольно известный и даже авторитетный библиограф *Игнатий Владиславович Владиславлев* (1880–1962)⁷⁰ выступил на Втором библиографическом съезде (1926) с докладом «Методология библиографии и теория диалектического материализма». Его выступление шокировало библиотечных интеллигентов. К.Н. Дерунов говорил в прениях: «Владиславлев жестко читал свой доклад и кончил тем, что есть какие-то враги здесь. Он говорил “наши враги”. Я думаю, что это страшное недоразумение». К Дерунову присоединился гуманист В.И. Невский, который заявил, что «согласиться со многими положениями, которые здесь И.В. Владиславлев выдвигал, ни в коем случае нельзя, никогда и нигде». Почему интеллигенты-книжники, носители демократических традиций, не соглашались с проповедником «диалектического материализма» и «научного социализма»? Потому что он, ссылаясь на марксистскую идеологию, объявил себя глашатаем тотальной истины, а своих идейных противников, прежде всего М.Н. Куфаева, безапелляционно обвинил в ненаучности, схоластичности, реакционности, идеализме и т. п.

Парадокс заключался в том, что полемист И.В. Владиславлев был честным библиографом революционного поколения, искренне верившим в истинность марксистского учения. Для него ценность книги определялась «классовым комплексом» и «общественной значимостью», поэтому он страстно воевал с книговедами «старой формальной школы» и опровергал «хавкинизм» – «некритическую поверхностную фактографию», «примитивную апологетику капиталистического книговедения»⁷¹. Но он не отожд-

⁶⁷ Ванев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. – М., 1980. С. 69.

⁶⁸ Ванев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. – М., 1980. С. 64–96.

⁶⁹ Лукашов И.В. Основные направления развития российского (советского) библиотековедения. Исторический очерк // Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и итоги. – М., 2003. С. 26–71.

⁷⁰ Огромная библиографическая и редакторская деятельность И.В. Владиславлева подробно описана в книге: Везирова Л.А. И.В. Владиславлев (1880 – 1962). – М.: Книга, 1978. – 190 с.

⁷¹ Владиславлев И.В. Опыт создания проблемного книговедческого журнала // Советская библиография. – 1990. № 5. С. 73–75.

дествлял научную полемику с полицейской расправой и в своих мемуарах называл сталинскую эпоху «лжесоциализмом», «окончательно терроризировавшим страну»⁷².

К сожалению, у Владиславлева нашлись более решительные последователи, которые развернули непримиримую борьбу с «меньшевиствующим идеализмом» (И.В. Сталин) в библиотечно-библиографических рядах. Эта борьба означала изживание интеллигентской толерантности в профессиональном библиотечно-библиографическом сознании. В шумных идеологических компаниях излюбленной мишенью для большевиков-партийцев сделался Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948), талантливый философ и историк Книги, концепции которого признаются сейчас «высшим достижением книговедения 1920-х годов» (Н.К. Леликова). После ухода из жизни в 1925 году А.М. Ловягина именно Куфаев получил признание в качестве главного теоретика в области библиографии и книговедения. По-видимому, он ощущал себя в этом качестве, недаром он озаглавил свою книговедческую монографию «Проблемы философии книги», а его доклад на Втором библиографическом съезде назывался вызывающе гордо – «Библиография – наука». Ученые-новаторы, претендующие на лидерство, пользуются повышенным вниманием научного сообщества и часто становятся объектом предвзятой и необъективной критики.

В 1931 году вышел в свет выпуск 1 Трудов Музея книги, документа и письма, посвященный «разоблачению куфаевщины». И.В. Новосадский (1907–1941) в статье «Теория книговедения и марксизм» писал: «Теория Куфаева – идеалистическая разновидность эмпирического книговедения, ... одна из многочисленных разновидностей реакционной буржуазной философии». Ему вторил П.Н. Берков (1896–1969), автор статьи «Развитие истории книги как науки»: «Теория М.Н. Куфаева насквозь идеалистична, активно враждебна марксизму, реакционна и является продуктом дореволюционного буржуазно-интеллигентского мышления». Эти ярлыки звучали в унисон с партийными лозунгами, и опровергнуть их было невозможно. Научная репутация Куфаева была подорвана. В 1934 году ему удалось издать последнюю свою книгу «Иностранная библиография», которая была подвергнута резкой критике П.Н. Берковым и К.Р. Симоном (1887–1966). Последний, в частности, писал: «Книга М.Н. Куфаева – не марксистское произведение. Слабые попытки автора связать историческое развитие библиографии с ходом общего исторического развития, пожалуй, только затуманивают общую зависимость автора от концепций буржуазных библиографов»⁷³. Критики книговеда-философа оказались лжепророками. В наши дни взгляды М.Н. Куфаева

⁷² «Угораздило жить в такие веселые времена...» (к 110-летию И.В. Владиславлева) // Советская библиография. – 1990. № 5. С. 63–65.

⁷³ Симон К.Р. Небрежная работа // Книга и пролетарская революция. – 1934. № 12. С. 130.

не только реабилитированы, но и включены в контекст современных библиотечно-библиографических исследований⁷⁴. К сожалению, не один Куфаев оказался жертвой «принципа партийности». Подобно Куфаеву, были лишены возможности полноценного творчества и сделались «внутренними эмигрантами» библиотечные интеллигенты-книгоеды Августа Владимировна Мезьер (1869–1935) и Николай Михайлович Сомов (1867–1951).

Ожесточенное преследование мирных книговедов и библиографов со стороны воинствующих партийцев имеет объяснение. Для тоталитаризма книжное дело – важнейший стратегический и тактический ресурс, который необходимо мобилизовать и использовать для пользы партийного дела. Идеологам советской библиосферы поиски таинственной сущности Книги, сохранение книжной культуры и социальной памяти кажутся идейными вылазками классового врага, которые следует пресекать любыми средствами. Одно из этих средств – литературная критика, задачи которой один из «красных» журналистов раскрывал так: «Критика должна иметь последствия: аресты, судебную расправу, суровые приговоры, физические и моральные расстрелы. В советской печати критика – не зубоскальство, не злорадное обывательское хихиканье, а тяжелая шершавая рука класса, которая, опускаясь на спину врага, дробит хребет и крошит лопатки. “Добей его!” – вот призыв, который звучит во всех речах руководителей советского государства»⁷⁵.

Героическое поколение библиотечной интеллигенции в 30-е годы получило партийное задание: создать новую «партийную науку о книге». На выполнение этой грандиозной задачи были мобилизованы лучшие специалисты библиотечного дела и библиографии. Многие из них, пожалуй, больше половины, по органичному этическому самоопределению были интеллигентами-гуманистами, не чуждыми толерантности, чести и правдивости, но все они в официальной обстановке надевали маску дисциплинированных и стойких партийных квазигуманистов, голосующих «за». 15–27 декабря 1936 года в Москве состоялось Совещание по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии. Это Совещание, подготовленное оргкомитетом во главе с Н.К. Крупской, представляло собой, так сказать, военный совет библиотечных идеологов, в котором приняли участие 263 делегата – элита советских библиотек того времени. Как выяснилось впо-

⁷⁴ Богданович М.М. Философия книги М.Н. Куфаева. // Библиография. – № 5. С. 69–80; Бородина В.А. Михаил Николаевич Куфаев и читателеведение (акмеологический подход) // Библиотековедение. – 2003. № 3. С. 84–93; Леликова Н.К. Система книговедения М.Н. Куфаева // Леликова Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. – СПб, 2004. С. 212–239; Пологовская И.Л. Новый взгляд на творчество М.Н. Куфаева // Мир библиографии. – 2001. № 1. С. 30–34.

⁷⁵ Красная нива. – 1928. № 19. С. 2.

следствии, из состава делегатов более 180 человек (68%) во главе с начальником библиотечного управления В.Г. Кировым были арестованы, сосланы или расстреляны⁷⁶.

Тем не менее, партийное задание энергично выполнялось и в конечном счете было успешно выполнено. Мы не имеем возможности подробно рассказать о выдающихся библиотечных героях того времени, поэтому ограничимся перечислением имен основоположников социалистического библиотекведения и советской библиографической науки, принявших участие в историческом Совещании: З.Н. Амбарцумян (1903–1970), М.А. Брисман (1904–1975), М.П. Гастфер (1900–1989), Ю.В. Григорьев (1899–1973), В.Н. Денисьев (1895–1968), Н.В. Здобнов (1888–1942), Д.Д. Иванов (1896–1980), Ф.И. Каратыгин (1892–1957), А.В. Кленов (1886–1971), Л.А. Левин (1909–1993), И.А. Мохов (1906–1968), В.Ф. Сахаров (1902–1986), К.Р. Симон (1887–1966), Л.Н. Троповский (1885–1944), Г.Г. Фирсов (1902–1990), И.М. Фрумин (1907–1993), О.С. Чубарьян (1908–1976), Е.И. Шамурин (1889–1962), Б.Ю. Эйдельман (1904–1987), А.Д. Эйхенгольц (1897–1970).

Типичны взгляды *Льва Наумовича Троповского*, который неуклонно внедрял принцип партийности в библиографическую теорию и практику, систематизацию литературы, подготовку кадров в библиотечной высшей школе. В своей научной деятельности он скептически относился к теоретическим изысканиям библиографов-книгovedов и придерживался мнения, что библиография – дисциплина обслуживающая, вспомогательная для других отраслей народного хозяйства, и поэтому «её теория должна быть всецело подчинена практике и проверяться практической работой – в самом конкретном, узком смысле этого слова»⁷⁷. Предполагалось, что теорию заменит марксистско-ленинское учение, а методологию – идеологически выдержанное партийное руководство. Главную задачу библиографической практики он видел в том, чтобы использовать её рекомендательный потенциал для пропаганды коммунистической идеологии.

Оценивая концепцию «вспомогательности» библиографии, развивавшуюся Л.Н. Троповским, Н.К. Леликова вполне резонно констатирует: «В рамках этой концепции простора для развития теории библиографии не было: теоретические проблемы подменялись конкретно-методическими, что соответствовало общей установке – теорию подчинить практике. В итоге концепция “вспомогательности” объективно привела к недооценке теории библиографии в целом и сужению проблематики библиографи-

⁷⁶ Сукиасян Э.Р. Долг памяти: К 70-летию Совещания по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии (Москва, 15–27 декабря 1936) // Науч. и техн. б-ки. 2006. № 12. С. 64–81.

⁷⁷ Троповский Л.Н. Задачи советской библиографии // Библиотековедение и библиография. – 1930. № 1–2. С. 30.

ческой науки по сравнению с периодом 1920-х годов»⁷⁸. Простая прагматика «вспомогательности» казалась ученым библиографам и библиотековедам героического поколения предпочтительней идеологически небезопасных теоретических абстракций, поэтому идеи Троповского получили развитие в трудах М.А. Брискмана, В.Н. Денисьева, А.Д. Эйхенгольца и других основоположников «социалистической библиографии».

Антиподом Л.Н. Троповского во многих отношениях является *Николай Васильевич Здобнов*. Центральное место в научном наследии Н.В. Здобнова, конечно, занимает *история русской библиографии*, которую, по словам М.В. Машковой, Здобнов «создал как самостоятельную научную историческую дисциплину. По своему замыслу, свежести и богатству фактических сведений, по методу выявления и подачи материала, по тонкости и пронизательности наблюдений книга Н.В. Здобнова «История русской библиографии» – выдающееся явление в советской библиографии. Её влияние неизбежно испытывали все позднейшие исследователи... «История русской библиографии» использовалась как учебное пособие студентами высших специальных учебных заведений и представляла значительный интерес не только для лиц, причастных к книжному делу, но и для широкого круга советской интеллигенции»⁷⁹. В памяти современников Николай Здобнов остался «неистовым пророком от библиографии», «энтузиастом», «воинствующим библиографом», чаще всего – «библиографом-новатором». О себе он говорил: «Болею преданностью библиографии». Согласно нашей формуле интеллигентности, Н.В. Здобнов – *интеллигент-гуманист*, в этическом самоопределении которого сочетаются альтруизм, толерантность, благоговение перед культурой, воплощением которой для него, несомненно, была библиография. Однако по моде, продиктованной тоталитаризмом, он волей-неволей скрывал свой интеллигентский гуманизм под маской большевистского квазигуманизма. Приятно сказать, что в среде библиотечной интеллигенции героического поколения были еще и другие подлинные (хотя и замаскированные) ученые-гуманисты, которым удалось избежать смертельной хватки сталинского тоталитаризма. Назовем двух из них: Е.И. Шамурин и Ю.В. Григорьев.

Евгений Иванович Шамурин – уникальный ученый-книжник XX века, то ли «русский Поль Отле», то ли «русский Мелвил Дьюи». Филологическое дарование, знание иностранных языков, способность одновременно углубленно заниматься многими проблемами помогли ему стать эрудитом-систематизатором, благодаря которому молодое отечественное библиотековедение обрело черты научной солидности. Но он не был «книжным червем», пренебрегающим практическими заботами. Напротив, методические и ор-

⁷⁸ Леликова Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века. – СПб, 2004. С. 384.

⁷⁹ Машкова М.В. Николай Васильевич Здобнов (1888–1942) // Здобнов Н.В. Избранное. Труды по библиографоведению и книговедению. – М., 1980. С. 21.

ганизационные проблемы, с которыми он сталкивался в качестве редактора «Книжной летописи» и одного из создателей советской государственной библиографии, стимулировали его научное творчество. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с перечнем его основных книжных публикаций: «Каталография. Руководство к библиографическому описанию книг» (1925); «Библиографирование и каталогизация периодики» (1931); «Алфавитный каталог» (1932); «Каталогизация» (1933); «Методика библиографической работы» (1933); «Систематический каталог и его организация» (1936); «Библиотечные каталоги. Введение в каталогизацию. Учебное пособие» (1946); «Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации». Т. 1 (1955); «Словарь книговедческих терминов» (1958); «Методика составления аннотаций» (1959); «Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации». Т. 2 (1959).

Эрудиция и авторитет Е.И. Шамурина в области систематизации были и остаются до сих пор вне конкуренции в отечественном библиотековедении. Мировое признание получили его труды по истории и теории библиотечно-библиографической классификации, поэтому позволительно сравнить его с Полем Отле и Мелвиллом Дьюи. В памяти современников он остался неустанным тружеником, большим ученым, и вместе с тем «человеком скромным, даже застенчивым, мягким и гуманным». Альтруизм + толерантность + благоговение перед культурой – формула этического самоопределения интеллигента-гуманиста, которой Евгений Иванович Шамурин, несомненно, соответствует.

Проявление филологической грани дарования Е.И. Шамурина – разработка теории и методики аннотирования⁸⁰. В соответствии с требованиями большевистского квазигуманизма Шамурин связывает семантическую обработку текста с принципом партийности, выдвигая требование «политической заостренности аннотации». Это требование является стандартным для тоталитарной книжности, и Шамурин, как и все деятели социалистического библиотековедения, просто обязан был написать, что библиограф (каталогизатор, систематизатор) должен «содействовать мобилизации читателей на выполнение задач, поставленных партией и правительством, воспитанию в них чувства гордости за свою родину, развитию советского патриотизма, непримиримости к враждебным социализму теориям и течениям» (с. 63). И он добросовестно повторял это требование во всех своих книгах, доходчиво раскрывая технологию его практической реализации. Но поклонение принципу партийности не спасло «русского Дьюи» от суровых обвинений в «объективизме», в «отрыве от коренных вопросов библиотечного строительства в СССР и идейно-воспитательных задач советской библиотеки», в «вос-

⁸⁰ Шамурин Е.И. Методика составления аннотаций. – М.: Всесоюзная книжная палата, 1959. – 230 с.

хвалении теории каталогов буржуазного библиотековедения»⁸¹. Обвинение в преклонении перед Западом в эпоху борьбы с космополитизмом звучало тревожным сигналом, но, к счастью, в этот раз до репрессий дело не дошло.

Юрий Владимирович Григорьев – еще один книжник эпохи тоталитаризма. Детально анализировать присущую ему интеллигентность нет необходимости, потому что эту работу наилучшим образом, любовно, старательно и компетентно выполнил его ученик – профессор Ю.Н. Столяров. Правда, в своей мемуарно-аналитической книге, изданной в серии «Труды деятелей книги»⁸², Юрий Николаевич редко употребляет термин «интеллигент», предпочитая, в соответствии с поставленной им задачей (достойно отметить 90-летие любимого учителя), более звучные эпитеты: «крупнейший советский библиотековед», «теоретик общего библиотековедения», «классик советского учения о библиотечном фонде», «исследователь других библиотековедческих проблем».

Для определения качества интеллигентности Ю.В. Григорьева обратимся к составляющим формулы интеллигентности. Эрудированность и креативность, альтруизм и благоговение перед Книгой, несомненно, были присущи Ю.В. Григорьеву. А толерантность, отрицание насилия? Вопрос непростой. Около 30 лет своей жизни (с 1945 г.) Ю.В. Григорьев был коммунистом, чем всегда гордился. «Всем, чего я добился, – говорил он, – я обязан Коммунистической партии. Партия помогла мне расти». Для честного и принципиального человека подобные добровольные высказывания не пустые слова, а кредо веры. Значит, коммунистическая идеология была для него этическим убеждением, а не навязанным властями бременем. Советский профессор Григорьев с присущим ему энтузиазмом штудировал труды классиков марксизма-ленинизма, и именно ему было поручено в год столетия вождя революции прочитать юбилейный доклад «В.И. Ленин и библиотечное дело» на 36-ой сессии ИФЛА (1970). Следовательно, квазигуманистическая коммунистическая этика была для него личным убеждением, а не навязанной извне маской. Руководствуясь этой этикой, он участвовал в кампании борьбы с космополитами⁸³. Таким образом, получается, что Ю.В. Григорьев – не замаскированный, а подлинный *интеллектуал-квазигуманист*.

Подведем итоги. Социалистическое библиотековедение как идеологизированная научная дисциплина рождалось в 30-е годы в обстановке стремительного развития библиотечно-библиографического социального института и тотального насилия в обществе. У его истоков стояли энергичные и талантливые интеллигенты и интеллектуалы революционного и героического

⁸¹ За высокую идейность, против формализма и объективизма в библиотечной теории // Библиотекарь. – 1950. № 3. С.1–4. (Редакционная статья).

⁸² Столяров Ю.Н. Ю.В. Григорьев. – М.: Книжная палата, 1989. – 224 с. (Труды деятелей книги).

⁸³ Столяров Ю.Н. Ю.В. Григорьев. – М., 1989. С. 56.

поколений. Как правило, они были прекрасными практиками библиотечного дела и библиографии, отличными организаторами, активно и самоотверженно участвовали в библиотечном строительстве, добиваясь значительных успехов. Однако многолетняя безупречная служба и преданность партии не избавляли от подозрений со стороны репрессивных органов и не защищали от жестокой расправы. Интеллигентность библиотечно-библиографических лидеров была различной. Были интеллектуалы-деспоты, выполнявшие руководящие роли, были интеллектуалы-квазигуманисты и интеллигенты-гуманисты, скрывающиеся под квазигуманистической маской.

О.С. Чубарьян не без гордости констатировал в своем учебнике по общему библиотековедению: «Впервые были сформулированы и раскрыты теоретические положения, характеризующие библиотеку как идеологическое учреждение. Особое научное значение имела теоретическая и практическая разработка вопроса о подчинении библиотечной работы политическим, хозяйственным и культурным задачам страны... Крупным вкладом в науку стало формирование психолого-педагогических основ и системы действенных методов пропаганды книги и руководства чтения. Обобщен большой и в высшей степени поучительный опыт советских библиотек по воспитанию всесторонне развитой личности, формированию материалистического мировоззрения, повышению культурного уровня советских людей, массовому распространению профессиональных знаний»⁸⁴. Нельзя считать звонкие фразы О.С. Чубарьяна ритуальной демагогией. В эпоху тоталитаризма была построена гигантская библиосфера, и строители её не знали других учений, кроме социалистического библиотековедения и советской библиографии, они воспринимали их как истину и руководство к действию. Других учений не было, и быть не могло, ибо кровожадная система цензурного контроля и подавления инакомыслия не бездействовала. В период перестройки, инициированной М.С. Горбачевым во второй половине 80-х гг., культурное пространство в стране изменилось.

4.4.3. От принципа партийности к принципу самоуправления. Начав перестройку, КПСС взяла курс на обновление социализма, придание ему гуманистического и демократического содержания. Практической реализацией стратегической линии партии стали радикальная экономическая и политическая реформы, расширение гласности, активизация общественной жизни, провозглашение необходимости демонтажа административно-командной (авторитарно-бюрократической) системы государственного управления. При этом партийные идеологи неизменно призывали активизировать идейно-воспитательную работу, вести бескомпромиссную идеологическую войну с антикоммунизмом, национализмом и шовинизмом, усилить пропа-

⁸⁴ Чубарьян О.С. Общее библиотековедение: Учебник для библиотечных факультетов: 3-е изд. – М., 1976. С. 31.

ганду идей В.И. Ленина, разоблачать попытки под видом деидеологизации протащить буржуазные политические и нравственные идеалы. Одним из идейных оснований перестройки зрелого социализма в 80-е годы стала идея возвращения к очищенному от последующих деформаций подлинному ленинскому наследию.

Однако ортодоксальное понимание партийности как безусловное следование партийным директивам прогрессивными библиотековедами отвергалось. Вместо этого библиотечные теоретики, озабоченные «оказанием нетрадиционной помощи читателю в формировании его мировоззрения на базе общечеловеческих идеалов и ценностей», склонялись в пользу принципа *демократической открытости*, дополняя его принципами объективности, научности, демократизма, плюрализма, общедоступности, социальной ответственности и др. Вдумчивые аналитики обнаружили разные степени партийности: непосредственная или опосредованная, в широком или узком смысле, партийность «на входе» и партийность «на выходе»⁸⁵. Короче говоря, перестройка социалистического библиотековедения заставила призадуматься над вопросом: кто должен быть хозяином в библиотеке и как строить библиотечную политику? Существуют три ответа на этот вопрос, соответствующие трем субъектам управленческой триады: Учредитель – Читатель – Библиотекарь.

А. *Учредитель – хозяин библиотеки*. Воля учредителя выражается в **принципе партийности**: если библиотека создается государством, то она должна руководствоваться государственной идеологией и воплощать в жизнь государственные интересы. В этом случае работа с читателями, пропаганда литературы, формирование и сохранение культурного наследия должны управляться и контролироваться соответствующими органами государственной власти, что ведет к централизации и огосударствлению библиотечной системы. Если учредителями библиотеки являются политические партии, церковь, научные организации, профсоюзы и т. д., библиотечная политика заключается в содействии деятельности этих организаций, по возможности избегая конфликтов с государственным законодательством⁸⁶.

Б. *Читатели – хозяева библиотеки*. В отличие от глубоко деформированной триады партийности, в данном случае имеется в виду *гуманистическая гармония* субъектов библиотечной политики, которых примиряет **принцип демократической открытости**, исходящий из того, что библиотека – не

⁸⁵ Перечитывая Ленина. Ленинские взгляды и современные проблемы библиотечного строительства // Библиотекарь. 1991. № 4. С. 12–22.

⁸⁶ Интерпретация принципа партийности в дореволюционных и послереволюционных выступлениях В.И. Ленина всесторонне раскрыта в статье Столяров Ю.Н. Ленинское наследие – достояние современности // Сов. Библиотековедение. 1990. № 6. С. 16–25, а также в других публикациях этого автора.

инструмент партийной борьбы или государственной идеологии, а элемент национальной (шире – общечеловеческой) культуры, и в этом качестве должна быть общедоступной и свободной от цензурных ограничений. Этот принцип соответствует интересам либерально-демократической читательской аудитории.

В. *Библиотекари – хозяева библиотеки* соответствуют **демократическому принципу самоуправления**, когда персоналу библиотек предоставляется возможность самостоятельно решать технологические и идеологические вопросы, руководствуясь профессиональной этикой. Реформаторы-демократы отстаивали принцип самоуправления, поскольку он позволял библиотечным коллективам принимать непосредственное участие в выработке библиотечной политики и оказывать гуманистическое воздействие на органы государственного управления. Организационной формой воплощения принципа библиотечного самоуправления мыслилось общественно-государственное управление библиотечным социальным институтом, которое соответствовало духу перестройки, провозглашенной XXVII съездом КПСС (1986).

Декларированные в период перестройки демократические и гуманистические идеи получили отражение в постсоветских правовых документах. Так, в статье 10 Федерального закона «О библиотечном деле» (1994) сказано, что «учредитель библиотеки не вправе вмешиваться в творческую деятельность библиотеки, за исключением случаев, предусмотренных её уставом и действующим законодательством». А статья 14 Федерального закона выражена в следующей *гуманистической* формулировке: «В основе государственной политики в области библиотечного дела лежит *принцип создания условий для всеобщей доступности информации и культурных ценностей*, собираемых и предоставляемых в пользование библиотеками». В связи с этим «не допускается государственная или иная цензура, ограничивающая право пользователей библиотек на свободный доступ к библиотечным фондам». Конечно, декларация – не фактическая реальность, но предпосылка формирования правового сознания общества, управляющего развитием современных библиотек, и библиотечного самосознания.

В 1994 году в результате объединения нескольких десятков федеральных и региональных библиотек и добровольных общественных организаций была создана **Российская библиотечная ассоциация (РБА)** – центральное звено общественно-государственного управления отечественным библиотечным институтом. В соответствии с уставом, РБА является негосударственным некоммерческим добровольным объединением юридических лиц – библиотек, библиотечных обществ и ассоциаций, иных организаций, содействующих библиотечно-информационному развитию России на основе общих целей и ценностей. Декларированная миссия РБА заключается в том, чтобы «привлекать и сплачивать в своих рядах наиболее активную часть профессионального сообщества, способную выражать и отстаивать интересы библиотечного

социального института перед лицом государственной власти и гражданского общества России. РБА стремится быть доверенным голосом российского библиотечного сообщества». Цели Ассоциации состоят в объединении усилий, поддержке и координации действий библиотек, библиотечных ассоциаций и школ в интересах сохранения и развития библиотечного дела в России, представительство и защите интересов российского библиотечного сообщества, повышении престижа библиотек и статуса библиотечной профессии⁸⁷.

По словам С.А. Басова, «РБА является одним из ведущих общественно-профессиональных объединений, имеющим значительный экспертный потенциал и авторитет в системе государственной власти. В настоящее время РБА объединяет около 600 членов почти из всех субъектов Российской Федерации. Это не только библиотеки и библиотечные общества; среди членов РБА есть учебные заведения, а также коммерческие организации, связанные с библиотечным делом (издательства, книготорговые организации, информационные центры). Все это дает РБА юридическое и моральное право действовать от имени российского библиотечного сообщества в стране и на международной арене»⁸⁸. Члены Ассоциации активно используют это право, выступая в качестве субъектов библиотечной политики и в теории, и на практике.

Значительный вклад в библиотечную политологию и отношения РБА с обществом и государством вносит Сергей Александрович Басов, уделяющий большое внимание общественно-государственному партнёрству в библиотечной сфере⁸⁹. В результате многолетней научно-практической деятельности он пришел к выводу, что перевод существующей системы управления культурой в новое качество на основе принципа общественно-государственного партнёрства предполагает последовательное движение по цепочке: саморегулирование → сорегулирование → управленческое партнёрство → общественно-государственная система управления. Саморегулирование связано с осуществлением регулятивных функций в рамках любого профессионального сообщества, будь то музейное или библиотечное. Сорегулирование предполагает частичное включение профессиональной общественности в механизмы принятия государственных решений и контроля за их исполнением. Управленческое партнёрство направлено на установление договор-

⁸⁷ Мамаева С.А. Российская библиотечная ассоциация: единство в действии. СПб: РНБ, 2010. 308 с.

⁸⁸ Библиотекведение. Общий курс: учебник. СПб: Профессия, 2013. С. 167.

⁸⁹ Басов С.А. Профессиональное сообщество как субъект библиотечной политики // Информационный бюллетень РБА. 2010. № 57. С. 55–61; Он же. Управленческое партнёрство в стратегии развития Российской библиотечной ассоциации // Библиосфера. 2011. № 4. С. 20–29; Он же. Общественно-государственные институты в управлении социально-культурной сферой // Вестник ЧГАКИ. 2013. № 1. С. 7–17. Он же. О путях реализации принципа общественно-государственного партнёрства в управлении сферой культуры // Культурное наследие России. 2015. № 3. С. 11–17.

но-правовых отношений с органами власти, с постепенным переходом к законодательному оформлению функций социально-ориентированной некоммерческой организации. С.А. Басов убежден, что государство не должно считать библиотечную политику своей «естественной монополией», а должно делегировать РБА участие в решении вопросов открытия, ликвидации, изменения правового статуса, оценки деятельности библиотек. Зона самостоятельных решений чиновников должна сокращаться. Там, где нет и не может быть рынка, в принятие государственных решений должны включаться структуры гражданского общества, запускаться механизмы самоуправления и саморегулирования, институциональную основу которых образуют общественно-профессиональные общества и ассоциации.

Библиотечное демократическое движение не исчерпывается деятельностью РБА – головной организации федерального уровня и универсального профиля. С 1992 года на международном уровне функционирует *Библиотечная ассамблея Евразии* (БАЕ), учрежденная национальными библиотеками стран СНГ; на всероссийском уровне работает *Ассоциация школьных библиотечкарей русского мира* (РШБА), основанная в 2004 году, наконец, в 2015 году была учреждена *Национальная ассоциация «Библиотеки будущего»* (НАББ). Кроме того, в различных регионах действуют около 20 обществ и ассоциаций, обеспечивающих консолидацию местных кадров. Процесс демократизации российских библиотек является стихийным, поэтому иногда возникают разногласия, например, привлекает внимание коллизия РБА / НАББ.

Согласно принятому уставу, конечными целями недавно организованной НАББ являются: 1) координация работ по созданию, распространению и использованию информационно-образовательной среды в интересах библиотек, научных, культурных и образовательных организаций; 2) повышение востребованности и эффективности деятельности библиотек; 3) повышение качества информационного обслуживания корпоративных и индивидуальных пользователей библиотек, уровня модернизации, культурного и технологического прогресса общества; 4) повышение статуса и значимости библиотек в социальной и культурной жизни общества; 5) поддержка библиотек в условиях эволюционирующего общества и развивающейся электронно-информационной среды.

Нетрудно заметить явное совпадение целей НАББ с целями и задачами, перечисленными в документе «Приоритеты развития РБА на 2016–2020 гг.». В то же время мировоззренческие подходы, которыми руководствуются конкурирующие национальные ассоциации, заметно различаются. НАББ акцентирует расширение спектра услуг, повышение качества обслуживания, снижение производственных затрат, создание электронных библиотек, внедрение передового отечественного и зарубежного опыта, лицензирование покупки программного обеспечения и других сервисов и т.д. РБА также ставит задачи информационного содействия динамичному социально-экономическому развитию страны, комплексной модернизации библиотек как

технико-технологической информационной системы, гармоничного сочетания электронных и традиционных ресурсов, но не забывает об утверждении гуманистических идеалов, продвижении книги и чтения в обществе, сохранении библиотечных фондов, включая книжные памятники. Короче говоря, НАББ исповедует утилитарно-технократический подход, а РБА придерживается гуманитарного подхода к современной библиотеке и информационно-коммуникационной среде. Перед библиотечными обществами и ассоциациями субъектов федерации, национальными, областными, краевыми и муниципальными библиотеками возникает трудный выбор: кому отдать предпочтение?

Нужно признаться, что мы отдаем предпочтение базовым ценностям, провозглашенным в «Приоритетах развития РБА», поскольку они имеют непреходящее значение для настоящей и будущей библиосферы. Вот эти ценности:

- *Библиотека* есть полифункциональный институт культуры, информации, просвещения и образования (самообразования), важный и неотъемлемый элемент духовной, социальной и экономической жизни России, важный фактор консолидации общества на основе общих духовных ценностей;

- *Фонды библиотек* составляют часть общенационального культурного наследия и информационного ресурса России, являются достоянием народов Российской Федерации, отечественной и мировой культуры;

- *Мировоззренческой основой* деятельности российского библиотечного сообщества является *гуманизм* – система идеалов и принципов, в центре которой находится человек как наивысшая ценность; утверждение в российском обществе гуманистических идеалов происходит через культурно-просветительную деятельность, продвижение книжной культуры, приобщение к книге и чтению.

Понимание библиотеки как «технико-технологической информационной системы», которого придерживается НАББ, является односторонним и утилитарным. Однако оно весьма широко распространено в политических кругах, и его нельзя не учитывать. Обратимся к приоритетам, которых придерживается государственная власть.

4.4.4. Политические приоритеты XXI века отражены в федеральных целевых программах (ФЦП) «Культура России», которые регулярно разрабатываются Министерством культуры РФ. Выбор цели и задач Программы основывается на концепциях долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и законодательных документах государственной культурной политики. Как правило, эти документы носят декларативный характер и соответствуют демократическим и гуманистическим принципам, провозглашенным в эпоху перестройки. Например, *основной стратегической целью* ФЦП на 2012–2018 годы было провозглашено *сохранение российской культурной самобытности и создание условий для равной доступности*

культурных благ, развития и реализации культурного потенциала каждой личности. Эта цель в нынешней системе управления культурой заняла место принципа партийности советских времен. Легко заметить, что она представляет собой пересказ статьи 14 Федерального закона, цитированной выше, в которой провозглашен «принцип создания условий для всеобщей доступности информации и культурных ценностей». Налицо демократизация российской культурной политики. Конечно, **принцип всеобщей доступности информации и культурных ценностей** должен реализовываться в современной библиотеке постиндустриальной российской цивилизации. Но этого мало.

Помимо демократического принципа всеобщей доступности в федеральных целевых программах пользуется приоритетом **принцип информатизации** (компьютеризации) библиотек. Согласно этому принципу, в ФЦП предусматриваются развитие общероссийской системы доступа к Национальной электронной библиотеке и создание мобильной системы обслуживания населенных пунктов, не имеющих библиотек; создание системы общероссийского учета книжных памятников как части российского культурного наследия и организация системы консервации документов Национального библиотечного фонда; создание электронных информационных ресурсов и информационных порталов библиотек; развитие Сводного электронного каталога библиотек России; программное и лингвистическое обеспечение библиотечных технологий; развитие публичных центров правовой, деловой, социально значимой информации, созданных на базе библиотек. Таким образом, национальная библиотечная политика России, отвергнув принцип партийности, ориентируется на демократический принцип всеобщей доступности информации и культурных ценностей и технократический принцип информатизации библиотек.

Представляет интерес сопоставление этой политики с приоритетами, принятыми международным библиотечным движением и провозглашенными ИФЛА. В 2013 году под эгидой этой международной организации был опубликован аналитический обзор «Скользить по волнам или попасть в водоворот?» где выделены и подробно анализируются пять тенденций в глобальной информационной среде, которые следует учитывать в национальной библиотечной политике. Эти тенденции Президент ИФЛА С. Сипиля сформулировала следующим образом:⁹⁰

Тенденция 1. Новые технологии расширят доступ людей к информации, но при этом создадут ограничения, обусловленные недостаточной информационной грамотностью и отсутствием навыков пользоваться цифровым инструментарием у многих людей.

⁹⁰ Сипиля С. Отчет ИФЛА о тенденциях развития библиотек // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе: сб. матер. междунар. конф. – М.: МЦБС, 2014. С. 23–32.

Тенденция 2. Электронное образование трансформирует и подрывает основы традиционного образования. Увеличится ценность образования на протяжении всей жизни, большее признание получают неинституциональные и неформальные модели образования, предусматривающие широкое использование библиотечно-информационных ресурсов.

Тенденция 3. Произойдет пересмотр представлений о неприкосновенности частной жизни и защите данных. Можно ожидать, что это окажет существенное влияние на этические основы в онлайн-мире.

Тенденция 4. Гиперсвязанные сообщества откроют новые возможности для коллективных действий. Открытые правительственные инициативы и доступ к общественным данным повысят прозрачность государственных услуг и будут способствовать их большей ориентации на граждан.

Тенденция 5. Новые технологии трансформируют глобальную информационную экономику. Существующие бизнес-модели достигнут творческого кризиса, вызванного инновационными устройствами, которые позволяют людям оставаться экономически активными в любом месте и в любом возрасте.

Президент ИФЛА пришла к выводу, что постоянно развивающиеся технологии, особенно такие, как Google Glass (очки с микрокомпьютером, имеющим фотокамеру и постоянно подключенным к Интернету), электронные книги, машинный перевод, глобальное и мобильное образование, существенно повлияют на библиотечную практику. Главными проблемами в XXI веке останутся соблюдение требований авторского права и фильтрация онлайн-доступа к информации экстремистского, аморального, криминального, секретного характера. Если правительства превратят фильтрацию информации в стандартную практику, это болезненно отразится на способности библиотек собирать и сохранять оцифрованные источники информации.

Однако технологический антураж не заслоняет гуманистическую сущность библиотечной деятельности. В политической декларации – Стратегическом плане на 2016 – 2021 годы, принятом ИФЛА в декабре 2015⁹¹, – сформулированы основные ценности, которыми рекомендуется руководствоваться библиотекам:

- принципы *свободы доступа к информации*, идеям и произведениям творчества и свободы выражения, сформулированные в статье 19 Всеобщей декларации прав человека;
- убеждение в потребности людей, сообществ и организаций во всеобщем и равном доступе к информации, идеям и произведениям творчества

⁹¹ IFLA. Стратегический план. 2016–2021. Принято Правлением ИФЛА. Декабрь 2015. 8 с.

для их *социального, образовательного, культурного, демократического и экономического благополучия;*

– убеждение в том, что предоставление *высококачественного библиотечно-информационного обслуживания* помогает гарантировать этот доступ.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что российские национальные принципы библиотечной политики по существу совпадают с международными политическими приоритетами библиотечного сообщества и поэтому могут быть распространены на стратегические направления современной российской библиотеки в культурном пространстве первой половины XXI века.

ГЛАВА 5

ФОРМИРОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНФОСФЕРЫ

Формирование отечественной информационной сферы связано с поколением шестидесятников. Поколение шестидесятников является вторым поколением советских людей, воспитанных в советской школе в условиях советского социализма. Время рождения этой демографической когорты 1926–1945 гг., а фаза личностного формирования, восхода поколения ограничивается датами 1956–1968. Первая дата – XX съезд КПСС, отвергнувший культ Сталина; вторая – подавление «пражской весны», знаменовавшее конец либеральных иллюзий и начало идеологических заморозков. Зрелость поколения пришлась на 70-е – 80-е годы, а фаза заката – последнее десятилетие XX века. Вместе с тем поколение шестидесятников – первое поколение великих перемен глобального масштаба, которые авторитетный социолог Мигель Кастельс назвал *информационно-технологической революцией*¹.

Затруднительно дать логически четкую дефиницию поколения шестидесятников. Александр Галич выразился витиевато: «Мы – цветы середины столетья». Евгений Евтушенко блеснул афоризмами: «Шестидесятники – это Маугли социалистических джунглей» или «Шестидесятники – это поколение генетически предрасположенных к страху, но начавших его побеждать»². Молодые шестидесятники хорошо помнили героиню Великой Отечественной войны, участвовали в послевоенном строительстве; на их счету были целина и комсомольские стройки, спортивные победы, бескорыстный коммунистический труд, субботники и воскресники, третий трудовой семестр, десятки тысяч комсомольцев-добровольцев. Романтика дальних странствий и трудовых будней вытесняла семейную идиллию и расчетливую предусмотрительность, а мешанские солидные добродетели презирались и отвергались как смертный грех. Можно сказать, что суть шестидесятничества заключается в *пробуждении духа русской интеллигентности* в этом поколении. Типичный советский интеллигент героического поколения, согласно критерию этического самоопределения, был интеллектуал (приверженность коллективному эгоизму, склонность к насилию, потребительское отношение к культуре). Подлинный шестидесятник – это интеллигент, соответствующий формуле интеллигентности и ощущающий магию Книги. Воспитанная в традициях Серебряного века Н.Я. Мандельштам заметила: «Люди, совершавшие революцию и действовавшие в двадцатые годы, принадлежали к интеллигенции, отрешившейся от ряда ценностей ради других, которые она считала высшими. Это был поворот на самоуничтожение. Что общего у какого-нибудь Тихонова

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. С. 51.

² Евтушенко Е. Волчий билет. – М., 1998. С. 7, 148.

или Федина с нормальным русским интеллигентом? Только очки и вставные зубы. А вот новые – часто еще мальчишки, их сразу можно узнать и очень трудно объяснить, каковы те признаки, которые делают их интеллигентами»³. Задача настоящей главы – проследить формирование той информационно-библиотечной среды, которая стала культурным пространством существования поколения шестидесятников.

5.1. ЗАРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИНФОСФЕРЫ

Инфосфера – детище электричества. Изобретение телеграфа (1837) и телефона (1876), образование всемирных телеграфных агентств буквально опутали земной шар каналами проводной электросвязи. В начале XX века радиовещание и телевидение ознаменовали начало *коммуникационной революции*, не только преобразовавшей библиосферу, но и заложившей материально-техническую базу *инфосферы*. Микропроцессорные чипы (1971) произвели подлинный переворот в западной цивилизации, и в 80-е годы началась эра персональных компьютеров, мощности которых быстро возросли. Получили распространение сетевые интерактивные технологии, которые вытеснили информационные системы с централизованным хранением и обработкой данных. При этом стоимость вычислений упала приблизительно с 75 долл. на 1 млн операций в 1960 г. до менее 0,01 цента в 1990 г. Мощные чипы в 80-е – 90-е годы получили широкое распространение в повседневной жизни – от стиральных машин до автомобилей. В области коммуникационной техники были достигнуты крупные успехи в развитии оптоэлектронных технологий (волоконная оптика и лазерные передачи), цифровой пакетной передачи по линиям связи, освоении широкого спектра микрорадиоволн. Новую стадию коммуникационной культуры открыла *электронная коммуникация*, включающая широкий круг коммуникационных каналов, основанных на проводной и радиосвязи, магнитной и оптической записи. Некоторые из этих каналов расширяют пространственный диапазон устной коммуникации (телефония, радиовещание, телевидение), другие дополняют ассортимент документальных сообщений различными видами электронных документов⁴.

Таким образом, налицо революционный, коренной характер техногенных преобразований информационно-коммуникационной среды, которые можно трактовать как *вызов* классической библиосфере – продукту многовековой письменной культуры. В настоящем параграфе мы намерены проследить в общих чертах зарождение инфосферы в условиях научно-технической рево-

³ Мандельштам Н. Воспоминания. – Нью-Йорк, 1970. С. 352–353.

⁴ Электронные документы: создание и использование в публичных библиотеках: справочник / науч. ред. Р.С. Гиляревский, Г.Ф. Гордукалова. – СПб: Профессия, 2007. 664 с.

люции и этапы её развития во второй половине XX века. Начнем с характеристики двух предпосылок, предопределивших зарождение информационной сферы в недрах европейской техногенной цивилизации: информационный кризис и кибернетический стиль мышления в науке.

5.1.1. Информационный кризис и кибернетика. Благодаря впечатляющим достижениям науки в области атомной энергии, ракетостроения, электронной вычислительной техники, правительство США и руководство Советского Союза, втянутые в холодную войну, пришли к выводу, что национальная безопасность непосредственно зависит от научно-технического прогресса, и начали уделять приоритетное внимание развитию фундаментальных и прикладных исследований военно-промышленного профиля. Это стимулировало научно-техническую революцию, одним из главных направлений которой стали вычислительная техника и кибернетика. Ученые, в свою очередь, ссылаясь на то, что разыскание в библиотеке какого-либо научного факта или теории может быть «более трудным и неопределенным, чем первое открытие в лаборатории», потребовали обновления научной коммуникации на основе новейших технических средств. Обстоятельно и аргументированно идею модернизации обосновал директор Управления по научным исследованиям и разработкам США Ванневар Буш (1890–1974) в статье «Возможный способ нашего мышления», опубликованной в августе 1945 года в популярном журнале *Atlantic Monthly*⁵. По словам В.П. Леонова, «эта удивительная статья-рассуждение, объемом более двух печатных листов, многократно воспроизводилась на разных языках мира и продолжает активно цитироваться в настоящее время»⁶.

В. Буш предвидел появление «мемексов» – библиотечных устройств индивидуального пользования, в памяти которых можно хранить книги, записи, переписку и вести оперативный поиск нужных сведений путем имитирования ассоциаций, существующих в живом человеческом мышлении. Аргументы американского ученого можно резюмировать так: нас могут заживо похоронить горы печатной продукции, в которых безнадежно искать золотую жилу дальнейшего прогресса. Гениальные открытия сделаны, опубликованы и забыты. Только механизация и автоматизация могут вывести нас из этого тупика. С легкой руки В. Буша в общественном сознании образовалось представление о грозящей человечеству катастрофе – *информационном кризисе*, порожденном неуправляемым *информационным взрывом*, самоубийственным *информационным бумом*. Информация привлекла внимание широкой общественности, об информации заговорили все. Ученые заявили, что научно-технической информации одновременно и слишком много, и слишком

⁵ Перевод на русский язык: Буш В. Возможный способ нашего мышления // Международный форум по информации. – 2001. Т. 26. № 4. С. 4–11.

⁶ Леонов В.П. «Черный квадрат» и мобильная библиотека: опыт прочтения // Библиотекосведение. – 2011. №2. С. 36–42.

мало. Много – потому, что поступающая к специалистам информация в значительной степени содержит ненужные им в данный момент (неpertinentные) сообщения; мало – потому, что многие pertinentные сообщения остаются им неизвестными. Причины информационного кризиса усматривались в следующих фактах:

1. Противоречие между объемом текущей научно-технической информации и физическими возможностями восприятия её отдельным специалистом. Это противоречие иллюстрировалось обычно данными статистики печати, формулами и графиками, показывающими экспоненциальный рост печатной продукции с течением времени. Характерным является следующий расчет: если бы химик, свободно владеющий 30 языками, начал с 1 января 1964 года читать все выходящие в этом году работы, представляющие для него профессиональный интерес, и читал бы их по 40 часов в неделю со скоростью 4 публикации в час, то к 31 декабря 1964 он прочитал бы лишь одну двадцатую часть этих публикаций⁷.

2. Противоречия между спросом на информацию и возможностями получения релевантной информации. В данном случае речь идет уже не об усвоении всей суммы профессиональных знаний, а о доступе к нужному фрагменту этой суммы. Такое противоречие возникло из-за несовершенства справочных аппаратов. Сущность кризисного явления в этом случае заключается в том, что «мы не знаем, что мы знаем». В результате – неоправданное дублирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, замедляющее темп научно-технического прогресса.

Американским и советским политикам стало ясно, что необходимым условием научно-технического прогресса является хорошее информационное обеспечение ученых и инженеров. Проблема научно-технической информации в 50-е годы рассматривалась Конгрессом США и Советом министров СССР в числе важнейших государственных проблем. Предлагаемые меры преодоления информационного кризиса сводились, прежде всего, к автоматизации и механизации информационных процессов (в первую очередь, информационного поиска); кроме того, предлагалось развернуть фундаментальные и прикладные научные исследования в области информации; наконец, была осознана потребность в формировании профессиональных кадров, занятых научно-информационной деятельностью в виде содержательного отбора, аналитико-синтетической переработки, поиска, хранения и доведения до пользователя релевантной научной информации. В зарубежной и отечественной науке произошло знаменательное событие: функциональное разделение ученых на теоретиков, прикладников-разработчиков и специалистов в области научно-информационной деятельности. Именно последние

⁷ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы научной информации. М.: Наука, 1965. С. 8.

взяли на себя задачу преодоления кризиса научной коммуникации и стали *практическими* основоположниками инфосферы.

В качестве *теоретической* основы инфосферы явилась *кибернетика*. Ученые-кибернетики усмотрели в информации и информационных автоматах силу, способную преобразовать человеческое общество. «Отец кибернетики» *Норберт Винер* (1894 – 1964) в своем пророческом сочинении «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» (1948) провозгласил: «Мы уже в состоянии построить искусственные машины почти со сколь угодно сложным поведением... Мы стоим перед лицом социальной силы, несущей неслыханные возможности для добра и для зла»⁸. В книге «Кибернетика и общество» (1950) Винер рассуждал так: «Удел информации в типичном американском мире состоит в том, чтобы превратиться в нечто такое, что может быть куплено или продано... Эта точка зрения приводит к неправильному пониманию информации и связанных с ней понятий и к дурному обращению с ними». Далее он категорически утверждал: «Информация и энтропия в равной мере непригодны для того, чтобы быть товарами»⁹. Ученый-гуманист высказывал надежду, что «новые возможности будут использоваться во благо человека, в интересах увеличения его досуга и обогащения его духовной жизни, а не только для получения прибыли и поклонения машине как новому идолу». Удивительно, что советские идеологи не заметили гуманистический потенциал кибернетики и заклеили её прозвищем «лженаука».

В Советском Союзе реабилитация кибернетики произошла благодаря академику Андрею Николаевичу Колмогорову (1903–1987), который по праву имеет репутацию одного из классиков современной науки. Не случайно Н. Винер однажды признался журналистам: «Вот уже в течение тридцати лет, когда я читаю труды академика Колмогорова, я чувствую, что это и мои мысли. Это всякий раз то, что я и сам хотел сказать». Именно А.Н. Колмогорову принадлежит первое в нашей стране энциклопедическое определение кибернетики как науки, которое звучало так: «Наука о связи, управлении и контроле в машинах, живых организмах и их объединениях с точки зрения их способности воспринимать информацию, сохранять эту информацию в памяти, передавать по каналам связи и использовать в процессах управления»¹⁰. Более развернутое толкование, выработанное в 1962 году авторитетным коллективом авторов во главе с академиком А.И. Бергом, выглядит следующим образом: «*Кибернетика* – наука о процессах управления и информа-

⁸ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М.: Сов. радио, 1968. С. 76.

⁹ Винер Н. Кибернетика и общество // Винер Н. Творец и Будущее. – М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 129–130, 133.

¹⁰ Колмогоров А.Н. Кибернетика // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 51. – М., 1958. С. 149.

ционных процессах в сложных динамических системах, основывающаяся на теоретическом фундаменте математики и логики, а также на применении средств автоматизации, особенно электронных вычислительных, управляющих и информационно-логических машин, систем и комплексов»¹¹.

Кибернетика быстро обрела в Советском Союзе статус лидера и символа научно-технической революции второй половины XX века, а информация почиталась как рабочее тело, плоть и кровь «разумных машин» – кибернетических агрегатов. Научно-практическая значимость кибернетики обуславливалась тем, что она переросла рамки математизированной концепции, представленной в классических книгах Норберта Винера, и сделалась *интегральным межнаучным направлением*, концентрирующим разнообразные и относительно самостоятельные теории, научные дисциплины, инженерные разработки – от статистической теории, предлагающей количественную меру информации, до документалистики, ставящей задачей оптимизацию документальной коммуникации. Круг энтузиастов кибернетики стремительно расширялся, особенно в среде молодых шестидесятников, и характерной профессионально-мировоззренческой чертой кибернетического сообщества стал особый *информационно-кибернетический стиль мышления*¹². Памятниками этого стиля могут служить впервые изданная в 1977 году книга Б.В. Бирюкова и В.Н. Тростникова, многозначительно озаглавленная «Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики»¹³, а также научные, публицистические и художественные сочинения Станислава Лема¹⁴.

Кибернетическая методология очень скоро распространилась на биологические, общественные (прежде всего, экономику) и гуманитарные науки. Наиболее привлекательной областью для проявления могущества кибернетической науки изначально была проблема построения *искусственного интеллекта*, создание «мыслящей машины». С мировоззренческой проблемой «Могут ли машины мыслить?» неразрывно связано имя английского математика Алана Тьюринга (1912–1954). Увлеченный перспективами вычислительной техники и уверенный в том, что «машины, в конце концов, будут успешно соперничать с людьми во всех чисто интеллектуальных областях», А. Тьюринг в 1950 году в статье «Вычислительные машины и разум» пред-

¹¹ Берг А., Бирюков Б., Китов А., Напалков А., Спиркин А., Тюхтин В. Кибернетика // Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 1962. С. 495.

¹² Бирюков Б.В. Кибернетика, информатика, вычислительная техника, автоматика: проблемы становления и развития. Вклад отечественной науки // Кибернетика: прошлое для будущего. – М.: Наука, 1989. С. 8.

¹³ Бирюков Б.В., Тростников В.Н. Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. Формализация мышления от античных времен до эпохи кибернетики. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 232 с.

¹⁴ Лем С. Диалоги. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 522 с.; Он же. Сумма технологий. – М.: Мир, 1968. 608 с.

ложил элементарный критерий определения «разумности» компьютера, известный как «тест Тьюринга»: побеседуйте с машиной, и пусть она убедит вас, что она человек. Не углубляясь в детали, критерий Тьюринга можно сформулировать так: если в случае диалога «человек – машина» человек не может определить, является ли его собеседник другим человеком или машиной, то последнюю можно считать «разумной»¹⁵.

Дискуссия вокруг интеллектуальных способностей вычислительных машин в 50-е – 60-е годы привлекла всеобщее внимание, и даже Норберт Винер не смог остаться в стороне. Правда, он занял более сдержанную позицию, чем его молодой английский коллега. На вопрос настырного журналиста «Существует ли опасность, что вычислительные машины когда-нибудь возьмут верх над людьми?» «отец кибернетики» саркастически ответил: «Такая опасность, несомненно, существует, это опасность умственной лени... Машины предназначены для службы человеку, и если человек не изобретательнее машины, то это уже слишком плохо. Но здесь нет убийства нас машиной. Здесь просто самоубийство»¹⁶.

Картина зарождения информационной сферы не будет полной, если забыть о вкладе канадского профессора в области английской филологии *Герберта Маршалла Маклюэна* (1911–1980), который, в отличие от своих современников-математиков, представляет гуманитарную элиту середины XX века. Автор блестяще написанных и оригинально оформленных книг «Галактика Гутенберга» (1962), «Медиум – это Послание» (1967), «Война и мир в глобальной деревне» (1968), он приобрел репутацию «пророка из Торонто», писателя-постмодерниста, предсказавшего становление информационного общества, основанного на электронике и компьютерной технике. Исходя из постулата, что духовный и материальный прогресс человечества определяют не орудия труда или освоение природы, не экономика или политика, а *коммуникационные каналы*, которыми располагают люди, Маклюэн предложил в зависимости от доминирующих средств массовой коммуникации (*mass media*) различать в истории человечества четыре эпохи: «дописьменное варварство», «письменную кодификацию», «типографскую эру» (эпоха «Галактики Гутенберга») и техногенную «глобальную деревню».

Г.М. Маклюэн обвинил книжность (Галактику Гутенберга) в опасном деформировании духовности *homo legens* («человек читающий»). Человек становится «умнее» не за счет общения с другими людьми, а за счет индивидуального чтения. Люди стали доверять «мертвой букве» больше, чем живому слову, отчуждение приобрело в обществе угрожающие масштабы. По

¹⁵ Тьюринг А. Могут ли машины мыслить? // Информационное общество: сб. статей. – М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 221–284.

¹⁶ Винер Н. Машины изобретательнее людей? // Информационное общество: сб. статей. – М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 208–209.

мнению канадского гуманиста, массовые политические и религиозные движения, кровавые революции, мировые войны – все это следствия гипнотического воздействия печатных изданий. Такие уродливые черты европейской цивилизации, как индивидуализм, эгоизм и всеобщее отчуждение, национализм и безбожие, информационные перегрузки и психические расстройства, объясняются длительной монополией книги как господствующего средства коммуникации.

Инфосфера казалась Маклюэну «глобальной деревней», где благодаря электрическим и электронным средствам связи (прежде всего, телевидению) к людям возвращается «сенсорный баланс» дописьменной коммуникационной культуры и создаются предпосылки для целостного развития личности. В этой «деревне» (Галактике Маклюэна) не будет индивидуализма и национализма, отчуждения, агрессивности и военных конфликтов. Грядущая всемирная цивилизация, – предсказывал «пророк из Торонто», – будет обществом «гармоничной коммуникации» и «образного мышления», являющихся непременным условием формирования высших культур. Он рисовал интригующую информационно-коммуникационную перспективу: исход современного человечества из книжной Галактики Гутенберга в электронную Галактику Маклюэна, преобразование порочной библиосферы в гуманистическую инфосферу. К сожалению, «галактический ясновидец» не дожил до наших дней, и нынешнее поколение работников электронных СМИ вынуждено без его участия обсуждать сакраментальный вопрос «Когда умрут газеты?»¹⁷.

Популярность и фундаментальная значимость информации в кибернетических концепциях не гарантировали однозначность понимания этого феномена. В научной литературе 60-х – 70-х годов легко обнаружить многочисленные и несовместимые трактовки информации, предложенные разными авторами. В дальнейшем количество определений информации возросло многократно, и мы не можем продолжать дальше рассмотрение структуры и свойств инфосферы, не уточнив предварительно содержание термина «информация», которое имеется в виду. Короче говоря, необходимо знать ответ на вопрос «что есть информация?», если речь идет об информатизации, информационной функции, информационном обществе и т.д. В связи с этим пришлось включить в нашу монографию раздел, посвященный понятию информации в современной науке и философии.

5.1.2. Информация как метафора. В толковых словарях информация определяется как «сообщение о положении дел где-то, о каких-то событиях и т. п.»¹⁸. В американском словаре английского языка слово “information” отождествляется со словом “knowledge” (знание, сведения о

¹⁷ Мирошниченко А. Когда умрут газеты. – М.: Книжный мир, 2011. 224 с.

¹⁸ Большой толковый словарь русского языка / Институт лингвистических исследований РАН – СПб : Норинт, 1998.. С. 397.

чем-либо) и толкуется как «любое знание или новость, полученные посредством коммуникации, познания, обучения», короче говоря, *knowledge communicated*¹⁹. Наши законодатели, со своей стороны, принимая федеральные законы об информации и информационных технологиях, сочли полезным уточнить, о чем идет речь, и приняли следующее определение «информация – сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления» (ФЗ Об информации, информационных технологиях и о защите информации от 27 июля 2006 г.). Помимо федеральных законов, у нас есть еще терминологические стандарты, регламентирующие научную терминологию. Так, ГОСТ 7.0–99 «Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения» предписывает понимать информацию как «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации».

Перечисленные авторитетные источники не противоречат друг другу, а напротив, единогласно утверждают, что информация – это сведения (знания, сообщения), передаваемые в процессе коммуникации. В лингвистике есть понятие «узусальное значение» (*usual meaning*) – «значение, в котором слово обычно и естественно употребляется»²⁰. Выходит, что наши лингвисты и законодатели приобщают нас к основному, узусальному значению термина «информация». Это значение соответствует дефиниции: *информация – способ выражения духовных смыслов (знаний, умений, эмоций, волевых стимулов, фантазий) человекочитаемыми коммуникабельными знаками*. Этот тип информации известен как **семантическая информация**.

К сожалению, понятие семантической информации не способствует уяснению сущности информационного общества и информатизации. Как известно, антропогенез и социогенез стали возможны, потому что люди овладели естественным языком и начали обмениваться семантической информацией, следовательно, уже первобытное общество было информационным. Поэтому Государственная программа построения информационного общества в России выглядит абсурдно. Зачем информатизировать исконно информационное российское общество?

Ясно, что толчком к возникновению полисемии в данном случае стало появление электрической связи в виде телеграфа, телефона, затем радио. Схема электрической связи, на первый взгляд, подобна схеме естественного общения между людьми, но на самом деле это два качественно различных рода коммуникации. Люди обмениваются вербальными или

¹⁹ Webster's encyclopedic unabridged dictionary of the English language. New York. 1983. P. 730.

²⁰ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: изд. 5-е. – М. : «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 164.

невербальными человекочитаемыми знаками, а передатчики и приемники обмениваются искусственно созданными машиночитаемыми сигналами, несущими закодированный смысл. Такую информацию резонно назвать *машинной*. Нетрудно показать различия между этими типами информации в табличной форме.

Таблица 5.1

Сопоставление семантической информации и машинной информации

Параметры	Семантическая информация	Машинная информация
Область реализации	Естественная <i>социосфера</i>	Искусственная <i>техносфера</i>
Схема коммуникации	Коммуникант – Сообщение – Реципиент	Передатчик – Сообщение – Приемник
Канал связи	Устная или письменная речь	Проводная или радиосвязь
Содержание сообщения	<i>Смыслы</i> (сведения) – знания, умения, эмоции, волевые стимулы, фантазии	<i>Команды</i> (управляющие сигналы), <i>данные</i> для обработки
Форма сообщения	Человекочитаемые знаки	Машиночитаемые сигналы
Элементы сообщения	<i>Знак</i> – единица смысла, представляющая собой единство идеального значения и материальной формы	<i>Сигнал</i> – единица кода, представляющая собой изменение физической величины, используемое для передачи сообщения
Критерий получения сообщения	<i>Понимание</i> – критерий получения сообщения человеком	<i>Декодирование</i> – критерий получения сообщения приемником
Дефиниция	<i>Семантическая информация</i> – способ выражения духовных смыслов посредством человекочитаемых коммуникабельных знаков	<i>Машинная информация</i> – способ передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов

Теперь можно сделать вывод, что информационное общество – это общество, располагающее постиндустриальной информационно-технологической *машинной* инфраструктурой, а информатизация общества – использование телекоммуникационной и компьютерной *техники* для удовлетворения информационных потребностей населения. Следовательно, государственная программа «Информационное общество (2011 – 2020)» нацелена на широкое распространение цифровой машиночитаемой коммуникации, хотя явно ни-

где об этом не говорится. Но полисемия информационной терминологии на «машинной информации» не кончается.

В 1948 году американский математик Клод Шеннон (1916–2004) по аналогии с термодинамической энтропией (мерой хаоса) назвал *информационной энтропией* количественную меру неопределенности ситуации. В теории Шеннона информация трактуется как снятая неопределенность, а количество информации оценивается долей уменьшения энтропии. Соответствующие формулы показывают, что количество информации тем больше, чем меньше вероятность появления данного сообщения. Вообще говоря, снятую неопределенность было бы правильнее именовать «негэнтропией» (отрицательной энтропией), как это сделал французский физик Леон Бриллюэн (1889–1969), выдвинувший «негэнтропийный принцип информации». Однако Шеннон предпочел «информация», беззаботно увеличив полисемию этого слова.

Физико-математическая интерпретация информации не связана ни с содержанием, ни с формой сообщений, передаваемых по коммуникационному каналу. Учитывая это обстоятельство, Л. Бриллюэн подчеркивал, что «совокупность 100 букв, выбранных случайным образом, фраза в 100 букв из газеты, из пьесы Шекспира или теоремы Эйнштейна, имеют в точности одинаковое количество информации»²¹. Математическая информация не имеет никаких общих параметров с семантической или машинной информацией (см. таблицу 5.1). Она дематериализована и представляет собой умственный конструкт, подобный логарифмам, мнимым числам или другим абстракциям, отсутствующим в физической реальности. Математическая интерпретация информации была взята на вооружение теорией связи, вычислительной техникой, кибернетикой, что обеспечило ей репутацию одной из идейных предпосылок научно-технической революции середины XX века.

«Отец кибернетики» Норберт Винер (1894–1964) не учитывал качественные различия между семантической, биологической, машинной информацией, зато он акцентировал общность природы всех типов информации, бросив общеизвестный афоризм «Информация есть информация, а не материя и не энергия»²². Поскольку противоположностью материального является идеальное, афоризм Винера прочитывается, как утверждение «информация есть идеальный феномен». Появление идеальных феноменов в материально едином мире противоречит принципу материалистического монизма и, естественно, вызвало сопротивление философов-материалистов. В полемике с кибернетическим идеализмом советская философия обогатилась атрибутивной, функциональной, антропосоциоцентристской концепциями, которые по-разному, но с позиции диалектического материализма, раскрывали природу информации. Таким образом, вопрос «Что есть информация?» стал

²¹ Бриллюэн Л. Наука и теория информации. – М., 1960. С. 29.

²² Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М. : Сов. радио, 1968. С. 201.

в 70-е годы предметом философских дискуссий, а информация начала претендовать на статус философской категории.

Между тем в конкретных естественных и общественных науках получил распространение *стихийный информационный подход*. Болгарский академик Тодор Павлов в 60-е годы не без удивления заметил: «Физиологи, психологи, социологи, экономисты, технологи, генетики, языковеды, эстеты и другие ищут и находят информацию почти во всех органических, общественных и умственных процессах»²³. Точно сказано: «Ищут и находят!» Отталкиваясь от узуальной трактовки информации, пытливые исследователи стали называть информацией те явления, которые представлялись им на нее похожими. В результате появились десятки частнонаучных определений информации, приспособленных к нуждам физиологии, психологии, социологии и других частных наук. В XX столетии, как заметил Р.С. Гиляревский, «слово «информация» стало настолько модным, что многие явления и процессы в природе, обществе и мышлении при самой отдаленной схожести с информацией называются её именем. А это, в свою очередь, порождает много заблуждений технократического толка»²⁴.

Информационный подход сделался привлекательным методологическим инструментом. Привлекательность этого инструмента заключается, с одной стороны, в генетической связи с авторитетными идеями Н. Винера и К. Шеннона, а с другой стороны, в раскованности его использования, обусловленной неопределенностью понятия информации. Вспоминая замечательную фантазию А.М. Волкова (1891–1977) «Волшебник Изумрудного города», я позволил себе назвать информационный подход *«информационными очками»*. Как известно, иллюзия изумрудности фантастического города создавалась благодаря специальным очкам, которые обязаны были постоянно носить все горожане. Если очки снимались, Изумрудный город исчезал. Информационный подход есть рассмотрение объективной действительности через призму категории информации. Эта категория, выполняя функцию «информационных очков», представляет мир в «информационном свете». Допустим, раньше книгу считали «источником знания», а в свете информационного подхода она выглядит «источником информации»; раньше у любознательных детей были познавательные интересы, теперь – информационные потребности, раньше библиотеки выполняли просветительскую миссию, теперь – информационную функцию. Мир стремительно информатизируется, и через «информационные очки» после индустриального общества просматривается «информационное общество». Короче говоря, информационный подход представляет собой *информационное мировоззрение*.

²³ Павлов Т. Информация, отражение, творчество. – М., 1967. С. 16.

²⁴ Гиляревский Р.С. Информационная культура в высшей школе // НТИ. Сер. 1. 2007. № 2. С. 19.

Суть этого мировоззрения в том, что информационный подход *первичен*, а информация *вторична*. Это означает, что исследователь сначала принимает решение использовать информационный подход (надеть «информационные очки»), затем обращает свой взор на изучаемую реальность и, наконец, обнаруживает (или не обнаруживает) в этой реальности информацию. Главная особенность информационной методологии состоит в том, что исследователь *не открывает* информацию в реальном мире, как открываются звезды или микробы, а всего лишь *называет информацией* те объекты или явления, которые *кажутся* ему соответствующими этому названию. Информационный подход практикуется, потому что он выполняет следующие полезные функции: а) *номинативная* функция – слово «информация» используется в качестве имени реальных вещей, например, «институт научной информации», «информационное общество», «информационная техника», «информатизация» и т. д.; б) *конструктивная* функция – реализация информационных систем, информационных моделей, проектов, технологий и т. д.; в) *описательно-объяснительная* функция, когда имеет место своеобразное объяснение «неизвестного через неизвестное». Например, нам неведомы действительные механизмы памяти, понимания, мышления, но можно вразумительно обсуждать эти сложные психические явления посредством интуитивно постигаемого понятия информации: память – это хранилище информации, понимание – раскодирование информации, мышление – обработка информации. Особенно удачно описываются и объясняются посредством информационных моделей общение между людьми и сигнализация животных, управление и связь в технических устройствах и биологических системах. Здесь реализуется потенциал обобщения, всегда присутствующий в понятии информации.

В результате знакомства с содержанием различных научных дисциплин получается топографическая карта распространения информационного подхода. Вот она.

Дисциплины, включающие информацию в свой предмет изучения:

Теория информации, Информатика научная, Безбумажная информатика, Социальная информатика, Экономическая информатика, Педагогическая информатика, Информология, Информатология, Информациология, Информатроника, Инфотроника, Информомония, Информодинамика, Информатистика, Компьютеристика, Компьюматика, Датаматика, Informaion science, Computer science.

Фундаментальные науки, использующие информационный подход:

Экономика, Политология, Социология, Математика, Кибернетика, Биология, Психология, Физиология, Синергетика, Когнитивистика, Прогностика, Коммуникативистика, Лингвистика, Логика, Семиоти-

ка, Филология, Документология, Культурология, Искусствознание, Астрономия, Геология, География и др.

Прикладные науки, использующие информационный подход:

Автоматика, Архивоведение, Библиотекведение, Библиографоведение, Библиополистика, Вычислительная техника, Искусственный интеллект, Документоведение, Журналистика, Имиджелогия, Клубоведение, Книговедение, Криминалистика, Музееведение, Радиотехника, Реклама и PR, Телевидение, Телемеханика, Фольклористика, Электротехника и др.

Поистине, трудно обнаружить научную дисциплину, оставшуюся в стороне от информационной методологии. Разве богословие... Приведенную научно-топографическую карту будем считать ***общенаучным ликом*** информации, позволяющим квалифицировать информацию как ***категорию общенаучную***. Что понимается под «общенаучной категорией»? Вот авторитетное определение: «*Общенаучные категории* – это возникающие в эпоху научно-технической революции важнейшие, фундаментальные понятия науки принципиально нового типа, сочетающие в себе отдельные свойства как частнонаучных, так и философских категорий, а потому образующие своеобразный промежуточный, переходный вид научных категорий. Их качественная специфика заключается, прежде всего, в двух важнейших свойствах: они, с одной стороны, принципиально применимы во всех без исключения областях научного знания, с другой – в отличие от категорий философии, не обладают логико-гносеологической универсальностью, не являются необходимыми инструментами человеческого мышления»²⁵. Согласно этому определению, статусом общенаучной категории обладают «система», «функция» и, разумеется, «информация».

Информация в конкретных науках чаще всего понимается как семантическая или машинная информация. Эти типы информации близки к узальному, общезыковому значению, поэтому понимаются интуитивно. Но во все не редкость формулировки, очень далекие от узального значения слова «информация» и никак не связанные с передачей каких-либо смыслов или сигналов. К. Шеннон, окрестивший информацию «снятой неопределенностью», стал первооткрывателем «информационной метафоризации». Метафора есть словосочетание, характеризующее данное явление путем перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений). В научной литературе мелькают метафоры: информация – это «запомненный выбор одного варианта

²⁵ Готт В.С. Семенюк Э.П. Урсул А.Д. Категории современной науки. М., 1984. С. 122.

из нескольких возможных и равноправных», «мера разнообразия», «мера сложности структур», «мера организации», «средство создания порядка из беспорядка», «некий алгоритм, совокупность приемов, правил или сведений», «сущность, сохраняющаяся при вычислимом изоморфизме». И.М. Гуревич развивает концепцию физической информатики, где информация определяется как «устойчивая определенное время неоднородность»²⁶. На основе этого определения в рамках «информационного подхода к описанию Вселенной» формулируется ряд фундаментальных закономерностей. Например, обнаружилось, что «объем информации в оптимальной черной дыре пропорционален квадрату минимального коэффициента, связывающего объем информации с массой в разных типах обычного вещества, и обратно пропорционален коэффициенту, связывающему объем информации с массой в черной дыре» (с. 219). Возможно, так оно и есть, но очень трудно ассоциировать черную дыру со смысловым содержанием коммуникационного сообщения.

Таким образом, общенаучный лик информации разукрашен метафорическим макияжем. Впрочем, с информационной метафоризацией в отдельных конкретных науках можно примириться, потому что она локализована в ограниченном узконаучном ареале. Другое дело – интерпретации информации как философской категории, являющейся основой информационного мировоззрения. Основания для таких интерпретаций налицо, ведь понятие информации не только применяется во всех областях научного знания, но и обладает логико-гносеологической универсальностью, свойственной инструментам человеческого мышления. Следовательно, можно говорить о *философской категории*, воплощающей *философский лик* информации. Здесь разнообразие метафор нежелательно, потому что оно дезориентирует познавательный процесс. Философская категория информации должна соответствовать *критерию панинформизма*, который состоит в логико-гносеологическом постулате: *информация существует реально, вечно и повсеместно*. Надо признать, что большинство философско-информационных концепций этому критерию соответствует.

Так, критерию панинформизма удовлетворяет определение основоположника философии информации в нашей стране А.Д. Урсула: «Информация может быть представлена как отраженное разнообразие, а именно разнообразие, которое один объект содержит о другом объекте»²⁷. Развивая точку зрения Урсула, К.К. Колин предложил формулировку: «Информация представляет собой всеобщее фундаментальное свойство реальности, которое проявляется в том, что отдельные фрагменты реальности различным образом проявляют себя в пространстве и времени, то есть обладают

²⁶ Гуревич И.М., Урсул А.Д. Информация – всеобщее свойство материи. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 86.

²⁷ Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты. – М.: Наука, 1971. 296 с.

свойством различия. Совокупность этих различий и есть информация»²⁸. В.В. Саночкин развивает концепцию «Информация – структура», в которой пришел к мировоззренчески важному заключению, что понятие «информация» эквивалентно понятию «структура»²⁹. Безусловно удовлетворяет критерию панинформизма теологическая трактовка информации основоположника информатиологии И. И. Юзвизина: «Информация – всеобщая генеративная основа природы и общества; это универсальное генеративное поле Вселенной и универсальное начало всех начал; информация первична, материя вторична. Информация – универсальный генеративный ресурс Вселенной, безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира»³⁰. Что есть «всеобщая генеративная основа природы и общества»? Что представляет собой первичное «начало всех начал», породившее материю? Как понимать «безальтернативный первоисточник развития и благосостояния народов Мира»? Ответ очевиден: это Бог! В Библии написано: «В начале было Слово»; в евангелии от Юзвизина написано: «В начале была Информация». Информационное мировоззрение приобретает мистический оттенок. К панинформизму, называя его «панкомпьютериализмом», склоняется Л. Флориди. Он отмечает, что «информационные понятия настолько мощны, что при задании правильного уровня абстракции всё можно представить как информационную систему: от здания до вулкана, от леса до обеда, от мозга до компании, любой процесс может быть имитирован информационно – нагревание, полет, вязание и т. п. Поэтому панкомпьютериалистский взгляд облечен трудной задачей поиска достойного доверия ответа на вопрос, что значит для физической системы *не быть* информационной системой»³¹. Действительно, обнаружить «неинформацию» в информационном универсуме столь же трудно, как найти сухое место в толще воды.

Беда в том, что все философские трактовки информации метафоричны, ибо «отражение», «разнообразие», «различие», «структура», даже Бог – все это метафоры, а не определения своеобразной природы и сущности информации. Получается, что философский лик информации еще больше подвержен метафоризации, чем её общенаучный лик. Что же нам делать? Есть два выхода из ситуации. Можно встать на нигилистическую точку зрения и объявить информацию квазифеноменом, вроде «теплорода» или «эфира», которые в природе отсутствуют. Действительно, мы наблюдаем сведения,

²⁸ Колин К.К. Философия информации: структура реальности и феномен информации // Метафизика. 2013. № 4. С. 75.

²⁹ Саночкин В.В. Природа информации и развития. – М., 2004. 76 с.

³⁰ Юзвизин И.И. Основы информатиологии: учебник. – М., 2001. С. 587.

³¹ Хлебников Г.В. Философия информации: Н. Винер, Л. Флориди, Т. Байнам. (Аналитический обзор) // РЖ Социальные и гуманитарные науки / ИНИОН. Философия: общие проблемы. – 2011. 02. 001. С. 26–27.

сигналы, сообщения, но не информацию как реальный феномен. Нигилисты фактически исключают из науки проблему информации, с чем согласиться нельзя. Другой выход заключается в том, чтобы разработать собственную трактовку природы информации. Пойдем по второму пути, чтобы выявить «философский лик» информации.

Как известно, со времен античности различаются две противоположные субстанции: материальная и идеальная. Материальна или идеальна информация? Более полувека продолжается баталия материалистов и идеалистов, которую давно пора объявить ничьей, поскольку аргументы повторяются. К счастью, обнаружилась *реалистическая философия*, развиваемая школой петербургского философа *Валерия Леонидовича Обухова*³². Эта концепция «на место привычных монизма и дуализма с необходимостью ставит *дуалистический монизм*, признающий единую субстанцию, но с двумя противоположными ликами, несводимыми один к другому»³³. Принципиальное отличие идеи «дуалистического монизма» от традиционного дуализма состоит в том, что отрицается параллельное сосуществование двух несводимых к единству противоположностей (дух и материя, душа и тело, мышление и протяженность, абстрактное и конкретное и т.п.), а утверждается неразрывное единство и взаимозависимость противоположных начал. Абсолютно дематериализованная идеальность в «чистом виде» существовать не может; аналогично нет совершенно однородной материи, лишенной каких-либо отличительных свойств.

Согласно дуалистическому монизму, природная субстанция всех реальностей амбивалентна. Единство материального и идеального особенно убедительно проявляется при рассмотрении феномена культуры как «второй природы», искусственно созданной людьми. Материальная культура – это опредмеченная мысль, а духовная культура реализуется в материальной форме. Следовательно, *природа информации* не идеальна и не материальна, а *амбивалентна*, ибо информация имманентно (необходимо) воплощает единство и взаимообусловленность материальных и идеальных начал, то есть идеального содержания и материального носителя. Благодаря амбивалентной природе, информация способна отражать амбивалентное разнообразие живой и неживой природы, сознания и техносферы и в этом качестве достаточно всеобъемлюща, чтобы соответствовать требованиям философского панинформизма. Достоинство данного толкования природы информации в том, что оно обходится без метафор.

Подведем итоги. Информация давно вошла в обыденный лексикон естественного языка, где используется для обозначения различных коммуника-

³² Реалистическая философия: учебник: 3-е изд. / под ред. В.Л. Обухова – СПб: Химиздат, 2003. 384 с.

³³ Обухов В.Л. Что такое реалистическая диалектика? // Мир философии – мир человека. – М., 2007. С. 701.

ционных, познавательных, управленческих явлений. Узуальным является понимание информации как сведений, известий, сообщений. В связи с распространением информационного подхода в 60-х – 70-х гг. прошлого века информация достигла статуса общенаучной категории, которая использовала и узуальные общеязыковые значения, и метафорические выражения. Особенно преуспели в метафоризации своей науки математики, что дало повод члену-корреспонденту РАН Ю.И. Манину написать весьма серьезную книгу «Математика как метафора»³⁴. Не будет большим преувеличением сказать, что информация – это *общенаучная метафора нашего времени*. Во всяком случае, понятия «информационное общество», «информатизация», «информационное мировоззрение» явно являются метафорами, т. е. употреблением слов не в прямом, а в переносном, вымышленном значении. В философии метафоры не пользуются уважением, поэтому английский философ М. Блэк свою статью, посвященную метафоре, начал словами: «Похвалить философа за метафору – все равно, что похвалить логика за красивый почерк»³⁵. Мы против неумеренной метафоризации философской терминологии, тем не менее, полагаем, что информация в качестве *философской категории*, согласно принципу дуалистического монизма, есть обозначение амбивалентной, материально-идеальной (идеально-материальной) субстанции. Что же касается библиосферы и инфосферы, то в этих областях в ходу понятия *семантической информации* и *машинной информации*, иногда – формулы математической теории информации К. Шеннона. Используем эти понятия для определения содержания центрального понятия нашего исследования «информационная сфера».

5.1.3. Интерпретации понятия «инфосфера». Термин «инфосфера» приобрел различные значения, потому что разные авторы трактуют понятие «информация» неоднозначно и, соответственно, определяют разное положение для «информационной сферы» в иерархии всевозможных «сфер». Сопоставление различных формулировок показало, что можно выделить пять интерпретаций инфосферы: инфраструктурная (технологическая), семантическая (смысловая), государственная (интегральная), естественнонаучная, метафорическая. Каждая интерпретация соответствует реальным предметам, связи между которыми не всегда очевидны.

1. Инфраструктурная инфосфера. Инициатива инфраструктурной трактовки принадлежит академику Андрею Петровичу Ершову (1931 – 1988), пионеру теоретического и системного программирования, создателю Сибирской школы информатики, идеологу национальной программы информатизации народного образования. Свою концепцию инфосферы А.П. Ершов изложил в статье «Информатизация: от компьютерной грамотности уча-

³⁴ Манин Ю.И. Математика как метафора. – М.: МЦНМО, 2008. – 400 с.

³⁵ Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М., 1990. С. 153.

щихся к информационной культуре общества», опубликованной в журнале «Коммунист» – органе ЦК КПСС³⁶. Инфраструктурную инфосферу он представлял в виде «пирамиды вычислительных, запоминающих, передающих устройств и оконечной аппаратуры», которая постоянно взаимодействует с территориально распределенными создателями и потребителями информации, обеспечивая им доступ к совокупности информационных центров, банков и баз данных, соединенных средствами связи. В качестве субстанции, образно говоря, «рабочего тела», в инфраструктурной инфосфере циркулирует *машинная информация*, являющаяся способом передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов. Поскольку информационная инфраструктура базируется на информационных технологиях, её можно назвать *технологической* инфосферой, входящей в качестве составной части в социальную *техносферу*. Отметим, что А.П. Ершов не ставил вопрос о замене книжной коммуникации инфосферной телекоммуникацией, допуская параллельное существование библиотечно-библиографической практики и электронной инфраструктуры.

2. Семантическая инфосфера. В 1996 г. была опубликована монография ведущих специалистов Всероссийского института научной и технической информации (ВИНИТИ), озаглавленная «Инфосфера. Информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе»³⁷. В этой книге четко разграничиваются машиночитаемые «данные», являющиеся объектом машинной обработки, и «информация», представляющая собой воспринимаемый (понимаемый) человеком смысл (с. 394). Таким образом, наряду с машинной информацией, именуемой «данные» и являющейся субстанцией инфраструктурной инфосферы, вводится понятие семантической (смысловой) информации, которое служит основой другой, «человеческой» инфосферы, которую логично назвать *семантической инфосферой*.

В 2016 году вышел в свет подготовленный Р.С. Гиляревским энциклопедический словарь «Информационная сфера»³⁸. Автор-энциклопедист, предусмотрительно отмечая, что «инфосфера» не имеет общепринятого определения, исходит из максимально широкого её понимания как «сферы деятельности, связанной с созданием, передачей, преобразованием и использованием информации» (с. 108) или «совокупности информационных структур, систем и процессов в науке и обществе» (с. 114). В духе

³⁶ Ершов А.П. Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества // Коммунист. 1988. № 2. С. 82–92.

³⁷ Инфосфера. Информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе / Ю.М. Арский, Р.С. Гиляревский, И.С. Туров, А.И. Черный. – М.: ВИНТИ, 1996. 489 с.

³⁸ Гиляревский Р. С. Информационная сфера: краткий энциклопедический словарь. СПб: Профессия, 2016. 296 с.

семантической интерпретации информация понимается как «смысловое содержание сведений, передаваемых одним человеком другому или многим людям, материализованное в данных, которые служат для передачи информации, поскольку непосредственное общение, т. е. передача мысли между людьми другим способом не осуществляется» (с. 113). Данные же определяются как «формализованные и материализованные сведения о состоянии любого объекта, которые, будучи интерпретированы человеком, превращаются в информацию» (с. 76). Эта трактовка хорошо согласуется с определением семантической информации, представленным нами в таблице 5.1: *семантическая информация* – способ выражения духовных смыслов (знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий) посредством человекочитаемых коммуникабельных знаков (изображения, естественные, искусственные языки).

В семантической инфосфере циркулируют многочисленные виды массовой и специальной (научно-технической, экономической, медицинской и т. п.) информации. Элементами семантической инфосферы являются национальные (государственные) системы научно-технической информации, системы информационных изданий, реферативные службы, которые на системном этапе развития отечественной инфосферы были объединены в ГАСНТИ. В принципе, социальные институты библиосферы, включая библиотечный институт, а также архивный и музейный институты, должны войти в семантическую инфосферу, потому что они имеют дело с человекочитаемой семантической информацией, но практически подобная организационная интеграция не состоялась из-за непреодолимых ведомственных барьеров.

3. Государственная (интегральная) инфосфера не разграничивает машинную и семантическую информацию. Наши законодатели, принимая федеральные законы об информации и информационных технологиях, понимают информационные ресурсы в обыденном смысле как «сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления» (ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г.). Поскольку «сведения» – это циркулирующие в обществе смыслы, получается, что государственная инфосфера охватывает как машинную информацию (информационная инфраструктура), так и семантическую информацию (предоставляемые потребителям сведения). В интегральной инфосфере, как предвидит профессор В.К. Степанов, «все, что только может обрести вид бесчисленного множества единиц и нулей, трансформируется в передаваемые по компьютерным сетям потоки данных». На интегральную информатизацию нацелены государственные программы построения информационного общества в России, где информационная сфера понимается как «системообразующий фактор жизни общества, представляющий собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов,

осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации»³⁹. Здесь машинная и семантическая информационные инфраструктуры выступают в качестве инфосферы, обеспечивающей доступ потребителей к информационным ресурсам. Фактически государственная инфосфера совпадает с коммуникационной структурой российского общества.

4. Естественнаучная интерпретация базируется на принятом натуралистами представлении об иерархии образующих поверхность Земли «геосфер» – литосфера, гидросфера, атмосфера. В результате эволюционных процессов на основе первичных геосфер сформировались вторичные геосферы – биосфера, антропосфера, социосфера, а внутри социосферы сложились техносфера и инфосфера. Предлагаются разные формулировки понятия инфосферы, например: «Инфосфера представляет собой сферу деятельности, в рамках которой осуществляются производство и потребление информационных ресурсов и знаний; управление социальными, экономическими и техническими системами; обучение и подготовка кадров; распространение, потребление, хранение и доступ к информационным ресурсам (знаниям); межличностный, внутриобщественный и международный информационный обмен; создание и применение информационных систем (АИС, баз и банков данных, баз знаний), других информационно-коммуникационных технологий; обеспечение информационной безопасности. Инфосфера находится в постоянном развитии в соответствии с эволюцией антропосферы»⁴⁰.

Недостаток данного определения состоит в том, что оно не учитывает тенденцию перерастания инфосферы в ноосферу, связанную с именем Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945). Активными пропагандистами ноосферизации планеты во взаимосвязи с информатизацией общества являются философы-информатики А.Д. Урсул и Э.П. Семенюк.⁴¹ Они ратуют за упорную и целенаправленную работу всего человечества по созиданию ноосферы. Глубоко продумана и обоснована концепция А.Д. Урсула, предусматривающая три стадии ноосферогенеза, на каждой из которых человеческое общество (социосфера) трансформируется соответственно в информационное, экологическое, космическое общество. Первая стадия, или *инфосфера*,

³⁹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000).

⁴⁰ Соловьев И.В. О происхождении и содержании понятия «инфосфера». Инфосфера как объект исследования наук об информации // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 6–1. С. 69.

⁴¹ Урсул А.Д. *Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации)*. – М.: Луч, 1993. 275 с.; Он же. *Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия*. – М.: Издат. дом «Ноосфера», 1998. 500 с.; Семенюк Э.П. *Устойчивое развитие общества и информатика* // *НТИ*. Сер. 1. – 2000. № 1. С. 1–10; Он же. *Ноосферная перспектива человечества и информатика* // *НТИ*. Сер. 1. – 2004. № 1. С. 1–9.

по словам автора, представляет собой результат «гуманистически ориентированного процесса информатизации» в глобальном масштабе, который может реализоваться в первые десятилетия XXI века. На этой стадии интегрируются все прикладные технологические дисциплины и фундаментальные теории, в предмет которых входит семантическая информация, машинная информация, математические теории информации. Инфосфера мыслится как царство знания, однако автор нигде не упоминает ни о книге, ни о книжной культуре, ни о библиотеках.

5. Метафорическая инфосфера. Метафора есть словосочетание, характеризующее данное явление путем перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений). Так, некоторые интернетоманы именуют своей «персональной инфосферой» созданное ими пространство общения со своими друзьями в социальных сетях.

Как же может выглядеть научная дефиниция инфосферы? По отношению к библиосфере инфосфера выступает в качестве внешнего фактора, взаимодействующего с институтами библиосферы, и как составляющая окружающей среды. Разные модели инфосферы по-разному контактируют с библиосферой: семантическая инфраструктура (особенно АСНТИ) является весьма мощным воздействующим фактором, а информационная инфраструктура, оперирующая машинной информацией в компьютерных и телекоммуникационных системах, формирует информационно-коммуникационную среду обитания библиосферных институтов. Учитывая изложенные научно-прагматические соображения, получаем следующую дефиницию:

***Инфосфера** – организованная на индустриальном этапе техногенной цивилизации государственная система инфраструктурных информационных систем, обеспечивающая удовлетворение информационных потребностей науки, техники, производства, государственного управления и формирование информационно-коммуникационной среды, соответствующей уровню научно-технического прогресса.* В этой дефиниции учтены и отражены:

- историческое время: индустриальный этап техногенной цивилизации;
- юридический статус: государство как учредитель и организатор инфосферы;
- системная структура: суперсистема (система систем) инфраструктурных информационных систем;
- сущностная интегральная функция: обеспечение научно-технического прогресса и формирование информационно-коммуникационной среды;
- прикладная социально-коммуникативная функция: удовлетворение потребностей науки, техники, производства, государственного управления в текущей и ретроспективной информации.

5.2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНФОСФЕРЫ

Кризис информации (точнее: кризис *семантической* информации) с самого начала рассматривался как кризис традиционного ручного способа хранения и передачи знаний. Поэтому переход от традиционных библиотек к «нетрадиционным» механизированным хранилищам информации (точнее, хранилищам *машинной* информации) понимался научной общественностью как естественный выход из кризисной ситуации. В европейских странах широкое распространение получили перфокарты ручного обращения, особенно перфокарты с краевой перфорацией, на выпуске которых специализировался ряд предприятий. Важное значение для зарождения информационной сферы имело образование в 50-е годы консультационных фирм, занимавшихся популяризацией идеи механизированного поиска, оказывавших методическую помощь, а также – и это самое главное – начавших систематическую научную разработку информационно-поисковой проблематики. В истории российской инфосферы можно выделить следующие 5 этапов развития теории и практики механизации и автоматизации информационных процессов:

1. Механистический этап (50-е гг.).
2. Логико-лингвистический этап (60-е – 70-е гг.).
3. Системный этап (70-е – 80-е гг.).
4. Государственный сетевой этап (80-е – 90-е гг.).
5. Интернетосферный этап (XXI столетие).

Название этапов выбрано исходя из проблематики, которая занимала центральное место в тот или иной период. Для каждого этапа существовали типичные образцы практических разработок и типичный комплекс теоретических взглядов, что и позволяет разграничить различные хронологические периоды. Все этапы связаны между собой логической преемственностью, и каждый из них вносит свой вклад в прогрессивное развитие информационной сферы. Поэтому перечень исторических этапов можно ассоциировать с перечнем направлений, свойственных теории и практике инфосферы.

5.2.1. Механистический этап характеризуется следующими особенностями:

– абсолютизация технической стороны проблемы и игнорирование логико-лингвистических и социально-психологических аспектов: задача создания механизированных информационно-поисковых средств мыслилась как построение машин вроде «электронной библиотеки», «автоматического библиографа» и т. п.;

– нигилистическое отношение к традиционным библиотечно-библиографическим технологиям и резкая критика в их адрес (зачастую поверхностная и несправедливая);

– романтический энтузиазм разработчиков «разумных машин», для которых слово «утопия» не существовало.

Романтический энтузиазм, свойственный первооткрывателям информационной сферы, выразился в проектах, отличающихся исключительной смелостью и широтой поставленных задач. Некоторые из этих задач не решены до сих пор, другие реализованы спустя десятилетия. Наиболее ярким представителем разработок, осуществленных в 50-е годы в нашей стране, может служить проект *электронной информационно-логической машины с большой быстродействующей памятью*, разрабатывавшийся в Лаборатории электро-моделирования Академии наук СССР под руководством Л.И. Гутенмахера (1908 – 1981)⁴².

Здесь впервые была сформулирована проблематика автоматизации логического вывода, в частности, предполагалось с помощью информационно-логических машин получать доказательства математических теорем и предсказывать характеристики еще не синтезированных химических веществ; обрабатывать результаты научных наблюдений, статистические данные, относящиеся к промышленности, сельскому хозяйству, транспорту. Автоматизация информационного поиска в мировом фонде литературы и машинный перевод рассматривались как функции информационно-логической машины. (Кстати, использование слова «машина» вместо привычного сейчас «система» свидетельствует о механистических взглядах Л.И. Гутенмахера и его коллег).

Главное внимание уделялось техническим вопросам конструирования долговременного запоминающего устройства (ДЗУ), поскольку считалось, что для решения информационно-логических задач емкость ДЗУ должна быть чрезвычайно большой, во всяком случае, сравнимой с информационной емкостью человеческого мозга. Кроме того, должна обеспечиваться быстрая выборка нужной информации из многочисленных блоков («книг») машинной памяти, которая называлась «книгохранилище». Особенно интересна идея работы информационно-логической машины в режиме *телебиблиотека*, которая превосходит телекоммуникационные диалоговые системы, работающие в реальном масштабе времени. Телебиблиотека мыслилась следующим образом.

Имеется множество абонентов, находящихся на значительном расстоянии от машины. Каждый располагает терминалом, оборудованным клавиатурой для ввода запросов и телевизионным экраном, где воспроизводятся ответы. Устройство управления, находящееся у абонента, позволяет вначале вызвать алфавитный, предметный или иной каталог телебиблиотеки и определить шифр (адрес) источников нужной информации в «книгохра-

⁴² Гутенмахер Л.И. Электронные информационно-логические машины: 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. 200 с. Первое издание вышло в 1960 году.

нилище» ДЗУ. По команде абонента на экран выводится страница за страницей заказанной абонентом «книги». В отличие от обычных библиотек в телебиблиотеке многие абоненты могут одновременно пользоваться одной и той же «книгой», хранящейся в ДЗУ в единственном экземпляре. Предполагалось также оборудовать приемное устройство абонента магнитофоном для записи звуковых сигналов, телефоном для их прослушивания и автоматической пишущей машинкой для получения копий. Абонентские линии телебиблиотеки включались в сеть обычной автоматической телефонной станции. Механистичность идеи телебиблиотеки состояла в том, что механизировалась только дистанционная доставка абоненту заказанной книги, а самая сложная задача информационного поиска – нахождение адресов релевантных запросу «книг» – решалась по старинке с помощью традиционных библиотечных каталогов.

Работа над проектом электронной информационно-логической машины велась в Лаборатории электро моделирования до 1960 года и была прекращена из-за технической невозможности построить ДЗУ с нужными параметрами. Однако новаторские технические идеи и схемные решения, предложенные в проекте – такие как одноразовый ввод информации при многократном использовании, дистанционная связь с абонентами, автоматическое чтение текста, речевой ввод и вывод информации, вошли в состав основных информационных технологий. Для познания семантической информации особенно важны и перспективны контакты с формальной и символической (математической) логикой, на которые вышли разработчики информационно-логической машины. Логика и лингвистика стали осознаваться как научный фундамент для моделирования «разумными машинами» интеллектуальных процессов вроде тематического поиска информации, доказательства теорем или чтения рукописного текста.

5.2.2. Логико-лингвистический этап характеризуется следующими особенностями:

- усилия специалистов направлены не на построение «кибернетических машин», осуществляющих интеллектуальные операции, а на создание *искусственных языков* (семантических систем), являющихся центральным элементом искусственного интеллекта;

- в качестве самостоятельной научной дисциплины формируется *информатика* – «научная дисциплина, изучающая структуру и свойства (а не конкретное содержание) научной информации, а также закономерности научно-информационной деятельности, её теорию, историю, методику и организацию»⁴³;

⁴³ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. – М.: Наука, 1968. С. 57.

– в области лингвистики, логики и психологии формируются *научные дисциплины*, ориентированные на проблематику искусственного интеллекта, а именно: структурная (математическая, прикладная, вычислительная) лингвистика; логика компьютерного программирования; когнитивная психология;

– романтическая увлеченность потенциальными возможностями «разумных машин» сменилась скептическими оценками; разгораются дискуссии вокруг проблемы «Может ли машина мыслить?»; выясняются ограничения, свойственные искусственному интеллекту.

Опыт информационного поиска, полученный на механистическом этапе, показал, что недостаточно располагать электронно-вычислительной техникой и развитым программным обеспечением, требуются еще специальные форматы для ввода информации и типовые стратегии её обработки и поиска, но самое главное – *искусственные информационные языки*, образующие лингвистическое обеспечение. В среде кибернетиков получили распространение системные представления о сущности решаемых ими задач, согласно которым речь должна идти не о построении информационных машин, а о разработке *информационных систем*.

Первоначально разработчиками этих систем, как и ранее, информация ассоциировалась с материальными сигналами, технология приема, обработки и выдачи которых не зависела от содержания сигналов. Однако социальная практика смыслового общения, тематического поиска и удовлетворения информационных потребностей пользователей показала ограниченность инженерно-технического понимания информации. Математические и сигнальные трактовки учитывали материальную форму, а не идеальное содержание информации; с их точки зрения, информация – это атрибут материи или «рабочее тело» информационных машин, но не смысл, который нужно понимать, интерпретировать, переживать, запоминать, независимо от изменяющегося знакового воплощения. Проблематика информации значительно усложнилась. Попытки количественно оценить смыслы вероятностно-статистическими методами оказались безуспешными. Механистические модели и схемы информационных процессов широко практиковались, но не шли дальше поверхностных и элементарных иллюстраций.

Опыт разработки искусственных информационных языков показал необходимость учета семантических (смысловых) аспектов лексических единиц и отношений между ними. Появился термин «*семантическая информация*», и в инфосфере начал активно осваиваться научный багаж лингвистики, семиотики, логики, психологии. Уместно отметить, что в качестве теоретического, даже мировоззренческого фундамента для разработки информационных языков в 60-е годы использовалась *аналитическая философия*, которая и в наши дни является одним из наиболее влиятельных направлений западной философии. В центре внимания аналитической философии находится

логический анализ языка, понимаемый как ключ к раскрытию механизмов интеллекта и познания. Это философское учение отличают практицизм, терминологическая четкость и определенность, широкое использование схем и формализмов, что сближает аналитико-философский стиль, известный как «логический позитивизм», с кибернетическим стилем мышления.

Логико-лингвистический подход в области информационного поиска и машинного перевода выразился в главном требовании к искусственному информационному языку – способности достаточно полно и однозначно передавать смыслы, содержащиеся в текстах. Это значит, что в этих языках не должно быть синонимов, омонимов и полисемичных (многозначных) слов, перефразировок (выражение одинаковых смыслов разными словами, не являющимися синонимами типа «сушка» = «удаление влаги»). Грамматические правила должны быть простыми и четкими, вплоть до «мешочной грамматики» – неупорядоченного перечисления лексических единиц. Специфическое, но очень важное требование: искусственные языки должны явно фиксировать логические отношения и психологические ассоциации между значениями слов, которые естественным языком явно не фиксируются, но которые известны носителям языка и используются ими при понимании текстов. Короче говоря, искусственные информационные языки должны быть лишены *избыточности* и *недостаточности*, свойственных естественным языкам. Замечу, что механистически мыслящие создатели «информационных машин» никогда не задумывались над этими требованиями, оперируя сигналами, а не смыслами. Зато к удовлетворению именно этих требований стремились логические позитивисты в своих аналитических разработках.

Существуют два пути построения искусственных информационных языков: 1) конструирование особого языка – *семантического кода*, имеющего собственный план выражения (лексику, грамматику и синтаксис); 2) формализация естественного языка путем компенсации присущих ему избыточности и недостаточности за счет процедуры дескрипторизации и разработки информационно-поисковых тезаурусов. Большинство разработчиков автоматизированных информационно-поисковых систем (ИПС), отказавшись от конструирования семантических кодов, пошло по более легкому и практичному пути построения информационного языка – пути формализации естественной терминологии, страдающей избыточностью и недостаточностью. Средством борьбы с избыточностью стала операция *дескрипторизации*. В качестве *дескриптора* понимается класс (множество) условно-эквивалентных ключевых слов, взаимно заменяемых во всех документах и запросах, которыми оперирует ИПС. Ключевыми словами считались термины, значимые для передачи содержания данного текста. В дескрипторный класс включались не только синонимы, но и слова, далекие или даже противоположные по значению, например: корректность = точность = проверка = ошибка. Границы дескрипторного класса определялись прагматическими соображениями:

чтобы при поиске выдавались все релевантные документы и не слишком много нерелевантных (принцип максимизации полноты выдачи и минимизации информационного шума). Из числа слов, входящих в дескрипторный класс эквивалентности, выбиралось одно, которое получало статус дескриптора и становилось представителем данного класса в дескрипторном словаре. Дескрипторный словарь задавался в виде алфавитного списка ключевых слов и дескрипторов, где практиковались отсылки от ключевых слов к дескрипторам – например, «корректность» см. «точность»; «ошибка» см. «точность»; «проверка» см. «точность» («точность» в данном случае – дескриптор).

Для компенсации недостаточности естественного языка дескрипторный словарь преобразовывался в *информационно-поисковый тезаурус*. Идея семантических словарей тезаурусного типа была известна лингвистам еще в XIX столетии. Классическим примером лингвистического тезауруса является «Тезаурус английских слов и выражений» первое издание которого было подготовлено П.М. Роже в 1852 году. Назначение тезауруса заключалось в подсказывании языковых средств для выражения данного понятия (идеи), то есть в указании пути от мысли к слову. Дескрипторный словарь также представлял собой семантическое средство, обеспечивающее единообразное выражение смыслового содержания текстов, и в этом качестве приближался к лингвистическому тезаурусу. Но для информационного поиска важно не только исключить синонимию, но и учесть смысловые отношения между дескрипторами (отношения род – вид, целое – часть, предмет – свойство, сходство и т. д.), что лингвистические тезаурусы не предусматривали. Поэтому ссылочный аппарат дескрипторных словарей был дополнен, и эти словари стали именоваться «информационно-поисковые тезаурусы» (ИПТ). В государственном стандарте, вышедшем в 1973 году, была предписана дефиниция: «*Тезаурус информационно-поисковый* – тезаурус для индексирования и поиска информации, отображающий семантические отношения между лексическими единицами дескрипторного информационно-поискового языка»⁴⁴.

Работа по созданию информационно-поисковых тезаурусов в 60-е – 70-е годы развернулась широким фронтом в зарубежных странах и в СССР. Были разработаны многочисленные ИПТ различного типа (многоотраслевые, отраслевые, узкотематические) и назначения (базовые – эталонные источники дескрипторов, и рабочие – предназначенные для непосредственного поиска по запросам). Опыт показал, что дескрипторизация естественной терминологии – довольно сложная процедура, требующая участия квалифицированных специалистов (которых не хватало), хорошего методического обеспечения, а не кустарщины. Оказалось, что обеспечение системной совместимости

⁴⁴ ГОСТ 18383–73. Тезаурус информационно-поисковый. Общие положения. Форма представления. 6 с.

различных тезаурусов практически недостижимо из-за субъективных расхождений их разработчиков. В итоге в 80-е годы энтузиазм создателей дескрипторных ИПС сошел на нет, и было признано целесообразным вернуться к бестезаурусному поиску информации по ключевым словам в тексте документов, который практиковался на механистическом этапе. В этом случае компенсация избыточности и недостаточности естественного языка происходит не при обработке документов, вводимых в систему, а во время поиска по запросу за счет варьирования поисковых предписаний. Бестезаурусный поиск практикуется и сейчас поисковыми машинами Интернет, несмотря на большие потери информации и значительный информационный шум.

В итоге приходится признать, что попытки обеспечить качественный поиск семантической информации в документальных массивах не принесли ожидаемых результатов. Максималистские программы конструирования семантических кодов оказались утопическими; не оправдали себя и более практичные методики формализации естественной научно-технической терминологии. Семантическая информация остается непокоренной вершиной и *terra incognita* в информационной сфере до сегодняшнего дня. В связи с этим главный акцент в автоматизации информационных процессов был перенесен с логико-лингвистической проблематики на системно-технологическую проблематику, что означает наступление нового этапа развития инфосферы.

5.2.3. Системный этап инфосферы датируется с ноября 1966 года, когда Совет министров СССР принял постановление «Об общегосударственной системе научно-технической информации», в соответствии с которым информационные органы страны объединялись в единую *Государственную систему научно-технической информации* (ГСНТИ), руководство которой возлагалось на Государственный Комитет СССР по науке и технике. Фактически ГСНТИ получила статус социального института (отрасли) народного хозяйства. Благодаря довольно щедрым финансовым и техническим ресурсам и рациональной системной организации, информационный социальный институт (его иногда называли «инфосфера») быстро достиг внушительных размеров. В 1984 году он включал в себя 12 всесоюзных, 90 отраслевых, 14 республиканских, 113 межотраслевых территориальных органов НТИ и свыше 8,8 тысяч местных информационных служб, четко взаимодействующих друг с другом⁴⁵. Основные организационные принципы ГСНТИ заключались, во-первых, в централизации обработки мирового потока НТИ и управления системой; во-вторых, в децентрализации доведения НТИ до конечных пользователей; в-третьих, в специализации и распределении технологических функций обработки и распространения научно-технической информации между органами разного уровня. Каждый информационный

⁴⁵ Корюкова А.А., Дера В.Г. Основы научно-технической информации: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1985. 224 с.

орган, за исключением некоторых маломощных бюро технической информации на промышленных предприятиях, имел в своем составе библиотеку и занимался библиографическим обслуживанием специалистов.

Системный этап в целом характеризуется следующими отличительными особенностями:

- масштабы автоматизации и механизации информационных процессов не ограничиваются отдельными учреждениями и предприятиями, а распространяются на *всесоюзные* информационные центры, например, ВИНТИ, отрасли народного хозяйства и экономические районы; типичными проектами являются *отраслевые* автоматизированные системы научно-технической информации (ОАСНТИ) и *региональные* системы научно-технической информации (РАСНТИ);

- автоматизированные системы научно-технической информации (АСНТИ) мыслятся как *интегральные* системы, обеспечивающие комплексное информационное обслуживание: предоставление множества информационных услуг при одноразовом вводе информации в систему;

- в крупнейших библиотеках страны (ГПНТБ СССР, Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина и др.) разрабатываются проекты автоматизированных систем;

- усиление материально-технической базы инфосферы путем замены в 70-е гг. электронных вычислительных машин (ЭВМ) второго поколения (БЭСМ-6, «Минск-32) семейством программно совместимых ЭВМ третьего поколения (ЕС ЭВМ, СМ ЭВМ)⁴⁶ и внедрения высокопроизводительной полиграфической техники с электронным набором текста.

Типичными продуктами интегральных информационных систем являются: а) избирательное распространение информации (ИРИ); б) ретроспективный поиск по разовым запросам (РП); в) подготовка информационных изданий (сигнальная информация, реферативные журналы) с вспомогательными указателями. Обратим внимание на то, что все перечисленные «продукты», в сущности, являются *библиографическими*, ибо заключаются в предоставлении библиографической информации. В тех случаях, когда АСНТИ предлагает еще копии первичных документов, она становится *библиотечно-библиографической* системой. Примером уникальной всесоюзной интегральной системы может служить создаваемая в ВИНТИ с 1971 г. АССИСТЕНТ – Автоматизированная Справочно-информационная СИСТЕма по Науке и Технике⁴⁷, предоставляющая следующие услуги:

⁴⁶ Достоинствами ЭВМ третьего поколения являются интегральная элементная база, развитая конфигурация внешних устройств, высокое быстродействие, большой объем основной и внешней памяти, операционная система, обеспечивающая работу в мультипрограммном режиме.

⁴⁷ Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Научные коммуникации и информатика. – М.: Наука, 1976. С. 361–377.

1) индексирование, аннотирование или реферирование всей издающейся в мире научно-технической литературы; на этой основе производятся: выпуск сигнальной информации (СИ) и реферативных журналов (РЖ) с указателями, распространение по подписке магнитных лент с поисковыми образами документов, избирательное распространение информации, ретроспективный поиск по запросам;

2) изготовление по заказам абонентов копий документов, описанных в СИ и РЖ;

3) подготовка обзорной информации типа «Итоги науки и техники».

Тематический профиль АССИСТЕНТа охватывает все точные, технические и естественные науки; годовой объем вводимого потока оценивается в 2,5–3 млн документов, опубликованных во всем мире на всех языках, что в несколько раз превышает мощность зарубежных реферативных центров. Руководители проекта, чистосердечно признавая, что «создание системы АССИСТЕНТ представляет собой труднейшую научно-техническую, методологическую и организационную задачу», подчеркивают, что «решение этой задачи позволит не только значительно повысить уровень научно-информационного обслуживания советских ученых и инженеров, но и создать условия для использования преимуществ разделения труда по реферированию и индексированию научных документов, для обмена готовыми поисковыми массивами (на машиночитаемых носителях) с автоматизированными информационными системами других стран, для создания Всемирной системы научно-технической информации» (с. 377). Первая очередь системы была введена в эксплуатацию в 1980 году на технической базе, включавшей в себя ЕС ЭВМ 1050, спутниковые машины ЕС 1020, фотонаборные автоматы и микрокопировальное оборудование.

Ознакомление с другими всесоюзными и отраслевыми интегральными информационными системами показывает, что содержание их деятельности заключается в использовании имеющихся технических средств для комплектования, организации, долговременного хранения фонда опубликованных или неопубликованных документов (библиотечная технологическая функция), библиографического описания и индексирования собранных документов (возможно автоматическое индексирование дескрипторами), формирования библиографической информационно-поисковой системы (ИПС), осуществления поиска по запросам в ИПС и выдачи потребителю первичных документов или библиографических списков в режиме текущего оповещения (ИРИ) или справочного обслуживания. В итоге подтверждается вывод о том, что АСНТИ «олицетворяют» собой средства и методы автоматизации библиотечно-библиографических процессов, сделанный еще в 1981 году в монографии, посвященной автоматизации библиографического поиска⁴⁸.

⁴⁸ Соколов А.В. Автоматизация библиографического поиска. – М.: Книга, 1981. С. 98.

Получается, что органы научно-технической информации, созданные в инфосфере для преодоления информационного кризиса, как-то ненароком и нечаянно начали решать задачи, относящиеся к компетенции библиосферы. Не означает ли подобная экспансия, что инфосфера постепенно поглощает классическую библиосферу? Мы вернемся к этому вопросу, но предварительно, чтобы завершить начатый разговор об исторических этапах инфосферы, кратко охарактеризуем сетевой этап развития российской инфосферы.

5.2.4. Государственный сетевой этап является логичным продолжением предыдущего, системного этапа, ибо он также основан на системной методологии. *Информационная сеть* мыслится как совокупность автоматизированных информационных систем, соединенных друг с другом с помощью средств передачи данных таким образом, чтобы пользователи имели доступ к информации любой автоматизированной системы, входящей в сеть. Использование сетевого принципа для управления информационно-вычислительными ресурсами в середине 50-х гг. обосновывал военный инженер А.И. Китов (1920 – 2005)⁴⁹. Однако в руководстве страны идея автоматизации управленческих решений поддержки не получила, а автор был исключен из КПСС. Только в начале 70-х гг., благодаря энергии и целеустремленности академика Виктора Михайловича Глушкова (1923 – 1982), было принято постановление правительства о создании *ОГАС – Общегосударственной автоматизированной системы сбора и обработки информации для учета, планирования и управления*. ОГАС мыслилась как автоматизированная система управления (АСУ) экономикой СССР, основанная на принципах кибернетики и включающая в себя информационную сеть, связывающую вычислительные центры сбора данных, расположенные во всех регионах страны и на всех крупных предприятиях. Работа по созданию АСУ развернулась широким фронтом по всей стране, ибо постановление правительства – это решение *политическое*, которое в Советском Союзе не было принято игнорировать.

Характерной особенностью сетевого этапа социалистической инфосферы является *огосударствление информатизации страны*. Создание автоматизированных информационных систем перестало быть инициативой романтиков-энтузиастов или отдельных отраслевых структур, а приобрело статус государственной политической программы. В 80-е гг. планируется удвоение производства вычислительной техники, расширяются сети вычислительных центров коллективного пользования и сети по обработке и передаче данных, развиваются системы автоматизированного проектирования (САПР) и автоматизированные системы научных исследований (АСНИ). Конечно, органы НТИ не остались в стороне, и вместо Государственной (единой) системы научно-технической информации, учрежденной в 1966 году, в начале 70-х

⁴⁹ Китов А.И. Электронные цифровые машины. – М.: Сов. Радио, 1956. 356 с.; Он же. Электронные вычислительные машины. – М.: Знание, 1958. 31 с.

Государственный комитет по науке и технике при Совете Министров СССР узаконил термин «ГАСНТИ» и издал директивно-методический документ, именуемый «Единый порядок и технические условия разработки и внедрения автоматизированных подсистем обработки, поиска, хранения, выдачи и передачи информации» (М., 1972. 35 с.). Согласно этому документу, всевозможные АСНТИ рассматривались как часть Государственной АСНТИ и как «подсистема обработки, поиска и т. д.» соответствующей АСУ. Наконец-то ГАСНТИ обрела в инфосфере достойный статус в качестве научно-информационного обеспечения ОГАС.

К сожалению, распад СССР и переход от планово-директивной к рыночной экономике положил конец компании по созданию АСУ, а ГАСНТИ трансформировалась в «Российскую государственную систему научно-технической информации» (РСНТИ), что означало наступление нового, постсоветского этапа отечественной инфосферы. Поскольку начиная с 90-х годов определяющее воздействие на информационно-коммуникационную среду оказывает глобальная информационная сеть Интернет, новый этап развития отечественной инфосферы назван «интернетосферным» и ему посвящена глава 6.

5.3. БИБЛИОТЕКА И ИНФОРМАЦИЯ

5.3.1. Раздвоение советской инфосферы. Предложенная нами дефиниция инфосферы не раскрывает экономических, организационных, политических предпочтений, которыми располагает целенаправленно учрежденная государством инфосфера, по сравнению с исторически сложившейся, слабо структурированной и финансируемой по «остаточному принципу» библиосферой. Но явное преимущество первой суперсистемы над второй суперсистемой достаточно очевидно. В связи с этим возникает довольно болезненный вопрос: не следует ли в связи с грядущим наступлением информационного общества отказаться от дальнейшего поддержания архаичной библиосферы и передать её прикладные функции прогрессивной инфосфере, которая, несомненно, с ними отлично справится? Этот вопрос имеет кардинальное значение для понимания сущности библиосферы, он более полувека дискутируется в библиотековедении и библиографоведении (О.С. Чубарьян еще в 1964 году подверг суровой критике зарубежную утопию «библиотеки без книг»⁵⁰), поэтому рассмотрим его внимательно в исторической ретроспективе.

Хрущевская «оттепель» и брежневский «застой» были временем расцвета советского библиотечно-библиографического института. Однако под-

⁵⁰ Чубарьян О.С. Библиотека и информация // Сов. библиография. – 1964. № 4. С. 3–12.

спудно созрел межведомственный конфликт в социальной коммуникации Советского Союза, связанный с образованием системы научно-технической информации. На системном этапе развития инфосферы (см. 5.2.3) учрежденная в 1966 году *вне библиотечной сферы* Государственная система научно-технической информации (ГСНТИ), подчиненная Государственному Комитету СССР по науке и технике (ГКНТ), интенсивно развивалась и быстро превратилась в масштабную отрасль народного хозяйства, включающую в себя всесоюзные институты, центральные отраслевые институты и бюро, межотраслевые республиканские и территориальные центры, местные отделы (бюро) объединений, предприятий, организаций. Сети академических и научно-технических библиотек, реферативная и научно-вспомогательная библиография отошли в ведение ГКНТ и были исключены из отрасли, находящейся в ведении Министерства культуры СССР. Так произошло организационно-практическое *раздвоение* когда-то единого библиотечного дела.

Советские библиотекovedы неодобрительно встретили эту деформацию. Выражая их точку зрения, Б.Н. Бачалдин написал в своих мемуарах: «Были нарушены все законы и логики, и экономики, и здравого смысла, предан забвению тысячелетний традиционный приоритет библиотек в научно-технической информации, отвергались тесные позитивные контакты служб НТИ с библиотеками, межбиблиотечные контакты. Самый древний, самый базовый и самый квалифицированный институт информации – библиотека – был низведен до положения учреждения второго сорта. Годами это позорное положение распространялось в обществе усилиями структур ГКНТ, автоматически усваивалось другими структурами, например, средствами массовой информации в центре и на местах.... Невозможно отрешиться от негативной роли аппарата ГКНТ, который своей политикой сформировал в стране два независимых, враждующих информационно-библиотечных мира, лишил библиотечное дело столь естественного и необходимого единства. Две концепции развития библиотечной теории и практики, два действующих врозь и никогда согласованно всесоюзных межведомственных органа руководства библиотечным делом и координации. Как следствие – подспудно набирающие силы с каждым годом процессы ведомственной и региональной разобщенности, параллелизма, сепаратизма, автаркии, амбициозности отдельных библиотечных систем или их лидеров»⁵¹. Опытный чиновник-библиотекoved Б.Н. Бачалдин и его единомышленники, на первый взгляд, абсолютно правы. Разделение исторически сложившейся библиотечной сети на два самостоятельных центра, принадлежащих разным ведомствам, и отстранение мощной библиотечной системы Министерства культуры от обслуживания быстро развивающейся науки и техники кажутся нелепым и вредным решением. Но почему это нелепое и вредное решение было принято? Почему в

⁵¹ Бачалдин Б.Н. Фрагменты памяти. – М., 2006. С. 207, 209.

советской планово-директивной системе государственного управления были воздвигнуты межведомственные барьеры?

Дело в том, что в эпоху научно-технической революции начал утрачиваться социальный престиж и авторитет библиотечной системы, построенной сталинским тоталитаризмом. Министерство культуры СССР и возглавляемая им отрасль давно стали дисциплинированными бойцами идеологического фронта. Все библиотеки страны – от колоссальной Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина до карликовой сельской библиотеки – считались идеологическими учреждениями, осуществляющими функцию коммунистического воспитания трудящихся масс. Безупречная репутация идеологического бойца, жесткое и не всегда тактичное воспитательное воздействие на читателей вызвали недоверие к библиотекам со стороны ученых и инженеров. Поэтому вместо того, чтобы развивать информационные службы на базе богатейших фондов научных библиотек и их библиографических традиций, специалисты науки и техники предпочли инициировать собственную, преимущественно (особенно на первых порах) библиотечно-библиографическую систему, надеясь таким путем выйти из-под опеки и контроля тоталитарных идеологических структур. Вряд ли руководители Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ) были замаскированными антисоветчиками, скорее, они были прагматиками-технократами, озабоченными информационным обслуживанием ученых и инженеров, а не идейным их воспитанием.

Умеренная деидеологизация распространялась на систему научной информации по общественным наукам, также входившую в состав ГСНТИ. Головная организация этой системы – Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР (ИНИОН) – была учреждена в феврале 1969 года. В состав ИНИОН была передана богатейшая Фундаментальная библиотека по общественным наукам, созданная в 1918 году. В 1972–1973 гг. ИНИОН приступил к выпуску реферативных журналов «Общественные науки за рубежом» и «Общественные науки в СССР», охватив практически весь спектр социального и гуманитарного знания. В последующие годы возникли отраслевые и республиканские органы общественно-научной информации⁵². В их числе Информационный центр по проблемам культуры и искусства в составе Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, взявший на себя заботу об информационном обеспечении специалистов в области библиотековедения и библиографоведения.

Работников научно-технических библиотек во главе с ГПНТБ СССР не привлекали идеологические баталии, поэтому они приветствовали относительную автономию своей сети. Используя материально-технические ресурсы ГКНТ, инициативные и энергичные руководители ГПНТБ СССР в 60-е – 70-е

⁵² Виноградов В.А. Общественные науки и информация. – М.: Наука, 1978. 263 с.

годы стали лидерами в области информатизации и автоматизации библиотечного дела. Даже скептик Б.Н. Бачалдин не без ностальгии признал: «То была золотая пора для сети технических библиотек, воспользовавшихся новой волной подъема партийно-государственной поддержки науки, техники, культуры, библиотечного дела. И что бы теперь ни писали и ни говорили нынешние политики, журналисты, молодые библиотековеды о тех днях, библиотекари ощущали признаки оживления их отрасли. Иным становилось дыхание фабрично-заводских библиотек, росла и укреплялась сеть территориальных ЦНТБ, в лучшую сторону изменялось отношение к ним местных властей, материально-финансовое обеспечение, возрастал их престиж»⁵³.

Включение академических и научно-технических библиотек в информационную сферу обусловило интенсификацию и рационализацию библиотечно-библиографической практики, появление новых средств и методов обслуживания ученых и специалистов. Это был несомненный прогресс, плодами которого воспользовались не только научно-технические библиотеки, но и научные библиотеки Министерства культуры. Но этого мало. Социальный институт ГСНТИ опирался на передовую научную методологию, а не на наследие В.И. Ленина и Н.К. Крупской, которым руководствовались лидеры социалистического библиотековедения и советской библиографии. Методология ГСНТИ включала в себя символическую логику и математическую лингвистику, семиотику, кибернетику, системный подход и математическое моделирование, а самое главное – ориентацию на практическое внедрение вычислительной техники в информационное обслуживание и использование положительного зарубежного опыта. Отсюда идея информатизации библиотек, которая постепенно получила признание библиотечных теоретиков, практиков и даже руководящих государственных органов.

5.3.2. Информатизация библиотек. В «Положении о библиотечном деле в СССР» (1984) сказано, что «библиотеки являются научно-информационными учреждениями», а Федеральный закон РФ «О библиотечном деле» (редакция 2016 г.) утверждает, что всякая библиотека – «информационная, культурная, просветительская организация». Следовательно, любая библиотека и библиосфера в целом представляют собой *информационную* систему, осуществляющую *информационную* сущностную функцию. Развернутое обоснование этой точки зрения содержится в трудах В.В. Скворцова, который писал: «Информационная функция библиотеки – это совокупность видов её деятельности по информационному обеспечению материального и духовного производства и воспроизводства. Реализуется она в виде процесса удовлетворения информационных потребностей читателей библиотеки массивами информации, накопленными в ней, а также другими доступными

⁵³ Бачалдин Б.Н. Фрагменты памяти. – М., 2006. С. 222.

источниками информации»⁵⁴. О какой информации идет речь? Ясно, что имеется в виду *семантическая информация*, то есть «способ выражения духовных смыслов посредством человекочитаемых коммуникабельных знаков» (см. табл. 5.1). Значит, всякая библиотека и библиосфера в целом не просто «информационная система», а «*семантическая* (т. е. смысловая) информационная система».

Как в этом случае понимать призывы к информатизации библиотек? Например, Российская библиотечная ассоциация (РБА) в 2006 г. выступила с «Манифестом об информатизации публичных библиотек», где во первых строках говорится: «Информатизация должна быть признана и поддержана всеми органами государственного и местного управления как магистральное направление развития публичных библиотек на современном этапе»⁵⁵. Зачем, спрашивается, информатизировать библиотечно-информационные учреждения, то есть информатизировать органично присущую им информационную функцию? Зарождается подозрение, что теоретики информатизации и практики информатизации говорят на разных языках и о разных предметах. Теоретики уверяют, что нет и быть не может «неинформационных» библиотек, а практики, не ведая об этом, разрабатывают проекты информатизации информационных учреждений.

Дело в том, что теоретики имеют в виду *семантическую информацию*, содержащуюся в книгах, а практики ориентируются на *машинную информацию*, циркулирующую в компьютерах и телекоммуникационных сетях, прежде всего в Интернете. Это два *разных* типа информации, которые недопустимо смешивать друг с другом, ибо семантическая информация существует в библиосфере в качестве «способа выражения духовных смыслов посредством человекочитаемых коммуникабельных знаков», а машинная информация – в инфосфере в качестве «способа передачи машиночитаемых кодов посредством коммуникабельных сигналов» (см. табл. 5.1). Информатизация библиотеки означает извлечение её из пространства библиосферы и включение в пространство инфосферы. Именно для этого осуществляется дигитализация, то есть оцифровывание библиотечных фондов и переход с книжной коммуникации на электронную в глобальном масштабе. Если пролонгировать данный процесс в будущее, нетрудно прийти к выводу, что агрессивная инфосфера должна поглотить антропоморфную книжность, и человекочитаемое культурное пространство заменит цифровая культура. Правдоподобность этого вывода мы постараемся оценить в главе 7. Информатизация библиотек заставляет обратить внимание на следующие обстоятельства.

⁵⁴ Скворцов В.В. Концепция библиотеки в современном российском библиотековедении // Российское библиотековедение: XX век. Направления развития, проблемы и итоги. Опыт монографического исследования / сост. Ю.П. Мелентьева; науч. ред. Л.М. Инькова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, Пашков дом, 2003. С. 170.

⁵⁵ Информационный бюллетень РБА. 2006. Вып. 22.

Первое. Во избежание путаницы необходимо различать две информационные функции: 1) *сущностную информационную* функцию, представляющую собой движение в социальном пространстве семантической информации; 2) *технологическую информационную* функцию, заключающуюся в преобразовании человекочитаемых смысловых сообщений в машиночитаемую форму и телекоммуникации их в геометрическом пространстве. Следует подчеркнуть, что в первом случае имеется в виду информация о новых, ранее не известных смыслах, ибо распространение уже известных, ретроспективных сведений в библиосфере является прерогативой не информационной, а мемориальной функции. Однако на практике затруднительно отделить новые смыслы от смыслов уже известных, ибо новая книга может не представлять новизны для иного читателя, а классическая литература – неисчерпаемый источник истин для юных поколений. Критерий новизны субъективен и ненадежен. Поэтому практикуется понимание сущностной информационной функции библиосферы как передачи семантической информации в социальном пространстве, независимо от степени её новизны. Негативным следствием подобной практики является противоречащее формальной логике отождествление коммуникации и информации, с которым приходится сталкиваться очень часто. Мемориальная функция в виде, например, ретроспективного библиографического поиска в этом случае поглощается информационной функцией, и с подобной некорректностью приходится мириться. Машинные информационные технологии не являются сущностными для библиосферы, но играют ключевую роль в инфосфере.

Второе. Благодаря понятию семантической информации в информационно-коммуникационной среде обнаружилось *две качественно различные информационные технологии*: инженерно-техническая технология, оперирующая машинной информацией, и социально-культурная технология, оперирующая семантической информацией. В первом случае предполагается формальная регламентация (вплоть до алгоритмизации) действий и обращение к техническим средствам, компьютерной телекоммуникации прежде всего. Во втором случае не обязательно использование информационной техники, можно достичь желаемого результата с помощью педагогических технологий (дидактики), ораторского искусства, стратегии и тактики деловых переговоров и т. п. В этих случаях часто говорят «методика», а не «технология». Смысловые технологии – важная составная часть коммуникационной культуры; они практиковались в глубокой древности (вспомним «сократические беседы» античных мудрецов), до сих пор сохраняют свое значение⁵⁶ и, видимо, всегда будут востребованы.

⁵⁶ Показательно, что современное издательство «Академический проект» в наши дни наладило выпуск серии «Философские технологии», в которую включены сочинения Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, И. Лакатоса, А.Ф. Лосева и других философов-методологов.

5.3.3. Концепции соотношения библиосферы и инфосферы. Охарактеризованное в разделе 5.3.1 раздвоение советской библиосферы свидетельствует о том, что между идеологизированной библиосферой и прагматически ориентированной инфосферой, разделенных ведомственным барьером, возникли обособленность и отчуждение, доходящие до, строго говоря, деструктивной и противоестественной конфронтации. В наше время идеологические и ведомственные барьеры неактуальны. Каково же естественное, то есть нормальное соотношение библиосферы и инфосферы, к которому следует стремиться в современной России? Можно представить ответ на этот вопрос в виде трех концепций, учитывающих поучительную советскую историю.

А. Концепция автономии: библиосфера и инфосфера зародились и развиваются автономно и независимо друг от друга, выполняют разные функции и используют разные средства, взаимодействуя при возникновении взаимной заинтересованности – например, локальная автоматизация отдельных библиотечно-библиографических процессов. Исторически отношение автономии было нормой в течение первых десятилетий формирования инфосферы, как в нашей стране, так и за рубежом. Лишь в конце 60-х инфосферные инновации начали восприниматься библиотекарями-библиографами в качестве заслуживающих внимания.

Б. Концепция взаимодействия: инфосфера и библиосфера – самостоятельные, но пересекающиеся области профессиональной деятельности, функции и средства которых частично совпадают. Семантическая инфосфера распространяется на некоторые области библиосферы (национальные библиотеки и библиография, научные и технические библиотеки и литература), используя информационный подход в теории и информационные технологии на практике. Но есть области, недоступные для информатизации. Так, В.А. Фокеев выдвинул *ноосферно-культурологическую концепцию библиографии*, согласно которой миссией библиографии является реализация интеллектуального доступа к источникам знания на уровне их идеальных образов (моделей) и формирование библиографической культуры, а метасистемой библиографии служит ноосфера⁵⁷.

В. Концепция поглощения: инфосфера располагает мощными средствами, способными более качественно, экономично, оперативно выполнить все функции библиосферы, выступая в виде предпочтительной её альтернативы. Государственная инфосфера, проектируемая информатиками-технократами, предусматривает преобразование книгоиздательской продукции и печатной периодики в электронные издания, оцифровывание библиотечных фондов, библиотечное обслуживание на дому всех граждан России посредством

⁵⁷ Фокеев В.А. Ноосферно-культурологическая (когнитографическая) концепция библиографии // Российское библиографоведение: итоги и перспективы: сб. науч. ст. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 216–231.

технологий Национальной электронной библиотеки. Декларируется, что в ближайшем будущем российская библиосфера будет целиком и полностью информатизирована, включая музеи книги в национальных библиотеках. Библиотечная профессия будет вытеснена библиотечно-библиографическими роботами, а библиосфера станет достоянием истории. Согласно концепции поглощения, библиосфера является элементом глобальной всеобъемлющей инфосферы, поэтому соотношение «инфосфера – библиосфера» превращается в соотношение «целое – часть», и вопрос об их взаимодействии или, тем более, автономии смысла не имеет.

Какую концепцию предпочесть в качестве руководящей? Если избрать концепцию А, то получается, что современный библиотечный институт не имеет никакого отношения к инфосфере, и мы можем её игнорировать (правда, инфосфера обуславливает информационно-коммуникационные взаимосвязи библиосферы с внешним миром, но это непринципально). Концепция В также снимает вопрос о соотношении инфосферы и библиосферы, поскольку первая должна поглотить вторую (правда, нужно доказать, что такое поглощение действительно может произойти). Согласиться с подобными абсурдными решениями мы не можем, потому что современная библиотека немислима вне информационной сферы. Следовательно, резонно оставить в стороне концепции А и В и сосредоточиться на сопоставлении библиосферы и инфосферы в свете концепции взаимодействия Б. С этой целью в практическом плане представляет интерес сравнение функциональной направленности обеих сфер, а в теоретическом плане – интегральные взаимосвязи библиотековедения и информатики как научных дисциплин.

В параграфе 4.3 мы определили, что российская библиосфера и входящие в её состав социальные институты выполняют функции *трех типов*: сущностные, технологические, прикладные. Можно ли функциональную структуру библиосферы распространить на инфосферу? По-видимому, это возможно по отношению к АСНТИ и РГСНТИ в целом, которые, как мы уже отмечали, используют вычислительную и полиграфическую технику для предоставления библиотечно-библиографических в сущности услуг. Этот факт изначально привлекал внимание вдумчивых советских библиотековедов. Так, В.В. Власов писал еще в 60-е годы: «Отсутствие принципиальных различий в структуре и функциях библиотечных каталогов и механизированных поисковых систем обнаруживается даже при поверхностном анализе»⁵⁸. К этому выводу пришли и другие библиотековеды, осмысливавшие проблему «библиотека и информация».

В 70-е – 80-е годы компромиссная концепция *взаимодействия* восторжествовала в теории и на практике. Было признано, что процесс развития

⁵⁸ Власов В.В. Библиотечные каталоги как поисковая система // Технические б-ки СССР. 1967. № 5/6. С. 70.

библиотечно-библиографических и информационных отраслей «взаимосвязан и взаимозависим». В библиотечной высшей школе были созданы кафедры научной информации и началось преподавание информационных дисциплин. Однако в 90-е годы активные новаторы-модернизаторы библиосферы, реанимируя концепцию *поглощения В*, выступили с инициативами сплошной *информатизации* библиотечного дела, библиотечной науки, библиотечного образования. Библиотеки стали трактоваться как «информационные центры», книги – как «источники информации», библиотечные каталоги как «информационно-поисковые системы», читатели – как «потребители информации», аннотирование и реферирование – как «переработка информации», библиографическое описание – как «библиографическая информация» и т. д. Информатизированная библиотечная теория провозгласила, что всякая библиотека предназначена, прежде всего, для выполнения информационной функции. Даже Русская школьная библиотечная ассоциация призвала школьные библиотеки выполнять информационную функцию, состоящую в «обеспечении доступа к информации, удовлетворении информационных потребностей учащихся, учителей и других категорий работников общеобразовательных учреждений»⁵⁹. Более того, скрупулезные исследователи обнаружили информационную функцию в библиотеках Шумера, Древнего Египта и Древней Греции, где она реализовывалась в виде ведения каталогов, подготовки библиографических пособий и справочно-библиографического обслуживания⁶⁰. Однако перспектива интеграции агрессивной информатикой библиотековедения, библиографоведения, книговедения отвергается большинством библиотечной интеллигенции, что подтверждает приоритет концепции взаимодействия Б. Рассмотрим более внимательно этот эпистемологический вопрос

5.3.4. Система информационных наук и библиотековедение. Известны не одна, а множество информационных наук (теорий, концепций), и неизвестно, с какой из них следует интегрироваться библиотечно-библиографическим дисциплинам. В зависимости от принятой степени (ступени) теоретического обобщения, которая детерминирует широту охвата информационной проблематики (исследовательскую панораму), в *системе информационных наук* обнаруживаются пять иерархических уровней информационных дисциплин: 1) отраслевые прикладные науки; 2) межотраслевые метатеории, охватывающие несколько родственных отраслей; 3) комплексные дисциплины, интегрирующие научно-технические знания и практический технологический опыт; 4) глобальные мегатеории, охватывающие все информационные

⁵⁹ Концепция развития библиотек общеобразовательных учреждений Российской Федерации до 2015 года: Общественно-государственный проект / Русская школьная библиотечная ассоциация. – М.: РШБА, 2009. – С. 8.

⁶⁰ Юдина И.Г. Информационная функция библиотеки в теории и практике библиотечного дела // Библиосфера. – 2010. № 3. С. 59–63.

явления на Земле; 5) вселенские гига теории, выходящие в галактические и сверхгалактические пространства. Библиотекведение является прикладной социально-коммуникационной наукой, и её научными партнерами в иерархической системе информационных дисциплин могут быть отраслевые прикладные информатики, межотраслевые метатеории и комплексные дисциплины. Глобальные мегатеории и вселенские гига теории слишком далеки от библиотекведческой проблематики⁶¹.

На уровне отраслевых прикладных наук главным партнером библиотековедения была *научная информатика*, с 60-х годов развиваемая теоретиками ВИНТИ⁶². Информатика была определена как общественная наука, изучающая структуру и общие свойства научной информации, а также закономерности научно-информационной деятельности, ее теорию, историю, методику и организацию. Мы называем эту науку «научной информатикой», чтобы отличить её от других концепций информатики. *Научная информация* трактовалась учеными-информатиками как получаемая в процессе познания логическая информация, которая адекватно отображает явления и законы природы, общества и мышления и используется в общественно-исторической практике. Другие виды социальной информации – эстетическую, публицистическую, обыденную – научная информатика не включала в свой предмет изучения. Поэтому практическая методология научно-информационной деятельности, которая понималась как функционально специализированная разновидность научного труда, охотно заимствовалась научными и научно-техническими библиотеками, но потребностям общедоступных библиотек она не соответствовала. Зато информационное мировоззрение и информационная терминология воспринимались молодыми библиотековедами и библиографоведами как символы научно-технической революции и широко использовались в их творчестве. Особенно привлекательными казались идеи автоматизации информационного поиска и аналитико-синтетической переработки научных документов (автоматизация индексирования, автоматизация реферирования, машинный перевод текстов). Главные достижения научной информатики состояли в разработке теории информационно-поисковых систем, исследовании проблематики информационных потребностей и развитии информационного подхода к документальной коммуникации.

Научная информатика исторически была *первой отечественной информационной наукой*, ставшей первооткрывателем информационного цикла научных дисциплин. Началась своеобразная «эпидемия информатик». В литературе замелькали заглавия статей и книг: «Математическая информа-

⁶¹ Иерархия информационных теорий детально рассмотрена в книге: Соколов А.В. Науки об информации и библиотекарь: профессионально-мировоззренческое пособие. – М.: Литера, 2010. С. 40–77.

⁶² Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. – М.: Наука, 1968. – 756 с.

тика», «Безбумажная информатика», «Патентная информатика», «Музейная информатика», «Экономическая информатика», «Финансовая информатика», «Отраслевая информатика», «Прикладная информатика», «Статистическая информатика», «Информатика управления», а также «Информатистика», «Информантика», «Информаторика», «Информационная наука» (в единственном и множественном числе)», «Инфотроника», «Информология», «Информациология» и другие экзотические термины. Последующие «информатики» явно или неявно равнялись на эталонный образ первооткрывателя. Важно подчеркнуть, что научная информатика, несмотря на приверженность автоматизации информационных процессов, изначально осознавала себя в качестве общественной, а никак не технической или естественной науки. Очевидно, что хаотичное нагромождение информационных дисциплин нельзя назвать системным знанием, тем более что строились они по общему шаблону и различались не методологическими основами, а отраслевой привязкой практических рекомендаций. Возникла идея выявить их инвариантную общность и представить ее в качестве «теории теорий», то есть межотраслевой метатеории.

В начале 70-х годов кафедра информатики Ленинградского государственного института культуры (ЛГИК) выдвинула концепцию **социальной информатики**, которая мыслилась как обобщающая метатеория документально-коммуникационных наук⁶³. В состав обобщаемых документально-коммуникационных наук включались библиотековедение, библиографоведение, книговедение, научная информатика и прочие прикладные конкретные дисциплины. Межнаучное взаимодействие между обобщающей метатеорией и обобщаемыми дисциплинами виделось во взаимном обмене научной информацией. Обобщающая теория использует научное содержание частных конкретных наук в качестве исходного материала для выявления общих закономерностей, а конкретные дисциплины применяют эти закономерности для углубления и обогащения своего содержания. Отношение «обобщающая теория – конкретная дисциплина» есть отношение взаимной зависимости. Оно предполагает самостоятельное существование и дальнейшее развитие обобщаемых учений (в противном случае обобщать будет нечего), а также посредничество метатеории во взаимодействии между конкретными дисциплинами. Метатеория генетически связана с обобщаемыми науками, является производной от них и может возникнуть только после того, как появится база

⁶³ Соколов А.В., Манкевич А.И. Информатика в перспективе: к вопросу о классификации видов информации и системе наук коммуникационного цикла // Науч.-техн. информация. Сер. 2. 1971. № 10. С. 5–9; Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа: учеб. пособие / Под ред. А.В. Соколова. – Л.: ЛГИК, 1976. 319 с.; По поводу концепции социальной информатики / М.К. Архипова, И.Е. Баренбаум, М.А. Брисман, М.П. Бронштейн и др. // Сов. библиография. – 1976. № 1. С. 36–40.

для обобщающего мышления. Содержание социальной информатики представлялось в виде пяти разделов:

А. Феномен социальной информации: виды социальной информации и их общественные функции; содержательная структура и свойства сообщений (факты, концепции, их уровни и взаимосвязи); формальная структура сообщений (информация и метаинформация); информация и знак и др.

Б. Социальные информационные системы: их состав, виды, общественные функции, типовые структуры; принципы информационного обслуживания; критерии эффективности информационных систем; методологические основы проектирования информационных систем и др.

В. Элементы информационных систем: типизация потребителей и отправителей информации; классификация информационных сообщений и их носителей; информационные каналы и потоки; информационно-коммуникационные службы и взаимодействие между ними; технические средства, обеспечивающие информационную коммуникацию.

Г. Процессы информационного обслуживания: документальное, фактографическое, концептографическое обслуживание; общетеоретические и методологические основы отдельных операций информационного обслуживания, в том числе аналитико-синтетической переработки, хранения, поиска и распространения информации; разработка проблем релевантности и пертинентности.

Д. Подсистема социально-коммуникационных наук: состав и структура подсистемы; обобщающая метатеория и ее функции; место социально-коммуникационной подсистемы в системе информационных наук.

Концепция социальной информатики не встретила понимания и поддержки. Напротив, она была подвергнута суровой критике как со стороны основоположников научной информатики, так и со стороны авторитетных библиотековедов, потому что рисовала непривычную картину межнаучного взаимодействия между библиотековедением и, как писали авторы, «библиотечной информатикой»⁶⁴. Кроме того, «библиотечная информатика» представляла собой научную гипотезу, которую еще предстояло воплотить в жизнь, и было неясно, кто должен этим заниматься.

В 1983 произошел технократический переворот в научно-информационной сфере. В Академии наук СССР было образовано Отделение информатики, вычислительной техники и автоматизации. Одновременно в средней школе введен учебный курс «Информатика и вычислительная техника», обучающий основам программирования и использования компьютеров. На своем Общем собрании в марте 1983 года Академия наук отказала в доверии возвращенной в её лоне научной

⁶⁴ Соколов А., Манкевич А. Информатика для библиотекарей // Библиотекарь. – 1974. № 9. С. 58–61.

информатике и отдала приоритет заимствованной из-за рубежа идее **комплексной (компьютерной) информатики**. В академической среде сложилось две трактовки информатики: во-первых, свойственное школе украинских кибернетиков В.М. Глушкова понимание информатики в качестве «комплексной научной и инженерной дисциплины, изучающей все аспекты разработки, проектирования, создания, оценки, функционирования машинизированных (основанных на ЭВМ) систем переработки информации, их применения и воздействия на различные области практики»⁶⁵; во-вторых, трактовка информатики как науки о компьютерном моделировании. Сущность последней академик А.П. Ершов выразил следующими словами: «Как самостоятельная наука информатика вступает в права тогда, когда в рамках соответствующей частной теории строится информационная модель того или иного фрагмента действительности, – в информатике рассматриваются методологические принципы построения таких моделей и манипулирования ими»⁶⁶. Информатика оказалась преемницей кибернетики и обладательницей высокого престижа, обусловленного перспективами информатизации общества. Практическая задача информатики виделась во внедрении компьютерной и телекоммуникационной техники во все отрасли народного хозяйства. Теория компьютерной информатики не оказала никакого воздействия на библиотечно-библиографическую науку, но практика информатизации не прошла мимо библиотечного дела, а напротив, стала и до сих пор является актуальнейшей проблемой российских библиотек.

В XXI веке научная информатика продолжала свое развитие в качестве информационно-коммуникационной теории, и в 2006 г. Р.С. Гиляревский предложил следующую дефиницию: «**Информатика** – научная дисциплина о структуре, общих свойствах и закономерностях представления, передачи и получения информации, которая понимается как идеальная субстанция – смысл, интерпретация сообщения, заключенного в материальных данных»⁶⁷. Эта дефиниция свидетельствует о перерастании научной информатики в **семантическую информатику**, объектом изучения которой является не только научная коммуникация, а все виды смысловой социальной коммуникации; предметом же – не только научная

⁶⁵ Михалевич В.С. Каныгин Ю.М. Гриценко В.И. Информатика – новая область науки и практики // Кибернетика. Становление информатики. – М.: Наука, 1986. С. 31–32.

⁶⁶ Ершов А.П. О предмете информатики // Вестник АН СССР. – М., 1984. – № 2. С. 113.

⁶⁷ Информатика как наука об информации: Информационный, документальный, технологический, экономический, социальный и организационный аспекты / Р.С. Гиляревский, И.И. Родионов, Г.З. Залаев, В.А. Цветкова, О.В. Барышева, А.А. Калинин; под ред. Р.С. Гиляревского; авт.-сост. В.А. Цветкова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 30.

информация и научно-информационная деятельность, но и структура и свойства всех смысловых сообщений и закономерности их создания, движения в социальном времени и пространстве и понимания членами общества. Семантическая информатика мыслилась как межнаучная теория, интегрирующая достижения многих научных дисциплин, так или иначе затрагивающих проблемы смысла, – от лингвистики и психологии до педагогики и искусственного интеллекта. Авторы концепции избегали слова «метатеория», но фактически семантическая информатика в иерархии информационных дисциплин располагается на уровне метатеории, на том самом уровне, на который претендовала социальная информатика. Нет никаких принципиальных препятствий для развития интеграционного взаимодействия «обобщаемые дисциплины – обобщающая метатеория» между библиотечно-библиографическими дисциплинами и семантической информатикой.

Перспективность межнаучного взаимодействия библиотечно-библиографических дисциплин и системы информационных наук подтверждает парадоксальный факт *перехвата научной проблематики* информатикой и документалистикой. Пользуясь математическими, логическими, лингвистическими, системными методами и подходами, информатики открывали закономерности в области документальных потоков, библиографического поиска, читательских потребностей и интересов, мимо которых проходили библиотековеды и теоретики библиографии. Например, в 1948 году английский химик-документалист С. Бредфорд обнаружил явление *рассеяния информации*, которое было описано им в виде зависимости между количеством статей определенной тематики в периодическом издании и его местом (номером) в ряду периодических изданий, упорядоченных по убывающей продуктивности статей данной тематики. Оказалось, что если принять за единицу совокупность (кумуляцию) всех публикаций по какой-либо узкой области, то окажется, что в небольшом количестве профильных периодических изданий (ядре) находится лишь около одной трети статей. Вторая треть публикаций по данному вопросу содержится в довольно большом числе (зоне) тематически родственных журналов. И, наконец, еще одна треть публикаций оказывается «рассеянной» в журналах, тематически не связанных с данной областью. Закон Бредфорда имеет чрезвычайно важное значение для библиотечно-библиографической практики. В 60-е годы советские информатики Л.С. Козачков, Л.А. Хурсин, В.И. Горькова уточнили и расширили первоначальное понимание рассеяния информации: выяснилось, что фактически имеет место не рассеяние, а *концентрация* релевантной для данной тематической области информации в определенной группе документальных источников. Апробированные в информатике статистические подходы к изучению документальных потоков получили развитие и экспериментальное применение в трудах петербургских библиографов-отраслевиков Л.В. Зильберминц, Д.Ю. Теплова, Г.В. Гедримович, В.А. Минки-

ной, Г.Ф. Гордукаловой и др.⁶⁸ В настоящее время библиометрические методы, несмотря на их «небиблиографическую генетику», занимают заметное место в структуре библиографоведения⁶⁹, а статья «рассеяния информации закон» заняла видное место в недавно вышедшей «Библиотечной энциклопедии»⁷⁰.

В теории ИПС безусловным приоритетом изначально пользовался семантический библиографический поиск, то есть поиск по тематическим запросам. Предполагалось, что именно несовершенство традиционных средств и методов библиографического поиска является причиной информационного кризиса, беспокоящего ученых всех стран. О.П. Коршунов очень точно описал ситуацию, сложившуюся в начале 1970-х годов. По его словам, преодоление кризиса информации было осознано информатикой «прежде всего как насущная потребность в механизации и автоматизации процессов, которые по своей сущности являются библиотечно-библиографическими, но которыми в этом аспекте ни библиотечная, ни библиографическая наука (в силу их исторически сложившейся гуманитарной направленности) никогда всерьез не занимались. Представители информатики, придя к этим проблемам как бы со стороны, не склонны были признавать их библиотечно-библиографическими, считая, что они занимаются чем-то принципиально новым, органически не свойственным библиотечному делу и библиографии»⁷¹. Действительно, библиографы-практики накопили большой опыт библиографических разысканий и библиографического обслуживания, иногда делились им со своими коллегами⁷², но до формулирования теоретических законов дело не доходило.

⁶⁸ Теплов Д.Ю. К вопросу о рассеянии информации в советской технической периодике // Науч.-техн. информ. – 1967. № 1. С. 5–8; Гедримович Г.В. Рассеяние литературы по металлургии в мировой периодике // Науч.-техн. информ. Сер. 1. – 1968. № 11. С. 12–17; Гедримович Г.В., Зильберминц Л.В. Полнота отражения и критерии отбора мировой литературы для текущих библиографических изданий // Науч.-техн. информ. Сер. 1. – 1972. № 3. С. 29–35; Гедримович Г.В., Минкина В.А. Методические советы по изучению информационных документальных потоков. – Л.: ЛГИК, 1976. 32 с.; Минкина В.А. Основные направления качественной оценки технической литературы // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1979. № 1. С. 11–17; Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии: сб. науч. тр. / ЛГИК. Т. 76. – Л., 1983. – 163 с.; Гордукалова Г.Ф. Документальный поток социальной тематики как объект библиографической деятельности: учеб. пособие. – Л.: ЛГИК, 1990. – 108 с.

⁶⁹ Вохрышева М.Г. Теория библиографии: учеб. пособие. – Самара, 2004. С. 226; Моргенштерн И.Г. Общее библиографоведение: учеб. пособие. – СПб, 2005. С. 166–167.

⁷⁰ Библиотечная энциклопедия. – М., 2007. С. 847–848.

⁷¹ Коршунов О.П. Библиография в системе информационных коммуникаций. (К вопросу о соотношении библиографии с библиотечным делом и научно-информационной деятельностью) // Сов. библиография. – 1974. – № 6. С. 75.

⁷² Садова М.А. В поисках книги: Библиографические разыскания при выполнении читательских требований. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. 84 с.; Розова Н.М., Герасимова Л.М. Традиционный библиографический поиск в библиотеке Российской академии наук: метод. пособие. – СПб: БАН, 1997. 113 с.

Подведем итоги сказанному:

1. Универсальные и специальные научные библиотеки всегда считали себя главными хранителями человеческого знания, они всегда добросовестно обслуживали ученых и инженеров, стараясь облегчить им бремя познания и понимания. Поэтому учреждение ГСНТИ было воспринято в библиотечной среде как оскорбительный знак недоверия со стороны государственной власти. Гуманитариев-книжников шокировало бесцеремонное вторжение информационных технократов в исконные библиотечно-библиографические владения. Информаторы же видели в архаичных библиотечных технологиях главную причину информационного кризиса и отрицали ценность книжной культуры в эпоху кибернетики и искусственного интеллекта. Таким образом, с 60-х годов в нашей стране конкурировали два независимых и враждующих информационно-библиотечных мировоззрения.

2. Образование теории научной информации явилось прямым отрицанием познавательной ценности библиотечной и библиографической науки. Отрицание, надо признать, оправданное и объясняющееся идеологической зашоренностью советского библиотековедения и библиографоведения. Благодаря информатизации, библиотечно-библиографическая практика обогатилась важными средствами и методами, а библиотечно-библиографическая теория – новыми фундаментальными идеями и прикладными закономерностями.

3. Концепция взаимодействия Б нацелена на развитие гармоничных взаимосвязей между библиосферой и инфосферой, когда исключается поглощение гуманистически ориентированной библиосферы бурно прогрессирующей технократической инфосферой. Гармоничная взаимосвязь библиотековедения и информатики мыслится в следующем виде: а) в области теории – научно-интеграционное партнерство с семантической информатикой; б) в области прикладных исследований – использование информационных технологий, разработанных компьютерной прикладной информатикой, для совершенствования библиотечно-библиографических процессов⁷³.

4. Концепция взаимодействия далеко не всегда принимается во внимание политическими органами государственного управления. Приоритетом в стратегических решениях постсоветского руководства страны пользуется вектор «от инфосферы – к информационному обществу», который характерен для государственного сетевого этапа развития российской инфосферы.

⁷³ Прикладная информатика: справочник: учебное пособие / под ред. В.Н. Волковой и В.Н. Юрьева. – М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2008. 768 с.

5.4. ОТ ИНФОСФЕРЫ – К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

Начиная с 80-х годов прошлого столетия, идея информационного общества, приобрела популярность в академической среде и у высшего политического руководства России. Поскольку информатизация страны рассматривалась как необходимое условие социально-экономического прогресса и гарантии национальной безопасности, начались планомерные и довольно активные работы по её реализации. Первое слово было сказано Академией наук СССР. Затем министерства и ведомства с помощью высококвалифицированных экспертов разработали серию стратегических концепций и директивных документов, а Государственная Дума приняла ряд законодательных актов. Поучительно вспомнить некоторые эпизоды этой тридцатилетней истории.

1983 год: Общее собрание Академии наук СССР приняло решение об организации в её структуре Отделения информатики, вычислительной техники и автоматизации. Началась научно-организационная подготовка к информатизации страны.

15 июля 1988 г. ЦК КПСС особым распоряжением поручил ряду научных коллективов разработать на конкурсной основе концепции информатизации социалистического общества на долгосрочную перспективу. В июне 1990 года был одобрен проект Общегосударственной программы информатизации общества, но распад Советского Союза положил конец грандиозным планам информатизации.

Февраль 1992 года: в постсоветской России образован Комитет по информатизации (Роскоминформ), на который была возложена разработка основ государственной политики в данной области.

1993 год: Президент РФ утвердил *«Концепцию правовой информатизации России»*.

1994 год: Президентский Указ *«О совершенствовании деятельности в области информатизации органов государственной власти»*.

20 февраля 1995 г.: Государственная Дума приняла Федеральный закон *«Об информации, информационных технологиях и защите информации»*.

1995 год: Координационный совет по информатизации Администрации Президента РФ принял фундаментальную *«Концепцию формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов»*.

1998 год: Государственная Дума одобрила *«Концепцию государственной информационной политики»*.

1999 год: Государственный комитет Российской Федерации по связи и информатизации разработал *«Концепцию формирования информационного общества в России»*. Оптимистически настроенные авторы Концепции исходили из того, что «в России за последние 7–10 лет сформировались такие факто-

ры социально-экономического, научно-технического и культурного развития, которые можно рассматривать как предпосылки перехода к информационному обществу». Обращалось внимание на три нетривиальные проблемы:

1. Предусматривалось «кардинальное изменение образа жизни большей части населения», распространение новой «социально-психологической модели поведения людей и общества в целом». Ставилась задача воспитания человека, способного «нормально адаптироваться и комфортно существовать в условиях информационного общества». Другими словами, речь шла о формировании *нового антропологического типа homo informaticus*, о чем до сих пор в государственных документах речи не было.

2. Обосновывался «нетрадиционный, неапробированный *специфически российский* путь» к информационному обществу, где в роли активного инициатора и катализатора информационных преобразований должно выступить государство, а российскому народу отводилась роль пассивного объекта, ведомого верховной властью.

3. В отличие от предыдущих концепций, акцентировавших построение технического информационного пространства и забывавших о его содержательном наполнении, в данной Концепции ставилась задача «обеспечения сферы информационных услуг духовным содержанием, отвечающим *российским культурно-историческим традициям*, в том числе организация мощного русскоязычного сектора в Интернете».

Июль 2000 г.: Президент В.В. Путин подписал на саммите «большой восьмерки», состоявшемся на острове Окинава, *Хартию глобального информационного общества*, где говорилось, что «все люди повсеместно, без исключения должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества». Россия активно подключилась к программе ЮНЕСКО «Информация для всех» и принимала участие во всемирных саммитах, посвященных развитию информационного общества в 2003 г. (Женева) и 2005 г. (Тунис). Участие в международных форумах активизировало процессы российской информатизации.

2001 год: Правительство приняло *Федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002–2010)»*, согласованную с положениями Окинавской Хартии. Предполагалось, что реализация Программы «окажет воздействие на все сферы общественной жизни», даст мощный толчок развитию информационного общества в российских регионах, приведет к росту объема рынка информационных услуг и программного обеспечения, многократно увеличит объем экспорта из России информационных продуктов, обеспечит подключение к Интернету к 2005 году всех вузов страны, а к 2010 году – всех средних специальных заведений и т.д.

8 июля 2006 г.: Государственная Дума взамен Закона 1995 года приняла новый Федеральный закон «*Об информации, информатизации и защите информации*».

Февраль 2008 г.: Совет Безопасности Российской Федерации одобрил важный директивный документ – *«Стратегию развития информационного общества в России»*. Задача Стратегии заключалась в уточнении целей и принципов построения информационного общества в России и разработке плана мероприятий по информатизации страны. В частности, предусматривалось, что в 2015 году доля преподавателей, использующих информационно-коммуникационные технологии в учебной работе, будет не менее 50% в средних школах и 70% в вузах. Государственные стратеги завершали документ уверением, что Россия должна войти в двадцатку ведущих стран мира в международных рейтингах в области развития информационного общества.

1 ноября 2008 года Президент Д.А. Медведев подписал Указ *«О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию информационного общества в РФ»*.

Октябрь 2010 года ознаменован принятием новой долгосрочной *Государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)»*, которая является особенно ярким и впечатляющим выражением государственной политики в области информатизации российского общества. Она предусматривает следующие, ставшие уже стандартными, *направления*: создание электронного правительства, повышение качества жизни граждан, преодоление цифрового неравенства, обеспечение безопасности в информационном обществе, сохранение культурного наследия и развитие рынка ИКТ.

Гарантией неперемennого выполнения Государственной программы РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)» служит внушительное ресурсное обеспечение, предусмотренное Правительством для развития информационного общества в России (Приложение № 4). Так, на Государственную программу «Информационное общество (2011–2020)» в общей сложности выделено 3 788 млрд. рублей в ценах соответствующих лет. Если обратиться к разработанным Министерством финансов РФ «Основным направлениям бюджетной политики на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 гг.», можно установить, что десятилетние расходы федерального бюджета на культуру и кинематографию будут составлять около 740 млрд, на здравоохранение – не более 4 000 млрд, на образование – около 5 000 млрд. рублей. Получается, что информационное общество обойдется стране в 5 раз дороже, чем культура и кинематография, и столько же, сколько охрана здоровья населения. Фактически идея информационного общества стала у нас приоритетной национальной идеей.

В общей сложности с 1993 года по настоящее время опубликовано 12 государственных директивных документов, позволяющих судить о государственной политике в области построения информационного общества в России и о месте библиотечно-библиографического социального института в строящемся обществе. Обзор этих документов показывает, что государ-

ственная власть в лице президентов России, Государственной Думы, правительства, Совета безопасности, профильных министерств и комитетов неизменно уделяла и уделяет приоритетное внимание информатизации страны. Нельзя сказать, что нет прогресса, напротив, налицо значительный прогресс в информатизации, компьютеризации и интернетизации как страны в целом, так и библиотечного дела. Мы стоим на пороге информационного общества, целенаправленно и планомерно создаваемого нашим государством. Коммуникационной доминантой этого общества является глобальная сеть Интернет, которой принадлежит центральное место в информационно-коммуникационной среде постиндустриальной цивилизации.

ГЛАВА 6

**ИНТЕРНЕТОСФЕРА
КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ**

Коммуникационно-семиотическая концепция культуры, представленная нами в разделе 1.1.3, исходит из постулата, что «культура – система социальной коммуникации», что «один человек не может создать никакой культуры; вне коммуникации, вне обмена “культурными текстами”, вне взаимопонимания и взаимодействия между людьми не может быть никакой культуры».¹ Соглашаясь с этим постулатом, отметим, что инфосфера образует новое пространство для обмена «культурными текстами» и в связи с этим обогащает культуру новыми коммуникационными каналами, которые расширяют культурное пространство человеческого общения. Особенно важным, в сущности, «революционным» вкладом инфосферы в культуру современного человечества является глобальная сеть Интернет. Благодаря Интернету в культурном пространстве постиндустриальной цивилизации образовался особый сегмент, так сказать, *интернетосфера*, охватывающая все активное население земного шара.

Феномен интернетосферы привлек наше внимание в связи с тем, что энтузиасты постиндустриальной цивилизации отказываются от традиционной книжной коммуникации в пользу электронной коммуникации, воплощенной в глобальной сети Интернет. Их аргумент прост и ясен: если есть Интернет, то книги не нужны. Естественно, возникает проблема «альтернативы» отвергнутой библиосферы. Сможет ли порожденная сетью Интернет интернетосфера выполнить те сущностные функции, с которыми справлялась исторически сложившаяся книжность? Сможет ли она стать альтернативой библиосферы в постиндустриальной цивилизации? Напомним, что «альтернатива» – слово французское, означающее необходимость выбора из исключających друг друга вариантов (или ... или), а также каждый из данных вариантов.

Задача настоящей главы заключается в том, чтобы, во-первых, определить понятие «интернетосфера», которое является еще одним неологизмом в нашем исследовании, и во-вторых, проследить использование потенциала Интернета в микро-, миди-, макрокоммуникации.

6.1. ПОНЯТИЕ ОБ ИНТЕРНЕТОСФЕРЕ

В отличие от космической связи или железной дороги, Всемирную коммуникационную сеть никто не проектировал и не строил. Она представляет собой огромную социально-культурную ценность, но собственник этой ценности (Сети в целом) отсутствует. Вместе с тем содержание Сети при-

¹ Флиер А.Я. Избранные работы по теории культуры. – М.: ООО Изд-во «Согласие»; изд-во «Артём», 2014. С. 232.

знается «интеллектуальной собственностью», поскольку каждое сообщение имеет своего автора. Интернет – *самозародившееся*, то есть естественно возникшее дитяще индустриальной цивилизации. Этот вундеркинд, родившийся в 90-е годы, вырвался из своей колыбельки на глобальный простор, озадачивая философов и обществоведов своими необычайными способностями. Учитывая его натуру, можно ожидать, что, начиная с XXI века, Интернет станет таким же естественным и необходимым спутником человечества, как естественный язык, на котором мы говорим и мыслим. Отличие в том, что национальных языков много и они разделяют человечество межкультурными барьерами, а Интернет – общечеловеческое достояние и мощное средство консолидации рода человеческого.

Имеется немало различных определений Сети, предложенных как конкретно мыслящими инженерами-социологами, так и абстрактно мыслящими философами-культурологами. Вот одна из развернутых социально-технических трактовок: «Интернет – это совокупность сетевых отношений, модифицированных социальных институтов, технологий и технических средств, связанных внутри себя и друг с другом посредством компьютерно-опосредованных линий, и характеризуемая единым временем и пространством с особыми характеристиками». И далее авторы добавляют: «Интернет является не только и не столько технологией, сколько социальной реальностью, глобальным пространством, сферой, в которой сталкиваются противоположные интересы. Интернет – это социальное явление, институт взаимодействия со всей социальной и культурной системой постиндустриального общества, основной характеристикой которого является коммуникативность»². Это определение привлекает конкретностью и многоаспектностью описания Интернета как грандиозного социально-технического достижения техногенной цивилизации.

Авторы-гуманитарии характеризуют Всемирную паутину не столь детально, но зато эмоционально. Например: «Система систем, информационная супермагистраль, глобальное средство коммуникации, созданное миллионами участников»; «Сеть сетей – не застывшая форма людской мудрости, не мощный банк данных, не элитарный клуб интеллектуалов, а все это вместе взятое, плюс процесс познания, движение вперед и навстречу друг другу с надеждой на лучшее будущее»; «Метасистема соединенных по единым правилам компьютерных распределенных сетей, содержащих разнообразные, динамично развивающиеся информационные ресурсы и услуги»³. Эти метафорические выражения характеризуют Всемирную па-

² Социальные коммуникации в интернет-среде // Социальная коммуникация в современном мире: колл. монография / Н.Н. Азаров, И.С. Бусыгина, А.Н. Дегтярев и др.; общая ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной. – М.: Альтекс, 2004. С. 351–352.

³ Шлыкова О.В. Интернет-ресурсы и услуги в социокультурной сфере: учеб. Пособие. – М.: МГУКИ, 2000. С. 7–8.

утину не как рационально организованную систему, то есть целостность, образованную взаимосвязанными элементами, а как самоорганизующуюся *систему систем*.

Обобщая приведенные дефиниции, а также формулировки других авторов, получаем следующее определение: **Интернет** – это социально-техногенная суперсистема, включающая в себя: а) информационную инфраструктуру в виде структурированного программного обеспечения, сопряженного с территориально распределенной компьютерной и телекоммуникационной сетью; б) конгломерат, то есть слабо упорядоченную сумму тематически разнородных машиночитаемых оцифрованных документов (баз данных, порталов, сайтов и т. д.), служащих объектами компьютерной обработки и информационного поиска; в) всемирную аудиторию пользователей Интернета; г) профессиональный персонал Сети в виде научно-технических специалистов и коммерческих провайдеров. Данную социально-техногенную суперсистему правомерно назвать интернетосферой. В то же время следует иметь в виду, что в прикладной информатике под Интернетом часто понимается только его информационная инфраструктура (программное обеспечение + материально-техническая база).

Чтобы сохранить сходство с определением библиосферы в разделе 4.2.2, предложим дополнительную формулировку: **Интернетосфера** – сложившаяся на постиндустриальном этапе техногенной цивилизации глобальная информационно-коммуникационная суперсистема, обеспечивающая формирование, хранение, использование машиночитаемого документального наследия человечества. Обратим внимание на то, что интернетосфера – суперсистема общечеловеческого масштаба, в то время как библиосфера ориентирована на национальные потребности и интересы. Аналогично российская инфосфера понимается как государственная информационно-коммуникационная среда, обеспечивающая удовлетворение потребностей национальной науки, техники, производства, управления. Тематически универсальные всемирные библиосферы не известны, хотя предпринимались попытки их создания. Зато энтузиасты «всемирной информатизации» увлечены проектами «мировых электронных библиотек», несмотря на огромные семантические препятствия, стоящие на пути их реализации, не говоря о финансовых затруднениях. Неустранимы зависимость от технического и математического обеспечения, недолговечность существования электронных публикаций, недостаточная достоверность и хаотичность размещаемой в Интернете информации (адреса сайтов непредсказуемо изменяются, сайты могут бесследно исчезать из сети), отсутствие редактирования и безответственная анонимность многих публикаций подрывают доверие к Всемирной паутине. Особенно удручает слабость поисковых языков (поисковых машин), используемых в Сети. Все они ведут поиск по критерию наличия ключевых слов запроса в тексте документа, без учета синонимии,

неоднозначности выражения смысла, логических связей и психологических ассоциаций в естественном языке. Отсюда колоссальные потери информации, как правило, остающиеся неизвестными пользователю.

Разумеется, менеджеры Интернет понимают необходимость усиления семантических средств; новые возможности для семантического поиска предусматривает Интернет 2.0 (Web 2.0), идеология которого активно обсуждается. Отличительной особенностью нового Интернета станет развитие творческого общения пользователей в форме сетевых сообществ, блогов, вики. Центральное место займет Википедия – бесплатная интернет-энциклопедия, претендующая на замену всех универсальных энциклопедий мира⁴. Правда, высказываются серьезные критические замечания в адрес Википедии, которые полезно иметь в виду библиотекарям и библиографам⁵.

Духовно-культурный потенциал сети Интернет огромен. Она представляет собой глобальный коммуникационный канал, обеспечивающий во всемирном масштабе передачу мультимедийных сообщений, и вместе с тем является общедоступным хранилищем общечеловеческого культурного наследия (библиотекой, архивом, информационным агентством одновременно), глобальным коммерческим пространством, наконец, служит всепланетным клубом деловых и досуговых партнеров, не говоря об услугах электронной почты. Несмотря на все попытки регулировать, приватизировать и коммерциализировать Интернет, он интенсивно расширяется, привлекая многомиллионную армию пользователей глобальными масштабами, простотой доступа, демократической децентрализацией. Особенно важно, что, в отличие от СМИ, в Интернет технологически встроены свойства интерактивности и индивидуализации. Благодаря этим свойствам, некоторые пользователи воспринимают Интернет не как средство коммуникации, а как среду персонального обитания, где можно свободно выбирать партнеров по общению. Жизненная эпопея информационно-коммуникационного гиганта только начинается, однако уже сегодня можно утверждать: есть у Интернета начало, нет у Интернета конца!

Теперь, получив представление об интернетосфере, вернемся к вопросу о том, может ли Интернет стать альтернативой традиционной книжности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно решить: способна ли интернетосфера заполнить ту социально-коммуникационную нишу, которая в индустриальных цивилизациях традиционно принадлежала библиосфере? Другими словами, способен ли Интернет – глобальный социально-коммуникационный канал (супермагистраль) постиндустриальной цивилизации успешно выполнить сущностные функции библиосферы, известные из раздела 4.3.5?

⁴ Более подробно см.: Шрайберг Я.Л. Библиотеки в электронной среде и вызовы современного общества // Научные и технические библиотеки. 2010. № 1. С. 7–46.

⁵ Макаров В.А. Парадоксы Википедии: когда проигрывает авторитетность? // Библиотечное дело. 2014. № 17. С. 6–10.

Напомним, что в функциональной системе библиосферы главенствующей является *коммуникативная функция* – интегральная функция, выражающая общественное назначение библиосферы как суперсистемы; интегральная функция дифференцируется на три родовые функции – *мемориальная, информационная, аксиологическая*, свойственные всем библиосферным институтам, и на видовые функции, присущие лишь отдельным институтам – *кумулятивная* (библиотечная), *поисковая* (библиографическая), *производственная* (издательско-полиграфическая), *коммерческая* (книготорговая). Сеть Интернет, зародившаяся в 70-е гг. в качестве средства обмена информацией между научными центрами военного ведомства США и стремительно завоевавшая всемирное признание благодаря электронной почте и технологии Всемирной паутины (WWW – World Wide Web), изначально, так сказать, генетически, предназначалась для выполнения коммуникативной функции, что сближает её с книжной коммуникацией, с точки зрения общественного назначения. Вместе с тем Интернет является таким универсальным коммуникационным каналом, аналоги которого в библиосфере отсутствуют.

6.2. ИНТЕРНЕТ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ КАНАЛ

Социально-коммуникационным каналом будем называть материальную (в том числе проводную, радиосвязь) или воображаемую линию связи между коммуникантом (отправителем сообщения) и реципиентом (получателем сообщения), которая обеспечивает движение сообщений от коммуниканта к реципиенту. В социально-коммуникационных каналах библиосферы в качестве коммуникационного сообщения выступает книга (произведение печати), а каналами могут быть почта, книжная торговля, библиотеки. Интернет способен передать любые документы на электронном носителе, закодированные соответствующим образом. Благодаря коммуникационным каналам осуществляется *смысловая социальная коммуникация*, то есть движение воплощенных в знаковой форме смыслов в социальном пространстве и социальном времени (см. параграф 1.2). Движение в социальном пространстве воплощенных в знаковой форме смыслов является *коммуникационной деятельностью*; движение воплощенных в знаковой форме смыслов в социальном времени есть *социальная память*. Отсюда диалектическая взаимосвязь (единство противоположностей) между коммуникационной деятельностью и социальной памятью.

В параграфе 1.2 содержатся исходные понятия теории социальной коммуникации, в том числе виды социальной коммуникации – микрокоммуникация, мидикоммуникация, макрокоммуникация, обусловленные социальным статусом их активных участников (индивидуальная личность,

социальная группа, социум в целом), уровни взаимодействия – межличностный, групповой, массовый, наконец, форма коммуникации – познание, диалог, управление (услуга). Исчисление возможных коммуникационных ситуаций представлено в табл. 1.1, где приведены также формулы взаимодействия партнеров в данной ситуации, например, И у Г – ситуация менеджмента: индивид (И) управляет (у) социальной группой (Г). Таблица показывает, что теоретически возможны 15 коммуникационных ситуаций, которые распределены между тремя видами коммуникационной деятельности: I. Микрокоммуникация, II. Мидикоммуникация, III. Макрокоммуникация. Эти виды деятельности происходят в различных социальных условиях: микрокоммуникация осуществляется в *обыденном* социальном пространстве и времени малых социальных групп; мидикоммуникация – в *общественно организованном* пространстве и времени коммуникабельных групп, образующих социально-культурные институты или общественные объединения; макрокоммуникация реализуется в *международном* пространстве и *историческом* времени. Довольно отчетливо просматривается взаимосвязь исчисления коммуникационных ситуаций с родовыми и видовыми сущностными функциями библиосферы, поскольку сущностные функции (мемориальная, информационная, аксиологическая) определяют целевую направленность конкретных коммуникационных действий. В итоге подтверждается вывод, что библиосфера – это область межличностной микрокоммуникации и групповой (корпоративной) мидикоммуникации.

В отличие от литературоцентричной библиосферы, Интернет является *универсальным* социально-коммуникационным каналом, потому что он реализуется во всех видах социальной коммуникации – микрокоммуникации, мидикоммуникации, макрокоммуникации, и используется во всех коммуникационных ситуациях, учтенных нами. Глобальные масштабы Интернета впечатляют. По данным ЮНЕСКО, количество пользователей Интернета в мире оценивается в *3,2 миллиарда* (всё население Земли составляет 7,2 миллиарда человек). Больше всего пользователей проживает в следующих странах: Китай – 668 млн, Индия – 350 млн, США – 277 млн, Япония – 110 млн, Бразилия – 110 млн, Германия – 72 млн, Индонезия – 71 млн, Нигерия – 70 млн. Численность интернет-аудитории в России составляет 87,5 млн. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал в марте 2016 г. результаты опроса в 55 областях, краях и республиках, которые показали, что 70% граждан России в возрасте от 18 лет и старше пользуются Интернетом (год назад - 69%). В последние три года эта доля остается практически неизменной. При этом число ежедневных пользователей неуклонно растет и с 2006 г. увеличилось в 10 раз. Короче говоря, есть основания для того, чтобы признать Интернет универсальным коммуникационным каналом, претендующим на приоритет в микро-, миди-, макрокоммуникации. Как выглядят коммуникационные ситуации в свете этого вывода?

6.2.1. Интернет – канал микрокоммуникации. Микрокоммуникация – это такие коммуникационные ситуации, где в качестве коммуниканта, источника смысловых сообщений выступает индивидуальная личность И, а реципиентами могут быть другие И, либо группа (Г), либо массовая совокупность (М). Эти ситуации перечислены в таблице 1.1 с учетом целевой установки инициатора взаимодействия (познание – п; диалог – д; управление – у). Социологические опросы, проведенные фондом «Общественное мнение» (ФОМ) показали, что россияне обращаются в Интернет, имея в виду следующие цели: для общения – 64%; для образования, расширения кругозора – 44%; для работы – 42%; чтобы узнавать новости 42%; для отдыха – 35%; для поиска обыденной информации (не для работы) – 34%; для заказа товаров и услуг – 16%. Если познавательные, служебные, информационно-новостные, развлекательные, обыденные запросы традиционно удовлетворялись и удовлетворяются каналами библиосферы и соответствуют разным типам чтения, то для межличностного общения, в котором заинтересованы более половины пользователей, а также для заказа товаров и услуг Интернет предоставляет возможности, отсутствующие в книжной коммуникации. Интернетосфера привлекает общительную публику не только электронной почтой или скайпом, аналогичным телеграфной или телефонной связи, но и нахождением людей со схожими интересами, а также доступом к аудиовизуальному контенту различного рода (фото, видео, музыка), который книгохранилища предложить не могут.

Специфически интернетовской услугой в области межличностной коммуникации по формуле И д И являются *чаты* – привлекательное для молодежи игровое общение маскарадного типа в реальном времени. Чат – это импровизация, разыгрываемая без всякого сценария, где все участники одновременно и актеры, и зрители. Практически абсолютная анонимность приводит к отказу от норм традиционного общения и порождает своеобразную *субкультуру*, заявляющую о себе посредством экзотического *социолекта* (сленга, жаргона). В социальных сетях русскоязычного Интернета – Рунета получил распространение так называемый *олбанский язык*, или «язык падонкафф», лексика которого построена на эрративной (намеренно искаженной) орфографии. Интернетоманы (они же «сетяне», «интеране». «нетизане») подхватили наиболее хлесткие словечки, и вот «превед», «кроссаффчег», «аццкий сотона» сделали лексической нормой. Был опубликован в Интернете небольшой «олбанский» словник со своими «обязонами» – правилами написания. Филологи рассматривают Всемирную электронную сеть как область бытования городского фольклора⁶, правда, до «олбанской» литературы очередь еще не дошла. В «олбанском» социолекте отчетливо

⁶ Тихомиров С.А. К вопросу о становлении сетевого способа бытования городского фольклора // Вопросы культурологии. 2008. № 10. С. 63–65.

отражена социальная иерархия субкультуры от «чайников», «ламеров», «юзеров» и «лузеров» до «программеров», «геймеров», «хакеров» и «киберпанков». «Олбанский» стиль общения характеризуют болтовня, сплетни, провокации, пренебрежение этикетом и нигилистическое безразличие ко всему, что не связано с интернетосферой.

Многие исследователи отмечают двойственность воздействия информационно-коммуникационных технологий на психический мир личности. С одной стороны, развивается логическое, абстрактно-рационалистическое мышление, интеллектуальные умения превалируют над эмоциональным опытом; с другой стороны, подавляется интуитивное мышление и нравственно-этические стимулы, виртуальный мир кажется интереснее мира реального⁷. К сожалению, Интернет может стать источником психического недуга, известного как *интернет-зависимость (аддикция)* – ощущаемая человеком навязчивая потребность в постоянном пребывании в Сети, психически сходная с наркоманией, алкоголизмом и т. п.⁸ Интернет-зависимость проявляется в стремлении к бесконечному общению в чатах, форумах, социальных сетях; другие формы – привязанность к онлайн играм, киберсексуальное влечение, хакерство. Психологи определили, что быстрое и продолжительное просматривание сайтов ведет к деградации способности к аналитическому мышлению, ослаблению памяти и, самое неприятное, утрате навыков общения с окружающими людьми, что делает интернетомана неким социальным изгоем. Бестселлером стала книга немецкого ученого психиатра Манфреда Шпитцера, в которой он доказывает, что Интернет является источником «цифрового слабоумия» и вредно влияет на умственное развитие детей⁹. Дело в том, что цифровые технологии избавляют мозг от умственной нагрузки, а орган, который не упражняется, постепенно атрофируется.

Другой специфической интернет-услугой, но реализующей формулу И у М – «публичное самоутверждение», служат *блоги* (от английского сложного слова *weblog = web (сеть) + log (журнал) = «сетевой журнал»*), представляющие собой дневниковые записи одного человека или небольшой группы лиц, которые, по мнению блогеров, могут быть интересны окружающим. Движение блогеров началось в 90-е годы, спустя десять лет насчитывало миллионы сайтов, и каждую секунду появлялся новый

⁷ Войскунский А.Е. Метафоры Интернета // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 64–79; Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 89–100.

⁸ Лоскутова В.А. Интернет-зависимость – патология XXI века? // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2000. № 1. С. 11–13; Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.

⁹ Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. – М.: АСТ, 2014. 288 с.

дневник¹⁰. Более половины блогеров составляют энергичные молодые женщины, стремящиеся к роли «ньюсмейкера». Миллионы блогов, порталов и личных сайтов свидетельствуют, что Интернет привел к беспрецедентному в истории культуры расцвету творческого, авторского начала в жизни миллионов людей. Об этом свидетельствует, в частности, явление *сетературы*. Крупнейший российский литературный портал «Стихи.ру» (www.stihi.ru) предоставляет самостоятельным поэтам возможность свободной публикации своих стихотворений. Согласно текущей статистике, на 26 июня 2016 года 693 676 авторов опубликовали 33 795 187 произведений. Другой литературный портал «Проза.ру» (www.proza.ru) сотрудничает с писателями, желающими обнародовать свое литературное творчество; он сообщает, что 245 801 автор опубликовали на его страницах 5 940 741 произведений. Получается, что из 87,5 млн. российских пользователей Интернет около 940 тысяч (1,07 %) преданы русской словесности, и нельзя не поблагодарить Рунет за столь солидный вклад в отечественную литературу.

Социальные сети «Фейсбук», «ВКонтакте», «Одноклассники» охватывают подавляющую часть российской интернет-аудитории. Опрос, проведенный в январе 2016 года ФОМ, показал, что 87% Интернет-пользователей обращаются к соцсетям, из них 51% имеют аккаунты в нескольких онлайн-сообществах. В зависимости от региона пользователи тратят на социальные сети от 30 до 41% от всего времени, проведенного онлайн. Круг интересов участников соцсетей типичен для потребителей массовой культуры. Всеобщий интерес вызывают события в мире, политика в России, деятельность российских властей, международные отношения и семья, дети, дом. Немаловажно, что 48% респондентов доверяют информационным сообщениям, полученным из Интернета. Наибольшее количество запросов за сутки (более 50 000 запросов) относятся к следующим поисковым темам: главные новостные события, сериалы («Физрук», «Холостяк», «Реальные пацаны»), хоккейные и футбольные чемпионаты. Очевидно, что подобная тематика чужда книжной коммуникации.

В связи с интересующим нас вопросом о возможности использования интернетосферы в качестве альтернативы (адекватной замены) библиосфере немаловажное значение имеет отношение к Интернету гуманитарного студенчества, потому что перспективы отечественной библиосферы в значительной степени зависят от ценностных ориентаций нынешних студентов-гуманитариев. Чтобы оценить «книгоцентричность» и «интернетцентричность» их профессионального сознания, в 2010–2013 гг. был проведен опрос в форме письменного интервью студентов библиотечно-ин-

¹⁰ Губайловский В. WWW-обозрение. Телевидение в эпоху блогосферы // Новый мир. 2007. № 12. С. 207.

формационного факультета Санкт-Петербургского университета культуры и факультета документальных коммуникаций Челябинской академии культуры и искусств. В общей сложности в опросе приняли участие более 300 студентов очного и заочного обучения, довольно развернуто и откровенно ответивших на заданные вопросы.

Практически все студенты имеют многолетний опыт использования Интернета, оценивают себя как продвинутого (уверенного) пользователя, знакомы с составлением поисковых предписаний, возможностями различных браузеров. Многие признают Интернет необходимым спутником жизни, к которому ежедневно обращаются в каждую свободную минуту и пользуются всеми его услугами. Наиболее популярны электронная почта, социальные сети, программа Skype, чаты, справки о расписании транспорта или киносеансов, схема проезда по адресу и, разумеется, получение учебной (деловой) и справочной информации. Многих привлекает скачивание музыки, фильмов, сериалов. Новости, сообщаемые разными сайтами, также пользуются спросом. Некоторые респонденты отметили, что они обращаются в интернет-магазины. Пожалуй, общее мнение библиотечных студентов об «интернетцентризме» в наши дни было выражено словами: «Человек XXI века не может представить жизнь без Интернета. Интернет может быть разным для каждого человека в соответствии с его потребностями, увлечениями, кругозором, занятиями. Кто-то использует его для работы, кто-то – в целях заработка. Интернет необходим студентам и школьникам. Он требуется для саморазвития. Я считаю Интернет очень полезной вещью на сегодня».

Студенты, будучи компетентными пользователями Интернета, очень критично оценивают его содержание. Типичны реплики: «Львиную долю в Интернете занимает порнография, которая присутствует не только на специальных сайтах, но и в рекламе»; «80% информации – либо ложная, либо бессмысленная, 15% – стоящая развлекательная информация, 5% – полезная, важная, достоверная информация»; «70% (а то и больше) – помойка». Общее мнение сводится к тому, что в Интернете содержится чересчур много ложной или ненужной информации, но, в отличие от библиотек, он может оперативно предоставлять фактические данные (дату события, биографическую справку и т. п.), которые «приходится часами выискивать в книгах». Качественное различие между электронной и книжной коммуникацией выражает афоризм: «Интернет – актуальная информация, а книги – опыт нации». Некоторые студенты предполагают, что в будущем Интернет может стать универсальным хранилищем знаний при условии контроля качества и достоверности информации в нем. Следовательно, преимущество библиотечных фондов над Интернетом (библиотечный фонд явно не «помойка») носит, по мнению студентов, временный характер и может быть утрачено, если удастся наладить качественный отбор и упорядочить хаотичное информационное пространство Интернета. Другой вопрос, возможно ли это сделать в принципе.

Отдавая должное информационному и образовательному потенциалу Интернета, студенты единодушно в резко критической оценке морально-нравственного воздействия его на своих пользователей. Например: «Интернет скорее способствует регрессу человечества в моральной сфере, чем его развитию. Особенно опасно его воздействие на детскую психику». Другие респонденты не столь категоричны и замечают, что «все зависит от целевой направленности читателя. В книжных потоках при желании можно найти немало мерзости. Другое дело, что в Интернете всевозможной грязи в разы больше, чем в книжной продукции, поэтому Интернет намного опаснее для своих пользователей». Отмечается, что «многие книги, особенно классическая литература, дают убедительные образцы самоотверженности, мужества и альтруизма, которые оказывают воспитательное воздействие на читателей. Интернет же не ставит никаких нравственно-воспитательных задач».

Студенты-книголюбцы отдают предпочтение личной библиотеке в качестве усилителя умственных способностей. Звучат аргументы: «Личная библиотека, в отличие от Интернета, подбирается индивидуально, отражает личность своего владельца и способствует развитию его интеллекта в процессе пополнения»; «Личная библиотека всегда под рукой, возможно многократное обращение к ней по разным поводам, систематизация книг в личной библиотеке способствует систематизации знаний в голове личности». Удивительно, что активные пользователи Интернета решительно отказываются назвать его «усилителем интеллекта». Типичны заявления: «Интернет ни при каких обстоятельствах нельзя назвать усилителем интеллекта. Интернет скорее отупляет, давая в большинстве случаев примитивную общую информацию, восприятие которой требует минимальных умственных усилий от человека»; «Если пополнять свои знания только при помощи Интернета, то в голове будет каша от передозировки нужной и ненужной информацией»; «Не думаю, что кто-то стал умнее от Интернета. Наоборот, информация в таком свободном доступе в таких огромных количествах чаще всего идет во вред, потому что не многие способны отобрать нужное». Правда, есть менее категоричные суждения, которые сводятся к тому, что все зависит от пользователя, и Интернет можно использовать для обогащения личностных интеллектуальных способностей, было бы желание и старание.

Подавляющее большинство студентов библиотечно-информационного факультета придерживаются «книгоцентризма» в образовательном процессе. Вот некоторые суждения: «Быть образованным человеком и не читать книги сегодня, как и во все времена, невозможно. Вся система образования и самообразования зависит от книг»; «Человека любой эпохи нельзя назвать образованным, если он не читает книги. Работа с книгой – это не простое кликанье мышью и клавиатурой, она требует от человека опре-

деленных умственных усилий, внимания и навыка»; «Книга дает человеку грамотность с точки зрения орфографии, мудрость, логику мышления, вдохновение, культуру речи и, в конце концов, знания». «Книгоцентристские» ценностные ориентации многих студентов, являющихся, напомним, «продвинутыми пользователями Интернета», проявились при ответе на вопросы, связанные с их читательской практикой. Вот некоторые из ответов: «Я с детства очень люблю читать, это для меня так же естественно, как и дышать. Я просто беру интересную книгу, начинаю её читать и не останавливаюсь, пока не дочитаю до конца», «Я очень люблю читать. Книга захватывает меня настолько, что я погружаюсь в этот удивительный мир, забывая реальность. Я сопереживаю героям, вместе с ними влюбляюсь, смеюсь, расстаюсь. Если я взяла в руки книгу, я обязательно дочитаю её до конца. У меня есть любимые книги, их немного, но я их перечитываю и буду перечитывать».

В студенческой среде обнаружили не просто любители чтения, а молодое пополнение библиофильского сословия, постигшего таинственную магию книги. Прочитав два признания: «Свою домашнюю библиотеку я могу назвать “усилителем интеллекта”. У меня дома очень много книг. Это великие классические романы, различные научно-популярные издания, приключенческие романы и детективы, словари и энциклопедии. Большинство книг остались от бабушки, потом их собирали родители, теперь я пополняю свою личную библиотеку. У меня есть книги с автографами писателей», «Я люблю читать, люблю сами книги, страницы с запахом типографской краски, красивые качественные иллюстрации, люблю узнавать и проникать в сюжет. Порой мне кажется, что читала я всегда. В нашем семейном видеоархиве есть запись, на которой я, трехлетняя, “размышляю” над книжкой. Книги для меня – это чудо, некоторые из них могут полностью захватить меня и погрузить в совершенно иной мир. Когда закрываешь такие книги и сталкиваешься с реальностью, какое-то время находишься под их воздействием, и все вокруг кажется удивительным и новым».

Многие страстные любители литературы постоянно обращаются к ресурсам Интернета. Так, одна из девушек дала себе такую самооценку: «Я очень чуткий и внимательный читатель, опытный и искушенный. Умею видеть многое “между строк”. Многие замечали за мной способность быстро выделять суть текста, формулировать нужные фразы, анализировать и синтезировать результаты прочитанного. Имею намерение развивать свои лингвистические познания и читать иностранную литературу в оригинале». Далее она пишет: «Сегодня не представляю своей жизни без Интернета. Он необходим и для учебы, и для работы, даже подрабатываю фрилансером на его просторах. Разумеется, я пользователь социальных сетей («ВКонтакте», «Facebook», «MySpace»). Регулярно захожу на свои “осо-

бые” сайты, где бываю много лет». Практика «бинарной коммуникации» наводит на мысль об отсутствии естественных барьеров между книжными и электронными каналами. Видимо, нормальное состояние книжной и электронной коммуникации не конкуренция, а сосуществование, даже сотрудничество? Наше исследование дало положительный ответ на этот стратегически важный и теоретически принципиальный вопрос. Признается, что Интернет превосходит каналы книжной коммуникации в области микрокоммуникации – непосредственного общения в реальном времени. Однако никто из студентов-гуманитариев не предвидит поглощения книжной библиосферы электронной интернетосферой и не склонен всерьез обсуждать вопрос «Интернетосфера – альтернатива библиосферы?» Теперь посмотрим, как Интернет взаимодействует с библиосферой в мидикоммуникационных процессах.

6.2.2. Интернет – канал мидикоммуникации, находящий применение во всех отраслях духовной культуры и материального производства, где коммуникабельные целевые группы (Г) взаимодействуют друг с другом по формулам Г п Г, Г д Г, Г у Г, осуществляют коллективное познание мира (формула Г п М) и руководство обществом (формула Г у М). Напомним, что Интернет генетически связан с научной коммуникацией, ведь первые сетевые протоколы, изобретенные Тимом Бернерсом-Ли, были внедрены в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН, Швейцария), а в нашей стране в качестве пионера интернетовских технологий, включая электронную почту, выступил Институт атомной энергии имени И.В. Курчатова. Поэтому не удивительно, что в научном сообществе выдвинут проект организации в Интернете особого сектора «сетевой науки»¹¹. Преимущества проекта (формулы Г д Г, Г п М) видятся в развитии горизонтальной научной структуры, состоящей из веб-сайтов ученых, творческих коллективов, блогов, научных социальных сетей, форумов, интернет-конференций и т. д. Главным достоинством считается присущая всемирной Сети демократичность, когда место исследователя в научной системе определяется не формальной принадлежностью к какому-либо авторитетному учреждению, а личным вкладом в науку, коммуникабельностью и инициативностью. Есть основания ожидать, что сетевая форма научных исследований, освобождающая ученых от давления иерархической структуры, будет способствовать свободе научного поиска и активизирует обмен научной информацией.

Если интернет-наука мыслится как научная гипотеза, то интернет-маркетинг (формула Г у М) – это реальность наших дней¹². Преимущества рынка электронной коммерции заключаются в том, что очень легко выяснить у многомиллионной аудитории пользователей Интернета их мнение о

¹¹ Журавлева Е.Ю. Научно-исследовательская структура Интернет // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 155-166.

¹² Холмогоров В. Интернет-маркетинг. Краткий курс. – СПб: Питер, 2002. 272 с.

предлагаемом товаре или услуге и оперативно управлять производством в зависимости от реального спроса. Интернет – незаменимый источник свежей маркетинговой информации, получаемой по минимальной цене, ведь стоимость полноценной рекламной компании с использованием Интернета на много порядков ниже, чем при обращении к каналам прессы, радиовещания, не говоря о телевидении. Особенно привлекательна возможность наладить персональную обратную связь практически с каждым потребителем, что является залогом высококачественного сервиса, которым может похвастаться только электронная коммерция. Не удивительно, что интернет-сфера является пространством коммерческой деятельности гигантских транснациональных корпораций (ТНК) «Майкрософт», «Эппл», «Гугл», не считая многочисленных провайдеров и прочих посредников. Для нас представляет интерес практика обращения к сетевым интернетовским технологиям отечественных библиотек, поскольку эта практика в модернизированном, конечно, виде, несомненно, сохранится в будущих российских библиотеках.

Уместно вспомнить, что сетевое взаимодействие (формула Г д Г) давно используется в библиотечной практике. В 60-е – 80-е годы был получен богатый опыт организации централизованных библиотечных систем, правда, без применения телекоммуникационных компьютерных средств. Формирование интернет-сферы существенно расширило возможности взаимодействия библиотек в рамках национальных, региональных, ведомственных сетей. В наши дни библиотечные коллективы обращаются к Интернету в трех коммуникационных ситуациях: во-первых, в процессе формирования фондов и справочных аппаратов (коммуникация «книжные ресурсы – библиотекари»); во-вторых, в процессе библиотечного обслуживания (коммуникация «библиотекари – читательская аудитория»); в-третьих, в процессе межгруппового общения (коммуникация «библиотекари – библиотекари»). В первом случае со стороны активного библиотечного коллектива практикуются формы познания и управления; во втором случае реализуются все формы общения между людьми, в третьем случае используются формулы Г д Г, Г у Г.

Полезный экономический эффект взаимодействия библиотек особенно очевиден в системах *централизованной каталогизации*, работающих по принципу «однократная обработка – многократное использование», который освобождает многочисленных участников кооперации от трудоемких и кропотливых операций по обработке каталогизируемых документов. Достоинства кооперации продемонстрировала система OCLC, основанная в 1967 году библиотеками колледжей штата Огайо с целью обмена машиночитаемыми библиографическими записями. В настоящее время OCLC превратилась во всемирный компьютерный библиотечный центр (Online Computer Library Center), который послужил образцом для многочисленных национальных и региональных систем *корпоративной* (точнее было

бы сказать «кооперативной») *каталогизации*. В нашей стране идею межбиблиотечного сотрудничества с 1998 года воплощает *Общероссийская Информационно-библиотечная компьютерная сеть ЛИБНЕТ*. Разработан проект «Основные направления развития Общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ на 2011–2020 годы». В этом обстоятельном документе сеть ЛИБНЕТ объявляется «единой системой информационно-библиотечного обслуживания России» и предусмотрено достижение в 2015–2020 гг. впечатляющих целевых показателей, а именно:

- объем Сводного каталога библиотек России (СКБР) для свободного поиска ресурсов в библиотеках страны – не менее 10 млн записей в 2015 и 15 млн в 2020 году;
- число библиотек-участниц СКБР – не менее 5 тыс. в 2015 и 50 тыс. в 2020 году;
- число полнотекстовых документов, представленных в сети ЛИБНЕТ – не менее 2 млн в 2015 и 5 млн в 2020 году;
- число зарегистрированных в сети ЛИБНЕТ индивидуальных пользователей в год – не менее 500 тыс. в 2015 и 1 млн в 2020 году;
- число поисков в СКБР в год – не менее 10 млн в 2015 году и 30 млн в 2020 году¹³.

Эти показатели выведут ЛИБНЕТ в ряды мощнейших библиотечных компьютерных сетей, а российские библиотеки и граждане России получат в свое распоряжение фантастический библиотечно-информационный сервис. Помимо ЛИБНЕТ, примером успешной реализации библиотечного кооперирования может служить созданная ГПНТБ России *Автоматизированная система Российского сводного каталога научно-технической литературы (АС РСвК)*, которая представляет собой крупнейшую корпоративную автоматизированную систему, объединяющую около 400 научных и научно-технических библиотек.

Опыт использования Интернета в профессиональной библиотечно-библиографической деятельности широко отражен в библиотековедческой литературе. Назовем некоторые наиболее интересные издания:

1. Алешин Л.И. Телекоммуникационные технологии для библиотек. – Москва : Литера, 2009. 352 с.
2. Голубенко Н.Б. Информационные технологии в библиотечном деле – Ростов н/Д : Феникс, 2012. 282 с.
3. Елицина Е.Ю. Электронные услуги библиотек. – Санкт-Петербург : Профессия, 2010. 304 с.
4. Интернет-СМИ: Теория и практика: учебн. пособие / под ред. М.М. Лукиной. – Москва : Аспект Пресс, 2010. 348 с.

¹³ Основные направления развития Общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ на 2011 – 2020 годы. – М., 2011. – 34 с.

5. Поручи поиск человеку: виртуальные справочные службы в современных библиотеках / И.Б. Михнова, А.А. Пурник, А.В. Пурник, М.М. Самохина. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2005. 304 с.

6. Романенко В.Н., Никитина Г.В. Сетевой информационный поиск: практ. пособие. – Санкт-Петербург : Профессия, 2003. 288 с.

7. Степанов В.К. Применение Интернета в профессиональной информационной деятельности. – Москва : Изд-во ФАИР, 2009. 304 с.

8. Щербаков, А. Ю. Интернет-аналитика: поиск и оценка информации в Web-ресурсах : практическое пособие. – Москва : Книжный мир, 2012. 78 с.

6.2.3. Интернет – канал макрокоммуникации. Макрокоммуникация представляет собой такой вид социальной коммуникации, где в качестве и коммуниканта, и реципиента выступает не замкнутая коммуникабельная группа, а открытая массовая совокупность вплоть до общества в целом (М). Коммуникационная деятельность массовых совокупностей может не выходить за пределы государства (внутренний товарооборот, общение на родном языке, национальная память), а может приобретать международный масштаб – например, внешняя торговля, информационная война, диалог культур и столкновение цивилизаций. В зависимости от тематики сообщений различаются отраслевые сектора: экономический, научный, политический, массмедиа, спортивный и др. Освоение технологии Интернета в этих секторах обусловило дифференциацию интернетосферы на *интернет-экономику* (сетевая экономика и электронная торговля, включающая электронные платежи и управление банковскими счетами, электронные магазины, торговые площадки и т. д.); *социальный Интернет*, располагающий виртуальными предприятиями и предлагающий «телеработу на дому», привлекательную для инвалидов и пенсионеров, а также государственные и бытовые услуги населению; *научный Интернет*, предоставляющий ученым, удрученным кризисом информации, множество информационных услуг, о которых в прошлом веке нельзя было и мечтать. Например, крупнейшей в России электронной библиотекой научных публикаций, располагающей богатыми возможностями библиографического поиска и получения текстов статей, является платформа eLIBRARY.RU.

eLIBRARY.RU была создана в 1999 году по инициативе Российского фонда фундаментальных исследований для обеспечения российским ученым электронного доступа к ведущим иностранным научным журналам. С 2005 года eLIBRARY.RU начала работу с русскоязычными публикациями и ныне является ведущей электронной библиотекой научной периодики на русском языке в мире. Сегодня подписчикам eLIBRARY.RU доступны полнотекстовые версии около 4000 иностранных и 3900 отечественных научных журналов, рефераты публикаций почти 20 тысяч журналов, а также описания полутора миллионов зарубежных и российских диссертаций. Общее число институциональных пользователей (организаций) – более 2200. В систе-

ме зарегистрированы 1,1 млн индивидуальных пользователей из 125 стран мира. Ежегодно читатели получают из библиотеки более 7 млн полнотекстовых статей и просматривают более 22 млн аннотаций.

eLIBRARY.RU предназначена не только для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией, но является также и мощным инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, ученых, уровень научных журналов и т. д. С этой целью она интегрирована с *Российским индексом научного цитирования* (РИНЦ) – бесплатным общедоступным инструментом измерения и анализа публикационной активности ученых и организаций. РИНЦ представляет собой национальную информационно-аналитическую систему, аккумулирующую более 6 млн публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более чем 4500 российских журналов. Решение о создании РИНЦ было обусловлено тем фактом, что лишь одна десятая от всех публикаций российских ученых попадает в международные базы данных научного цитирования, такие как Web of Science или Scopus. Кроме того, многие направления российской науки (например, общественно-гуманитарные, технические) там вообще практически не представлены. В наши дни РИНЦ достаточно полно и объективно отражает публикационную активность большинства российских авторов и научных организаций. Немаловажным является также и то, что он является некоммерческим проектом и находится в открытом доступе, что позволяет всем российским ученым без ограничений использовать этот мощный аналитический инструмент.

Конечно, eLIBRARY.RU – важное достижение в отечественной научной коммуникации, но это достижение отраслевое, а не общенациональное. На общенациональный масштаб претендует проект *«Инфраструктура ноосферы»*, нацеленный на создание «современных инструментов регистрации и идентификации в сети Интернет произведений в сфере культуры, науки и образования»¹⁴. Здесь речь идет о культурном наследии России в целом, которое распределено сейчас в различных электронных библиотеках и на веб-сайтах. Главное условие создания подобной инфраструктуры видится в *цифровизации* (дигитализации) культурных ценностей, то есть в превращении их в «цифровые объекты». Цифровыми объектами объявляется «весьма широкий класс объектов нематериальной природы», включающий «книги, справочники, программные средства, аудио- и видео-материалы, которые предоставляются цифровыми библиотеками, музеями или городскими медиатеками» (с. 14). Достоинства цифровых объектов видятся в

¹⁴ Засурский И., Сергеев М., Семячкин Д. Инфраструктура ноосферы. – М.: Ассоциация интернет-издателей, Ассоциация «Открытая наука», 2010. 270 с. Изложение основного содержания книги приведено в журнале «Университетская книга», июньский и июльский номера 2016 года.

том, что любой цифровой объект можно бесконечно копировать, причем все полученные копии будут абсолютно идентичны оригиналу; в отличие от бумажной книги в библиотеке, электронная копия книги существует отдельно от устройства, на котором она хранится; цифровые объекты можно практически мгновенно перемещать в пространстве или хранить в «облаке», тем самым полностью избавившись от пространственной принадлежности; цифровой объект можно непрерывно модифицировать, постоянно изменяя его форму и содержание; для того чтобы уничтожить цифровой объект, достаточно провести несложные манипуляции (кроме отдельных случаев специально защищенных объектов) и др.

Авторы инфраструктуры ноосферы мыслят её в качестве *альтернативы библиосфере*, поскольку, благодаря оцифровке, можно обеспечить сохранение и передачу будущим поколениям всех знаний, накопленных за тысячелетия человеческой истории. Любая провинциальная библиотека при необходимости сможет получить доступ к книге, имеющейся в единственном экземпляре в столице, что значительно расширит возможности доступа к информации и каждого ее пользователя. Тем самым одновременно решаются две важнейшие проблемы: во-первых, цифровая копия защищена от природных катаклизмов, воровства или утери, а во-вторых, любой человек, имеющий доступ к сети Интернет, может получить доступ к информационным массивам. Таким образом, преодолевается так называемое «цифровое неравенство» в масштабах всей страны.

Авторы не упускают из виду и негативные последствия, которые может повлечь за собой массовая оцифровка предметов культуры. Они упоминают о росте «нарушений прав на интеллектуальную собственность», об изменении когнитивных структур мозга, влекущих за собой «клиповое мышление», трудность восприятия больших текстов, неспособность эффективно пользоваться справочной литературой на бумажных носителях и т. п. Их беспокоит также нестабильность электронных медиа: достаточно отключить электричество, чтобы последствия техногенной катастрофы стали ещё более ужасающими, чем от пожара. Следовательно, пишут они, – трагедия Александрийской библиотеки обречена повторяться до тех пор, пока не будет разработан и принят пакет мер по системному исключению возможности утраты знаний и культурных ценностей (с. 13). Тем не менее, реализация проекта инфраструктуры ноосферы объявляется актуальной социально-культурной задачей национального значения.

Говоря о благах и услугах, которые предоставляет глобальная сеть Интернет, было бы неправильно забывать о киберпреступлениях и информационных войнах, связанных с этим чудесным изобретением человечества. **Киберпреступлениями**, или «преступлениями в сфере информационных технологий», в уголовном законодательстве РФ называются «деяния, посягающие на информационную безопасность». К деяниям такого рода, осу-

ществляемые через Интернет, относятся: внедрение вредоносных вирусов, взлом паролей, кража номеров кредитных карточек и других банковских реквизитов (фишинг), распространение противоправной информации (клеветы, порнографии, материалов, возбуждающих межнациональную и межрелигиозную вражду, и т. п.). Наиболее опасными и распространенными преступлениями считаются кибермошенничество и нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-коммуникационных сетей. Общественная опасность последних состоит в том, что они могут повлечь за собой нарушение деятельности автоматизированных систем управления и контроля, несанкционированное вмешательство в работу информационных систем, которое способно вызвать тяжкие и необратимые последствия. В Уголовном кодексе РФ с 1997 г. введены статьи, предусматривающие ответственность за преступления в области информационных технологий:

- неправомерный доступ к компьютерной информации карается лишением свободы сроком до 5 лет (статья 272);
- создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет (статья 273);
- нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети карается в зависимости от тяжести нанесенного ущерба и намерений преступника (статья 274).

Поскольку преступления в сфере информационных технологий часто являются международными, то есть преступники действуют в одном государстве, а их жертвы находятся в другом государстве, большое значение имеет международное сотрудничество правоохранительных органов. В этой связи Совет Европы в 2001 году принял специальную Конвенцию о преступности в области компьютерной информации. В России борьбой с уголовными киберпреступлениями занимается Управление «К» МВД РФ и отделы «К» региональных управлений внутренних дел. Конечно, уголовные киберпреступления представляют собой социальное бедствие техногенной цивилизации, но еще более серьезным вызовом Разуму и Гуманизму является *информационно-сетевая война* – наиболее изощренная и беспощадная разновидность информационных войн.

Во время Первой и Второй мировых войн индустриальные державы (особенно гитлеровская Германия) весьма успешно использовали пропагандистские листовки и радиовещание для морально-психологического разложения и разоружения противника. Появление Интернета изменило доктрину информационной войны. Задачи информационно- сетевого воздействия видятся, во-первых, в использовании телекоммуникации для скрытной и широкомасштабной атаки на военные и гражданские информационные системы противника с целью подрыва его боеспособности и экономики; во-вторых, во

внедрении в массовое сознание населения определенных пропагандистских установок. В результате выполнения первой задачи разрушается информационная инфраструктура противника (системы оперативного управления ракетами, самолетами, средствами связи и т. д.), и он становится беззащитным перед оружием массового поражения; вторая задача нацелена на достижение победы без столкновения на поле боя. В доктрине информационно-сетевой агрессии предусматриваются следующие акции:

- создание в стране-противнике атмосферы бездуховности и безнравственности, ведущей к дезинтеграции общества, политической напряженности, недоверию к государственной власти;
- провоцирование социальных, национальных, религиозных конфликтов и гражданского неповиновения, вплоть до террористических актов;
- дискредитация властей и инициирование массовых протестных акций, забастовок, беспорядков;
- подрыв международного авторитета и нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политический, экономической, оборонной сфере и т. д.

С начала XXI века «информационный милитаризм» сделался весьма популярным направлением в российском обществоведении, о чем свидетельствуют следующие довольно солидные публикации:

1. Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. – Москва : СИНТЕГ, 2000. 179 с.

2. Панарин И.Н. Информационная война и власть. – Москва : Мир безопасности, 2000. 223 с.

3. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. – Москва : Вузовская книга, 2001. 468 с.

4. Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. – Москва : СИНТЕГ, 2003. 396 с.

5. Расторгуев С.П. Введение в формальную теорию информационной войны. – Москва : Вузовская книга, 2002. 119 с.

По мнению многих российских обществоведов, против России ведется в настоящее время информационная война со стороны США и их союзников. Вместе с тем у нашей державы нет перспективной наступательной информационной стратегии, поскольку «выделяемые средства на развитие информационного общества направляются, в основном, на техническое и программное обеспечение, закупку зарубежной техники, а не на наполнение информационных каналов содержанием, отвечающим цивилизационным ценностям и национальным интересам страны»¹⁵. Возникает, естественно, вопрос о роли российских библиотек в условиях мировой ин-

¹⁵ Колин К.К., Яковец Ю.В. О наступательной информационной стратегии России // Стратегические приоритеты. 2015. № 2. С. 83.

формационно-сетевой войны, развязанной Соединенными Штатами. Этот вопрос основательно рассмотрен в публикациях профессора Н.И. Гендиной, где доказывается необоснованность противопоставления библиотеки и Интернета¹⁶.

Нагалия Ивановна разоблачает приоритетное направление информационной войны – стратегию «мягкой силы», сущность которой заключается в отрицании и осмеянии традиционных ценностей и нравственных норм, благодаря которым «мы ощущаем себя как единую нацию, как российский народ». Библиотека в качестве традиционного хранителя национальной памяти, в отличие от глобальной сети Интернет, способна противостоять аморальной «мягкой силе» и добиться победы в информационной войне. В итоге Н.И. Гендина приходит к очень важному выводу: «Противопоставление библиотеки Интернету, тезис об “отмирании библиотек”, а главное, о ненужности, бесполезности, неэкономичности и неэффективности библиотек в информационном обществе, безусловно, является проявлением информационного противоборства, направленного на ослабление защитных функций российской культуры, разрушение отечественных традиций в сфере науки, культуры, образования... Наряду с утверждением основополагающей роли библиотек как традиционных центров просвещения и духовности, назрела необходимость в научном обосновании значимости отечественных библиотек как важного социального института, способного содействовать обеспечению информационной безопасности личности и общества в целом в условиях усиливающегося информационного противоборства»¹⁷. Другими словами, профессор Гендина решительно отвергает альтернативу «или Интернет, или библиотека», признает правомерность сосуществования как библиосферы, так и интернетосферы в российском информационном обществе и призывает к «научному обоснованию» значимости библиотек в современной информационно-сетевой агрессии.

Материалы настоящего параграфа позволяют сделать два *вывода*:

1. Цифровые интернет-технологии – важнейшее достижение человеческого гения. Основанная на них информационная инфраструктура обеспечивает функционирование электронной информационно-коммуникационной среды.

2. Интернет – не альтернатива, а технологическое средство современной библиотеки, которое следует использовать для утверждения авторитета библиотечного социального института в условиях информационного общества.

¹⁶ Гендина Н.И. Интернет и библиотеки: апокалипсис или ренессанс? // Университетская книга. 2015. № 2. С. 50-54; Она же. Библиотека и информационные войны // Информационные войны. 2015. № 2. С. 89-96.

¹⁷ Гендина Н.И. Библиотека в условиях информационной войны // Школьная библиотека. 2015. № 8–9. С. 39.

6.3. ИНТЕРНЕТ КАК ПРИЗЫВ ГУМАНИЗМА И КАК ВЫЗОВ МИРОВОГО ЗЛА

Зададимся *этическим* вопросом: Интернет, претендующий стать альтернативой традиционной библиосфере, представляет собой моральное добро или моральное зло? Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в январе 2016 года, 87% россиян считают, что в целом изобретение Интернета принесло людям больше хорошего, чем плохого, 10% затруднились ответить, и только 3% считают, что в Интернете больше плохого, чем хорошего. 53% респондентов ответили, что их жизнь значительно изменится, если они вдруг лишатся возможности пользоваться Интернетом. Следовательно, по мнению подавляющего большинства наших соотечественников, глобальная телекоммуникационная сеть, именуемая Интернет, является фантастическим достижением человеческого гения, которое обеспечивает практически моментальную передачу сведений в любой уголок земного шара, связь между людьми, находящимися на разных континентах, свободу размещения информации в сети и возможность оперативно её обрабатывать, размножать, переадресовывать, быстрый поиск нужных данных и доступ к огромным фондам сетевой информации. Значит, Интернет – это *моральное Добро*, то есть *благо*, соответствующее «непосредственным (житейским) потребностям, интересам и ожиданиям человека как индивида или члена сообщества», которое, с точки зрения этических стандартов, может трактоваться как «удовольствие (гедонизм), польза (утилитаризм), счастье (эвдемонизм), соответствующее обстоятельствам (прагматизм)»¹⁸.

Вместе с тем интернетосфера, по мнению компетентных специалистов, абсолютным и безусловным благом не является. Так, профессор В.К. Степанов в своем «Манифесте библиотек цифровой эпохи» счел нужным отметить: «Однако цифровая эпоха таит в себе и немалые угрозы, которые только начинают осознаваться широким научным сообществом. В совокупности различные цифровые приложения предоставляют сверхвозможности для контроля и изолированного воздействия на сознание любого пользователя Сети: маркетинговые подразделения корпораций легко внедряют в мышление пользователей выгодные им стереотипы поведения. Со стороны властей абсолютно реальным становится тотальный контроль личности, противоречащий нынешним представлениям о неприкосновенности частной жизни. Следствием непрерывного использования цифровых приложений является снижение интеллектуального уровня и духовного развития огромного числа пользователей. С развитием Интернета и особенно возникновением социальных медиа в Сети стало документироваться то, что раньше

¹⁸ Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. С. 113.

являло собой не более чем неощутимое сотрясение воздуха: досужие и, в подавляющем большинстве, малосодержательные разговоры и некомпетентные мнения»¹⁹.

Интернетосфера – явление многоаспектное, включающее в себя, с одной стороны, *человеческий фактор* – (1) многомиллионная аудитория всевозможных пользователей и (2) профессиональные группы сетевого персонала, с другой стороны, продукты *человеческого творчества* – (3) информационную инфраструктуру в виде глобальной телекоммуникационной сети и (4) культурное наследие человечества, воплощенное в контенте Всемирной паутины. Неограниченный доступ к мудрости прошлых поколений и возможности всемирного общения людей, казалось бы, должны были способствовать взаимопониманию народов и наций, осознанию их кровного единства, устранению, стихийно возникающих недоразумений, а добрый и мудрый Интернет – это супермагистраль, ведущая в гуманное информационное общество. Однако оказалось, что интернетосфера – это такая область человеческого бытия, где Добро и Зло смешаны друг с другом неразрывно, и трудно сказать, чего в Интернете больше: позитивного обещания или негативного вызова. Обратимся еще раз к опыту использования Интернета в нынешней информационно-коммуникационной среде.

6.3.1. Микрокоммуникация посредством интернет-каналов с позиции этических стандартов является несомненным цивилизационным благом, служащим для многих абонентов источником гедонистических удовольствий, а для отдельных интернетоманов – условием эвдемонистических переживаний (счастья). Кроме того, несомненны утилитаризм и прагматизм электронной почты и веб-сайтов. За эти удовольствия и удобства приходится расплачиваться психическими и социальными недугами. Вот один из типичных *пессимистических прогнозов*, предложенных экспертами США, изучающими Интернет: «В 2020 году головной мозг подростков и молодых взрослых будет иметь другие соединения, чем головной мозг людей старше 35 лет, и это будет иметь в целом вредные и печальные последствия. Уже сейчас они не в состоянии запоминать что-либо и проводят львиную долю времени, обмениваясь короткими сообщениями, занимаясь развлечениями, отвлекаясь от того, чтобы глубоко вникать во внутренний мир других людей и в накопленный предыдущими поколениями опыт. Способность к основательным размышлениям у них отсутствует, способность поддерживать отношения лицом к лицу в реальном мире тоже. Они сильно и нездоровым образом зависят от Интернета и мобильных устройств, необходимых им, чтобы хоть как-то функционировать. В целом изменения в поведении и мышлении у молодых людей

¹⁹ Степанов В.К. Манифест библиотек цифровой эпохи. – М., 2014. С. 3.

ведут к отрицательным результатам»²⁰. Правда, есть и более оптимистические суждения.

Для постиндустриальной цивилизации не менее опасно, чем нейропсихическая деградация молодежи, формирование в социальных сетях диких и агрессивных молодежных субкультур. Примером может служить *субкультура троллей*, получившая распространение в США, Западной Европе и Австралии. Познакомиться с американскими троллями можно по монографии Уитни Филлипс, недавно переведенной на русский язык²¹. Вот несколько абзацев из этой книги. Что подразумевается под троллем? «Тролль – это человек, который любит мешать глупым дискуссиям в Интернете. У троллей два главных правила: 1) ничего не принимать всерьез и 2) из всего можно сделать порно». «Чем привлекает троллинг? Радостью от того, что кого-то разозлил» (с. 12). Автор признает: «Троллинг может быть мерзким, отвратительным занятием. Собственно говоря, в этом и весь его смысл – дезорганизовать и вывести из душевного равновесия как можно больше людей, используя любые лингвистические или поведенческие средства, включая ненормативную лексику, постоянные упоминания секса и экскрементов и примеры шокирующего или же опасного поведения» (с. 13). «Троллинг воплощает именно те ценности, которые, как принято считать, сделали Америку величайшей и самой могущественной страной в мире, с особым упором на право на “жизнь, свободу и стремление к счастью” и, разумеется, на свободу слова» (с. 23). В результате своего исследования Уитни Филлипс приходит к выводу, с которым нельзя не согласиться: «Тролли могут быть бессердечными и злыми, они могут считать, что им все дозволено, они могут быть серьезной причиной того, почему у нас не может быть ничего хорошего в онлайн. Но неудобный факт состоит в том, что тролли повторяют поведение и установки, которые в других условиях активно одобряются. Тролли, безусловно, усиливают и утрируют уродливую сторону мейнстримного поведения, но они не свалились к нам с Луны. Они рождены и выкормлены миром мейнстрима – его нравами, его корпоративными институтами, его политическими структурами и лидерами» (с. 257).

Теперь, отталкиваясь от американского троллинга, обратимся к отечественному опыту *библиотечно-блогинга*, который воплощает не уродливое Зло, а напротив, интеллигентский альтруизм информационно-коммуникационной среды. Бескорыстная альтруистическая озабоченность библиотечных блогеров обусловила их переход с типичной для блогинга персональной формулы И у М на корпоративную формулу Г у М, где

²⁰ Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. – М.: АСТ, 2014. С. 178–179.

²¹ Филлипс У. Трололо: Нельзя просто так взять и выпустить книгу про троллинг. – М.: Альбина Пабlishер, 2016. 300 с.

Г – профессиональная библиотечная корпорация. Заслуживает особого внимания стремление к самоопределению и самоорганизации, которое выразилось в так называемых «неконференциях библиотечных блогеров», ежегодно созываемых активистами блогосферы в Свердловской областной универсальной научной библиотеке имени В.Г. Белинского.

Первым российским блогом на профессиональные библиотечные темы стал блог сотрудника научной библиотеки Уральского государственного университета Екатерины Александровны Ефимовой «мышь библиотечная», созданный в феврале 2007 г. С тех пор количество блогов, как персональных, так и блогов библиотек, стало расти. Пик роста активности библиотекарей по созданию и ведению блогов приходится на осень 2009 г., после проведения Е.А. Ефимовой онлайн-курса «Я учусь работать в блоге». Всё больше библиотек открывают для себя блог как инструмент для неформального общения с читателями и коллегами, продвижения своих услуг и ресурсов, а также информирования и обучения пользователей. По статистике, которую ведет Л.М. Брюхова на своем портале «Миры библиотек. Блог школьного библиотекаря о библиотеках, книгах, чтении и не только...», в середине 2016 года в России насчитывалось 692 библиотечных блога²². В настоящее время представительство библиотек в различных соцмедиа (социальные сети «Facebook», «ВКонтакте», «Одноклассники», «Google+» и др. медиахостинг YouTube, популярные блогплатформы – «Живой Журнал», Blogger, WordPress) уже стало распространенной практикой, дополняющей корпоративные библиотечные сайты и обеспечивающей public relations, обратную связь с читателями (вопросы – ответы, оценка деятельности), выполнение онлайн-услуг – бронирование и продление книг, виртуальная справка и т. д. Другими словами, глобальная Сеть предоставила библиотекам возможность создавать на разных площадках дополнительные виртуальные структурные подразделения, вносящие важный вклад в расширение связей с общественностью. Но главный полезный эффект библиотечного блогинга – изменение традиционного облика блогосферы, о котором можно судить по «неконференциям» в Екатеринбурге.

Первые «неконференции» состоялись в 2011 и 2012 годах в Свердловской областной библиотеке для детей и юношества по инициативе немногочисленных в то время библиотекарей-новаторов. Первопроходцев библиотечной блогосферы волновали не соблазны личного самоутверждения, а проблемы обновления библиотечного дела, такие как: 1) нужна ли концепция и единая политика, объединяющая все интернет-представительства библиотеки в единую систему, или это свободный творческий процесс, где любая регламентация и учёт выглядят неуместными; 2) кто работает в блогах и сетях – специальный библиотекарь, или эти обязанности распределя-

²² www.myblogluba.blogspot.com/2009/11/blog-post_9939.html.

ются между библиотекарями разных отделов; 3) как должны складываться в освещении событий отношения с администрацией – согласование действий или личностная позиция; 4) как усилить возможности самоорганизации блогеров для участия в совместных проектах; 5) существует ли особый сетевой этикет, из каких элементов он складывается? Поскольку движение библиотечного блогинга стремительно расширялось, переходя даже за национальные границы, эти проблемы до сих пор не получили единообразного разрешения.

Третья Всероссийская неконференция блогеров прошла в 2013 г. на базе Свердловской областной научной библиотеки им. В.Г. Белинского. Здесь приобрели актуальность следующие вопросы: 1) какова перспектива библиотечных блогов, когда библиотекари перебираются в социальные сети; 2) главные принципы деятельности в блоге и соцсетях – есть ли разница; 3) какие сервисы нужны для работы с коллегами, какие – для работы с читателями; 4) чем виртуальные сервисы помогают в работе и в чём их недостатки? Зарождение и развитие библиотечной блогосферы, достижения и нерешенные проблемы, драматургия первых неконференций талантливо и самокритично описаны в статьях одного из инициаторов и вдохновителей российского библиоблогинга – Марины Вячеславовны Ивашиной²³ и её единомышленников²⁴. Дело, начатое ими, успешно продолжили IV и V неконференции, сейчас ведется подготовка к намеченной на конец 2016 года VI неформальной конференции библиотечных блогеров. Вместе с тем остаются в силе слова Р. Уоррена, которые М.В. Ивашина процитировала в заключение одной из своих статей: «Ты должен сделать ДОБРО из ЗЛА, потому что его больше не из чего сделать»²⁵.

6.3.2. Мидикоммуникация. Библиотеки являются учреждениями мидикоммуникации, взаимодействующими с читательскими аудиториями по формулам: Г у М (массовая аудитория) или Г у Г (целевая социальная группа). Традиционное библиотечное обслуживание (работа с читателями) предполагает непосредственное субъект-субъектное общение библиотекаря и читателя по поводу удовлетворения читательских запросов библиотечными ресурсами. Информатизация социальной коммуникации и искусная

²³ Ивашина М.В. Библиотекарь на виртуальной кухне, или Для чего нужен блог // Современная библиотека. 2009. № 3. С. 38–44; Она же. Неконференция блогеров как новая образовательная среда и модель общественно-профессионального управления библиотекой // Медиатека и мир. 2013. С. 9–13.; Она же. Третья Всероссийская неконференция блогеров: расширение границ и поиск идентичности // Современная библиотека. 2014, № 1. С. 12–14.

²⁴ Серьезную помощь новичкам могут оказать издания РГБ: Фёдоров А.О. Библиотечная блогосфера (М.: Пашков дом, 2013. 87 с.) и Фёдоров А.О., Юрик И.В. Как продвигать библиотеку в Твиттер (М.: Пашков дом, 2013. 80 с.)

²⁵ Ивашина М.В. Третья Всероссийская неконференция блогеров: расширение границ и поиск идентичности // Современная библиотека. 2014, № 1. С. 14.

реклама глобальной сети Интернет убедили массовое и элитарное сознание, включая властные структуры, в том, что «библиотеки себя изжили, потому что есть Интернет и электронные книги». Ясно, что «изжившие себя библиотеки» – это социальное зло, зловредный балласт, от которого следует как можно скорее избавиться. Отсюда – идея электронных библиотек, основанных на интернет-технологиях, и уверенность, что Интернет – это социальное Добро, и социальный эвдемонизм (счастье) заключается в том, чтобы злые и уродливые реликты прошлого превратить в гостеприимные порталы Всемирной паутины. Решительным технократам наиболее привлекательным в качестве замены устаревшей библиосферы показался проект *Национальной электронной библиотеки*. В общих чертах история этого многообещающего проекта состоит в следующем.

Проектирование Национальной электронной библиотеки (НЭБ) было начато в 2004 году по инициативе Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки; несколько позже к ним присоединилась ГПНТБ России. В свете перспектив построения в нашей стране информационного общества инициатива наших национальных библиотек оказалась весьма актуальной. С 2012 году разработка НЭБ включена в федеральную целевую программу «Культура России (2012–2018 гг.)». Очень важно, что утвержденные в декабре 2014 г. Указом Президента РФ В.В. Путина «Основы государственной культурной политики» предусматривают «формирование единого российского электронного пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов, собранных в Национальную электронную библиотеку (НЭБ) и национальные электронные архивы по различным отраслям знания и сферам творческой деятельности» (раздел VI). Министерство культуры России приняло решение «преобразовать Национальную электронную библиотеку в единую организационную и аппаратно-программную платформу (государственную информационную систему), позволяющую гармонично интегрировать всю библиотечную сеть России в цифровую информационную инфраструктуру путем внедрения в практику её работы принципиально иных организационных и технических подходов»²⁶. Итак, речь идет о беспрецедентных, коренных и грандиозных преобразованиях – «гармоничной интеграции отечественной библиотечной сети в цифровую информационную инфраструктуру».

Согласно Концепции развития Национальной электронной библиотеки на 2014–2016 гг., целями проекта являются «обеспечение максимально возможного доступа граждан Российской Федерации к фонду НЭБ через единую точку доступа в сети Интернет; содействие формированию инфор-

²⁶ Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 г. / Минкультуры РФ. 2015. С. 169.

мационно-образовательной среды, благоприятной для развития личности путем предоставления доступа к достоверной и профессионально обработанной информации; координация усилий библиотек федерального, регионального, муниципального ведения, библиотек научных и образовательных учреждений по оцифровке библиотечных фондов; объединение распределенных фондов полнотекстовых электронных версий печатных изданий, электронных ресурсов, мультимедийных изданий на базе единого сводного каталога НЭБ и единых стандартов библиографических описаний» (с. 14). Короче говоря, благодаря НЭБ россияне, независимо от местожительства, получают дистанционный и полнотекстовый доступ ко всем хранящимся в оцифрованных фондах российских библиотек изданиям и научным работам, от книжных памятников истории и культуры до новейших авторских произведений (разумеется, в рамках, установленных авторским правом). Планируются ввод НЭБ в промышленную эксплуатацию и подключение до 100 региональных библиотек, а также архивов и музеев; создание единого электронного читательского билета и интеграция с электронным правительством.

Однако в безупречно, казалось бы, отлаженной технологии функционирования электронной библиотеки обнаруживается досадный пробел, компрометирующий её библиотечную сущность. Дело в том, что проектируемый феномен нацелен на предоставление комфортного библиотечного сервиса только после того, как клиент укажет имя автора или название «интересующего его издания». Вопрос о том, каким образом гражданин России *узнает* о книгах или журнальных статьях, с которыми ему желательно ознакомиться, не обсуждается. В то же время именно семантический библиографический поиск, руководствующийся принципом «каждой книге – её читателя и каждому читателю – его книгу» является главным камнем преткновения в библиотечно-библиографическом обслуживании. В условиях «информационного потопа» важно, чтобы библиотечно-библиографический сервис не ограничивался электронной доставкой документов удаленному пользователю, а защищал его от информационных перегрузок. Истинная, а не демонстрационная эффективность автоматизации библиотечно-библиографических процессов заключается не в повышении скорости реакции системы и даже не в снижении экономических затрат, а в повышении точности и полноты выдачи, то есть в уменьшении грандиозного информационного шума и не поддающихся определению потерь информации, которые предъявляют сейчас поисковые машины Интернета, ведущие поиск по ключевым словам запроса. Конечно, большим технологическим достижением является режим дистанционного полнотекстового чтения, но он не дает феномену НЭБ права именоваться «библиотекой». Почему?

Как ни парадоксально, но специально проектируемая Национальная электронная библиотека *библиотекой не является*, потому что она пред-

назначена не для ориентации читателей в мире книг, а для совершенствования *технологии* доставки затребованных изданий. Эффективность НЭБ оценивается количеством дистанционно обслуженных запросов, а не смысловым соответствием духовным потребностям читателя выданной ему литературы. С точки зрения теории информационных систем, феномен НЭБ – это *информационно-поисковая вычислительная сеть*, то есть взаимосвязанная совокупность территориально рассредоточенных систем обработки данных, средств связи и передачи данных, обеспечивающая пользователям дистанционный поиск информации, содержащейся в базах данных, разнесенных, как правило, на значительные расстояния. Получается, что НЭБ по сути своей является *технологической инновацией*, направленной на преобразование с помощью машиночитаемых информационно-коммуникационных технологий книжной коммуникации в коммуникацию электронную.

На пороге грядущей постиндустриальной цивилизации подобная коммуникационная трансформация естественна и необходима. Однако семантическую (смысловую) коммуникацию нельзя подменять оцифровыванием человекочитаемых текстов и дистанционной их трансляцией. Нет никаких оснований полагать, что технократический феномен НЭБ повысит качество библиотечно-библиографического обслуживания, свойственное субъект-субъектному взаимодействию «библиотекарь – читатель» в традиционной библиосфере. На механистические интернет-технологии возлагается решение семантических задач, выходящих за пределы возможностей информационно-вычислительных сетей. Интернет – большое эвдемоническое или утилитарно-прагматическое Добро, если он используется по своему назначению, но если проектируется обманчивый всероссийский иллюзион, Интернет становится носителем социального Зла.

6.3.3. Макрокоммуникация. С точки зрения историософии, явление Интернет – убедительный аргумент в пользу формирования *глобального информационного общества*. Во-первых, сеть транснациональна, она преодолевает государственные и национальные границы, способствуя диалогу и сближению народов; во-вторых, она содействует интеграции национальных и региональных экономических пространств в глобальную экономику; в-третьих, она способна сосуществовать с разными политическими режимами, культурными и языковыми различиями; в-четвертых, она обладает свойством мощного психологического воздействия на народные массы, благодаря мультимедийной, то есть аудио-видео-текстовой информации; в-пятых, Интернет пленяет своих сторонников не только многокрасочностью изображений, глобальностью связи, оперативностью доставки информации, но и свободой и демократичностью доступа к информационным ресурсам (пусть не всегда бесплатной). В то же время коммерциализован-

ный Интернет развивается в соответствии с экономическим законом, который звучит так: *информация – товар, коммуникация – область вложения капитала, информационная культура – способ управления массовыми аудиториями и удовлетворения их платежеспособного спроса*. Этот закон означает крах интеллигентской иллюзии, что миссией Интернета будет просвещение и одухотворение мудреющего человечества, а не служение корыстным интересам политиканов или олигархов и развращение беззащитных подростков-«интернетоманов».

В современном мире глобальная сеть Интернет, выходя на макрокоммуникационный уровень, влияет на процессы, происходящие в политике, экономике, образовании, культуре и науке. В условиях разворачивающихся информационных войн и массовых манипуляций социальным сознанием его влияние сказывается на изменении *этических устоев* информационно-коммуникационной среды, в которой обитает библиосфера. Во благо или во зло эти изменения? Председатель Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» Евгений Иванович Кузьмин, задавшись этим вопросом, ответил на него следующим образом²⁷:

1. Объемы создаваемой и циркулирующей электронной информации растут экспоненциально. При этом доля текстов, рассчитанных на чтение, составляет менее 0,1%, остальное – аудиовизуальная информация: фильмы, видеоклипы, музыка, изображения.

2. В «бумажную эпоху» авторами публично доступной литературы были, как правило, наиболее образованные, компетентные и сознающие свою ответственность люди, произведения которых тщательно выверялись другими квалифицированными людьми – рецензентами, редакторами, корректорами, наконец, цензорами. Сегодня в информационно-коммуникационной среде Интернета действует анонимно огромное количество неумных, необразованных, злонамеренных графоманов, засоряющих глобальную Сеть ложной, бесполезной и просто опасной информацией. Профессиональный контроль отсутствует как на этапе создания сообщений, так и на этапе предоставления доступа к ним.

3. Отсутствует этика самовыражения в Интернете. Раньше информацию трудно было найти, а сейчас от нее трудно спрятаться. В социальной коммуникации стирается понятие идеала и нормы и в поведении, и в содержании высказывания, и в языке – письменном и устном. Мы живем в избыточной и загрязненной информационной среде, и она воздействует на нас помимо нашей воли. Неизвестно, как сочетать свободу слова с информационной безопасностью, как не стать жертвой киберпреступлений.

²⁷ Кузьмин Е.И. Изменения информационной среды: какими они видятся через призму Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» // Интернет и социокультурные трансформации в информационном обществе: сб. материалов международной конференции. – М. : МЦБС, 2014. С. 33–39.

4. Открытость пространства глобальной Сети приводит к тому, что происходят процессы не только культурного обогащения, но и культурной экспансии. Инокультурные заимствования, будучи перенесенными в иную социокультурную среду без учета её особенностей, порождают нежелательные последствия. С этической точки зрения возникает вопрос о том, как различные национальные культуры могут процветать в условиях глобальной цифровой среды, избегая при этом изоляции или потери своей идентичности.

5. Как обеспечить неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных? Для того чтобы воспользоваться почти любым сервисом в среде Интернет, мы обязаны раскрывать свои личные данные сервис-провайдерам, при том что нам неизвестно, кто, как и в каких целях ими распорядится. Цифровые технологии позволяют фиксировать наше местонахождение, передвижения, круг общения и занятий, привычки, предпочтения, особенности поведения. Где в этом случае находится баланс права на безопасность и права на приватность?

6. В Интернете и в глобальных СМИ совершается огромное количество манипуляций массовым сознанием. Считается, что источников информации теперь намного больше, а чем больше информации, тем она разнообразнее, тем лучше для плюрализма и демократии. Но ведь сотни размножающихся каналов цифрового телевидения покупают информацию – и тексты, и картинки – у двух десятков семей, которые владеют почти всеми основными мировыми медиа. Поэтому все каналы «кормят» людей во всех странах одним и тем же контентом. Как в этом случае обеспечить право человека на доступ к достоверной информации об окружающей его действительности?

7. Должно ли в Интернете право на свободу самовыражения отдельного индивида ограничиваться правами коллектива, общества? Что выше: права человека или права общества? Западные либералы утверждают: права личности превыше всего. Восточные традиционалисты с этим не согласны. Запад решительно отвергает идею цензуры в Интернете, а восточные политики готовы с нею согласиться.

Информационно-этические вопросы, заданные Е.И. Кузьминым, давно обсуждаются в печати, однако исчерпывающих ответов на них мы не знаем. Известны только частные ситуации использования Интернета для управления массовыми аудиториями. Недавно была опубликована монография «Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети», автор которой сосредоточил внимание на вопросах, является ли Интернет проводником демократии, кто успешнее использует социальные сети – диктаторы или те, кто с ними борется.²⁸ Опровергая «киберутопии», что электронные техно-

²⁸ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. – М.: АСТ; CORPUS, 2014. 528 с.

логии способны сами по себе разрешать политические проблемы общества и инициировать «твиттер-революции», вдумчивый политолог показывает иллюзорность мнения, что киберпространство якобы свободно от государственного контроля, и показывает, что все цифровые сети, работающие по формуле Г у М, контролируются властью не только технически, но и юридически, и экономически.

Во всем мире вызывает интерес деятельность WikiLeaks – негосударственной австралийской компании, публикующей на своем сайте конфиденциальную или секретную информацию «этического, политического и исторического характера» с целью информировать мировую общественность о «сокрытых или подвергшихся цензуре случаях несправедливости». Так, в 2010 г. WikiLeaks опубликовала десятки тысяч документов о войне в Ираке и 400 000 документов о войне в Афганистане, которые администрация США оценила как угрозу для безопасности страны. Джулиан Ассанж, директор WikiLeaks, приобрел ореол героя-одиночки, альтруиста, восставшего против мирового Зла²⁹. Другим героем «вольного Интернета» стал Эдвард Сноуден, который в 2013 г. предал гласности сведения о методах «электронной слежки», практикуемых американскими спецслужбами, в том числе о нелегальной «прослушке» переговоров зарубежных лидеров. Благодаря Интернету, благородные правдолюбцы получили фантастическую возможность обращаться к всемирной массовой совокупности по формуле И у М.

Однако связывать свои надежды с Всемирной паутиной мы не можем, ибо Интернет – обоюдоострое оружие в межличностной, групповой, глобальной коммуникации. Этическая нацеленность этого оружия зависит от того, в чьих руках оно находится; Интернет может служить вызовом со стороны мирового Зла, а может явиться мудрым и добрым Благодетелем человечества.

²⁹ WikiLeaks: Избранные материалы / сост. В. Апанасик. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 274 с.; Домшайт-Берг Д. WikiLeaks изнутри. Как я работал на самый опасный в мире сайт. – М.: Астрель; CORPUS, 2011. 320 с.

ГЛАВА 7

**ВЫЗОВЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

В международной практике **вызовом** (challenge) именуют кризисные явления социально-культурного, экономического, экологического, политического характера, угрожающие существованию людей и требующие для их решения принятия комплекса мер на национальном или глобальном уровне. Великие перемены нашего времени, связанные со становлением информационного общества, порождают вызовы в социальной коммуникации вообще и в библиосфере в частности. Во вступлении и в других главах монографии были рассмотрены кризисные явления современной книжности и их объективные и субъективные причины. Наиболее серьезными вызовами наступающего информационного общества нам кажутся следующие явления:

- всемирно-историческая тенденция глобализации и консервативность этно-культурной идентичности нации;
- избыточный рост инфосферы и непредсказуемость научно-технического прогресса;
- кризис литературоцентризма;
- технократический приоритет государственной культурной политики.

Задача настоящей главы – осмыслить эти вызовы, для того чтобы определить социальную миссию библиосферы в культурном пространстве информационного общества.

7.1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ НАЦИИ

Глобализация понимается как «придание чему-либо глобальных масштабов, распространяющихся на весь земной шар»¹. Например, «глобальные атмосферные процессы», «глобальные проблемы», «глобальное загрязнение», «глобальный рынок», «глобальная катастрофа» и т. д. Французские ученые в близком значении используют термин *мондиализация* (от франц. mondial – мировой, всемирный). В различных научных дисциплинах истоки глобализации объясняются по-разному: историки считают её современным этапом капитализма; экономисты ведут отсчет от появления транснациональных финансовых рынков; экологи обращают внимание на экологический кризис; политологи отмечают распространение либеральных принципов; культурологи изучают феномен глобальной культуры и сопутствующие ему процессы глобализации культур и культурной глобализации. Некоторые остроумные обществоведы утверждают, что мир становится глобальным, если геогра-

¹ «Глобальный», синоним «всемирный», «всеобщий» означает «охватывающий весь земной шар», в переносном смысле «всесторонний», «универсальный», «грандиозный». (Толково-энциклопедический словарь. – СПб : Норинт, 2006. С. 437).

фически удаленные общества связаны друг с другом настолько тесно, что местные события определяются событиями, происходящими за многие мили от них, и наоборот.

Обобщая, можно сказать, что глобализация понимается как всемирно-исторический процесс становления постиндустриальной цивилизации, который характеризуется формированием всемирной рыночной экономики сетевого типа и всемирного финансового рынка, зависимостью национальных государств и их политических систем от коммерческой деятельности транснациональных корпораций, либерализацией торговли, унификацией образа жизни, вестернизацией культуры, интернационализацией средств массовой информации, превращением сети Интернет в общечеловеческий инструмент коммуникации. С фантастическими достижениями человеческого гения соседствуют средства самоуничтожения человечества – оружие массового поражения, техногенное разрушение биосферы, общее истощение жизненных ресурсов, перенаселение планеты, дегуманизация общественного сознания. Глобальная среда обитания человечества является предметом изучения комплексной научной дисциплины, получившей название *глобалистика* (global studies). Недавно появившаяся на русском языке «Энциклопедия глобалистики»² характеризует её содержание как тематически универсальное, всемирное по географическому охвату и грандиозное по масштабам.

7.1.1. Глобализация как предмет исследования связана с целым комплексом относительно самостоятельных философских, естественнонаучных, общественных, информационных дисциплин (некоторые из них узурпировали имя «глобалистика»), которые изучают деформации и угрозы планетарного масштаба. Познакомимся с некоторыми из них.

1. *Футурологическая глобалистика (геофилософия)* – «наука, изучающая наиболее общие закономерности развития человечества и модели управляемого, научно и духовно организованного мира в единстве и взаимодействии трех основных глобальных сфер человеческой деятельности – экологической, социальной и экономической – в реальных условиях Земли с конечными физическими размерами и ограниченными природными ресурсами в наступившую эпоху антропогенно перегруженной Земли»³. Традиционными предметами изучения футурологической глобалистики являются: перенаселение планеты и разумная демографическая политика; преодоление экологического кризиса; борьба с голодом, нищетой и болезнями; рациональное использование природных благ, освоение мирового океана и космического пространства в интересах всего мирового сообщества; сохранение мира, укрепление всеобщей безопасности и разоружение. В последнее десятилетие

² Глобалистика. Энциклопедия / Ред.-сост. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. 1328 с.

³ Федотов А.П. Глобалистика: Начала науки о современном мире: Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 219.

тие XX века статус глобальных проблем приобрели международный терроризм и торговля наркотиками⁴.

2. *Естественная глобалистика (геоэкология)*, родоначальником которой по праву считается академик *Владимир Иванович Вернадский* (1863–1945), исследует глобальные проблемы геосферы, биосферы, климатологии с точки зрения естественных наук. Наибольшую актуальность в этом направлении приобрели антропогенная деградация окружающей среды (опустынивание земли, загрязнение вод, разрушение атмосферы, изменение климата), обеспеченность человечества энергетическими, минерально-сырьевыми, водными, земельными и другими естественными ресурсами.

3. *Экономическая глобалистика (геоэкономика)* – учение о мировой экономике и международных экономических отношениях⁵. Предметами её исследования служат: мировая торговля, мировые валютные системы, финансовые рынки, международное разделение труда, реагирование на конъюнктуру глобальных рынков, передвижение рабочей силы и т. д. Глобализация в экономической науке определяется как «увеличение взаимосвязи и взаимозависимости экономических систем всех государств мира. В результате этого ослабляются позиции национального капитала, теряется контроль над экономикой со стороны национального государства. Отдельные отрасли (чаще всего в сфере сельскохозяйственного производства) могут серьезно пострадать, оказавшись неконкурентоспособными»⁶.

4. *Социально-демографическая глобалистика* берет начало с озабоченности *Томаса Роберта Мальтуса* (1766–1834) тем, что темпы роста народонаселения значительно превышают темпы увеличения их средств существования. Им был сформулирован «популяционный принцип», согласно которому рост человечества, следующий геометрической прогрессии, будет опережать линейно растущее производство пищи. Демографы подсчитали, что в 1825 году, когда Мальтус обнаружил свою теорию, на Земле жил один миллиард людей. К 1925 году население Земли удвоилось. В 1976 году население Земли оценивалось в 4 млрд. Налицо геометрическая прогрессия, предсказанная Мальтусом.

В 2015 году на планете насчитывалось более 7 млрд жителей. Современные демографические процессы, определяющие динамику народонаселения мира, всесторонне осмыслены С.П. Капицей и представлены в его монографии⁷. Автор пришел к заключению: «Поскольку человечество не может больше поддерживать ускорение роста, наступает фазовый переход и

⁴ Родионова И.А. Глобальные проблемы человечества. – М.: Аспект Пресс, 1995. 159 с.; Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству. – М.: Логос, 2002. 192 с.

⁵ Суэтин А.А. Мировая экономика. Международные экономические отношения. Глобалистика: учебник. – М.: КНОГУС, 2008. 320 с.

⁶ Большая экономическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2008. С. 135.

⁷ Капица С.П. Парадоксы роста: Законы глобального развития человечества. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 204 с.

рост прекращается. Так происходит коренная перестройка режима развития человечества и переход к постоянному населению мира – около 10 млрд» (с. 162). По прогнозам ООН, к 2050 году с лица Земли исчезнут 23 млн немцев, 16 млн итальянцев и 40 млн русских. За этот же срок население Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки увеличится на 4–5 млрд человек, и этот людской океан захлестнет европейские города. В середине XXI века коренные жители Старого Света превратятся в жалкое меньшинство. На Елисейских полях и на Пикадилли в 2050 году белые лица будут встречаться очень редко.

Что касается России, то С.П. Капица вынужден констатировать: «В настоящее время население России ежегодно уменьшается на 200 000 человек и по переписи 2010 г. уменьшилось на 1,4 млн человек до 142 млн по сравнению с переписью 2002 г.» (с. 155). Причины демографического кризиса он усматривает в отсутствии государственного подхода к управлению рождаемостью, распаде семьи, увеличении числа беспризорных детей, растущей безработице, которая сопровождается ростом алкоголизма и самоубийств, то есть не в естественных, а в социально-экономических факторах. С.П. Капица не касается этнической структуры российского населения и проблем миграции. Другие авторы бьют тревогу: «Через 200 лет нас вообще не будет. Вместе с нами исчезнет вся наша богатая культура. Все наши музеи, театр и балет, литература, музыка и кино будут неинтересны новому российскому населению. Наши достижения в развитии науки и технологий достанутся приезжим. Также к ним перейдут наши земли, за которые наши прадеды воевали и умирали в кровавых войнах на протяжении многих веков»⁸.

Количественная депопуляция сочетается с опасностью деградации генфонда человечества из-за прямого воздействия загрязненной среды (химические и радиоактивные воздействия) и появления новых видов болезнетворных микробов и вирусов. По медицинским данным, в современных городах осталось не более 5% полностью здоровых жителей и еще около 20% «практически здоровых», то есть с какими-то сравнительно незначительными изъянами. Остальные 70–75% страдают хроническими недугами, передаваемыми по наследству. В докладной записке академиков РАН говорится, что «состояние здоровья россиян, особенно детского и подросткового возраста, становится фактором, угрожающим безопасности страны». У академиков вызвало «острое беспокойство», что рождаются больными или заболевают более трети новорожденных (в 2010 – 35,5%, в 1990 – 14,8%)⁹. Библиотекарям поневоле приходится иметь дело с физически, а порой и пси-

⁸ Никитин С.В. Ударное вымирание. Секс, отношения и демографический кризис в России. – СПб: Питер, 2014. С. 13.

⁹ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / под ред. академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М.: РАН, 2013. 93 с.

хически ослабленными детьми, что требует дифференцированного подхода в их библиотечно-педагогической работе.

5. *Политическая глобалистика (геополитика)* понимается как «новая междисциплинарная отрасль знания в области международных отношений и мировой политики»¹⁰. После распада мировой социалистической системы западные страны взяли на вооружение политику *неолиберализма* (неограниченная свобода предпринимательства и торговли), которая соответствует интересам транснациональных корпораций (ТНК). Неолиберализм сочетается с политической доктриной *неоглобализма*, распространившей «зону жизненных интересов США» на весь мир, в первую очередь, на «страны Третьего мира». В результате в конце XX столетия начал утверждаться «новый мировой порядок», который характеризуется ростом неравенства между богатыми странами «золотого миллиарда» и остальным человечеством во всех областях международной жизни.

Экономический суверенитет национальных государств утратил свое значение, ибо они не в силах контролировать обменные курсы валют и защищать собственные валюты, а вынуждены подчиняться решениям глобальных институтов. Могущественные ТНК стали диктовать правительствам развивающихся стран политику открытых дверей для иностранного капитала в соответствии с либеральными принципами *laissez faire* (свобода производства) и *laissez passer* (свобода обмена товарами, технологиями, мигрантами, знаниями). Идея мирового государства на планетарном уровне не оправдалась, так же как иллюзорными оказались представления о независимом государстве-нации, демократически управляющем своей судьбой. Хотя право голоса у граждан сохраняется, но их возможности влиять на внутреннюю и внешнюю политику своей страны минимальны, что, естественно, подрывает доверие к демократическим институтам. Правда, речь об отмирании национальных государств не идет, так как в условиях глобализации они нужны не столько для сохранения национальной культуры, сколько в качестве организатора социального порядка на своей территории и блюстителя интересов ТНК. Однако им, как говорят остроумные политологи, «уготована на мировой арене судьба актера, занятого в эпизодических ролях».

Зато возрастает роль Организации Объединенных Наций и многочисленных неправительственных организаций, которые способствуют консолидации мирового сообщества. ООН, выполняя свою гуманистическую и демократическую миссию, пытается сформировать «транснациональное гражданское общество», а неправительственные организации, такие как Всемирная метеорологическая организация, Всемирная организация здравоохранения, Всемирный почтовый союз, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Международный союз электросвязи, Международная

¹⁰ Дергачев В.А. Глобалистика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 303 с.

федерация библиотечных ассоциаций, ЮНЕСКО, ЮНИДО и др., заполняют пробелы, которые национальные государства заполнить не в состоянии. В результате в эпоху глобализации под эгидой ООН складывается *полицентричный мир*, включающий в себя около двухсот могущественных ТНК, несколько десятков всемирных неправительственных организаций и национальные государства с различным уровнем развития. Необходимым условием существования глобального полицентричного мира является хорошо развитая, надежная и оперативная информационно-коммуникационная сеть.

6. *Культурологическая глобалистика* – наш неологизм; обычно культурологи рассматривают глобализацию культуры и феномен глобальной культуры в качестве одного из разделов теории культуры (теоретической культурологии)¹¹. В индустриальном обществе XX столетия сосуществовали три рода культуры: а) традиционная фольклорно-мифологическая культура, базирующаяся на национальном языке и устной коммуникации; б) коммерциализованная массовая культура (беллетристика, пресса, кино, радиовещание, телевидение, Интернет); в) элитарная культура, хранящая и развивающая классическое наследие науки, философии, права, литературы, музыки, изобразительного искусства. Задача культурологической глобалистики заключается в том, чтобы оценить воздействие глобализации на различные рода культуры.

7. *Христианская глобалистика* представляет собой вклад мировых (стало быть, глобальных!) религий в лице католической и православной церкви в понимание и разрешение глобальных проблем¹². Католики разработали «теологию глобальных проблем» (католическую глобалистику), а православные богословы – «православную мирологию» и «экологическую этику». Главной причиной глобальных проблем церковные иерархи объявляют «греховность человека перед Богом», «нарушение божественных заповедей», отход от «изначально заданного религиозно-нравственного отношения человека к природе», искажение «принципов христианского аскетизма» и др. Для преодоления кризисных явлений верующих призывают к молитве и «к покаянию в грехе». Главный путь разрешения всех глобальных проблем современности видится в восстановлении господства религиозной этики, в религиозно-нравственном совершенствовании личности, в повсеместном распространении христианских ценностей.

7.1.2. Противоречия глобализации проявляются в важнейших областях обитания человеческого сообщества: в экономике, в политике и в культуре. Их причина заключается в столкновении двух противоположно направленных тенденций: всемирной интеграции и национальной дифференциации. С одной стороны, привлекательно альтруистическое сотрудничество во бла-

¹¹ Островская Е.А. Глобализация культуры // Теория культуры: учебное пособие / под ред. С.Н. Иконниковой и В.П. Большакова. – СПб: Питер, 2008. С. 546–565.

¹² Религия: Энциклопедия / сост. и общая ред. А.А. Грицианов, Г.В. Синило. – Мн.: Книжный дом, 2007. 960 с.

го всего человечества, с другой стороны, корыстный эгоизм и местнические расчеты провоцируют недоверие и конфликты между людьми. Главный довод в пользу общечеловеческого единства и основанного на нем гармоничного и системно управляемого мира состоит в том, что оно является *безальтернативной необходимостью* для выживания человечества как вида и Земли как планеты.

Мировая экономика управляется в соответствии с так называемым *Вашингтонским консенсусом*, принятым западными странами в 1992 году. Этот консенсус проводится в жизнь Всемирным банком, Международным валютным фондом, Всемирной торговой организацией, Международным банком реконструкции и развития. Согласно правилам Вашингтонского консенсуса, для вхождения той или иной страны в глобальную экономическую систему её государственная власть должна обеспечить либерализацию торговой и финансовой политики, открыть свои рынки для иностранных инвесторов, содействовать приватизации и сокращать государственный сектор, свертывать правовую базу, защищающую интересы наемных работников. Либеральная глобализация рынка труда накладывает ограничения на рост заработной платы, и рабочие вынуждены подчиняться требованиям работодателей. В результате соблюдения перечисленных правил национальные экономики должны слиться в единую глобальную экономику, подлинными хозяевами которой станут транснациональные корпорации и всемирные финансовые организации.

Многолетний опыт показал, что экономическая глобализация – противоречивый процесс, сочетающий острую конкуренцию с элементами сотрудничества (образование многонациональных производственных сетей, предполагающих специализацию и технологическую кооперацию фирм). Почти 80% американского ВВП обеспечивает третичный сектор – сектор услуг. Львиную долю составляют информационные услуги, что является одним из главных доводов в пользу того, что в США фактически реализовано информационное общество. Какие услуги считаются информационными? Вот перечень наиболее доходных услуг: юридические, страховые, кредитные, комиссионные, рекламные, трансфертные, аудиторские, консалтинговые. В конечном счете, главным источником национального богатства США становится не производство материальных или духовных ценностей, а торговля деньгами – финансовое посредничество и биржевые спекуляции в мировом масштабе.

Глобальной экономической проблемой являются диспропорции в мировой экономике, когда совокупное богатство 225 богатейших людей планеты равно ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих более 40% человечества. Экономически абсурдна ситуация, когда общее состояние трех богатейших миллиардеров превышает совокупный валовой внутренний продукт 48 беднейших стран. Либеральные футурологи не видят способа уменьшить пропасть между богатыми и бедными и почти единодушно предска-

вают, что в наступившем столетии она будет только увеличиваться. Поэтому не кажется вздорным афоризм, что «экономическая глобализация – финансовое насилие в планетарном масштабе».

Либеральный рынок, как известно, чужд справедливости и гуманности. Поэтому результатами глобализации становится обнищание населения и обогащение капиталистических корпораций. Возрастает социальная напряженность, население не доверяет продажным и бездарным властям, ТНК повсеместно встречают ненависть эксплуатируемого и бесправного народа. Выражением народного сопротивления идеологии глобализации является движение антиглобалистов. *Антиглобализм* – международное политическое движение, направленное против гегемонии ТНК и глобальных торгово-промышленных организаций в мировой экономике и политике. Массовые акции протеста прошли во Франции, США, Германии, Канаде и других странах. Социальный состав антиглобалистов очень пестрый: от марксистов, анархистов, пацифистов до националистов, профсоюзных деятелей, борцов за права человека, безработных и хиппующих студентов.

Основной тезис антиглобалистов: нынешняя идеология глобализации осуществляется в интересах мирового капитала и влечет за собой растущий разрыв в доходах, уровне потребления, здоровья, образования в странах «золотого миллиарда» и в странах «третьего мира», потребительское и хищническое отношение к природе, превращение развивающихся стран в сырьевые придатки западных корпораций, подавление народного творчества, унификацию образа жизни, доминирование коммерческой поп-культуры. Антиглобалисты не без основания заявляют, что глобализация ведет к нарушению прав человека, ущемлению национальных интересов и подрыву государственного суверенитета. Распространение западных (американских) ценностей и образа жизни угрожает этнокультурной идентичности большинства населения планеты.

Движение антиглобалистов некоторые западные мыслители считают не отдельным эпизодом, а свидетельством системного кризиса глобальной капиталистической системы. Философствующий миллиардер-филантроп *Джордж Сорос* (род. 1930) встревожился и написал книгу «Кризис мирового капитализма», где утверждает, что «социальные ценности претерпевают то, что можно было бы назвать процессом нежелательного естественного отбора. Беспринципные люди оказываются в выигрыше. Таков один из наиболее тревожных аспектов мировой капиталистической системы»¹³. Дело в том, что капитализм на протяжении всей своей истории черпал ресурсы и дешевую рабочую силу в колониях и странах третьего мира. Теперь этот источник иссякает, и для разрешения глобальных проблем, угрожающих человечеству,

¹³ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности. – М., 1999. С. 218.

нужно ограничить накопление капитала, что означает крах неолиберальной политики глобализма.

Соглашаясь с позицией антиглобалистов в этическом, политическом, культурном отношении, нельзя не признать, что их движение представляет собой не прогрессивную, а консервативную силу. Главная слабость их идеологии заключается в иллюзии, что деглобализация позволит вернуться в «добрый старый мир» самобытных этнических культур, которые будут снова счастливо жить по традициям отцов и дедов, а не по указке развратного запада. К сожалению, ренессанс идеализируемого прошлого невозможен. На смену глобализированному миру придет не патриархальное варварство, а новая стадия глобализации, использующая еще более мощные средства господства элиты над природой и человечеством. В перспективе, полагают ученые, нас ожидает не возврат к средневековой идиллии, а ноосферная стадия. В столкновении беспощадного прогресса и тоски о прошлом состоит духовное противоречие процесса глобализации в XXI веке.

Глобализация, конечно, воздействует на библиосферу. Как воздействует? Мы не знаем, потому что в библиотековедении никогда не затрагивались глобальные проблемы. Нарушим заговор молчания. Считается, что к разряду глобальных относятся проблемы, отвечающие следующим условиям:

- охват интересов всего человечества в его настоящем и будущем;
- всемирный характер, отношение к природе человека и общества;
- способность историко-эволюционного влияния на уровне фактора общественного бытия и развития;
- масштабный риск, высочайшая степень угрозы в случае неразрешенности;
- принципиальная неразрешимость в локальных или региональных рамках с помощью местных ресурсов, частных инструментов и механизмов¹⁴.

Перечисленным условиям соответствуют такие глобальные проблемы, как: риск экологической катастрофы, демографическая проблема, угроза терроризма, продовольственный кризис и голод и др. Можно ли признать дисфункцию чтения, спад книгоиздания, свертывание библиотечных сетей, о которых говорилось во вступлении, угрозами всемирного масштаба, затрагивающими интересы всего человечества и влияющими на историко-эволюционное развитие человечества? Если да, то тогда *кризис библиосферы следует считать глобальной проблемой*, столь же неотвратимой, как экологический кризис. Мы считаем, что идущее повсеместно разрушение книжности представляет собой глобальную социально-культурную проблему, требующую всеобщего внимания. Библиосфера – это исторически сложившееся генети-

¹⁴ Безгоднов А.В. Планетарный проект: от устойчивого развития к управляемой гармонии. – СПб: Питер, 2016. С. 22–23.

ческое ядро российской цивилизации, а кризис российской библиосферы – это угроза национальной безопасности России.

7.1.3. Мозаика российской идентичности выражает *истинную сущность России*, то есть отвечает на вопрос «Что такое Россия в сущности?». Идентичность – типичная межнаучная проблема, которая активно обсуждается в социологии, культурологии, психологии, педагогике, этнологии, социальной и культурной антропологии, политологии, искусствознании и неофрейдизме. Дискутируются идентичности разного рода – цивилизационная, национальная, региональная, культурная, политическая, этническая, профессиональная, корпоративная, гражданская, религиозная, возрастная, коллективная, персональная (индивидуальная) и др. Российская идентичность – трактуется как одна из разновидностей национальной идентичности или цивилизационной идентичности. Так, С.В. Картунов в монографии «Национальная идентичность. Постигание смысла»¹⁵ российскую идентичность рассматривает в ряду национальных идентичностей, а авторский коллектив еще более солидного монографического исследования¹⁶ включил российскую идентичность в контекст цивилизационных идентичностей. Мозаика современной российской идентичности многомерна и имеет следующие *измерения*: национальная идентичность, территориальная идентичность, религиозная идентичность, политическая идентичность и, наконец, социально-культурная идентичность. Охарактеризуем эти измерения.

Национальная идентичность номинально означает принадлежность данного субъекта определенной нации в ту или иную эпоху её цивилизационного развития. Реально национальная идентичность определяется осознанием субъекта себя в качестве представителя (патриота) своей нации, носителя её самобытной культуры в сочетании с определенной этнической и цивилизационной принадлежностью. Утрата субъектом национального самосознания трактуется как кризис идентичности. Кризис национальной российской идентичности обсуждается в работах многих современных культурологов, социологов, политиков. Российская Федерация как суверенное государство оказалась перед проблемой: является ли она правопреемницей и законной наследницей СССР или Российской империи? Или же она совершенно новое политическое образование? То ли нынешняя Россия – это многонациональное государство, «Советский Союз без коммунистической идеологии»; то ли Россия – это государство русских, а имперское и советское прошлое – равно трагические страницы истории, которые нужно закрыть. Спор по этому поводу продолжается до сих пор. Главным вызовом национальной идентичности россиян сегодня следует назвать вопрос о праве выходцев из республик

¹⁵ Картунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. – М.: Аспект Пресс, 2009. 589 с.

¹⁶ Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1023 с.

Северного Кавказа свободно переселяться в крупные мегаполисы и исконно русские области. Процесс внутренней миграции вызывает сильнейшее напряжение и ведет к усилению националистических настроений, включая самые экстремистские.

Территориальный аспект российской идентичности болезненно переживается русскими людьми. Распад СССР нанес тяжелейшую травму российскому самосознанию, которую несколько облегчило воссоединение с Крымом. Абсолютное большинство россиян считает сохранение территориальной целостности и единства России важнейшим элементом российской идентичности.

Религиозная идентичность не имеет критического значения. Хотя более 80% россиян называют себя православными и имеют «Бога в душе», а Русская православная церковь (РПЦ) получила полугосударственный статус, престиж церкви в обществе в течение последних двух лет пошатнулся. Либеральный атеизм постепенно возвращается на сцену. Особенно опасна для РПЦ миссионерская активность протестантизма и распространение ислама. Причем, конфессиональный энтузиазм новообращенных протестантов и мусульман значительно превосходит религиозную идентичность прихожан РПЦ. Падение авторитета Церкви обусловлено также её неспособностью помочь моральному возрождению российского общества, в котором сегодня царят дегуманизация и аморальность.

Политическая идентичность связана с международным статусом страны. Распад СССР заставил советских граждан почувствовать неполноценным, неправильным сообществом, долгое время шедшим «не туда» и только теперь возвращающимся во всемирную семью «правильных» народов. Однако комплекс неполноценности – тяжелое бремя, и большинство россиян приветствует независимую политику Президента Путина, не ожидая из-за рубежа ни помощи, ни советов. *Политический идеал* современных россиян выглядит так. Россия – независимое и влиятельное, авторитетное в мире государство, экономически высокоразвитая держава с достойным уровнем жизни, конкурентоспособной наукой и промышленностью, где русский народ играет особую, центральную роль, но уважаются и защищаются права людей всех национальностей. Это страна с сильной центральной властью, возглавляемая президентом с широкими полномочиями, где торжествует закон, и все перед ним равны. В этом идеале отсутствуют, однако, такие демократические атрибуты, как сменяемость власти на альтернативной основе; оппозиция как необходимый элемент политической системы; разделение властей, конкуренция политических партий, незыблемость прав меньшинств, свобод и прав человека.

Политическую идентичность дополняет *социально-культурная идентичность*, основанная на владении смыслами российской массовой культуры (язык, стереотипы поведения, картины мира, ценности) и наличии паспорта

гражданина России. Этому измерению идентичности Институт социологии РАН посвятил серию всероссийских опросов, проведенных в 1998, 2004, 2007 гг.¹⁷. Исследования показали материально-имущественную дифференциацию населения страны. Доля относительно благополучных россиян с 1998 г. устойчиво составляет 28%, а уровень жизни 60% населения характеризуется параметрами: «за чертой бедности», «у черты бедности», «малообеспеченность». Доминирующей оценкой других аспектов образа жизни (состояние здоровья, семейные отношения, общение с друзьями, самореализация в профессии) является «удовлетворительно». Обратило на себя внимание наличие довольно значительной доли опрошенных, особенно среди молодежи, негативно оценивающей возможность получения образования и знаний (в целом по массиву 24% оценок «плохо»). Исследователи констатировали, что основная часть трудоспособного населения страны живет в раннеиндустриальную эпоху со всеми вытекающими отсюда последствиями для их мировоззрения.

Социологи отметили разделение граждан по ценностным ориентациям на две категории: *модернистов-реформаторов*, в сознании которых доминируют либерально-демократические идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, и *патерналистски настроенные массы*. В течение последних трех лет исследования доля модернистов несколько сократилась (с 26% до 20%), доля традиционалистов возросла (с 41% до 47%), а распространенность промежуточного сознания осталась практически в прежних границах (33%). Самое главное отличие связано с принципиально различным отношением традиционалистов и модернистов к всевластию государства и свободе личности. Если для модернистов важна индивидуальная свобода, а западная модель с характерными для нее ценностями представляется им в целом вполне подходящей для России, то традиционалисты предпочитают модель всевластия государства, выражающего интересы общества в целом и обеспечивающего безопасность как каждого отдельного гражданина, так и общества.

Русский радикальный национализм остается уделом меньшинства, а доля его носителей в течение всего последнего десятилетия стабилизировалась на отметке в 11%–15%. Отличительной чертой россиян остается стереотип, отражающий давние традиционные представления людей русской национальности о самих себе и о своих отличиях от других национальностей. В рамках этого стереотипа русские предстают народом с высокими духовными качествами, однако с явным недостатком качеств деловых. Главным фактором, сдерживающим развитие доброжелательных и конструктивных отношений между Россией и странами Евросоюза, россияне считают стремление евро-

¹⁷ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад / Институт социологии РАН. – М., 2007. 140 с.

пейцев навязывать другим свое понимание демократии, расширение НАТО на Восток, а также попытки Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом.

Идеологической основой политического и социально-культурного изменения российской идентичности является идеологема «русской идеи», имеющая глубокие исторические корни в национальном сознании. На основании исследований Института социологии был сделан вывод о подобии структуры постсоветской российской идентичности в начале XXI века и структуры российской идентичности в середине XIX века, во времена дискуссий западников, выступавших в роли модернистов-реформаторов, и славянофилов, игравших роль государственников-патерналистов. В обоих случаях звучат очень схожие аргументы и сталкиваются одни и те же эмоции. Но есть существенная разница. Славянофилы и западники воплощали элитарную дворянскую культуру, а генеральная выборка российского общества, опрошенная современными социологами, воплощает массовую культуру индустриальной цивилизации. Тем не менее факт идейной переключки через полтора столетия свидетельствует о стабильности «русской идеи» в национальном менталитете россиян.

7.1.4. Русская идея. Российская библиосфера органически связана с национальными идеологемами, поскольку она является хранилищем книжности, где на русском языке выражена российская идентичность. Именно в книжных фондах представлена многовековая эволюция *русской идеи*. В XV веке зародилась православно-миссианская догма «Москва – Третий Рим», в XVIII веке была провозглашена имперская доктрина «Россия – европейская держава», в первой половине XIX века славянофилы выдвинули этническую, а не державную русскую идею. Вторая половина позапрошлого века ознаменована историософской концепцией Н.Я. Данилевского и пророчеством Ф.М. Достоевского, что «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное»¹⁸.

Термин «русская идея» ввел в научный оборот В.С. Соловьев, который назвал этим словом брошюру, изданную им в 1888 году в Париже. Наш философ исходил из того, что человечество представляет собой не сумму случайно собранных народов, а целенаправленно созданную совокупность, каждому элементу которой Бог назначил выполнять определенную миссию. Отсюда знаменитое определение: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»¹⁹. В последующих работах В.С. Соловьев разъяснил: «Народность и национализм – две вещи разные (так же, как личность и эгоизм), усиление и развитие народно-

¹⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. – М., 1984. Т. 26. С. 147.

¹⁹ Соловьев В.С. Русская идея // Соч. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1989. С. 220.

сти (так же, как и личности) в её положительном содержании всегда желательна, тогда как усиление и развитие национализма (равно как и личного эгоизма) всегда вредно и пагубно; отречение от своего национального эгоизма вовсе не есть отрицание своей народности, а, напротив, её высочайшее утверждение»²⁰. Нельзя не согласиться с этими мудрыми словами!

После Соловьева русские философы Серебряного века добросовестно старались разгадать замысел Всевышнего о России, предлагая различные версии русской идеи. В 1915 году, в разгар Первой мировой войны Н.А.Бердяев опубликовал брошюру «Душа России», в которой толковал о России как связующем звене между Западом и Востоком. Г.П. Федотов в книге «Лицо России» говорил о необходимости «сочетать национальное с общечеловеческим» и прямо заявлял, что судьба России «есть дело всемирной культуры»²¹. Свой вклад в фонд русской идеи внесли С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, Г.В. Флоровский, И.А. Ильин, евразийцы и многие другие мыслители. Историк отечественной философии А.В. Гулыга в конце XX века следующим образом сформулировал суть идеи: «Русская идея – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении. Она родилась в России, но опиралась на западную, прежде всего немецкую философскую культуру»²².

Знакомство с обширным собранием интерпретаций русской идеи показывает, что их можно смело отождествить с интерпретациями русской идентичности, ибо все они представляют собой «определение творческой роли и самобытного места России, её народа в мировой цивилизации»²³. Нельзя не обратить внимание на то, что русская идея чужда национальной ограниченности и замкнутости. Историческая миссия России видится не в благополучном процветании русского этноса, а в служении «общему делу» (Н.Ф. Федоров), всеединству, соборности, вселенской всечеловечности. Здесь российская идентичность соприкасается с всемирной, общечеловеческой идентичностью. В 90-е годы XX столетия, когда Россия вновь оказалась на историческом распутье, российские идеологи снова заговорили о национальной идее, и осмысление русской идеи опять стало актуальным и популярным занятием. Однако, в отличие от Серебряного века, когда русская идея мыслилась во вселенском контексте, в наши дни можно констатировать раздвоение российской идентичности на два направления: А) глобально-всеобщее (глобальное информационное общество); Б) национально-своеобразное (особый путь). В соответствии с этими двумя направлениями вырисовы-

²⁰ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соч. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. С. 592.

²¹ Федотов Г.П. Лицо России. – Париж, 1967. С. 7.

²² Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. – М.: Соратник, 1995. С. 25.

²³ Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2005. С. 463.

ваются две стратегии библиотечной политики: информационно-сервисная и активно-рекомендательная.

Согласно первой стратегии, библиотеки, извечные хранилища русской идеи, должны ограничиваться ролью сервисного центра, предоставляющего услуги по доступу к источникам информации в соответствии с запросами пользователей. Вторая стратегия исходит из убеждения, что библиотекам следует осознать себя не только в качестве хранителей российской идентичности, выполняющих функции обслуживания населения, но и в качестве *идеологического центра*, выполняющего гуманистическую миссию распространения и пропаганды русской идеи. Дело в том, что знание «творческой роли и самобытного места России, её народа в мировой цивилизации» должно стать убеждением каждого гражданина нашей страны, войти в структуру его личностного самоопределения, то есть личной (персональной) идентификации. Эту мировоззренческую миссию могут выполнить в нашем обществе только два социальных института: общеобразовательная школа и библиотечная система. Как это возможно?

7.1.5. Идентичности библиотек разного типа. Российская идентичность, представляющая собой истинную сущность России, воплощена в живом индивидуальном сознании современников и в фондах библиотек разного типа. Индивидуальное сознание характеризуют следующие виды идентичности: а) *национальная и региональная идентичность* – приобщенность к элитарной национальной (региональной, краевой) культуре; б) *этническая* – отождествление себя с определенным народом (этносом) на основе родства по крови, что формируется в ходе первичной социализации индивида; в) *социально-культурная* – владение нормами современной массовой культуры; г) *профессиональная* (корпоративная) идентичность, обусловленная родом профессиональных занятий и владением определенным набором знаний, умений, навыков, приобретенных в результате вторичной социализации личности. Каждому виду идентичности соответствует тип библиотек и библиотечные сотрудники соответствующего профиля (см. таблицу 7.1).

Таблица 7.1

Виды идентичности и типы библиотек

Виды идентичности	Типы библиотек	Профили сотрудников
Национальная и региональная идентичность	Региональные универсальные научные библиотеки	Библиотекарь-культуролог
Этническая идентичность (первичная социализация)	Школьные и детские библиотеки	Педагог-библиотекарь

Социально-культурная массовая идентичность	Публичные общедоступные библиотеки	Социально-культурный работник
Профессиональная (корпоративная) идентичность	Научные, деловые, вузовские, технические, медицинские, и прочие спец. библиотеки	Технолог информационных ресурсов

Поясним содержание таблицы. Российские федеральные библиотеки (РГБ и РНБ, прежде всего) являются хранилищами максимально полного репертуара отечественных изданий, научно-методологическим центром книжной культуры и организационным центром библиотечной системы, чем определяется их статус носителя национальной идентичности и культурного символа нации. Аналогично региональные библиотеки, осуществляя краеведческие функции, обретают статус выразителя идентичности своего региона. Национальная и региональная идентичность, к числу которых относится российская идентичность, воплощена в сознании субъекта в качестве носителя российской культуры, в сочетании с определенной этнической и цивилизационной принадлежностью. Ясно, что первоначально складывается самосознание нации (региона), которое затем более-менее адекватно выражается в соответствующих библиотечных учреждениях. Сотрудникам библиотек этого типа к лицу профессиональный профиль «библиотекарь-культуролог», которую можно отнести к профессиям типа «человек – знаковая система».

Школьные и детские библиотеки участвуют в первичной социализации подрастающего поколения. Педагогическая сущность руководства чтением особенно отчетливо проявляется в деятельности этих библиотек, целью которых является библиотечно-педагогическое обеспечение основных общеобразовательных программ образовательных организаций (организаций, осуществляющих обучение); воспитание гуманистической креативной личности учащихся средствами книги и чтения; формирование научной картины мира и информационной культуры учащихся и педагогов. Именно в школьные годы происходит формирование самосознания личности и этнической идентичности молодого человека. Сотрудники школьных и детских библиотек должны взять на себя педагогическую функцию руководителя чтением учащихся и соответствовать профессиональному профилю «педагог-библиотекарь».

Публичные общедоступные библиотеки в качестве центров массовой коммуникации ориентированы на социально-культурную идентичность (уровень массовой культуры), которая является для граждан России бесплатной точкой доступа к мировым Интернет-сетям и национальным электронным библиотекам, а также к литературным фондам – произведениям печати. Подготовка кадров для такой библиотечно-информационной деятельности

обладает определенной спецификой, поскольку она относится к профессиям типа «человек – человек».

Круг специальных библиотек, обеспечивающих профессиональную идентичность сотрудников научных, технических, образовательных, производственных учреждений, бизнес-центров и других участников социальных коммуникаций, весьма широк и разнообразен. Здесь нужны отраслевые знания в сочетании с владением библиотечно-информационными технологиями. «Технолог информационных ресурсов» – специалист особого профиля в библиотечно-информационном образовании.

7.2. РОСТ ИНФОСФЕРЫ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Информационно-коммуникационное пространство постсоветской России расширяется благодаря динамичному развитию библиосферы, инфосферы и взаимодействию этих сфер. Однако информационный кризис, обеспокоивший мир в середине XX столетия, сегодня, накануне наступления информационного общества, не утратил актуальности. По-прежнему человек не по силам освоить адресованные ему потоки новейшей информации (кризис текущего информирования). По-прежнему мы «не знаем, что мы знаем», поскольку не располагаем надежными средствами информационного поиска.

7.2.1. Информационная перегрузка, по авторитетному мнению Я.Л. Шрайберга, – понятие, которое «наиболее точно определяет один из главных глобальных информационных трендов сегодня; перегрузка – это уже, к сожалению, стационарное состояние сегодняшнего информационного пространства, состояние, в котором мы живем и безуспешно стараемся эту перегрузку разгрузить. Состояние информационных перегрузок тесно связано с проблемой деформации нашего мозга и может привести даже к интеллектуальному «инсульту» – состоянию отупления от переизбытка информации и знаний»²⁴. Опираясь на мировой опыт, Яков Леонидович отмечает, что современные технологии приема/передачи, обработки и сохранения информации развиваются с «космической скоростью», но все равно не успевают за «лавинообразными нарастающими информационными потоками», и поэтому возникает угроза «информационного коллапса», когда существующие технологии не в состоянии передать нарастающие объемы трафика.

Вывод о перманентном кризисе инфосферы Я.Л. Шрайберг подтверждает шокирующими количественными данными, например: «объем цифрового контента, созданного в 2011 г., в несколько миллионов (!) превысил об-

²⁴ Шрайберг Я.Л. Время перемен: глобальные информационные тренды и перспективы (Ежегодный доклад Второго Международного профессионального форума «Крым-2016») // Науч. и техн. б-ки. 2016. № 9. С. 10.

щий объем книг, написанных за всю историю человечества», «за последние 10 лет интернет-трафик вырос на 13 тысяч процентов, а цифровая информация, созданная в 2008–2011 гг., превышает объем информации за весь период существования документов в печатных и рукописных формах»²⁵. Убедительно, хотя и безрадостно, звучит итоговое утверждение автора: «Большинство экспертов сходится во мнении, что размер “цифровой Вселенной” (термин ИФЛА) будет увеличиваться каждые два года со всеми вытекающими отсюда техническими, социальными, правовыми и экономическими проблемами» (с. 39). Правда, гуманный Генеральный директор ГПНТБ России не забыл добавить: «Тот, кто умеет правильно собирать и использовать нужную информацию, всегда будет на гребне успеха» (там же).

Он рекомендует: «Хотелось бы разобраться с электронной информацией, однако это становится уже маловероятным, если только не помогут системы искусственного интеллекта, роботы, суперскоростные магистрали передачи информации, суперъёмкие средства хранения информации. Но главное – человеческий фактор, и это, прежде всего, такие составляющие человеческого фактора, как системность, логика, регламент, дисциплина и ряд других, соблюдая которые, можно избежать информационного коллапса» (с. 12). Следовательно, кризис информационной сферы можно разрешить только при помощи информационной инфраструктуры, разумно управляемой высококвалифицированным «человеческим фактором». Наверно, это единственно правильное решение. Как его реализовать?

7.2.2. Интеллектуализация вычислительной техники. В 70-е и 80-е годы в области искусственного интеллекта был застой, так как наличные вычислительные средства позволяли моделировать реакции мозга насекомых, но никак не высших животных. Однако в 90-е годы мощность аппаратных средств существенно возросла, и оптимизм энтузиастов значительно повысился. Характерна в этом отношении довольно большая и технически аргументированная статья Ника Бострома под интригующим заглавием «Сколько осталось до суперинтеллекта?»²⁶ Автор исходит из определения: «Под суперинтеллектом мы понимаем интеллект, превосходящий лучших представителей человеческого разума практически в любой области, включая научное творчество, здравый смысл и социальные навыки... Это может быть цифровой компьютер, совокупность взаимосвязанных компьютеров, культивированная мозговая ткань или нечто другое» (с. 313). Автор полагает, что аппаратные средства и программное обеспечение для построения эквивалентного человеку искусственного интеллекта будут доступны в начале XXI века. Как только искусственный интеллект достигнет человеческого уровня, начнет действовать положительная обратная связь, которая даст толчок раз-

²⁵ Там же. С. 13–14.

²⁶ Бостром Н. Сколько осталось до суперинтеллекта? // Информационное общество: сб. статей. – М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 313–338.

работке суперинтеллекта. Н. Бостром не сомневается, что суперинтеллект будет создан, потому что он принесет «громкие экономические выгоды», несмотря на то, что «организовать мотивационную систему суперинтеллекта таким образом, чтобы гарантировать послушание и подчинение людям, – спорный вопрос» (с. 336).

В настоящее время создание нейрокомпьютеров, моделирующих нейронные сети человеческого мозга, рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений в решении проблем интеллектуализации новых моделей электронных вычислительных машин. Нейрокомпьютеры проектируются в виде суперЭВМ с параллельным решением задач разных классов. Активно ведутся теоретические и прикладные исследования в области проектирования мозгоподобных систем с большим числом элементов, аналогичных реальным нейронам, разрабатываются программы обучения нейрокомпьютеров и т. д. Стало очевидным, что успех интеллектуализации компьютеров нового поколения в значительной степени определяется успехом работы над созданием «нейроподобных» базовых элементов и расширением их функциональных возможностей. Здесь используются данные нейрофизиологии относительно минимального набора базовых свойств реальных нейронов, обеспечивающего реализацию основных информационных функций мозга животных и человека.

Важнейшей и трудно решаемой проблемой моделирования функций человеческого мышления остается *представление знаний* в компьютерных системах. Тем не менее есть оптимисты, провозглашающие, что трудности на пути создания искусственного интеллекта, превосходящего по мощи и творческим возможностям человеческий интеллект, носят временный характер и связаны лишь с техническими проблемами, принципиально устранимыми в обозримом будущем. Есть аргументы и у консервативных пессимистов, полагающих, что мышление является исключительной прерогативой живого человека, поскольку человеческий мозг располагает врожденными специфическими механизмами, уникальными, невозпроизводимыми искусственно, и к тому же непознаваемыми. Интеллектуализация инфосферы предполагает перевод в машиночитаемую форму смыслового содержания библиосферы, и именно по этому пути идут развернувшиеся широким фронтом работы по оцифровке (дигитализации) библиотечных фондов и созданию электронных каталогов. Во взаимодействии библиосферы и инфосферы решающее значение могут приобрести конвергентные технологии, которые следует иметь в виду.

7.2.3. Конвергентные технологии представляя собой многообещающий прорыв в будущее творческой научно-технической мысли. **Конвергенция** мыслится как синтез (интеграция, скрещивание) высоких технологий, в качестве которых выступают нано-, био-, информационные и когнитивные (НБИК) технологии. Как осуществляется конвергенция? Нанотехнология, оперируя на атомно-молекулярном уровне, обеспечивает создание материала любого типа и любого применения. Присоединяя биотехнологии, новаторы создают био-

органическую конструкцию. Информационные технологии служат для того, чтобы биоорганическую конструкцию превратить в интеллектуальную систему, а задача когнитивных технологий – вооружить интеллектуальную систему алгоритмами мышления, подобными естественным алгоритмам или превосходящими их. Конвергенция понимается не как комплексирование известных технологий, а как взаимопроникновение знаний и методов, полученных в области изучения физической субстанции, живой природы и человеческой духовности. Здесь речь идет об основах мироздания и о сущности человечности.

Гениальные технократы с законной гордостью заявляют, что нанотехнологии обещают сотворить такие чудеса, о которых футурологи не догадывались. Особенность этих технологий заключается в оперировании физическими параметрами «наномасштаба». Нано (по-гречески «карлик») означает одну миллиардную часть ($10^{-9} = 0,000\,000\,001$) какой либо величины (нанометр, наносекунда, нанолитр и пр.). Оказалось, что когда размеры объектов (по крайней мере, в двух измерениях) не превышают значения 100 нанометров, физические свойства этих объектов существенно изменяются. Особое значение имеет установление нанобласти в интервале 1–100 нанометров, так как именно здесь проявляется большинство абсолютно новых свойств любых объектов. Ниже этого предела находятся отдельные атомы или молекулы, а выше – микротехнологии²⁷.

В большинстве экономически развитых стран вслед за США и Японией в настоящее время приняты национальные программы комплексного развития нанотехнологий, на которые выделяются колоссальные бюджетные средства и частные инвестиции. В России в 2007 году также принята Национальная нанопрограмма, создана корпорация «Роснанотех», организован соответствующий Научный совет при Президенте РФ. Повышенное внимание правительств к нанотехнологическим разработкам объясняется тем, что они обещают «оказать революционное воздействие на экономическую и социальную жизнь грядущих поколений». Ожидаются следующие «революционные преобразования»: в области медицины – диагностика раковых заболеваний, новые методы введения лекарств, сверхминиатюрные биодатчики; в области экологии и энергетики – использование солнечной энергии и новые топливные элементы, создание новых термостойких и прочных, экологически чистых материалов, формирование общества «гармонии с природой»; в области информационной техники – повышение характеристик ЭВМ на три порядка, «карманные» суперкомпьютеры, устройства с очень малым энергопотреблением²⁸. Обсуждаются перспективы создания квантового компьютера²⁹ и высказывается предположение, что квантовый компьютер на 50 атомах

²⁷ Хартманн У. Очарование нанотехнологии. – М., 2008. С. 16.

²⁸ Кобаяси Н. Введение в нанотехнологию. – М., 2008. С. 16.

²⁹ Валиев К.А. Квантовые компьютеры и квантовые вычисления // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 1. С. 3–39.

будет превышать вычислительную мощность всех ныне существующих компьютеров, вместе взятых³⁰. Пока остается нерешенной проблема ввода-вывода семантической информации в квантовый компьютер.

Эрик Дрекслер, «отец-основатель» науки об инженерии на молекулярном уровне, рассматривает освоение нанотехнологий как «нанотехнологическую революцию», способную изменить постиндустриальную информационную цивилизацию и обеспечить «всеобщее благоденствие»³¹. Актуальность конвергентных технологий обусловлена не столько бескорыстной жадой знания, сколько известными нам экологическими, антропологическими, экономическими, геополитическими, духовными кризисами техногенной цивилизации. Все эти кризисы имеют отношение к будущему школы и библиотеки, следовательно, мы не можем игнорировать НБИК-технологии и их следствия. Познакомимся с некоторыми «сверхчеловеческими» прогнозами.

7.2.4. Прогноз «Россия 2045». В начале XXI века не только научное сообщество, но и широкая общественность встревожились усугублением кризисных явлений, которые в общей сложности образуют глобальный кризис современной цивилизации и знаменуют времена великих перемен. Интеллигенты-гуманисты утверждают, что мир стоит перед выбором: или уже в середине текущего столетия свалиться в пучину всемирной смуты и деградации, или сознательно направить эволюцию человечества по новому пути. Ставится задача преобразовать биосоциальную природу человека, внедрить в сознание индивида новые смыслы, цели и ценности жизнедеятельности, которые откроют небывалые перспективы возвышения человечности, познания, творчества и силы духа. Другими словами, предполагается искусственным путем, с помощью конвергентных (нано-био-инфо-когнитивных) технологий обеспечить переход с эволюционной стадии «человечество» на более высокую эволюционную стадию «постчеловечество». Это путь трансгуманистических преобразований, замены биологической эволюции эволюцией кибернетической. Если биологическая эволюция предполагает смерть как необходимый фактор обновления и развития, то для кибернетической эволюции смерть перестает быть неизбежной и возникает перспектива формирования бессмертной личности, которая получит неограниченные возможности для познания, творчества, саморазвития, освоения космоса.

Высказанные, на первый взгляд, утопические идеи вдохновили группу энтузиастов во главе с мультимиллиардером Дмитрием Ицковым (род. 1981) на создание политической партии «Эволюция 2045», которая заявила о себе как о *«партии интеллектуального, технологического и духовного прорыва»*. В Манифесте партии, который был опубликован в августе 2012 г. на сайте

³⁰ Вычисления со скоростью света // Chip. 2002. № 8. С. 48–51.

³¹ Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие. Как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 504 с.

evolution.2045.ru, цели и задачи партии были сформулированы следующим образом:

1. Разработать, пропагандировать и реализовать новую идеологию и стратегию телесно-духовной эволюции человека для перехода на новый этап развития цивилизации. Этот этап будет связан с принципиальным расширением творческих возможностей человека и его кибернетическим бессмертием.

2. Сделать Россию мировым научным, культурным и стратегическим мозговым центром, движущим локомотивом истории, развивать приоритетные для новой стратегии направления науки, возродить культуру научного мышления как идеологию.

3. Радикально изменить имидж и статус ученого, изобретателя, инженера в обществе; создать реальную систему, поощряющую развитие молодых ученых, «фабрику» новых Циолковских и Эйнштейнов – истинных звезд общества будущего.

4. Осуществить культурную революцию; добиться резкого подъема уровня массового образования, способствовать созданию специальных учебных программ будущего для школ и вузов, профильных информационных программ для теле-, радио- и интернет-вещания, систематически проводить соответствующие конференции и другие публичные мероприятия.

5. Поддержать формирование новой культуры эволюции человека; уделить пристальное внимание повышению уровня массовой культуры, духовно-нравственному развитию общества без каких-либо ограничений свободы слова, творчества и самовыражения; создать условия для нового межконфессионального диалога по вопросам стратегии эволюции человека.

6. Создать международную организацию масштаба ЮНЕСКО или даже ООН, чтобы объединить политические партии и общественные движения под эгидой нашей идеологии будущего.

7. Способствовать формированию новой интеллектуальной элиты с новым, свободным от догм и шаблонов, футуристическим мышлением, готовой брать ответственность за прогресс, поступательное и целенаправленное развитие, сохранение жизни и разума в космическом масштабе.

8. Инициировать создание в Государственной Думе постоянно действующей комиссии – аналитического центра по прогнозированию глобального будущего России, эволюции человека и социума, выработке новой стратегии развития и соответствующих законодательных инициатив.

9. Развивать все формы сотрудничества с существующими трансгуманистическими, научными и образовательными организациями и фондами для реализации новой стратегии эволюции человека; создавать благотворительные фонды, поддерживающие идеологию телесно-духовной эволюции человека и научно-технологические разработки проблемы кибернетического бессмертия.

10. Организовать международный научно-исследовательский центр для реализации мегапроекта по созданию технологий медицины нового поколения, в частности, для создания кибернетических искусственных органов и систем, технологий переноса индивидуального сознания человека на небиологический субстрат – искусственное тело, для создания будущей медицины бессмертия.

11. Внести законодательную инициативу «о праве каждого человека на гарантированное получение кибернетического бессмертия по мере появления подобных технологий». Воля человека к бессмертию является естественным продолжением воли к жизни.

12. Разработать и внедрить социальную программу по обеспечению доступа граждан к новейшим технологиям медицинского протезирования конечностей, зрения, слуха, вплоть до технологий полностью искусственного тела по мере их создания; добиться того, чтобы люди с ограниченными возможностями стали людьми с дополнительными возможностями.

13. Развернуть широкое обсуждение и научное исследование философских, этических, психологических проблем грядущей гуманистической, трансгуманистической и антропологической перспективы; осуществлять гуманитарную и духовную экспертизу, отслеживать и прогнозировать последствия решений в ходе реализации новой стратегии эволюции человека.

14. Способствовать разработке, обсуждению и принятию стратегии космической экспансии человечества на ближайшие 100 лет.

Идеи бессмертия находят много сторонников, о чем свидетельствовал международный конгресс, состоявшийся в июне 2013 г. в Нью-Йорке. На конгрессе были продемонстрированы некоторые результаты технического проекта «Аватар», который ставит следующие задачи:

- 1) конструирование антропоморфных роботов-аватаров (искусственных тел);
- 2) создание систем дистанционного управления аватарами с эффектом присутствия;
- 3) разработка интерфейсов «мозг-компьютер» для мысленного управления аватаром.

В проекте предусмотрены четыре этапа:

Этап А (2015–2020 гг.) – будут созданы искусственные органы человеческого тела и органы чувств, новые человеко-компьютерные языки для взаимодействия людей и машин, а также дистанционно управляемое искусственное тело.

Этап Б (2020–2025 гг.) – в искусственное тело можно будет пересаживать мозг. По мнению некоторых ученых, мозг способен жить намного дольше, чем тело, – лет до двухсот-трехсот. Соответственно, человек с синтетическим организмом сможет прожить столько же.

Этап В (2030–2035 гг.) – будет разработана методика по переносу нематериальной структуры человеческого сознания в искусственное тело.

Этап Г (2040–2045 гг.) – появится некое виртуальное тело-голограмма.

Участники проекта считают, что даже «недоделанные» аватары будут очень полезны человечеству. Их можно использовать для реабилитации инвалидов, замещения людей на вредном производстве, для освоения космоса, а также для туризма «с технологией телеприсутствия»³². Вместе с тем оправданно настороженное отношение к трансгуманистическим проектам перестройки биологической основы *homo sapiens*. Расшифровка генома человека открывает возможности не только лечить наследственные заболевания, но и усилить те или иные умственные или физические способности, например, искусственно выращивать олимпийских чемпионов. Риск заключается в том, что в силу системных взаимосвязей генома при перестройке какого-то одного гена, программирующего определенные свойства будущего организма, может произойти искажение других свойств.

Биотехнологии не учитывают социально-культурные основы человеческой жизнедеятельности. Их создатели упускают из виду, что человеческая культура глубоко связана с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который продиктован природой. Для людей, у которых была бы атрофирована эмоциональная сфера, не имели бы смысла ни Байрон, ни Шекспир, ни Пушкин, ни Моцарт. Для них станут недоступны целые пласты человеческой культуры. «Биологические предпосылки, – утверждает академик В.С. Стёпин, – это не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой выростала человеческая культура и вне которой невозможны нормальные состояния человеческой духовности»³³. Отсюда следует, что ключевой проблемой трансгуманистических исследований является «культурация» и «гуманитаризация» бессмертных аватаров путем подключения их к институту народного образования и библиотечно-библиографическому социальному институту.

Организованное Д. Ицковым движение «Россия 2045» ставит своей задачей осмысление процессов развития симбиотических, синергетических и социальных форм интеграции человека и искусственных технологических сред. Движение опирается на философию трансгуманизма, но не замыкается только в ней. В Движении принимают участие ведущие отечественные ученые в области философии, синергетики, искусственного интеллекта, нейрофизиологии, биологии и психологии – В.С. Стёпин, В.И. Аршинов, Д.И. Дубровский, В.Е. Лепский, В.Ф. Петренко, А.П. Назаретян, С.Ф. Серге-

³² Сможет ли миллиардер Ицков сделать людей бессмертными к 2025 году // Российская газета. 2013. 27 июня.

³³ Стёпин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. – М., 2013. С. 19.

ев, В.Л. Дунин-Барковский и др. Футурологические сценарии посттехногенной цивилизации представлены в сборнике статей, подготовленных участниками Движения, – «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. проф. Д.И. Дубровского. – М., 2013. 272 с.

7.2.5. Прогнозы Рея Курцвейла. Движение «Россия 2045» не является экзотическим исключением в мировой футурологии, пытающейся предвосхитить гипотетическую посттехногенную цивилизацию XXI века. Получили широкое распространение прогнозы Рея Курцвейла – технического директора компании «Гугл». Рей Курцвейл не мечтатель-фантаст, а активный исследователь в области искусственного интеллекта и заслуженно пользуется репутацией самого авторитетного технологического футуролога. Если собрать все прогнозы, сделанные им в течение последних 20 лет в книгах, лекциях, интервью, получается следующая последовательность событий³⁴:

2019 – провода и кабели для персональных и периферийных устройств повсеместно уходят в прошлое;

2020 – персональные компьютеры достигнут вычислительной мощности человеческого мозга;

2021 – беспроводной доступ в Интернет покрывает 85% поверхности Земли;

2022 – в США и Европе повсеместно принимаются законы, регулирующие отношения людей и роботов; деятельность роботов, их права, обязанности и другие ограничения формализуются;

2024 – элементы компьютерного интеллекта становятся обязательными в автомобилях; людям запрещается садиться за руль автомобилей, не оснащенных компьютерными помощниками;

2025 – появление массового рынка гаджетов-имплантантов;

2026 – благодаря научному прогрессу за единицу времени мы будем продлевать свою жизнь на большее время, чем прошло;

2027 – персональный робот, способный на полностью автономные сложные действия, станет столь же привычным, как холодильник или кофеварка;

2028 – солнечная энергия становится настолько дешевой и распространенной, что обеспечит удовлетворение всех энергетических потребностей;

2029 – компьютер сможет пройти тест Тьюринга, доказывая наличие у него разума в человеческом понимании; это будет достигнуто путем компьютерной симуляции мозга человека;

2030 – расцвет нанотехнологий в промышленности приведет к значительному удешевлению производства всех продуктов;

2031 – 3D-принтеры для распечатки человеческих органов будут использоваться в больницах любого уровня;

³⁴ <http://slon.ru/insights/1213655>. Доступ 11.04.2015

2032 – нанороботы начнут использоваться в медицинских целях; они смогут доставлять питание к клеткам человека и удалять отходы; они также произведут детальное сканирование мозга человека, позволяющее понять детали его работы;

2033 – самоуправляемые автомобили заполнят дороги;

2034 – первое свидание человека с искусственным интеллектом; фильм «Она» в усовершенствованном виде: виртуальную возлюбленную можно оснастить «телом», проецируя изображение на сетчатку глаза, например, с помощью контактных линз или очков виртуальной реальности;

2035 – космическая техника становится достаточно развитой, чтобы обеспечить постоянную защиту Земли от угрозы столкновения с астероидами;

2036 – подходя к биологии как к программированию, человечество впервые сможет перепрограммировать клетки на лечение болезней, а использование 3D-принтеров позволит повсеместно выращивать новые ткани и органы;

2037 – гигантский прорыв в понимании тайны человеческого мозга; будут определены сотни различных субрегионов со специализированными функциями. Некоторые из алгоритмов, которые кодируют развитие этих регионов, будут расшифрованы и включены в нейронные сети компьютеров;

2038 – появление роботизированных людей, продуктов трансгуманистических технологий; они будут оснащены дополнительным интеллектом (например, ориентированным на определенную узкую область знания, полностью захватить которую мозг человека не в состоянии) и разнообразными опциями-имплантатами – от глаз-камер до дополнительных рук-протезов;

2039 – наномашины будут вставляться прямо в мозг и осуществлять произвольный ввод и вывод сигналов из клеток мозга; это приведет к виртуальной реальности «полного погружения», которая не потребует какого-либо дополнительного оборудования;

2040 – поисковые машины станут основой и для гаджетов, внедренных в человеческий организм; поиск будет осуществляться не только речью, но и мыслями, результаты поисковых запросов будут выдаваться на экраны тех же очков или линз;

2041 – предельная пропускная способность Интернета становится в 500 млн раз больше сегодняшней;

2042 – первая потенциальная реализация бессмертия – благодаря армии нанороботов, которая будет дополнять иммунную систему и «вычищать» болезни;

2043 – человеческое тело сможет принимать любую форму, образуемую большим числом нанороботов. Внутренние органы будут заменяться кибернетическими устройствами гораздо лучшего качества;

2044 – небιологический интеллект становится в миллиарды раз более умным, чем биологический;

2045 – наступление технологической сингулярности, Земля превращается в один гигантский компьютер.

Одним из парадоксальных следствий «нанотехнологической революции» в научном сознании является идея *трансгуманизма*, которой не чужд Рей Курцвейл. Трансгуманисты утверждают, что современный человек является не вершиной, а скорее, началом эволюции рода человеческого. Они рассчитывают с помощью конвергентных технологий выйти за считающиеся сейчас естественными человеческие кондиции, вплоть до искусственного выращивания бессмертного «постчеловека». «Поэтика расчеловечивания» привлекает основоположников *постчеловеческой персонологии* «перспективной новой реагрегации, возможностью заново собрать человека и мир»³⁵. Заявила о себе *гуманология (humanology)*, которая рассматривает человека в ряду внебиологических форм разума, как «одного из» в ряду животных, гуманоидов, киборгов (киборгоорганизмов), роботов³⁶. В контексте гуманологии человечество трактуется как один из видов разумных существ, одна из фигур ноосферы, постепенно вытесняемая искусственным интеллектом на её периферию. «Вслед за природой и человек будет все более восприниматься в модусе редкости, как замкнутый биоценоз, встроенный в более могущественную техническую среду. Такие плантации, или заповедники, или натуральные музеи человеческого будут принимать самые причудливые формы, как некомпьютеризированные островки давно прошедшей естественной цивилизации»³⁷. В этих «заповедниках человеческого», по-видимому, предполагается экспонировать киборгам и прочим «постчеловекам» в качестве нелепых информационных курьезов полиграфические книги, библиографические указатели и самого натурального интеллигентного *homo legens*.

Разумеется, в трансгуманистических сценариях как отечественных, так и зарубежных футурологов нигде и никогда всерьез не упоминается о книге, чтении, библиотеке, о проблемах познания, понимания, обучения. В самом деле, если имплантированный гаджет может сделать восьмилетнего мальчика, без всяких усилий с его стороны, умнее, чем вся современная Российская академия наук, вместе взятая, то зачем в 2045 году содержать школы и библиотеки и тем более заставлять детей учить наизусть таблицу умножения и «Песнь о вещем Олеге»? Вопрос риторический, потому что в обществе бессмертных продуктов конвергентных технологий (НБИК) вообще не может быть ни «восьмилетних мальчиков», ни седовласых академиков. Если верить трансгуманистам, всего через три десятилетия, в 2045 году, наступит

³⁵ Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб, 2002. С. 292.

³⁶ Эпштейн М. Гуманология // Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М., 2004. С. 606.

³⁷ Эпштейн М. Гуманология // Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М., 2004. С. 607–608.

финал не только школьных библиотек, но и рода человеческого вообще, ибо проблемы рождаемости, воспитания и обучения новых поколений утратят актуальность, а литературная классика будет считаться «безумным суеверием». Впрочем, не свидетельствует ли кризис библиосферы и закат литературоцентризма о начале противоестественного сюрреалистического кошмара?

7.3. ЗАКАТ ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМА

7.3.1. Понятие о литературоцентризме. Философ Б.В. Марков пришел к пессимистическому выводу: «Мы живем в постлитературном и, стало быть, в постгуманистическом мире. Мы достигаем идентичности некими маргинальными внеписьменными, внелитературными, внегуманистическими медиумами. Это не означает конца литературы, но она перестает быть носительницей национального духа. Национальный синтез осуществляется не на основе книги и письма. В ход пошли новые телекоммуникативные медиумы, которые отвергают старую модель гуманистической дружественности. Эра гуманизма, основанная на книге и образовании, закатывается, потому что проходит великая иллюзия, состоявшая в том, что единство общества может достигаться исключительно литературой»³⁸.

Эта «великая иллюзия», именуемая «литературоцентризмом», с древнейших времен была характерной приметой русской культуры. Основой литературоцентризма послужил древнерусский *культ Книги* (XI–XVII вв.), выросший из почитания священных книг и обожествления письменного слова. Служителями этого культа были древнерусское, старомосковское, допетровское поколения русской интеллигенции, но в эпоху рукописной книжности преждевременно говорить о литературоцентризме. Зарождение элементов литературоцентризма – заслуга петровского и екатерининского поколений, когда произошла десакрализация Книги и просвещенное дворянство постепенно приобщилось к литературному процессу, хотя в начале царствования Петра издавалось 12 книг в год, в конце царствования Екатерины II – 360 книг. Только пушкинско-гоголевское поколение, сотворившее золотой век русской литературы и создавшее классические образцы изящной словесности, обладающие таинственной магией Книги, смогло породить уникальный феномен русской национальной культуры, названный потомками «литературоцентризмом». В чем суть этого феномена?

Литература способна служить источником всех смыслов, образующих содержание социальной коммуникации. Она хранит результаты рационального мышления и осмысленного практического опыта в виде *знаний и умений (технологий)*. Благодаря литературе распространяются религиозные

³⁸ Марков Б.В. Проблема человека в эпоху масс-медиа // Перспективы человека в глобализирующемся мире: сб. статей. – СПб, 2003. С. 84.

откровения и философские учения, научные истины и технологические приемы, обыденный здравый смысл и фантастические мечтания. Талантливые сочинители литературных произведений, владеющие магией слова, способны пробуждать в людях эмоционально-чувственные *переживания*, радость, сочувствие, негодование, угрызения совести. Литература оказывается, в отличие от музыки или живописи, могучим средством воспитательного и идеологического воздействия на массовые аудитории, ибо она способна интегрировать рациональную убедительность и художественно-эстетическую форму. Нередко авторитет и слава великих писателей определялись именно их идейным влиянием на читающую публику. Многие русские писатели завоевывали репутацию идейных вождей, нравственных учителей, а иной раз и пророков. Такой репутацией пользовались Карамзин и Крылов, Пушкин и Гоголь, Л. Толстой и Достоевский, Горький и Мережковский, Блок и Маяковский, а к концу прошлого века – А. Солженицын и И. Бродский.

С Древней Руси и до второй половины XIX века русская литература постепенно выдвигалась в культурном пространстве России на первый план по своему значению и влиянию на русскую интеллигенцию и общество в целом. В екатерининскую эпоху выделились *журналистика* и *публицистика*, выражавшие общественное мнение по важнейшим вопросам текущей жизни, а позднее и *беллетристика*, непритязательная в художественном отношении, но зато соответствующая стереотипам массового сознания. Особо следует обратить внимание на становление русской *литературной критики*, уже в XVIII веке ставшей важной составляющей литературного процесса. Художественная литература в начале XIX века перестала быть спутницей просвещенного досуга и стала важным элементом светской и общественной жизни.

Можно констатировать, что первая половина XIX века, время пушкинско-гоголевского поколения русской интеллигенции, является периодом становления зрелого литературоцентризма, ставшего вскоре центральным, ключевым феноменом русской культуры. Именно в XIX столетии литературоцентризм пережил в России свой наивысший взлет. Русская литература того времени обладает высочайшим общественным и нравственным авторитетом. Она обретает статус учителя жизни и пророка будущего; вбирает в себя публицистический пафос обличительства и философскую рефлексию; демонстрирует способность проникать в психологию души человеческой и погружаться в нравственные и религиозные искания русской интеллигенции. И все это – не снижая художественно-эстетического уровня, то есть сохраняя высокий статус литературы как искусства слова, ведущего среди иных искусств (театр, живопись, музыка и др.). Однако нельзя сказать, что последующая история русского литературоцентризма была благополучной и безмятежной. Внимательный исследователь литературоцентризма в России XX–XXI веков Игорь Вадимович Кондаков пришел к выводу, что на долю феномена литературоцентризма выпали четыре кризисных ситуа-

ции, одна из которых приходится на наши дни³⁹. Под впечатлением статьи И.В. Кондакова мы назвали настоящий параграф «Закат литературоцентризма» и, считая этот «закат» одной из объективных причин кризиса библиосферы, намерены рассмотреть аргументы, приведенные эрудированным автором.

7.3.2. Четыре кризиса литературоцентризма. Рождение в середине XIX века «критикоцентризма» как действенной альтернативы литературоцентризма в русской культуре стало предпосылкой начавшегося вскоре *первого кризиса литературоцентризма* в России. Причина критикоцентризма заключалась в том, что авторитетные литературные критики в лице В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева и других взяли на себя право судить о достоинствах и недостатках произведений художественной литературы и предлагать широкой читательской аудитории следовать их суждениям. В результате возник конфликт двух «словесностей» в русской культуре, одна из которых (литература) на «языке искусства» реализовывала творческий замысел писателя, а другая (критика) на «языке жизни» отвечала ей от имени читательской аудитории. Пореформенное поколение русской интеллигенции отдало приоритет критике, а не литературе. Критические обзоры копировались «выше» литературной прозы и поэзии, потому что «мыслитель» выше «художника» в силу своей большей объективности, широты кругозора, устремленности на преобразование действительности, а не ее образное отражение. У русской литературной классики впервые обозначилась конкурирующая альтернатива в лице амбициозной русской классической критики. Это означало конец литературной гегемонии в русской культуре и наступление *первого кризиса* русского литературоцентризма.

Вслед за первым испытанием русского литературоцентризма не замедлило появиться второе. В период Серебряного века главная угроза монопольному положению литературы в русской культуре исходила уже не от литературной критики, выражавшей идею «жизненной словесности» – принципиальную альтернативу «словесности литературной (художественной)», как это было в классический период русского литературоцентризма. В борьбу с литературоцентризмом русской культуры вступили другие, невербальные виды искусства – изобразительное, музыкальное, театрально-зрелищное, а позднее кино. Это было настоящее восстание невербальных искусств против словесности, приведшее в конечном счете к обретению русской музыкой, изобразительным искусством, театром и кино «культурной эмансипации», то есть творческой независимости от литературы, от словесных средств художественной выразительности и изобразительности.

³⁹ Кондаков И.В. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX–XXI вв. // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5–44.

Шагом в этом направлении стало изобретение «заумной поэзии» футуристами В. Хлебниковым, А. Крученых, Д. Бурлюком, которое означало, что поэтический опус может возникнуть *вне сферы естественного языка*, а литературное произведение может быть написано на искусственном, творчески преобразенном языке («зауми»). Матрицы, по которым рождалась поэтическая «заумь», в одних случаях ориентировались на звукопись или звукоподражание; в других – на графику письма или графический рисунок; в третьих – на логику парадокса, абсурд. Эксперименты А. Скрябина по воссозданию *музыкальной изобразительности* (цвета и света, импульсов движения и развития), по передаче невыразимых, бессознательных, экстагических состояний человека и символическому представлению философских, умозрительных идей чисто музыкальными средствами (принципиально бессловесно) раздвинули смысловые горизонты музыки как вида внесловесного искусства и, напротив, сузили границы литературы, которой отводилась лишь роль программы, словесного комментария к невербальным произведениям искусства. Еще дальше в отрицании литературоцентризма пошел реформатор русского музыкального театра С. Дягилев. В модели синтеза искусств, осуществленной им в «Русских сезонах», присутствовали живопись, музыка, танец, но принципиально не предоставлялось места *слову*. В результате второго кризиса литературоцентризма на рубеже XIX–XX веков гегемония литературы была основательно подорвана.

Третий кризис русского литературоцентризма пришелся на советский период отечественной истории, и связан он был с тотальной идеологизацией литературы. Идеи коммунистического равенства, мировой революции, марксизм-ленинизм в целом – безусловно, книжные идеи, но когда революционеры-книжники захватили власть, оказалось, что взрастивший их литературоцентризм вовсе не нужен, потому что он чужд принципу коммунистической партийности. Возник грандиозный сталинский политико-литературный проект – «социалистический реализм», построенный на буквальной «прививке» политики (социалистической идеологии) к художественной литературе (реализму, переставшему быть «критическим»). В 1934 г. первый съезд Союза советских писателей провозгласил доктрину социалистического реализма, означавшую безусловное включение литературы в идеологический процесс по воспитанию человека коммунистической формации.

Подобная трансформация реализма, который, утратив социальную критичность сосредоточился на поэтизации действительности и апологетике политических идеалов, показывает, что в советской литературе речь должна идти об идеологически санкционированной реальности, выдаваемой за действительность в ее художественном выражении. Получился противоестественный симбиоз *«жизни, искусства и политики»*, который назовем *«псевдолитературоцентризмом»*, соответствующим третьему кризису русского литературоцентризма. Смысл названной триады заключался в том, что к ти-

пично романтической дилемме «искусство – жизнь» добавлялась политика как форма насильственной трансформации и жизни, и искусства. В результате тотальной политизации жизни и искусства границы между ними размывались, и «искусство» и «жизнь» парадоксально становились едва ли не тождественными понятиями. Критика и литература стали функциональными компонентами партийно-государственной агитации и пропаганды; само бывшее противостояние критики и литературы было снято перед лицом вездесущей идеологии; критериями оценок как литературы, так и критики, стала «выдержанная» (то есть соответствующая официальным политическим предписаниям тоталитарной власти) идейная позиция.

Деформирующая сталинская «прививка» просматривается в творчестве практически всех значительных советских писателей (Д. Бедный, М. Шолохов, А. Фадеев, К. Федин, Л. Леонов, И. Эренбург, А. Твардовский, К. Симонов и др.), не говоря о мартирологе репрессированных и легионе идеологически выдержанных. Ни о каком плюрализме мнений, свежести и смелости писательской мысли, свойственных подлинному литературоцентризму, не было и речи. Цензура и репрессивные органы были постоянно начеку. И вместе с тем постоянно повышался спрос на литературу, порождающий книжный дефицит, неведомый в других странах. Скупались все виды литературы: справочная, научная, художественная, детская, даже общественно-политическая, включая классиков марксизма-ленинизма. Выходит, что советский псевдолитературоцентризм – это такой период в истории русской культуры, когда любовь и уважение к книге, жажда чтения и познания приобрели извращенные формы погони за дефицитной литературой, независимо от её содержания.

Запрещенный и извращенный русский литературоцентризм несмотря ни на что возродился, вышел на общественную арену в незабвенную эпоху гласности и перестройки. Цензурные путы ослабели, железный занавес раздвинулся, и вот уже в 1988–1990 гг. миллионные тиражи журналов «Огонек» и «Новый мир», многомиллионные тиражи газет «Аргументы и факты» и «Московские новости» кажутся читателям недостаточными. Появляется «возвращенная литература», популярные публицисты не покладают своих красноречивых перьев, и происходит чудо: народ пробуждается! Литература стала тем рычагом, опираясь на который демократы-реформаторы смогли опрокинуть колосс КПСС и СССР. Можно сказать, что 1990 год, когда был принят закон «О средствах массовой информации», упразднивший цензуру, стал вехой, означающей конец псевдолитературоцентризма.

Нынешний, *четвертый кризис* русского литературоцентризма обладает двумя аспектами: формальным и содержательным. Формальный аспект связан с изменением знаковой формы коммуникационных сообщений, а содержательный аспект обусловлен обновлением смыслов, передаваемых по коммуникационным каналам. Начнем с формального аспекта. Здесь речь идет о

натиске, причем весьма агрессивном, аудиовизуальной (мультимедийной) и электронной культуры на коммуникационно-семиотические системы культурного пространства (см. раздел 1.1.3). Уже в советское время под влиянием сначала кино, а затем радио и телевидения началось постепенное вытеснение литературы и художественного слова из советского культурного пространства. Интернет значительно активизировал этот процесс. В чем его суть?

Литературные произведения представляют собой линейно организованный текст, а мультимедийная коммуникация допускает многомерные изображения. Линейные тексты логически организованы и должны восприниматься не случайно и фрагментарно, а строго последовательно, в порядке развертывания замысла (доводов, аргументов) коммуниканта. Эти тексты адресованы рационально мыслящему читателю (слушателю), обладающему навыком умозрительного восприятия содержания сообщений. Электронная коммуникация (телевидение, Интернет) оперирует аудиовизуальными образами, рассчитанными на восприятие органами чувств, а не мышлением как высшей психической функцией. Образы хорошо передают эмоциональные переживания и волевые побуждения, но не логические смыслы. Аудиовизуальная электронная коммуникация апеллирует к бессознательной сфере психики, а не к рациональной сфере (можно сказать, к правому, а не к левому полушарию головного мозга).

Привлекательность электронной коммуникации в её доступности: чтению нужно долго и трудолюбиво учиться, а смотреть телефильмы учиться не надо. Кроме этого, образы и звуки, которые воздействуют на людей, минуя стадию рефлексии, заставляют непроизвольно повиноваться им. Причем магическая сила аудиовизуальных знаков таится исключительно в них самих, ведь они не отсылают ни к логическим аргументам, ни к внешним авторитетам. Самое опасное, считает философ Б.В. Марков, что «специалисты в области современных массмедиа пользуются символическим капиталом аудиовизуальной культуры в целях рекламы и политики. При этом речь идет о присвоении духовного богатства, накопленного веками, и использовании его с целью манипуляции людьми»⁴⁰. Становясь объектами манипуляции, люди утрачивают способность к самостоятельному разумному поведению для достижения моральных, социальных и иных культурных ценностей. В итоге человечеству угрожает деградация, обусловленная «концом книжной культуры и кризисом классической системы образования», которые, в свою очередь, вызваны «изменениями коммуникативных медиумов»⁴¹. Следовательно, формальный аспект нынешнего кризиса литературной коммуникации, состоящий в отказе от использования линейно организованных текстов, чреват ослаблением умственных способностей людей, особенно, молодежи,

⁴⁰ Марков Б.В. Проблема человека в эпоху массмедиа // Перспективы человека в глобализирующемся мире: сб. статей. – СПб, 2003. С. 69.

⁴¹ Там же. С. 68.

и следует принять меры для его компенсации. Однако главную опасность представляет содержательный аспект кризиса литературоцентризма.

7.3.3. Сумерки литературы – эта метафора принадлежит литературному критику и публицисту Алле Николаевне Латыниной, именно так назвавшей свою статью («Литературная газета», 2001. 21–27 ноября), в которой она пришла к печальному выводу, что «ничего того, что было бы стыдно не прочесть, литература за минувшее десятилетие не произвела». И дальше: «Да, это десятилетие литература проиграла. При всем том, что ей была вручена козырная карта – свобода слова. Мы вступили в эпоху литературных сумерек». Статья в целом носила постановочный характер, в ней предлагалось обсудить, почему обесценивается слово, обратим ли этот процесс, носит ли он национальный или общемировой характер, есть ли в этом вина самой литературы, каковы должны быть стратегии литературы в кризисный период. Коллеги по «литературному цеху» отнеслись к призыву А.Н. Латыниной неоднозначно. Оптимисты доказывали, что литература бессмертна, что она и сейчас радуется сотнями новых имен и разнообразием текстов, а литературоцентричность не умерла, просто она затаилась на время. Пессимисты уныло констатировали: «Происходит с нами то, что в образной форме называется „смертью литературы»». Рассудительные конформисты, напоминая о временах великих перемен, успокаивали интеллигенцию предсказанием: литература не умрет и не исчезнет, она переживает естественный переходный процесс (болезнь роста), и нет оснований для паники. Сама Алла Николаевна двенадцать лет спустя в одной из своих статей 2013 года разъясняла, что «сумерки» можно трактовать двояко: как вечер перед закатом и как утро перед рассветом, сокрушаясь, что проблема состояния литературы, ее настоящего и будущего остается и поныне совершенно неотрафлексированной в литературной среде. Мы не собираемся подменять литературоведов, нас интересует вполне эмпирический вопрос: какова содержательная структура литературного потока, поступающего в современную библиосферу? Ведь кризис литературоцентризма в значительной степени обусловлен бедностью содержания современной литературы. Чтобы разобраться в данном вопросе, обратимся к трудам Сергея Ивановича Чуприна, автора нескольких путеводителей по современной русской литературе, включая литературную энциклопедию⁴².

Опытнейший практик (с 1993 г. – главный редактор журнала «Знамя») и теоретик (с того же 1993 г. – доктор филологических наук) литературного процесса С.И. Чуприн различает в современной отечественной литературе следующие течения:

⁴² Чуприн С.И. Русская литература сегодня: большой путеводитель. – М.: Время, 2007. 574 с.; Он же. Русская литература сегодня: новый путеводитель. – М.: Время, 2009. 814 с.; Он же. Русская литература сегодня: малая литературная энциклопедия. – М.: Время, 2012. 992 с.

1) Высокая (традиционная, качественная, серьезная) литература, следующая классическим традициям и признаваемая экспертами в качестве воплощения художественной литературы вообще, в качестве центрального потока (мейнстрим) среди других литературных течений. Однако есть мнение, что мейнстрим «страшно далек от народа» и нужен только «самим авторам и десятку обслуживающих их критиков».

2) Элитарная (актуальная, экспериментальная) литература, типичными творцами которой являются последователи концептуализма, авангардизма и постмодернизма. Вдоволь поиздевавшись над тупоумием, бездарностью, невежеством советских властей и пресловутого хомо советикус, талантливые мастера пера обратились к эстетике постмодернизма, образовав его русскую ветвь. Русский постмодернизм, у истоков которого стоят А.Терц – «Прогулки с Пушкиным», А.Битов – «Пушкинский дом», Вениамин Ерофеев – «Москва – Петушки», рассчитан на искушенного и эрудированного читателя, способного уловить и правильно декодировать иронию и ассоциацию, намек и цитацию, ненавязчиво предлагаемые автором, скрывающимся под маской юродивого. Постмодернистское произведение – арена интеллектуальной игры, рассчитанной на уставшую от банальностей реализма и модернизма изысканную гуманитарную элиту, это арена «искусства для искусства». С.И. Чупринин обращает внимание на то, авангардисты-актуалисты сознательно нацелены на скандал как «одну из основных стратегий авангардного искусства» и ориентированы не столько на отечественный, сколько на международный художественный процесс.

3) Массовая беллетристика заполонила книжный рынок, занимая, по некоторым (наверное, завышенным) оценкам, до 97% наличного репертуара художественной литературы. Возмущенная библиотечная интеллигенция клеймит эту печатную продукцию ярлыками «чтиво», «словесная жвачка», «кич- и трэш-литература», но её производители, ориентированные на досуг платежеспособной публики, к мнению знатоков абсолютно равнодушны. В отличие от элитной и традиционной литератур с их требованием «Душа обязана трудиться», массовая беллетристика всегда снисходительна к читателю. Она не «нагружает» его избыточно серьезными новыми проблемами или избыточной сложностью в трактовке проблем привычных. Она заранее предупреждает читателя о том, с чем он столкнется: с любовным романом или с романом порнографическим, с технотриллером или с триллером обычным. Она готова к повторениям и тиражированию своих сообщений, с чем связано ее тяготение к сериальности, ко всякого рода ремейкам, где речевые и сюжетные штампы, безошибочно опознаваемые характеры и мотивации – не свидетельство литературного брака, но тот код, к которому ее читатели привыкли и с помощью которого оценивают и себя, и окружающих, и реальность в целом. Новизна если и допускается, то лишь в сюжетостроении, ибо занимательность – необходимое качество массовой культуры. Проявления-

ми массовой коммерциализации литературы могут служить «литературные проекты» типа бесконечных сериалов Б. Акунина, Д. Донцовой и их многочисленных коллег. Однако деятельность писателей-предпринимателей – нормальное явление в условиях рыночной экономики, и её нельзя считать истинной причиной кризиса библиосферы и дисфункции чтения.

4) Промежуточной (миддл) литературой С.И. Чупринин называет словесность, располагающуюся между высокой, элитарной и массовой, досуговой литературами, по сути снимающую извечную оппозицию между ними. К миддл-классу он относит «облегченные» варианты высокой литературы, усвоение которых не требует от читателей особых духовных и интеллектуальных усилий, а также те формы массовой литературы, которые отличаются художественными достоинствами и нацелены отнюдь не только на то, чтобы потешить публику.

В чем же проявляется «сумеречное» состояние постсоветской русской литературы, побуждающее говорить о кризисе содержания традиционного литературоцентризма? Ответ прост: если, согласно литературоцентристскому канону, русская литература выполняла мировоззренческую функцию, обсуждала «вечные» смысложизненные вопросы, этически и политически ориентировала своих читателей, то сегодня среди российских литераторов не видно аристократов духа, философствующих мастеров слова и властителей дум, нет творческой элиты, талантливых художников слова, способных стать лидерами библиотечной интеллигенции, возродить интерес и уважение к книжности думающих русских людей. Что представляет собой элита писательского сообщества, его авангард, не вовлеченный в коммерческие проекты, а искренне увлеченный искусством постмодерна?

Постмодерн-элиту образуют креативные личности, самозабвенно, точнее, фанатично преданные искусству. В их рядах почти нет интеллигентов-гуманистов, зато преобладают снобы, скептики и интеллектуалы, обладающие сильно развитым чувством избранничества, элитарности. Как правило, они неколебимо верят в свою исключительность, презирают корыстолюбивую серую массу, и многие высокомерно заявляют той же массе: я – гений! Уязвимым местом отечественного постмодернизма является его подражательность, вторичность. Главными авторитетами и наиболее цитируемыми классиками являются Т. Адорно, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лиотар, М. Фуко, М. Хайдеггер и, конечно, Ф. Ницше – подлинный пророк постмодерна. Вспоминаются слова последнего о *гении культуры*, который «употребляет в качестве своих орудий ложь и самый беззастенчивый эгоизм» и при этом увенчан «крылами ангела на голове».

Отличительными чертами постмодерн-элиты являются гордый индивидуализм, эпатажирующий дегуманизм, эстетствующий эротизм и пессимистический скептицизм, которые питаются заимствованным западным постмодернизмом. Главный порок отечественного постмодернизма видится не в бе-

зобидной подражательности, а в распространении дегуманизма и пессимизма, противоположенных России, переживающей глубокий системный кризис. Наиболее известные мастера постмодернистского письма: Д.А. Пригов, Е.А. Попов, В.Г. Сорокин, Саша Соколов, М.Ю. Берг, Д.Е. Галковский, Тимур Кибиров. Нет возможности останавливаться на творчестве каждого из них⁴³, скажем только несколько слов о наиболее заметной и типичной фигуре *Виктора Ерофеева*. Родился в 1947 году в семье советского дипломата, окончил филфак МГУ. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию «Достоевский и французский экзистенциализм», в 1979 году исключен из Союза советских писателей за участие во внецензурном альманахе «Метрополь», с 1980 года выступал как постмодернист и до периода перестройки на родине не печатался. В настоящее время один из наиболее часто публикуемых авторов, член редколлегий многих литературных журналов, вице-президент Европейского культурного клуба.

В. Ерофеев считает себя «*постгуманистом*» и видит свою задачу в том, чтобы ниспровергнуть концепцию *homo sapiens*, восходящую к эпохе Просвещения, и разоблачить гуманистическую идеализацию человека. Он пишет: «Советская и антисоветская литература состязались в гуманистических прыжках. Между тем именно при советской власти человек, то есть субъект гуманизма, показал, на что он способен. Продемонстрировав чудеса подлости, предательства, приспособленчества, низости, садизма, распада и вырождения, он, выяснилось, способен на все... Как бы то ни было, русская литература конца XX века накопила огромное знание о зле. Мое поколение стало рупором зла, приняло его в себя, предоставило ему огромные возможности самовыражения. Чтобы выразить силу зла, в русскую литературу пришло поколение далеко не слабых писателей»⁴⁴. Могут ли «далеко не слабые писатели» преодолеть содержательный кризис нынешнего литературоцентризма? Увы, надеяться на них не приходится, потому что они вовсе к этому не стремятся, предпочитая распространяться об «остывании» литературы, об утрате ее энергетике, отчего она «подохнет под забором» (Вик.Ерофеев).

«Литература как миф, как способ осмысления мира и способ овладения миром истлела, исчезает. Последние ее остатки исчезают на наших глазах», – утверждает Дмитрий Галковский. Вот суждение Д.А. Пригова: сохранившееся со старых и недавних советских времен просвещенческое представление о

⁴³ См. обобщающие публикации: Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2001. 287 с.; Эпштейн М.Н. Постмодерн в России. Литература и теория. – М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.; Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – М.: Флинта – Наука, 1999. 607 с.; Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX века. – Минск: Экономпресс, 1989. 231 с.

⁴⁴ Ерофеев В. Время рожать. Предисловие // Время рожать: сборник / Сост. В.В. Ерофеев. – М., 2001. С. 9; 29–30.

наличии одной и единой литературы больше не работает. Нет ни общего для всех вкуса, ни единых критериев оценки художественных произведений, ни согласованной и принятой общественным мнением иерархии ценностей и дарований. Традиционное для отечественной литературы пирамидальное устройство на наших глазах сменилось разноэтажной городской застройкой, а писатели разошлись по своим дорожкам или, если угодно, по нишам, ориентируясь (осознанно или неосознанно) уже не на такую соборную категорию, как Читатель, а на разнящиеся между собою целевые аудитории⁴⁵.

Сергей Иванович Чупринин – интеллигент-книжник, для которого, как он сам пишет, «мука мученическая» признаться в том, «что мы посетили сей мир в пору, когда культура медленно, со скрипом и арьергардными боями теряет свою многовековую литературоцентричность, сосредоточенность на слове, произнесенном и записанном». И добавляет, чтобы утешить нас и самого себя: «Ну да сие процесс исторический, равный по длительности и глубине смене геологических эпох, так что на наш с вами век осмысленных буквочек хватит»⁴⁶. Следовательно, в постсоветской России, пораженной всевозможными экономическими, социальными, идеологическими, психологическими кризисами, погружается в сумрачную мглу великая русская литература. Один из базовых институтов духовного производства деконструируется, истощается, ослабевает; читательская масса превращается в телезрителей и предпочитает классическим романам замысловатые компьютерные игры; молодое поколение жрецов русской словесности слагает заупокойные элегии и предательски размещает их на сайтах сети Интернет. Может быть, в наступающем информационном обществе действительно не нужна старомодная литературоцентричность и переход к аудиовизуальной форме коммуникации предполагает господство иных, постлитературных культурных ценностей?

7.4. ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ ПРАВДА И НЕПРАВДА

Термин «информационное общество» (дзёхо сякай) ввели в научный оборот японские информатики, работавшие в 80-е годы над амбициозным проектом «ЭВМ пятого поколения» – «интеллектуальной машиной информационной цивилизации». Новое слово информационной науки быстро получило распространение в научной, экономической, социологической, футурологической литературе, и в настоящее время массив публикаций (научных статей, монографий, сборников докладов, обзоров и т. д.), так или иначе связанных с информационным обществом, поистине необозрим. Насчитываются не менее сотни различных толкований информационного общества⁴⁷. Сбивает с

⁴⁵ Цит. по: Чупринин С.И. Звоном щита // Знамя. 2004. № 11. С. 88.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Информатика как наука об информации / под ред. Р.С. Гиляревского. – М., 2006. С. 435.

толку терминологический разнобой: мелькают наименования «сетевое общество», «киберобщество», «электронное общество», «креативное общество», «цифровое общество», «постсовременность», даже «общество плати за все» (Винсент Моско, канадский философ). По-разному понимается соотношение между понятиями «информационное общество», «постиндустриальное общество», «постэкономическое общество», «общество знаний», «общество постмодерна». Некоторые авторы, простоты ради, их отождествляют, другие доказывают, что информационное общество – первая стадия постиндустриального общества, третьи называют общество знаний высшей стадией постмодерна и т. д. Кто-то полагает, что становление информационного общества означает утверждение цивилизации нового типа, кто-то рассматривает информатизацию как одну из новаций в рамках индустриальной цивилизации, кто-то скептически оценивает идею информационного общества как очередной социальной миф. Однако практически все авторы единогласно признают следующие *типологические признаки*, отличающие информационное общество от обществ других типов:

А. *Технико-технологические* показатели: формирование глобальной инфосферы, ядро которой составляют сверхмощные компьютеры пятого и последующих поколений, дистанционно связанные с множеством территориально распределенных промежуточных серверов и персональных компьютеров, способные выполнять функции искусственного интеллекта и обеспечивающие речевой, графический, текстовый интерфейс.

Б. *Социально-экономические* показатели: превращение информации в ключевой экономической ресурс, что обуславливает высокую потребительскую стоимость информации в условиях рыночной экономики. Более половины трудовых ресурсов будут сосредоточены в информационном секторе экономики.

В. *Политические* показатели: демократизация социальных коммуникаций, гласность и открытость общественной жизни, гарантированная свобода слова, печати, собраний, безусловное соблюдение прав человека.

Г. *Интеллектуальные* показатели: расцвет науки, образования, искусства, религиозных конфессий; развитие интегрального интеллекта общества вплоть до глобального «сверхразума»; прогрессирующая интеллектуализация личности, становление «новых людей» – всесторонне развитых личностей⁴⁸.

Споры между теоретиками информационного общества не всегда этически безупречны, зачастую их стимулируют коммерческие расчеты транс-

⁴⁸ Красовский С.В. Информатизация в современном цивилизационном процессе // Науч. и техн. б-ки. 1992. № 6. С. 35–37. Другие параметры информационного общества перечисляют иные авторы. Так, В.А. Копылов в своем учебнике «Информационное право» (М.: Юристъ, 2005), акцентирует «трансграничные информационно-коммуникационные сети», массовое применение персональных компьютеров и т. д. (С. 21–22).

национальных корпораций или политические интересы великих держав. В зависимости от авторской целевой направленности разделим массив концепций на две группы: 1) технократические; 2) гуманистические. Каждая из групп опирается на свои доводы «за» и «против», содержит свою «правду» и «неправду», что будем учитывать в процессе анализа.

7.4.1. Технократическая правда. Истинная сущность дзёхо саякai проясняется, как только зададимся вопросом: кому выгодно? В главе 6 мы установили, что главной движущей силой постиндустриальной глобализации являются могущественные *транснациональные корпорации* (ТНК), стремящиеся превратить весь мир в рынок сбыта своей продукции. Идея информационного общества, которая аккумулировала привлекательные либерально-демократические ценности (права человека, качество жизни, национальный суверенитет, экологическая безопасность и т. д.), превратилась в идеологический ресурс глобализации, весьма успешно используемый ТНК. Об этом успехе свидетельствует, в частности, принятие на саммите стран «большой восьмерки» (июль 2000 года, Окинава) *Хартии глобального информационного общества*. В Хартии декларировалось:

«1. Информационно-коммуникационные технологии (ИТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества... Перед всеми нами открываются огромные возможности.

1. ...Информационное общество, как мы его представляем, позволяет людям шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления...
- 3 ...Все люди повсеместно, без исключения, должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества...»

Радостно читать эти вдохновляющие слова, подписанные, к тому же, Президентом России В.В. Путиным. Настораживает, правда, пункт 7, где говорится, что «частный сектор играет жизненно важную роль в разработке информационных и коммуникационных сетей в информационном обществе», и пункт 15, констатирующий, что «центральной остается роль частного сектора в продвижении ИТ в развивающихся странах». Выходит, что «большая восьмерка» надеется на добрую волю и благотворительный порыв ТНК в реализации глобального информационного общества. Сомнительно, однако, что транснациональные корпорации будут поставлять информационные продукты в развивающиеся страны себе в убыток, скорее, они с благодарностью используют Хартию в качестве неотразимой рекламы.

Тем не менее саммит в Окинаве – заметное событие в информационно-коммуникационной среде, которое получило продолжение в декабре 2003

года в виде многолюдного (более 10 тысяч человек) Всемирного саммита по информационному обществу. В рамках подготовки к Саммиту Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) провела конференцию, название которой красноречиво говорит о её пафосе: «Библиотеки – сердце информационного общества». В 2005 году состоялся еще один саммит по информационному обществу.

Правда состоит в том, что идеологема информационного общества приобретает глобальные масштабы, её разделяют президенты, министры, другие официальные лица, ООН и ЮНЕСКО. Этот факт свидетельствует о том, что первоначально технократический проект информационного общества, символизирующий могущество информационных технологий, превращается в политический постулат, символизирующий могущество глобализации в современном мире. Претензии библиотечно-библиографического сообщества сыграть роль «сердца» информационного общества способны вызвать ироническую усмешку у менеджеров ТНК. Информационное общество задумано не библиотекарями или библиографами, оно задумано не для блага библиотек и библиографии, а скорее, ради их вытеснения с исторической арены. В информационном обществе, замышленном производителями информационной техники, мистика книги, благоговение перед книгой, библиотерапия, библиомания кажутся нелепым анахронизмом, требующим хирургического вмешательства.

Идеализированная технократическая формулировка, представленная в виртуальной «Энциклопедии информационного общества», звучит так: «*Информационное общество* – это ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли информационно-коммуникационных технологий, информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте, созданием глобальной информационной инфраструктуры, обеспечивающей эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к информации и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах»⁴⁹. Компилируя технократические стереотипы, можно составить следующий образ *информационного общества*:

- Информационное общество – форма организации постиндустриального общества эпохи глобализации, соответствующая интересам частного капитала и государственной бюрократии;

- Определяющее значение в экономике, социальной жизни, культуре приобретают информационные технологии; знания и информация превращаются в главную производительную силу; экономическая активность смещается от производства товаров к предоставлению услуг; соответственно, сокращается доля рабочих мест в сельском хозяйстве и в промышленности,

⁴⁹ <http://wiki.iis.ru/wiki>

и большинство трудоспособного населения сосредоточено в сфере информационных услуг; ядро социальной структуры общества образуют квалифицированные профессионалы умственного труда, прежде всего – менеджеры, инженеры, учителя, медики, научные работники;

– В виртуальном информационном пространстве происходит интенсивное движение знаний, технологий, капиталов; объемы информационных потоков в цифровой форме растут по экспоненте; формируется всемирная система информационных сетей, обеспечивающая доступность информации в любое время из любой точки планеты, интерактивность сетевых ресурсов, сочетание в сети всех видов оцифрованных данных: текст, графика, анимация, аудио и видео;

– Традиционная книжность заменяется глобальной «безбумажной» коммуникацией, которая позволяет оперативно искать, анализировать и оценивать информацию, разрешать проблемы и принимать решения, продуктивно и эффективно использовать инструменты повышения производительности труда, сотрудничать, производить и размещать информацию, быть информированным, ответственным, активным гражданином. Достигается такой прогресс социальной коммуникации, когда первоклассники носят в кармане мобильные телефоны, а их родители беседуют друг с другом, находясь на разных континентах.

Обращаясь к опыту США, можно удостовериться, что перечисленные достижения научно-технического прогресса, – это *истинная технократическая правда*. Движущей силой информационного общества является *креативный класс* – это сообщество творческих, эрудированных и деловых *homo informaticus*⁵⁰. Технократическую элиту, с легкой руки английского социолога М. Янга, часто называют *меритократами* (от *meritus* – достойный).

7.4.2. Технократическая неправда. Практические заслуги технократов-меритократов в формировании постиндустриальной техногенной цивилизации неоспоримы. Характерный для них технократический (информационно-кибернетический) стиль мышления становится господствующим в общественном сознании «информационной эпохи». Однако меритократы, как и прочие люди, могут ошибаться, увлекаться, выдавать желаемое за действительное. В этих случаях получается *технократическая неправда* (заблуждение, преувеличение). Досадно, что легкомысленные высказывания меритократов подхватываются и тиражируются идеологами, публицистами, рекламистами и становятся стереотипами массового сознания наших дней. Прочитируем некоторые «информационные стереотипы» российских технократов, ставшие бесспорными истинами в последней инстанции.

⁵⁰ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. 432 с.

«Приоритетное развитие и широкое практическое использование современных информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества является сегодня необходимым условием не только для развития экономики, но также и для обеспечения конкурентоспособности и национальной безопасности страны, повышения уровня и качества жизни её населения». «Современные ИКТ обеспечивают экономию социального времени, создание новых рабочих мест, повышают эффективность использования национальных и мировых информационных ресурсов, содействуют повышению общего уровня образованности общества и развитию его интеллектуального потенциала». В повседневной жизни общества «происходят такие полезные изменения, как улучшение бытовых условий жизни граждан на основе применения цифровых технологий; значительное повышение уровня обучения, самообразования и научной подготовки; расширение возможностей досуга людей; более действенная врачебная помощь, правоохранительная защита и т. д.». «Качество жизни современного человека становится во все большей степени зависимым от уровня потребления им информационных продуктов и услуг, а также от их доступности и качества. Мобильная телефония, персональные компьютеры с выходом в сеть Интернет, многоканальное цифровое телевидение, бортовые автомобильные навигационные спутниковые системы – все это уже неотъемлемые атрибуты современного человека, без которых его повседневная жизнь и профессиональная деятельность становятся неполноценными». Неправда заключается в том, что речь идет не о США или Сингапуре, а о современной России, находящейся в болезненном состоянии затяжного системного кризиса.

Постсоветские социологи давно диагностировали те недуги, от которых страдает наше Отечество. Российское общество живет под гнетом алчного бюрократически-олигархического капитализма с запредельным разрывом между богатыми и бедными; население крайне негативно оценивает условия своего существования, где стали обыденными явлениями наркомания и алкоголизм, терроризм и национальный экстремизм; коррумпированное государство не пользуется доверием и поддержкой граждан; культурный уровень людей умственного и физического труда настолько разнится, что они перестают признавать друг друга за своих соотечественников; страна все более превращается в сырьевой придаток развитых стран мира, но огромные деньги не идут на пользу граждан, оседая в карманах узкой прослойки богачей или уплывая за рубеж, и т. п.⁵¹ Трудно поверить в то, что мобильная телефония, персональные компью-

⁵¹ См.: Заславская Т.И. Современное российское общества: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. 400 с.; Немировский В.Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. – М.: Книжный дом «Либроком», 2005. 200 с.; Соколов А.В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией. – СПб: БАН, 2006. С. 23–43.

теры с выходом в сеть Интернет, многоканальное цифровое телевидение, короче – информатизация всей страны волшебным образом положат конец затянувшемуся системному кризису и станут гарантами конкурентоспособности и национальной безопасности страны.

Как показали социологические опросы, подавляющая часть населения России не имеет ничего против «увеличения роли информации и знаний в жизни общества» и «возрастания доли информационно-коммуникационных технологий в валовом внутреннем продукте», но она равнодушна к перспективам создания «глобальной информационной инфраструктуры» и постоянно озабочена не столько «доступом к информации и удовлетворением потребностей в информационных продуктах и услугах», сколько удовлетворением физиологических потребностей выживания (в пище, жилье, лекарствах, медицинском обслуживании и т. п.), а также потребностей безопасности и защиты.

«Технократическая неправда» предназначена для успокоения обездоленных народных масс мифологией грядущего информационного общества, где все граждане будут иметь неограниченный доступ к информации, и все станут богаты, здоровы и счастливы. Надеяться на мифическое счастье рискованно, можно легко обмануться. Информационно-коммуникационные технологии способны обеспечить «бегство в иллюзии», отрыв от повседневности, влекущий за собой подрыв психического равновесия и «компьютерную наркоманию»; могут зомбировать массы путем информационно-психологического воздействия СМИ или организовать тотальный контроль за личной и общественной жизнью любого члена общества; могут стать победоносным оружием информационных войн, но преодолеть системный российский кризис они не в силах. Для этого мало глобальной телекоммуникации, суперкомпьютерного искусственного интеллекта и киборгов с имплантированными наномозгами. Поэтому интеллигенты-гуманисты пришли к выводу, что технократическое информационное общество является *неблагоприятной средой* для развития полноценной библиосферы и выдвигают свою, «гуманистическую правду», которой завершим наше исследование, посвященное взаимодействию библиосферы и инфосферы в культурном пространстве России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БИБЛИОСФЕРА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Наше исследование носит интегральный, межнаучный характер, поскольку оно проведено на стыке двух научных дисциплин: библиотековедения и информатики. Почему потребовалась подобная научная интеграция? Дело в том, что в наше время великих перемен часто приходится слышать об «умирании книги», о «конце библиотек», о кризисе книжной коммуникации и литературной культуры. В качестве «могильщиков Книги» часто выступают односторонне образованные технократы, коммерчески заинтересованные информационные менеджеры и ищущие сенсаций журналисты. Профессиональных библиотекарей-библиографов и библиотековедов, конечно, кровно интересует судьба библиотек и книжного дела, но многочисленные дискуссии ведутся на эмоциональном уровне и в кругу библиотечной интеллигенции без системного учета воздействующих факторов. Как заявлено во вступлении монографии, цель нашего исследования состоит в том, чтобы определить перспективы преодоления кризиса и гарантии сохранения библиотек в эпоху великих перемен. Почему с уровня библиотеки мы перешли на уровень библиосферы, которая редко привлекает внимание библиотековедов? Это одна из методологических новаций нашей работы.

Согласно принятой нами дефиниции (см. 4.2.2), *Библиосфера – сложившаяся на индустриальном этапе техногенной цивилизации национальная система инфраструктурных книжно-коммуникационных систем, обеспечивающая сохранение, воспроизводство и дальнейшее развитие нации*. Российский библиотечный институт – одна из инфраструктурных книжно-коммуникационных систем, наряду с книгоиздательской, книготорговой, библиографической системами. Все эти системы связаны причинно-следственными зависимостями. Поэтому методологически неправильно рассуждать о судьбе библиотек в отрыве от судьбы других книжно-коммуникационных систем. Введение понятия «библиосфера» устраняет эту некорректность. Кроме того, переход на суперсистемный уровень оправдывает обращение к суперсистеме «инфосфера», которая является важнейшим внешним фактором, воздействующим на эволюцию книжности. Было бы некорректно оперировать формулой «библиотека – инфосфера», а не формулой «библиосфера – инфосфера», поэтому в содержании параграфа 5.3. *Библиотека и информация* присутствуют концепции соотношения библиосферы и инфосферы (см. 5.3.3).

Библиотека – одна из элементарных организаций национальной культуры, на её уровне непродуктивно рассуждать о взаимосвязях интеллигенции и культуры, культурно-исторических эпохах, вызовах информационного общества. Неслучайно эта тематика является маргинальной в нашем библиотековедении, хотя по существу она имеет ключевое значение в профессиональном библиотечном мировоззрении. Оперирование понятием «библосфера» позволило нам углубиться в исторические корни библиотечного дела, лучше понять социальные функции российских библиотек, их роль в истории русской культуры и призадуматься о возможной социальной миссии в информационном обществе. Короче говоря, благодаря суперсистемному библосферному подходу мы смогли приблизиться к решению поставленной в нашем исследовании задачи: определить условия сохранения библиотек в эпоху великих перемен. Конкретизируем эти условия. Собственно говоря, в этих условиях и заключается та гуманистическая правда, к постижению которой следует стремиться профессиональной и непрофессиональной библиотечной интеллигенции, для которой Книга является высшей национальной ценностью.

1. Гуманистическая миссия библиотек. Футурологи-гуманисты предупреждают: информационное общество в технократическом варианте – путь к вырождению, к расчеловечиванию рода человеческого. Смертельно опасен гигантский рост научно-технической мощи и экономического богатства, если он соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Техногенное могущество нуждается в гуманистическом противовесе. Философ-антрополог А.П. Назаретян вывел *закон техно-гуманитарного баланса*: «Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества»¹. Если гуманизм основан на сотрудничестве и взаимопомощи, на равноправии и толерантности, на взаимопонимании и уважении других культур, то разрушительная дегуманизация проявляется в алчности и эгоизме, праве сильного и беспомощности слабого, аморальности и хамстве во всех их разновидностях. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения *только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевших людей*. Как достичь нужного уровня гуманизации сознания – это главный вопрос в повестке дня XXI века.

Невольно приходят на память гуманистические ресурсы древнерусской книжности. Первые книги Святой Руси исповедовали христианскую этику, соответствующую средневековому гуманизму. Рукописная книга изначально была этически окрашена: она отвергала эгоистическую гордыню и утвер-

¹ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика, психология и футурология). – М.: Пер Сэ, 2001. С. 96.

ждала бескорыстное смиренномудрие православного книжника. Митрополит киевский Иларион в середине XI века в своем «Слове о Законе и Благодати», обращаясь к сынам Божиим, «преизобильно насытившимся сладостью книжной», то есть к древнерусским книжникам, осуждал «самоутверждение, скупое от зависти» и утверждал «благое и щедрое христианское спасение». Древнерусская книжная этика превозносила такие добродетели, как доброжелательность, скромность, стыдливость, сдержанность, послушание, трудолюбие, целомудрие, и отрицала такие пороки, как строптивость, самодовольство, высокомерие, самолюбие, тщеславие². Таким образом, рукописная книжность выполняла поистине душеспасительную социальную миссию: она была рассадником древнерусского гуманизма.

Гуманизация человечества, его духовное возрождение возможно только в том случае, когда знания и искусство, заблуждения и мудрость, воплощенные в культурном наследии наций, в колоссальной памяти мирового сообщества, будут востребованы, поняты и оценены по достоинству самоуверенными потомками. Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении постиндустриальной цивилизации, но без участия библиотечно-библиографического социального института не обойтись ни в коем случае. Центральной магистралью распространения гуманистических ценностей всегда была книжная коммуникация, хранящая многовековое гуманистическое наследие. Для книги нет альтернативы, потому что СМИ, кинематограф, театр слишком коммерциализованы и опошлены. Мастера культуры постмодерна озабочены эстетикой однополых браков и использованием матерного лексикона для личного творческого самовыражения. Только российская библиосфера, опирающаяся на многомиллиардные книжные фонды, завещанные предками, способна стать *национальным гуманистическим оплотом России XXI века*. Здесь решающее слово принадлежит *профессиональной библиотечной интеллигенции*, способной выступить идейным лидером отрасли.

Гуманистические ресурсы библиотек делятся на *овеществленные*, представленные в фондах и справочных аппаратах, и *одухотворенные* – библиотечная интеллигенция. Овеществленные гуманистические ресурсы содержат документированное гуманистическое мировоззрение, которое выражает российскую идентичность, передаваемую из поколения в поколение. Российским библиотекам, если они желают сохраниться в грядущем информационном обществе, следует посвятить себя выполнению гуманистической социальной миссии. Суть этой миссии можно сформулировать так: *гуманистическая миссия* библиотек заключается в утверждении в общественном

² Мы используем результаты лингвистического исследования В.В. Колесова, сопоставившего лексику, обозначающую пороки и добродетели в древнерусских текстах (Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. – СПб, 2001. Кн. 2. С. 19–20).

сознании гуманистической сущности российской идентичности и активном противостоянии всем проявлениям дегуманизации общества.

2. Государственная культурная политика. Развитие библиотечного дела зависит от государственной культурной политики и еще от двух субъектов: профессионального библиотечного сообщества и аудитории пользователей библиотеками. Е.И. Кузьмин, автор одной из первых книг, посвященных государственной библиотечной и информационной политике в постсоветской России, справедливо утверждал, что «ответственность за состояние библиотек и библиотечного обслуживания в стране несет отнюдь не одно федеральное ведомство, номинально ответственное за государственную культурную политику, и даже не только все федеральное правительство, а все общество»³.

Будущность библиотек зависит, таким образом, от трех субъектов отраслевой политики: *Учредители* – государство, а также церковь, профсоюзы, бизнес, образование, другие социальные институты; *Библиотекари* – профессиональная социальная группа, включающая в себя практиков, менеджеров, ученых, педагогов, владеющих специальными знаниями, умениями, компетенциями в области библиотечного дела; *Читатели* – носители социального спроса на библиотеки, влияющие на библиотечную политику посредством наблюдательных, читательских, попечительских, добровольческих и иных объединений, а также путем игнорирования или, напротив, активного посещения библиотек. Главная роль в управлении российским библиотечным делом всегда принадлежала государственной власти.

В настоящее время верховная власть проводит в России *двойственную* государственную культурную политику. С одной стороны, ликвидирован идеологический диктат и отменена цензура, узаконены свобода печати и коммерциализация книгоиздания, книготорговли, газетно-журнального дела. Политическим документом, регулирующим процессы культурного развития в современной России, являются «Основы государственной культурной политики». Утвержденные Указом Президента Российской Федерации 24 декабря 2014 г. «Основы» предусматривают «развитие книгоиздания и книгораспространения, совершенствование инфраструктуры чтения»; «сохранение библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению, принятие мер по модернизации их деятельности». Эти указания определяют направленность национальной библиотечной политики и свидетельствуют о заинтересованности государства в развитии отечественного библиотечного дела. Федеральный закон «О библиотечном деле» (1994) декларирует в статье 14, что государство выступает гарантом прав пользователей библиотек, прав самих библиотек и прав на библиотечную деятельность, предусмотренных данным Федеральным законом, и не вмешивается в профессиональную деятельность библиотек, за исключени-

³ Кузьмин Е.И. Библиотеки России на рубеже тысячелетий. Государственная политика и управление библиотечным делом: смена парадигмы. – М. : Либерия, 1999. 224 с.

ем случаев, предусмотренных законодательством РФ. В статье 15 перечислены обязанности государства по развитию библиотечного дела, в том числе создание и финансирование национальных и других федеральных библиотек, управление этими библиотеками; определение принципов федеральной политики в области подготовки и переподготовки библиотечных кадров, занятости, оплаты труда; содействие научным исследованиям и методическому обеспечению в области библиотечного дела, а также их финансирование. Предусматривается также материальная поддержка библиотек негосударственных форм собственности.

Однако для преодоления кризисного состояния современной библиосферы недостаточно общих деклараций; требуются управленческие действия со стороны органов исполнительной власти (прежде всего Министерство культуры РФ), способствующие возрождению отечественной библиотечной системы. К сожалению, руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная Дума и Правительство Российской Федерации последовательно проводят политику сокращения государственных затрат на содержание библиотек, свертывая библиотечно-библиографические сети, устраняясь от регулирования книжного рынка и поддержки книжного чтения. Опубликованный государственный доклад Министерства культуры показывает, что приоритетными направлениями развития библиотечной деятельности в 2016 году будут «запуск новой версии портала Национальной электронной библиотеки» и «создание модельных библиотек – точек инновационного роста». Меры по преодолению кризисных явлений в перспективных планах Министерства не значатся. Возникает подозрение, что органы исполнительной власти, вопреки директивным «Основам государственной культурной политики», представляют будущую Россию как общество *нечитающее и бескнижное*, которому нужны информационные услуги, а никак не книжная культура, библиофильство, филология и прочие реликты книжности. Это опасное заблуждение.

3. Принципы демократии в библиотечной системе успешно реализуются схемой общественно-государственного управления, которая позволяет библиотечной интеллигенции в полной мере проявить свой творческий потенциал. Библиотечное демократическое движение не исчерпывается деятельностью РБА – головной организации федерального уровня и универсального профиля. С 1992 года на международном уровне функционирует *Библиотечная ассамблея Евразии* (БАЕ), учрежденная национальными библиотеками стран СНГ с целью сохранения профессиональных связей. На всероссийском уровне работают *Ассоциация школьных библиотекарей русского мира*, которая до перерегистрации в 2015 году называлась *Русская школьная библиотечная ассоциация* (РШБА), основанная в 2004 году, и *Национальная ассоциация «Библиотеки будущего»* (НАББ), учрежденная в 2015 году. Можно сделать вывод, что демократизация управления библиотечным делом является одним из свидетельств перемен, направленных на преодоление кризисных явлений в российском библиотечном деле. Правда, сделаны здесь пока еще первые шаги.

В ПОМОЩЬ ПЕДАГОГУ-БИБЛИОТЕКАРЮ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНОГО БИБЛИОТЕКАРЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

Серия 1
Выпуск 6

БИБЛИОСФЕРА И ИНФОСФЕРА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

А.В. Соколов

Компьютерная верстка
Т.В. Полина

ООО «ИД Луч»
РШБА
2016 г.

Формат 60x90/16. Объем 24,0 печ. л.
Тираж 1000 экз.

Адрес для писем:
119017, г. Москва, Б. Толмачевский пер., д. 3, комн. 313

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии ОАО «Альянс «Югполиграфиздат», ООО «Т/Пресс» ВПК «Офсет» 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 26-60-10, 97-48-21, 97-49-40.

Аркадий Васильевич Соколов (род. 10 февраля 1934 г.) – советский и российский учёный, специалист в области библиотековедения, библиографоведения, информатики, теории социальных коммуникаций. Кандидат технических наук, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки России, заслуженный работник культуры Российской Федерации. В 1989–1993 гг. – президент Петербургского библиотечного общества.

Окончил Ленинградский военно-механический институт (1958), Северо-Западный заочный политехнический институт (1961), аспирантуру ЛГИКа (1965). В 1958–1961 гг. – инженер-конструктор Кировского завода. В 1961–1967 гг. – заведующий лабораторией отдела научно-технической информации ВНИИ радиоэлектроники, одновременно преподавал во ЛГИКе. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экспериментальные исследования потерь информации и информационного шума в информационно-поисковых системах» в ВИНТИ АН СССР. В 1978 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Автоматизация библиографического поиска в СССР. История, современное состояние, перспективы развития» в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. В 1967–1984 гг. возглавлял первую в системе отечественного библиотечного образования кафедру информатики ЛГИК им. Н. К. Крупской, в 1987–1991 гг. кафедру отраслевой библиографии. Обосновал концепцию социальной информатики. В 1992–1995 гг. – старший научный сотрудник Библиотеки РАН. В 1995–2009 гг. – профессор кафедры социально-культурной деятельности Гуманитарного университета профсоюзов. С 2009 г. – профессор СПбГУКИ.

С 1970 г. читал в различных вузах разработанные им курсы «Социальная информатика», «Теория и история социально-культурной деятельности», «Социальные коммуникации», «Библиографический поиск», «Информационные системы», «Поколения русской интеллигенции», «Философия информации» и др. Круг научных интересов: философия, социология, педагогика, культурология, информатика, книговедение, библиотековедение, библиографоведение. Автор 33 монографий и учебных пособий, более 650 научных статей, опубликованных в нашей стране и за рубежом. Научный руководитель 42 аспирантов и соискателей ученой степени.

Почетный член РШБА, постоянный участник Всероссийских форумов школьных библиотекарей «Михайловское», член редколлегии журнала «Школьная библиотека», разработчик профессионального стандарта «Педагог-библиотекарь».

ISBN: 978-5-91540-131-5

9 785915 401319 >